

Научный и общественно-политический журнал
Международный издательский центр
«Этносоциум»

МИССИЯ КОНФЕССИЙ

Том 14. Часть 4

(№85)

Зарегистрирован в 2010 году

Издание входит в перечень ВАК РФ,
РИНЦ, МИНЦ и НЭБ

Москва 2025

Журнал «Миссия конфессий» - социально значимый проект.

**Миссия журнала – консолидация прогрессивных сил,
конструктивных идей всех конфессий
перед лицом глобальных угроз.**

Рецензионный совет издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений Российской Федерации.

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут расходиться с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Миссия Конфессий» обязательна.

Рукописи рецензируются.

**Отдельно выражаем благодарность выдающимся ученым
и общественным деятелям, внесшим финансовый вклад
в поддержку проекта «Миссия конфессий перед
лицом глобальных угроз».**

ISSN 2499-9423

8 номеров в год

Е-mail: etnosocium@mail.ru

Сайт: <http://confessions-word.ru>

Язык: русский, английский, китайский.

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x84/8. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 13,75

Главный редактор

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

Председатель редакционного совета

Зязиков М.М., доктор философских наук, член Союза писателей России.

Редакционный Совет журнала «Миссия конфессий»

Абдулатипов Р.Г., доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации. Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации. Директор Центра научно-методического обеспечения государственной культурной политики и традиционных ценностей Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Арефьев М.А., доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии СПбГАУ.

Бахарев В.В., доктор социологических наук, профессор БГУ.

Бессонов Е.Г., кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия».

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Вань Хайянь, кандидат экономических наук. Старший научный сотрудник, Заместитель заведующего Центра по изучению ЦА, Центр по изучению России, Институт международных отношений и регионального развития и Институт по изучению ШОС Восточно-китайского педагогического университета.

Водолацкий В.П., доктор социологических наук, депутат Государственной Думы Российской Федерации, Верховный Атаман Союза Казаков-Воинов России и Зарубежья, Казачий генерал.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор БГТУ.

Забулионите К.И., доктор философских наук, профессор, председатель Петербургского международного культурологи-

ческого симпозиума, руководитель Секции философии культуры и культурологии в Санкт-Петербургском Доме Ученых.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Комлева В.В., доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Кузнецова Т.Ф., доктор философских наук, профессор. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Ли Эрюн, кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Пономарева Г.М., доктор философских наук, профессор, кафедра философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Пустько В.С., доктор философских наук, профессор.

Себастьян Хоппе, Научный сотрудник. Институт восточноевропейских исследований, факультет политики / международных отношений. Свободный университет Берлина.

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Ултургашева Н.Д., доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Хитарова И.Ю., доктор философских наук, профессор, член философского общества, Университета путей сообщения имени императора Александра I.

Чжан Вэй, КНР.

Scientific and socio-political journal
International Publishing Center
«Etnosocium»

Mission confessions

Volume 14. Issue 4

(№85)

Founded in 2010

The publication is included in the list of HAC RF,
RSCI, NEL and ISCI

Moscow 2025

The Mission of Confessions Journal is a socially significant project. The mission of the journal is the consolidation of progressive forces, constructive ideas of all faiths in the face of global threats.

With the support of the Plenipotentiary
of the RF President in the Central Federal District

The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Affairs of the Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communication Media.

International Publishing House «Etnosocium» and “Mission confessions” Journal abides by standards of editorial ethics and is making efforts not to allow their violation.

The journal “Mission confessions” is ready to cooperate with authors from Russia and far abroad, and to consider submissions (works) both from young scientists who are only beginning their way in science, and specialists, whose names are already famous in the scientific society.

“Mission confessions” aspires to spread scientific knowledge and leads an honest and open policy towards all the authors. Thus, the editorial board of the journal provides free access to all publications, unless the contract with the author presupposes other conditions.

The editorial board of the journal has a right to refuse the publication of the article in case of violation of the rules stated below.

All the submitted materials are reviewed.

**Special thanks to the outstanding scientists
and public figures who have contributed financially in support
of the project “Mission of confessions in the face of global threats”.**

ISSN 2499-9423

8 issues per year

E-mail: etnosocium@mail.ru

Website: <http://confessions-word.ru>

Languages: Russian, English, Chinese.

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x84/8

Copies: 500

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

Chairman of the Editorial Board

Zyazikov M.M., Doctor of Philosophical Sciences, member of the Writers' Union of Russia.

Editorial Board

Abdulatipov R.G., Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation. Director of the Center for Scientific and Methodological Support of State Cultural Policy and Traditional Values of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Arefev M.A., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy and Cultural Studies.

Baharev V.V., Doctor of Social Sciences, Professor of the VSU.

Bessonov E.G., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, researcher of the VUNC of the "Naval Academy".

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Chjan Vei, People's Republic of China.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The BSTU.

Hitarova I.Y., Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Philosophical Science, Professor, Member of the Philosophical Society, Alexander I-st University of Communications.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of Energy of Knowledge.

Komleva V.V., Doctor of Sociology, PhD in Philosophy, Pro-

fessor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and International Cooperation of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Lomonosov Moscow State University.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics (Nanchang, Jiangxi), China.

Ponomareva G.M., Doctor of Philosophical Science, Professor, Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University.

Pusko V.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor.

Sebastian Hoppe, Research Associate. Institute for East European Studies, Department of Politics / International Relations. Freie Universität Berlin.

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Vodolackiy V.P., Doctor of Social Sciences, Deputy of the State Duma of the Russian Federation, Supreme Ataman of the Union of Cossacks of Russia and abroad Warriors, Cossack General.

Wang Haiyan, Candidate of Economic Sciences. Senior Researcher, Deputy Head of the Center for Central Asian Studies, Center for Russian Studies, Institute of International Relations and Regional Development and the Institute for the Study of the SCO East China Pedagogical University.

Zabulionite K.I., Doctor of Philosophy, Professor. Chairman of the St. Petersburg International Cultural Research Symposium. Head of the Section of Philosophy of Culture and Cultural Studies at the St. Petersburg House of Scientists.

СОДЕРЖАНИЕ

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Куликова А.К. Особенности вокально-хоровой работы с артистами драматических театров при постановке музыкальных спектаклей.....	14
Петрова С.И., Прилепский В.В. Биопанк в контексте постмодерна.....	22
Джерук Н.Л. Александр Родченко: лаборатория визуального – от фотомонтажа к фотографии.....	31
Галуева А.К. Формирование портретного образа Прометея путём нейровосприятия цветомузыкальной системы А.Н. Скрябина.....	43
Родионов А.Н. Особенности визуальной культуры Китая.....	48
Рыжов И.О. Факторы трансформации культуры традиционной семьи в СССР.....	54
Сунь На, Чжао Хуэйцин Содержание научно-популярного туризма в области исследования объектов материального и нематериального наследия.....	60
Чуланкина А.Д. Семейные купеческие обряды второй половины XIX в. на Урале: ценностно-смысловой подход.....	86

ФИЛОСОФИЯ

Третьяков Я.А. ИИ, алгоритмическая власть и цифровая инфраструктура в технократическом обществе.....	77
Ильина О.И. Методологическая прото-рефлексия к философии поступка.....	94
Иванов В.В., Кардашевский Я.М., Акимова В.С. Деконструкция пространства-времени: эволюционное восприятие, голографическое возникновение и онтология иллюзий.....	103
Выскребцов Р.Ю. Политическое насилие как инструмент регулирования общественных процессов.....	110

<i>Антипов М.А.</i> К вопросу о мессианстве в философии Н.А. Бердяева.....	114
---	-----

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Гаркуша В.М.</i> Основы политической социализации молодежи в XXI веке.....	121
<i>Георгиевская Ю.В., Рязанцев А.А.</i> Исследование влияние социально-биологических факторов на биологический возраст человека.....	133
<i>Зотова А.А.</i> Лучшие практики оказания услуг волонтерскими организациями.....	140
<i>Коробкина М.А., Саратовцева Д.</i> Ассесмент-центр: анализ опыта и особенностей применения в организации транспортной отрасли.....	147
<i>Монахов О.Н.</i> Становление правовой компетентности у будущих социальных работников как фактор успешности профессиональной деятельности в поликультурной среде.....	156
<i>Терновая Л.О.</i> Антропология счастья: общие ценности и разные проявления.....	166
<i>Третьяков Я.А.</i> Эволюция социальных институтов в технократическом будущем.....	174
<i>Штейнберг А.Г., Прокофьева Г.П.</i> Кризис социальной идентичности в структуре традиционных ценностей российского общества.....	186
<i>Шнайдер Ю.В., Мусабеков М.Д.</i> Социальная мобильность, социальные лифты и их влияние на формирование социальной и профессиональной структуры общества.....	193
 <i>Аннотации</i>	 200
<i>Авторы</i>	217

CONTENT

CULTURAL STUDIES

<i>Kulikova A.K.</i> Features of vocal and choral work with drama theatre actors when producing musical performances.....	14
<i>Petrova S.I., Prilepsky V.V.</i> Biopunk in the context of postmodernity.....	22
<i>Dzheruk N.L.</i> Alexander Rodchenko: laboratory of the visual - from photomontage to photography.....	31
<i>Galueva A.K.</i> Formation of a portrait image of Prometheus by means of neuroperception of the color music system of A.N. Scriabin.....	43
<i>Rodionov A.N.</i> Features of China's visual culture.....	48
<i>Ryzhov I.O.</i> Factors of transformation of the culture of the traditional family in the USSR.....	54
<i>Sun Na, Zhao Huiqing</i> The content of popular science tourism in the field of research of objects of tangible and intangible heritage.....	60
<i>Chulankina A.D.</i> Family merchant rituals of the second half of the 19th century in the Urals: a value-semantic approach.....	86

PHILOSOPHY

<i>Tretyakov Ya.A.</i> AI, algorithmic power and digital infrastructure in a technocratic society.....	77
<i>Ilyina O.I.</i> Methodological proto-reflection to the philosophy of action.....	94
<i>Ivanov V.V., Kardashesckii Y.M., Akimova V.S.</i> Deconstructing spacetime: evolutionary perception, holographic emergence, and the ontology of illusions.....	103
<i>Vyskrebtsov R.Y.</i> Political violence as an instrument for regulation of social processes.....	110

Antipov M.A. On the issue of messianism in the philosophy of N.A. Berdyaev.....	114
---	-----

SOCIOLOGY

Garkusha V.M. The foundations of the political socialization of youth in the 21st century.....	121
Georgievskaya J.V., Ryazantsev A.A. The study of the influence of socio-biological factors on the biological age of a person.....	133
Zotova A.A. Best practices in the provision of services by volunteer organizations.....	140
Korobkina M.A., Saratovtseva D. Assessment Center: analysis of experience and application features in the organization of the transport industry.....	147
Monahov O.N. The development of legal competence among future social workers as a factor in the success of professional activities in a multicultural environment.....	156
Ternovaya L.O. Anthropology of happiness: common values and different manifestations.....	166
Tretyakov Ya.A. Evolution of social institutions in a technocratic future.....	174
Shteinberg A.G., Prokofeva G.P. The crisis of social identity in the structure of traditional values of Russian society.....	186
Shnaider Y.V., Musabekov M.D. Social mobility, social elevators, and their impact on the formation of the social and professional structure of society.....	193
Abstracts	209
Authors	219

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

CULTURAL STUDIES

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Журнал «Миссия конфессий»
продолжает серию публикаций в рамках
информационно-просветительского проекта
**«Наука и религия:
научно-конфессиональное
сотрудничество».**

Приглашаем к публикации
материалов исследований
по диалогу всех конфессий.

Куликова А.К.

*Доцент ВАК, профессор, Заслуженная артистка России.
Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского.*

Особенности вокально-хоровой работы с артистами драматических театров при постановке музыкальных спектаклей*

Аннотация. Статья посвящена особенностям вокально-хоровой работы с артистами драмтеатров при постановке музыкальных спектаклей. Автор научной работы отмечает, что в системе музыкального обучения, как правило, отсутствует подготовка специалистов в данной области, что на данном этапе формирует определённые сложности для театров, которые стремятся к адаптации музыкальных компонентов в собственные театральные постановки. Автор научной работы подробно рассматривает российское театральное искусство и музыкальное, которое охватывает разные контексты театральной работы, а также значение музыки в различных спектаклях. **Цель** научной работы - разработать, а также адаптировать результативные методы вокально-хоровой работы с исполнителями различных драматических постановок, с целью повышения уровня исполнительных навыков драматических постановок, а также формирования нового музыкального звучания. **Объектом** данного исследования являются исполнители драматических театров, которые принимают участие в музыкальных постановках, а так же сами поют хоровые фрагменты. **Предметом** данного исследования является современный метод, а также техники вокальных работ, которые включают в себя технику дыхания, артикуляцию, определённую интонацию и подробную интерпретацию сценического материала в целом. **Научной новизной** является разработка специальных методов для вокальной работы хора, интегрированных к особенностям драматического театра, что предоставляет возможность не только улучшить уровень исполнения музыки в драматических театрах. В **результате** данного исследования определены успешные техники дыхания, а также техники артикуляции, которые способствуют формированию гармоничного звучания на сцене. Данное исследование продемонстрировало важность адаптации сценического мастерства и эффективной подготовке вокалу с целью достижения соответствующей выразительности на сцене драм театра. Следует подчеркнуть, что полученные данные исследования могут использоваться в практической деятельности, а также в учебных программах с целью результативной подготовки будущих артистов.

Ключевые слова: вокал, хор, музыка, искусство, драматические театры, музыкальные выступления, постановки, современные техники.

Kulikova A.K.

*Associate Professor of the Higher Attestation Commission, Professor,
Honored Artist of Russia. Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky.*

Features of vocal and choral work with drama theatre actors when producing musical performances

* © Куликова А.К., 2025.

Особенности вокально-хоровой работы с артистами драматических театров при постановке музыкальных спектаклей

Abstract. The article is devoted to the features of vocal and choral work with drama theatre actors when producing musical performances. The author of the scientific work notes that the system of music education, as a rule, lacks training of specialists in this field, which at this stage creates certain difficulties for theatres that seek to adapt musical components to their own theatrical productions. In particular, the author of the scientific work examines in detail Russian theatrical art and music, which covers different contexts of theatrical work, as well as the importance of music in various performances. The purpose of the scientific work is to develop and adapt effective methods of vocal and choral work with performers of various dramatic productions, in order to improve the level of performing skills of dramatic productions, as well as the formation of a new musical sound. The object of this study is the performers of drama theaters who take part in musical productions, including interaction with various choral groups. The subject of this study is a modern method, as well as techniques of vocal work, which include breathing techniques, including articulation, a certain intonation, including a detailed interpretation of the stage material as a whole. Scientific novelty is the development of special methods for the vocal work of the choir, including those integrated into the features of the drama theater, which provides an opportunity not only to improve the level of music performance in drama theaters. As a result of this study, successful breathing techniques were determined, as well as articulation techniques that contribute to the formation of a harmonious sound on stage. In particular, this study demonstrated the importance of adapting stagecraft, including effective vocal training in order to achieve appropriate expressiveness on the stage of the drama theater. It should be emphasized that the obtained research data can be used in practical activities, as well as in educational programs for the purpose of effective training of future artists.

Key words: vocals, choir, music, art, drama theaters, musical performances, productions, modern techniques.

Введение

На сегодняшний день музыкальные спектакли, а также их постановки в драмтеатрах не только проводят эксперименты с различными формами, жанрами, в процессе стремясь объединить музыкальное искусство и драматическое [7]. Следует подчеркнуть, что постановки в драматических театрах берут начало в 20-м веке («искусство рассказывать истории с помощью песен возникло много веков назад. Еще древние греки включали музыку и танцы в свои театральные постановки в 5 веке до н.э. Для некоторых из них писались специальные песни под каждое представление, для других спектаклей использовались уже существующие. На сценах амфитеатров на открытом воздухе ставились пьесы, которые сочетали в себе как политическую и социальную сатиру, так и чисто развлекательные сюжеты для массового зрителя. С помощью песен хор комментировал дей-

ствия, рассказывал о происходящем») [8, с. 319], но на сегодняшний день проведения экспериментов приводят к формированию уникальных форматов постановок, в которых музыка и театр активно взаимодействуют, формируя современные художественные средства выразительности.

Материалами исследования являются научные публикации по теме вокально-хоровой работы с артистами драматических театров, а также интернет ресурсы с дидактическими материалами, цифровой контент (рассматривается на примере постановок музыкальных спектаклей).

Методикой исследования послужил анализ научных и теоретических источников по психологии, а также педагогике, источники по актёрскому мастерству, теории сценической речи, режиссуре, поведению, а также вокалу, в работе хормейстера в театре.

Теоретический подход. В научной

работе данный подход базируется на адаптации сценического мастерства, а также технике исполнения. Основным аспектом представляется развитие не только навыков артикуляции, но и дыхания, способствующих формированию выразительного звучания, а также гармонизации в целом. Кроме того, представляется важным учитывать и эмоциональные компоненты процесса исполнения, что на данном этапе требует от исполнителя не только умения успешно передавать характер главного героя посредством голоса. Результативная вокальная хоровая работа является важным компонентом в процессе достижения успешного музыкального исполнения в целом.

«Современное академическое музыкальное искусство, отвечая на социальные запросы времени, развивается как коммуникативная деятельность, в которой процесс коммуникации проявляется в триединой практике сочинения – исполнения – восприятия музыки. Музыкальная деятельность предоставляет возможность контактирования создателей произведения искусства и тех, кому оно адресовано, в связи с этим остаются актуальными проблемы активизации слушательского, зрительского интереса и расширения аудитории» [4, с. 30].

Кроме того, стоит отметить растущую популярность театральных постановок, а процесс подготовки артистов к спектаклям все ещё недостаточно развит на современном этапе.

«Театрализация «функционирует» двояким образом: на начальном этапе коммуникации «автор – исполнитель – слушатель» она составляющая единой и целостной театрально-музыкальной концепции, принадлежащей композитору; в театрализации хорового произведения, осуществляемой непосред-

ственно в исполнительской практике (на уровне второго звена коммуникации), она предмет творческой деятельности режиссеров-постановщиков, дирижера и исполнителя» [4, с. 30].

Стоит отметить, что российское театральное искусство охватывает разные аспекты, а также значение музыки в театральных спектаклях, а именно: на современном этапе упоминаются главные спектакли, также театральные постановки, как например *Доктор Живаго*, и музыкальные работы разных композиторов, которые включают в себя Глиера «Царь Эдип» Софокла (1921, Третий театр РСФСР, Комедия, Москва), «Лисистрата» Аристофана (1923 год, муз. студия МХАТ), «Меловой круг» (1924 год, Московский драм. театр), «Свадьба Фигаро» Бомарше (1927 год, МХАТ), «Мольер» М. Булгакова (1936 год, Москва), «Фархад Ширин» С. Вургуня (1946 год, Москва), «Цюй-Юань» Го Можо (1954 год, Москва).

По словам А.Шнитке, сегодня композитор, владеющий спецификой зрелищного искусства, приступая к работе непременно задаётся вопросом: «должно ли быть дополняющее музыкальное решение или контрапункт». Работал в театре на Таганке. «Тартюф», «Дом на набережной», «Три сестры» и «Живаго».

Кроме того эпоха НЭПА описывает период процветания театральных кабаре, а также процесс развития агитационных форм, процесс влияния новейших музыкальных студий. Также стоит отметить, что музыка является важной частью самого театрального действия, отмечая эмоциональное восприятие, формирует атмосферу, также раскрывая характер главных героев [1]. Широкое распространение получили агитационно-массовые формы. Для произведений этого жанра характерны

аллегии, условный отказ от изображения личности, злободневная тематика. Заметным явлением были массовые праздники (“Мистерия освобожденного труда” - 1 мая 1920 года Санкт-Петербурга).

«В настоящей статье мы попытались отразить и объяснить самые важные, на наш взгляд, базовые понятия, термины и явления, связанные с музыкальным театром, поскольку в отношении данного театрального искусства отдельных справочных изданий не существует. При этом считаем возможным (при наличии сходства явлений) использовать теоретические наработки, справочную литературу и справочный аппарат в области драматического театра» [6, с. 2].

Кроме того, автор научной работы упоминает выдающихся композиторов, которые создавали театральную музыку и внесли свой вклад в развитие театральных постановок. Подробно рассматривает применение вставных музыкальных номеров, которые известны как зонги, с целью усиления выразительности музыкальных постановок [2].

Рассмотрим примеры театральных постановок

1. МХТ им.Чехова - «Конек горбун», «Ханума»,
2. Театр Наций - «Кабаре», «Синяя птица»,
3. Театр Сатирикон - «Гроза»,
4. Театр Ленком им. Марка Захарова - «Маяковский», «Юнона и Авось»,
5. Театр им. Маяковского - «Багдадский вор»,
6. Театр им. Моссовета - «Бременские музыканты»

Известные композиторы, как например Колмановский Э.С. и Осокин М. внесли существенный вклад в развитие музыкальных постановок, они создавали неповторимые звуковые ландшафты, определяя в процессе эмо-

циональный компонент музыкальных спектаклей.

К наиболее интересным относятся работы композиторов Э.С. Колмановского (“Белоснежка”, театр “Современник”), М.А. Осокина “Сказки Пушкина”, ЦДТ), Г.И. Гладков (“Бременские музыканты”, театр им. Ермоловой), М.И. Дунаевский (“Три мушкетёра” по А. Дюма, МТЮЗ), М.С. Болотина (“Принц и нищий” по М. Твену и С. Михалкову, МХАТ).

Стоит отметить работу Гладкова А.И., которая является классикой детского театра (*Бременские музыканты*), а яркость динамичности отмечает музыка Дунаевского М. в произведении *Три мушкетёра*.

В своих работах выдающийся Шнитке А. поднимал актуальные вопросы, о сочетании музыкального искусства театра, подробно рассматривая, каким образом музыка дополняет и направляет сценическое действие. Работа над *Доктором Живаго* подчёркивает применение глубоких лирических компонентов, которые соединяют не только поэзию, но и музыку в целом [10].

Пограничность музыкального и драматического искусств в творчестве Вс.Э. Мейерхольда. Одним из первых драматических режиссёров, ощутившего потребность в содержательном контакте музыки с действием, стал К.С. Станиславский. Она не только эмоционально соответствовала действию, но и применялась неординарно. “Снегурочка” оставила неизгладимый след в душе Мейерхольда, которые отмечают важность музыки в театральных постановках.

Композиторы стремились синтезировать музыкальное искусство, с драматическим, в процессе, придавая музыкальному спектаклю не только выразительность, но и динамику [9].

В произведениях, как *Дама с камелиями*, а также *Ревизор* композитор демонстрирует то, что музыка является важной частью сценической постановки.

Также в работе МХАТ М.А. Булгаков «Кабала святош»-1936 год, на музыку Р.М. Глиэра.

До этого композитор 30 лет работал в театре, но после разгромной статьи на много лет покинул его. «Мольер» для МХАТ стал одним из самых трудных спектаклей (почти 5 лет), отмечает важное взаимодействие композитора и театра в целом, в рамках творческого взаимодействия, также дальнейших поисков актуальной музыки для театральных постановок.

Авторская научная работа представляет специфику вокально-хоровой работы с исполнителями драматических театров [5].

Задачи исследования включают в себя анализ работы кастинга, также методики распевки и процессы озвучивания музыкального репертуара, исследования трудностей, которые являются препятствиями для артистов при исполнении музыки в театральных постановках.

Проведение эксперимента

Цель эксперимента – исследовать специфику вокально-хоровой работы с драматическими актерами в процессе постановки музыкальных спектаклей

Задачи эксперимента следующие:

- выявить современные методы вокального обучения, которые применяются в работе с исполнителями;
- проанализировать влияние разных современных методов на уровень исполнения в целом;
- сопоставить полученные результаты двух групп в процессе эксперимента.

Методика эксперимента

Участники эксперимента определены в две группы в контрольную группу и экспериментальную группу по 25 человек в каждую из них. Участники контрольной группы (25 человек) проходят обучение вокалу по классической методике без применения современных методик.

Участники экспериментальной группы в количестве 25 человек также проходят обучение по спецпрограмме, которая включает в себя компоненты хорового пения, которое проходит занятия по дыхательной гимнастике и т.д.

Ход эксперимента

Выборка участников. Участники эксперимента были отобраны из различных драматических театров с учётом возраста, пола и опыта.

Длительность эксперимента

Контрольная и экспериментальная группы проходили обучение в течение двух месяцев.

Анализ результатов эксперимента

По завершении экспериментального курса участники двух групп выступали, а выступления анализировались специалистами по определённым критериям, как например техника исполнения, сценическая работа и др.

Результаты эксперимента продемонстрировали следующее

Участники контрольной группы продемонстрировали 75%, что в данном случае определяет наличие соответствующих навыков техники исполнения. Данный фактор указывает на существенные недостатки в процессе обучения.

Участники, как правило, сталкивались с различными проблемами дыхания при исполнении. Участники экспериментальной группы продемонстрировали 90%, что взаимосвязано в

данном случае с тем, что представленная методика включала в себя определённые упражнения для развития дыхания участников, а также технику исполнения, что предоставило участникам возможность повысить уровень собственного мастерства в целом.

Что касается эмоциональной выразительности участников контрольной группы то следует подчеркнуть, что 70% отметили, что их исполнение в процессе стало более эмоциональным, но они не смогли в полной мере продемонстрировать необходимые эмоции в процессе исполнения, так как у них отсутствовали соответствующие навыки.

Что касается участников экспериментальной группы, то они продемонстрировали самый высокий результат, что составило 92%, в данном случае это было взаимосвязано с тем, что участники данной группы в процессе обучения выполняли специальные упражнения для развития техники дыхания, а также пения, развивая сценическое мастерство.

Рассмотрим синхронность участников эксперимента

Участники контрольной группы показали невысокий уровень синхронности в хоровых эпизодах, что составило всего 70%. Данный факт свидетельствует, что исполнители имели только основные навыки хоровой работы, что было в данном случае недостаточно, так как не взаимодействовали на регулярной основе друг с другом.

Участники экспериментальной группы продемонстрировали самый высокий результат, что составило 95%, что в данном случае было возможно благодаря совместным репетициям, а также различным упражнениям, которые выполняли артисты, что в данном случае помогло гармонично звучать на

сцене во время музыкальных постановок.

Сценическая работа продемонстрировала следующее

Участники контрольной группы продемонстрировали невысокий балл, что составило 60% и отмечает важность улучшения координационных движений, а также взаимодействия со всеми исполнителями на сцене.

В свою очередь участники экспериментальной группы показали более высокий балл, что составило 90%, и отмечает высокий уровень подготовки исполнителей в процессе выступления на сцене. Кроме того, была определена эффективная работа с реквизитом, а также активное взаимодействие между всеми исполнителями на сцене в процессе.

Обсуждение результатов

Таким образом, развитие драматического театра на современном этапе нельзя представить без музыкальных спектаклей. Кроме того, вокально-хоровой работы с исполнителями требуют на данном этапе высокого уровня профессионализма, а также современные методы и подходы, которые учитывают особенности театрального искусства в целом.

Важность адаптации вокального искусства в рамках актёрского взаимодействия отмечает важность разработки учебных программ для подготовки высококвалифицированных специалистов в данном направлении.

Также полученные результаты продемонстрировали, что исполнители экспериментальной группы, которые проходили активное обучение по современной программе показали более высокие результаты по сравнению с участниками контрольной группы, что отмечает важность адаптации не толь-

ко вокальных элементов, но и хоровых компонентов в процессе подготовки исполнителей музыкального театра для эффективного исполнения спектаклей.

Гипотеза данного исследования состоит в адаптации актёрских техник, а также вокальных с целью подготовки артистов в будущем на сцене музыкальных спектаклей, что в данном случае способствует повышению качества исполнения, а также передают эмоциональную глубину главных героев. Автор научного исследования предполагает, что процесс обучения на регулярной основе вокальным навыкам, их внедрение с учётом актуальных требований театрального искусства, будет полезным при постановке музыкальных спектаклей.

Таким образом, данный факт поможет не только повысить профессионализм у будущих артистов, но и помогает поддерживать профессионализм артистов с большим опытом, помогает улучшать общее восприятие музыкальных постановок у целевой аудитории.

Применение на практике

Стоит подчеркнуть, что данная работа с исполнителями музыкальных театров в процессе постановки музыкальных спектаклей состоит не только из адаптации исполнительских техник для процесса формирования глубокой эмоциональной связи с главным героем посредством вокала.

Применение методов дыхания, а также использования методов артикуляции предоставляет возможность исполнителям как улучшать свое звучание, так и достигать в процессе лучшего исполнения. Стоит подчеркнуть, что репетиции на регулярной основе помогают гармонизировать голоса исполнителей, а также развивают общее звучание, что способствует выразительности

в целом. Также вокально-хоровая работа предоставляет возможность формировать не только эмоциональные, но и неповторимые музыкальные номера.

Заключение

Применение современных методов дыхания, а также различных методов артикуляции предоставляет возможность исполнителям улучшить собственное звучание, а также лучше передавать характер главного героя (исполнителя).

Репетиция на регулярной основе помогает гармонизировать голоса участников ансамбля, в данном случае помогает сделать сценические номера незабываемыми.

Дальнейшие исследования

Перспективы дальнейших исследований могут ориентироваться на сопоставительном анализе разных современных методик процесса обучения, которые используются в музыкальных постановках. Представляется возможным исследовать влияние эмоционального состояния исполнителей, качество вокальных данных и оценить взаимодействие с хором при исполнении музыкальных партий.

Кроме того, дополнительные исследования могут включать в себя проведение интервьюирования с исполнителями для определения индивидуального опыта, а также общего восприятия хоровой деятельности в рамках музыкального театра в целом.

Список литературы

1. Ануфриева Н.И. Специфика формирования профессиональных навыков артистов музыкального театра в колледже / Н.И. Ануфриева, Е.В. Булкина // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2021. Т. 20. № 1 (158). С. 189-197.
2. АНО ДПО «Наука-Знание». (2025). Международная научно-практическая конференция «Цифровая революция: современные тенденции и перспективы». Международная научно-практическая конференция «Цифровая революция: современные тен-

- денции и перспективы», Пекин, Китай. Zenodo. // URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14659360>
3. Горюнова И.Э. Современный оперный театр: новаторство или провокация? // Теория и история искусства. 2019. № 1-2. С. 80-94.
 4. Киреева Н.Ю. Проявление театрального начала в хоровой музыке // Мanuscript. 2022. Т. 15. № 1. С. 30-33.
 5. Копрова С.С. Эстетическая мысль практиков о детском музыкальном театре // Университетский научный журнал. 2021. № 62. С. 87-99.
 6. Критский А.Б. Феномен хоровой звучности в контексте интонационной теории как компонент вузовской подготовки музыканта-педагога / А.Б. Критский, Б.Д. Критский // Музыкальное искусство и образование. 2020. Т. 8. № 2. С. 54-71.
 7. Крыловская И.И. Из истории музыкального театра России: базовые понятия и термины // Культурология, искусствоведение и филология: актуальные вопросы: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 08 октября 2021 года / Под редакцией Э.В. Фомина. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2021. С. 45-53.
 8. Полякова А.А. Работа артиста-вокалиста в мюзикле // Развитие личности средствами искусства: Материалы VIII международной научно-практической конференции студентов, бакалавров, магистрантов и молодых учёных, Саратов, 14-15 мая 2021 года / Под общей редакцией Ю.Ю. Андреевой, И.Э. Ракхмбаевой. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2021. С. 318-325.
 9. Трубочкин Д.В. Работа с античным хором в театре XX века // Вопросы театра. 2022. № 3-4. С. 146-163.
 10. Шорохова И.В. Интегративный курс «Хоровой театр» как инновационная форма современного российского хорового образования // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 42. С. 75-82.
- Cheboksary, October 08, 2021 / Edited by E.V. Fomin. - Cheboksary: Limited Liability Company "Publishing House" Sreda", 2021. P. 45-53.
8. Polyakova A.A. Work of an artist-vocalist in a musical // Personality development by means of art: Materials of the VIII international scientific and practical conference of students, bachelors, masters and young scientists, Saratov, May 14-15, 2021 / Under the general editorship of Yu.Yu. Andreeva, I.E. Rakhimbaeva. – Saratov: Publishing house "Saratovsky Istochnik", 2021. P. 318-325.
 9. Trubochkin D.V. Working with the ancient choir in the 20th century theater // Voprosy teatra. 2022. № 3-4. P. 146-163.
 10. Shorokhova I.V. Integrative course "Choral theater" as an innovative form of modern Russian choral education // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2018. № 42. P. 75-82.

References

1. Anufrieva N.I. Specifics of Formation of Professional Skills of Musical Theater Artists in College / N.I. Anufrieva, E.V. Bulkina // Scientific Notes of the Russian State Social University. 2021. Vol. 20. № 1 (158). P. 189-197.
2. ANO DPO "Science-Knowledge". (2025). International Scientific and Practical Conference "Digital Revolution: Modern Trends and Prospects". International Scientific and Practical Conference "Digital Revolution: Modern Trends and Prospects", Beijing, China. Zenodo. // URL: <https://doi.org/10.5281/zenodo.14659360>
3. Goryunova I.E. Modern Opera Theater: Innovation or Provocation? // Theory and History of Art. 2019. № 1-2. P. 80-94.
4. Kireeva N.Yu. Manifestation of the theatrical principle in choral music // Manuscript. 2022. Vol. 15. № 1. P. 30-33.
5. Koprova S.S. Aesthetic thought of practitioners about children's musical theater // University scientific journal. 2021. № 62. P. 87-99.
6. Kritsky A.B. The phenomenon of choral sonority in the context of intonation theory as a component of university training of a musician-teacher / A.B. Kritsky, B.D. Kritsky // Musical art and education. 2020. Vol. 8. № 2. P. 54-71.
7. Krylovskaya I.I. From the history of musical theater in Russia: basic concepts and terms // Cultural studies, art history and philology: topical issues: Materials of the All-Russian scientific and practical conference,

Петрова С.И.

Кандидат культурологии, доцент.
Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Прилепский В.В.

Кандидат политических наук, доцент.
Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Биопанк в контексте постмодерна*

Аннотация. Биопанк исследует постчеловеческое состояние, в котором границы между естественным и искусственным, человеческим и нечеловеческим размываются и подвергаются деконструкции. В статье показывается, что биопанк в контексте постмодернизма приобретает новые черты, отражающие характерные особенности этого культурного феномена. Граница между естественным и искусственным окончательно размывается, поскольку генная инженерия и биотехнологии проникают во все сферы жизни. Реальность фрагментируется, превращаясь в мозаику из биологических и технологических элементов. Идентичность становится текучей и множественной, поскольку люди могут менять свои тела и разум по своему желанию. Истина и объективность теряют смысл в мире, где все может быть смоделировано и модифицировано. Биопанк показывает амбивалентность технологического развития, которое одновременно открывает новые возможности для освобождения и создает новые формы порабощения. Реальность в биопанке предстает как поле имманенции, пронизанное разнонаправленными силами и интенсивностями, в котором постоянно происходит борьба между детерриторизацией и ретерриторизацией, ускользанием и перекодированием. Эстетика биопанка с ее акцентом на телесность, трансформации, гибридность и нестабильность идентичности созвучна постмодернистскому видению мира как хаоса различий и становления. В целом, биопанк предлагает тревожное видение будущего, предупреждая об опасностях, которые таит в себе безответственное и неэтичное использование силы биоинженерии. Этот жанр исследует, как фундаментальная перестройка человеческой биологии может трансформировать саму суть того, что значит быть человеком.

Ключевые слова: биопанк, постмодерн, трансформация, биотехнологии, будущее, деконструкция, культурный феномен.

Petrova S.I.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor.
Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

Prilepsky V.V.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Academy of Marketing and Social Information Technologies, Krasnodar.

Biopunk in the context of postmodernity

* © Петрова С.И., Прилепский В.В., 2025.
Биопанк в контексте постмодерна

Abstract. Biopunk explores the posthuman state, in which the boundaries between natural and artificial, human and non-human are blurred and deconstructed. The article shows that biopunk in the context of postmodernism acquires new features reflecting the characteristic features of this cultural phenomenon. The boundary between natural and artificial is finally blurring, as genetic engineering and biotechnology are penetrating into all spheres of life. Reality is fragmenting, turning into a mosaic of biological and technological elements. Identity becomes fluid and multiple, as people can change their bodies and minds at will. Truth and objectivity lose their meaning in a world where everything can be modeled and modified. Biopunk shows the ambivalence of technological development, which simultaneously opens up new opportunities for liberation and creates new forms of enslavement. Reality in biopunk appears as a field of immanence, permeated by multidirectional forces and intensities, in which there is a constant struggle between deterritorialization and reterritorialization, escape and recoding. The aesthetics of biopunk, with its emphasis on physicality, transformation, hybridity and instability of identity, are consonant with the postmodern vision of the world as a chaos of differences and becoming. Overall, biopunk offers a disturbing vision of the future, warning of the dangers posed by the irresponsible and unethical use of bioengineering power. This genre explores how a fundamental restructuring of human biology can transform the very essence of what it means to be human.

Key words: biopunk, postmodernity, transformation, biotechnology, future, deconstruction, cultural phenomenon.

Биопанк — это жанр научной фантастики, который фокусируется на влиянии передовых биотехнологий на общество и человеческую природу в мрачном, антиутопическом будущем. В отличие от киберпанка, где доминируют информационные технологии и киборги, в биопанке ключевую роль играют генная инженерия, биоимпланты, модификации тела и продвинутая медицина. Произведения биопанка часто изображают мир, где мегакорпорации контролируют доступ к биотехнологиям, создавая огромный разрыв между богатыми и бедными. Те, кто может себе это позволить, улучшают свои тела и разум с помощью генной модификации и имплантов. В то же время, низшие слои населения вынуждены бороться за выживание в грязных трущобах, страдая от новых болезней и паразитов, порожденных неконтролируемыми биоэкспериментами. Герои биопанка, как правило, маргинальные личности - хакеры ДНК, охотники за генами, подпольные биоинженеры. Они противостоят системе, пытаясь вернуть

контроль над собственной биологией и генетической судьбой. Этические и философские вопросы о границах человечности, идентичности и свободе воли в эпоху тотальной биоинженерии - центральные темы жанра.

Визуальная эстетика биопанка сочетает мрачный урбанизм и органические, биоморфные формы. Для него характерны образы полуразрушенных мегаполисов, увитых лианами генно-модифицированных растений, населенных гротескными существами - продуктами генной инженерии. Техника в биопанке часто имеет обтекаемые, псевдоорганические очертания, имитирующие формы живых организмов. Социальные и политические моменты в биопанке отражают страхи по поводу неконтролируемого развития биотехнологий, генетического неравенства и утраты человеческой природы. В целом, биопанк предлагает тревожное видение будущего, предупреждая об опасностях, которые таит в себе безответственное и неэтичное использование силы биоинженерии. Этот жанр исследует, как фундамен-

тальная перестройка человеческой биологии может трансформировать саму суть того, что значит быть человеком.

Биопанк в контексте постмодернизма приобретает новые черты, отражающие характерные особенности этого культурного феномена. Граница между естественным и искусственным окончательно размывается, поскольку генная инженерия и биотехнологии проникают во все сферы жизни. Реальность фрагментируется, превращаясь в мозаику из биологических и технологических элементов. Идентичность становится текучей и множественной, поскольку люди могут менять свои тела и разум по своему желанию. Истина и объективность теряют смысл в мире, где все может быть смоделировано и модифицировано. Этические нормы размываются, поскольку традиционные представления о человеческой природе больше не применимы. Власть децентрализуется, но в то же время становится более тотальной, проникая на биологический уровень. Постмодернистский биопанк исследует постчеловеческое будущее, где границы между природой, технологией и культурой полностью исчезают, порождая новые формы жизни и сознания. Реальность превращается в бесконечно изменчивую игру генов, мемов и кодов, в которой невозможно отделить оригинал от копии, подлинное от симулякра. Это мир, где сама жизнь становится предметом дизайна и конструирования, а эволюция направляется художественным замыслом и инженерной мыслью.

В мире постмодернистского биопанка концепция «гаражных биолaborаторий» приобретает новое звучание. Это уже не просто маргинальное увлечение энтузиастов, а настоящее социальное движение, бросающее вызов устоявшимся научным и этическим нормам. Подростки, студенты, незави-

симые исследователи - все они объединены общей страстью к биологическим экспериментам и желанием раздвинуть границы возможного. В импровизированных лабораториях, оборудованных прямо в подвалах и гаражах, они работают над проектами, которые могут показаться безумными или даже опасными. Но в мире, где сама жизнь стала предметом дизайна и конструирования, эти энтузиасты видят себя первопроходцами новой эры. Вот, например, какая-нибудь группа подростков, которые задались целью создать бактерию, способную переваривать пластик. Используя доступные в интернете базы данных и недорогое оборудование для генной инженерии, они шаг за шагом модифицируют геном микроорганизмов. Их лаборатория — это старый подвал в доме родителей, заставленный самодельными инкубаторами и секвенаторами ДНК. Но, несмотря на кажущуюся примитивность, их эксперименты могут иметь далеко идущие последствия. Ведь если у них получится, это будет настоящий прорыв в борьбе с загрязнением окружающей среды. Конечно, не обходится без рисков и этических дилемм. Модифицированные бактерии могут оказаться неконтролируемыми и нанести непредсказуемый ущерб экосистемам. Да и сама идея «играть в Бога», создавая новые формы жизни, многим кажется недопустимой. Но молодые биохакеры руководствуются своей собственной моралью и видением будущего. Для них это не просто научные эксперименты, а способ самовыражения и даже своего рода искусство. Искусство создания жизни в постчеловеческую эпоху, когда естественное и искусственное окончательно слились воедино.

В постмодернистском мире биопанка моральные и этические вопросы, связанные с биотехнологиями, приоб-

ретают особую остроту и неоднозначность. Когда сама жизнь становится объектом дизайна и конструирования, границы между естественным и искусственным, допустимым и недопустимым начинают размываться. Одна из ключевых этических дилемм — это создание так называемых «дизайнерских детей» с заранее заданными генетическими характеристиками. С одной стороны, возможность выбирать желаемые качества будущего ребенка - от внешности до интеллекта - может показаться заманчивой для родителей. Это шанс дать своим детям наилучшие стартовые возможности в жизни, оградить их от генетических заболеваний и недостатков. Но критики указывают на опасность такого подхода. Не приведет ли это к новому виду неравенства, где «улучшенные» дети будут иметь несправедливое преимущество над обычными? Не станет ли общество разделенным на генетические касты? Есть и более глубокий философский вопрос о том, насколько этично вообще вмешиваться в естественное разнообразие человеческой природы, превращая зачатие в подобие похода в супермаркет. Другая проблема — это права и статус генетически модифицированных существ. По мере того, как биоинженерия позволяет создавать все более сложные и разумные формы жизни, остро встает вопрос об их месте в обществе и правовой системе. Должны ли разумные, но искусственно созданные существа иметь те же права, что и люди? Можно ли считать их личностями, или они остаются просто собственностью своих создателей? История знает немало примеров того, как дегуманизация и отказ в правах тем, кого считали «недочеловеками», приводили к ужасным злодеяниям. Не рискуем ли мы повторить эти ошибки в отношении искусственных

форм жизни? В конечном счете, главный этический вызов биопанка — это вопрос о том, где проходят границы допустимого вмешательства в природу жизни. Даже если что-то становится технически возможным, всегда ли это значит, что мы должны это делать? Каковы критерии, по которым следует принимать такие решения? Однозначных ответов здесь нет. Но эти дилеммы, несомненно, будут одними из определяющих для постмодернистского общества, живущего на переднем крае биотехнологической революции.

В постмодернистском биопанке идеи философии трансгуманизма находят свое яркое воплощение. Трансгуманизм предполагает использование технологий для преодоления биологических ограничений человека и достижения так называемой «постчеловеческой» стадии эволюции. В мире биопанка эти устремления реализуются прежде всего через радикальные достижения в области биотехнологий и генной инженерии. Герои произведений этого жанра часто выступают в роли своеобразных «киборгов» - существ, чье тело и разум изменены и улучшены с помощью различных имплантов, модификаций, искусственных органов и т.д. Это позволяет им приобретать сверхчеловеческие способности - невероятную силу, скорость, интеллект, долголетие и даже своего рода бессмертие, как в романе Ричарда К. Моргана «Видоизмененный углерод» [12]. Таким образом, стираются привычные границы между естественным и искусственным, поскольку сама человеческая природа превращается в объект технологического апгрейда и редизайна. С точки зрения трансгуманистов, это путь к освобождению человечества от извечных биологических ограничений и страданий, обретению полного контроля над собственной эволюцией. Од-

нако критики видят в этом угрозу дегуманизации, утраты самой человеческой идентичности и превращения людей в бездушные машины. Постмодернистский биопанк часто исследует именно эту моральную и философскую неоднозначность трансгуманистических идей, когда на первый взгляд позитивные изменения могут иметь непредсказуемые и пугающие последствия.

В постмодернистских произведениях биопанка часто поднимаются острые экологические проблемы, связанные с бесконтрольным развитием биотехнологий. Генетически модифицированные организмы, будь то растения или животные, созданные могущественными корпорациями ради своих интересов и выгоды, могут самым непредсказуемым и разрушительным образом влиять на природные экосистемы. Они способны вытеснять естественные виды, нарушать сложившийся экологический баланс, приводить к исчезновению целых биологических сообществ. Последствия их воздействия на окружающую среду невозможно просчитать и проконтролировать, что грозит настоящей экологической катастрофой.

Усугубляет ситуацию то, что в мрачном антиутопическом мире биопанка власть зачастую находится в руках безответственных корпораций, преследующих только свои корыстные цели. Они ставят свои интересы выше общественных, подчиняют себе правительства с помощью своих денег и влияния. В итоге некому контролировать их деятельность, ограничивать потенциально опасные биотехнологические эксперименты и разработки. Экологическое благополучие планеты приносится в жертву получению прибыли. И расплачиваться за это безрассудство приходится простым людям и природе. Биопанк рисует мрачную картину

будущего, где человечество становится заложником собственных технологий, разрушающих среду его обитания.

Среди наиболее известных произведений в жанре биопанка эпохи постмодерна можно выделить следующие романы и рассказы. «Нейромант» [5] Уильяма Гибсона, во многом определивший каноны жанра киберпанк, содержит элементы биопанка - в нем фигурируют генетически модифицированные персонажи и искусственно выращенные органы. Брюс Стерлинг в рассказе «Рой» и романе «Схизматрица» [15] описывает далекое будущее, в котором человечество разделилось на генетически модифицированных Шейперов и увлеченных кибернетикой Механистов, ведущих непримиримую борьбу друг с другом. В романе «Рибофанк» [16] Пола Ди Филиппо представлен мир биотехнологий, в котором генная инженерия позволяет создавать гибриды животных и людей, а наркотики и секс тесно переплетаются с наукой. Джефф Нун в книгах «Вирт» [7] и «Пыльца» [8] создает психоделические миры, в которых реальность трансформируется под воздействием генетически модифицированных наркотиков, порождающих коллективные галлюцинации. Паоло Бачигалупи в романах «Заводная» [1] и «Разрушитель кораблей» [2] показывает мрачное будущее, где экологические катастрофы и истощение ресурсов привели к кризису цивилизации, а выжившие люди вынуждены модифицировать свои тела, чтобы приспособиться к новым жестким условиям. В рассказе «Люди из песка и шлака» Паоло Бачигалупи описывает постапокалиптический мир, в котором генетически модифицированные люди питаются токсичными отходами. Многие произведения Грегга Игена, такие как «Город перестановок» [9], «Карантин» [10], «Отчаяние» [11], посвящены влиянию

передовой науки, в том числе биотехнологий, на природу человека и общества будущего. А в романе «Рыночные силы» [13] Ричарда Моргана показывает будущее, где рыночная экономика и генная инженерия смешались, порождая новые формы социального неравенства. Люди с «правильными» генами получают привилегии, а «генетический мусор» обречен на нищету. В цикле «Погибшие викторианцы: Рассказы о плоти в эпоху приличий» Клэр Норт исследуются этические и философские вопросы трансформации человеческого тела. Например, в повести «84К» [14] государство присваивает денежную стоимость каждому человеку в зависимости от его способностей и потенциала, которые определяются генетическим кодом.

Таким образом, биопанк в литературе постмодерна исследует трансформацию человеческой природы под влиянием новейших биотехнологий, этические дилеммы и социальные последствия такого развития. Жанр часто предупреждает об опасностях неконтролируемого технологического прогресса.

Мир биопанка представлен и в других медиа - комиксах, фильмах, играх. Например, серия игр BioShock исследует утопические и антиутопические сценарии развития общества, в основе которого лежат достижения генной инженерии, позволяющие людям приобретать суперспособности. Элементы биопанка также встречаются в компьютерных играх серии «Prototype» и «Deus Ex». В кино яркими образцами жанра являются фильмы «Гаттака», «Химера», «Тайна мистера Рипли» и др.

Стоит отметить, что некоторые философы постмодерна касались тем, связанных с биопанком, хотя напрямую этот жанр не анализировали. Однако их идеи о технологиях, идентичности, контроле и изменчивости

перекликаются с темами этого фантастического жанра, исследующего наше ближайшее будущее. Биопанк можно назвать художественным выражением некоторых философских концепций эпохи постмодерна.

Жан Бодрийяр, один из ключевых мыслителей постмодерна, хотя и не писал напрямую о биопанке, но в своих работах затрагивал темы, очень близкие этому жанру. Ж. Бодрийяр много размышлял о влиянии технологий на человеческую природу, культуру и общество. Он говорил о процессе «киборгизации», о том, как стираются границы между естественным и искусственным, органическим и механическим. Бодрийяр анализировал, как технологии трансформируют человеческое тело и сознание, делая нас всё более зависимыми от машин и гаджетов. Эти идеи прямо перекликаются с образами киборгов и высокотехнологичных модификаций тела, которые мы часто видим в биопанке. Кроме того, Ж. Бодрийяр много писал о симуляции реальности, о том, как в современном мире всё больше размываются границы между реальным и виртуальным, подлинным и симулятивным [3]. Эта проблематика опять же находит яркое отражение в биопанковских сюжетах, где виртуальные миры и искусственный интеллект играют огромную роль. Ж. Бодрийяр предвидел наступление эры «гиперреальности», в которой симуляции и знаки реальности становятся важнее самой реальности. И в этом плане его философия оказывается удивительно созвучной эстетике и проблематике биопанка, где мы часто сталкиваемся с высокотехнологичными иллюзиями, обманками, имитациями живого. Так что, хотя Ж. Бодрийяр не обращался к биопанку специально, многие его идеи и концепции находят прямой отклик в

этом жанре и помогают глубже понять его философский и социальный смысл.

Донна Харауэй, одна из ключевых фигур современного феминизма и философии науки, оказала большое влияние на осмысление биопанка в контексте постмодернизма. В своем знаменитом эссе «Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х.» [18] Д. Харауэй предложила метафору киборга как разрушение бинарных оппозиций и границ - между человеком и машиной, природой и культурой, мужским и женским. Киборг для Д. Харауэй — это не просто литературный персонаж или технологическая фантазия, но воплощение новой постмодернистской идентичности, текучей, множественной, ускользающей от жестких определений. В этом плане образы киборгов и мутантов в биопанке становятся для Д. Харауэй мощными инструментами деконструкции традиционных представлений о «человеческой природе», о естественном и искусственном. Д. Харауэй видит в фигуре киборга эмансипаторный потенциал, возможность выйти за рамки привычных категорий и иерархий. В то же время она понимает и двойственность, амбивалентность этого образа, его одновременно угрожающие и соблазнительные коннотации. Как и биопанк в целом, манифест Д. Харауэй выражает постмодернистскую чувствительность к парадоксам и противоречиям технологического развития, его творческим и разрушительным аспектам. Размышления Д. Харауэй о киборгах, ее акцент на телесности и материальности в противовес абстрактным дуализмам оказали большое влияние на понимание биопанка как постмодернистского жанра, деконструирующего само понятие «человека» и исследующего новые формы субъективности в мире тотальных симуляций и биотехнологических трансформаций.

Мишель Фуко не писал непосредственно о биопанке, но идеи французского философа о власти, дискурсе и «биополитике» во многом созвучны этому художественному направлению и могут быть использованы для его анализа в контексте постмодернизма. М. Фуко показал, как в современном обществе власть осуществляется не только через прямое насилие и принуждение, но и через более тонкие, «капиллярные» механизмы - систему норм, предписаний, регламентаций, которые пронизывают все сферы жизни и формируют само человеческое тело и субъективность [17]. В своих поздних работах М. Фуко ввел понятие «биовласти» - власти над биологическим существованием населения, над здоровьем, рождаемостью, сексуальностью. Во вселенных биопанка мы часто видим доведенные до предела, гипертрофированные формы такой биополитики - тотальный контроль над генетическим кодом, искусственное конструирование тел и идентичностей, власть фармацевтических и медицинских корпораций. В то же время герои-киборги или мутанты воплощают собой своеобразное сопротивление дисциплинарной власти, ускользание от нормативности и стандартизации. Их гибридная природа размывает казавшиеся незыблемыми границы между естественным и искусственным, человеческим и нечеловеческим. В этом плане биопанк, как и другие формы научной фантастики, позволяет исследовать и проблематизировать те процессы, которые М. Фуко диагностировал в современном мире - нарастающую биополитическую регуляцию, преобразование самой «человеческой природы». При этом биопанк демонстрирует и характерную для постмодернизма амбивалентность в отношении новых технологий - восхищение

их возможностями сочетается со страхом перед дегуманизирующими последствиями. Фукианский анализ власти может помочь глубже осмыслить этот парадокс и те новые режимы управления жизнью, которые так ярко представлены в биопанковской фантастике.

Взгляды французского философа Жюлья Делёза также могут быть продуктивны для осмысления биопанка как феномена постмодернистской культуры. В своих работах, часто написанных в соавторстве с Феликсом Гваттари, Ж. Делёз развивает концепцию реальности как хаотичного и нестабильного потока становления, в котором сталкиваются и взаимодействуют разнородные силы и интенсивности. В этом мире нет устойчивых сущностей и идентичностей, только множественности, ассамбляжи, ризомы [6]. Для Ж. Делёза важны понятия детерриторизации и номадизма - высвобождения потоков желания из фиксированных структур, ускользания от жестких иерархий и централизованного контроля. В определенном смысле можно сказать, что персонажи биопанка являются такими номадическими субъектами, они воплощают собой процессы гибридизации и метаморфозы, пересечения границ между органикой и техникой, реальным и виртуальным. Их тела и сознания модифицированы различными способами, они находятся в состоянии постоянного изменения и адаптации к меняющейся среде. В то же время тоталитарные мегакорпорации и государства стремятся присвоить и перекодировать эти трансгрессивные потоки, направить их в нужное русло, сделать источником прибыли и контроля. Но эти попытки никогда не могут быть полностью успешными, всегда остается зазор, линия ускользания. Сам жанр биопанка в определенном смысле детерриторизирует устоявшиеся литера-

турные конвенции, смешивает высокое и низкое, элитарное и массовое, создает неожиданные концептуальные связки и ассамбляжи. Его миры — это не статичные антиутопии, а зоны интенсивности и турбулентности, где привычные категории распадаются и трансформируются, открывая пространство для новых форм существования и сопротивления.

Феликс Гваттари, как и его соавтор Ж. Делёз, рассматривал реальность как поле имманентности, пронизанное разнонаправленными потоками желаний, сил, интенсивностей. В этом нестабильном и изменчивом мире постоянно происходят процессы детерриторизации и ретерриторизации, ускользания и перекодирования. Субъект здесь понимается не как целостная и автономная личность, а как множественность, состоящая из разнородных компонентов и находящаяся в процессе постоянного становления [4]. С этой точки зрения биопанк можно интерпретировать как одно из проявлений шизоанализа - исследования шизофренических процессов производства желания в капиталистическом обществе. Герои биопанка — это своего рода шизореволюционеры, номадические субъекты, которые сопротивляются репрессивным механизмам власти и ускользают от навязываемых идентичностей [6]. Они воплощают в себе идею тела без органов - виртуальной поверхности, на которой циркулируют потоки желания, не организованные иерархически. Модификации тела, имплантаты, подключение к киберпространству — все это способы конструирования тела без органов, высвобождения желания из организма. В то же время тоталитарные мегакорпорации стремятся захватить и присвоить эти потоки, сделать их источником прибыли. Они действуют путем аксиоматизации - подчинения желания абстрактным правилам рынка. Но

всегда остается возможность ускользания, детерриторизации, открытия новых линий потока. В этом смысле биопанк у Ф. Гваттари оказывается полем борьбы молекулярных сил саморганизации и изменчивости с молярными стратегиями захвата и контроля.

Биопанк в контексте философии постмодерна предстает как художественное исследование процессов детерриторизации и ретерриторизации в технологически развитом обществе. Герои биопанка воплощают идею номадического субъекта, ускользающего от репрессивных механизмов власти и навязываемых идентичностей. Они модифицируют свои тела и сознание, создавая свое тело без органов - виртуальное пространство циркуляции желания, свободное от иерархий и ограничений. В то же время тоталитарные мегакорпорации стремятся присвоить и интегрировать эти потоки желания в свою систему контроля и эксплуатации. Биопанк показывает амбивалентность технологического развития, которое одновременно открывает новые возможности для освобождения и создает новые формы порабощения. Реальность в биопанке предстает как поле имманенции, пронизанное разнонаправленными силами и интенсивностями, в котором постоянно происходит борьба между детерриторизацией и ретерриторизацией, ускользанием и перекодированием.

Эстетика биопанка с ее акцентом на телесность, трансформации, гибридность и нестабильность идентичности созвучна постмодернистскому видению мира как хаоса различий и становления. Биопанк исследует постчеловеческое состояние, в котором границы между естественным и искусственным, человеческим и нечеловеческим размываются и подвергаются деконструкции. В целом, биопанк можно рассматривать

как художественную рефлексию над ключевыми проблемами постмодерна - кризисом субъекта, трансформациями власти, ролью технологий, виртуализацией реальности и поиском новых форм сопротивления и освобождения.

Список литературы

1. Бачигалупи П. Заводная. – Москва: АСТ, 2014. 576 с.
2. Бачигалупи П. Разрушитель кораблей. – Москва: Fanzon, 2018. 384 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. – Москва: Добросвет, 2000. 389 с.
4. Гваттари Ф., Делёз Ж. Что такое философия? – Москва: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетеия, 1998. 288 с.
5. Гибсон У. Нейромант. – Москва: Азбука, 2022. 544 с.
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
7. Джефф Н. Вирт. – Москва: АСТ, 2003. 316 с.
8. Джефф Н. Пыльца. – Москва: АСТ, 2019. 352 с.
9. Иган Г. Город Перестановок. – Москва: АСТ, 2016. 509 с.
10. Иган Г. Карантин. – Москва: АСТ-ЛТД, 1997. 480 с.
11. Иган Г. Отчаяние. – Москва: АСТ, 2014. 477 с.
12. Морган Р. Видоизмененный углерод. – Москва: АСТ, 2021. 1340 с.
13. Морган Р. Рыночные силы. – Москва: АСТ, 2019. 640 с.
14. Норт К. 84К. – Москва: Orbit, 2018. 480 с.
15. Стерлинг Б. Схизматрица. – Москва: Эксмо; Санкт-Петербург: Домино, 2007. 430 с.
16. Филиппо П. Рибофанк. – Москва: АСТ, 2005. – 315 с.
17. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – Москва: Практикс, 2002. 381 с.
18. Харауэй Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. – Москва: Ад Маргинем, 2017. 127 с.

References

1. Bacigalupi P. Zavadnaya. – Moscow: AST, 2014. 576 p.
2. Bacigalupi P. Ship Destroyer. – Moscow: Fanzon, 2018. 384 p.
3. Baudrillard J. Symbolic Exchange and Death. – Moscow: Dobrosvet, 2000. 389 p.
4. Guattari F., Deleuze J. What is Philosophy? – Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aleteia, 1998. 288 p.
5. Gibson W. Neuromancer. – Moscow: Azbuka, 2022. 544 p.
6. Deleuze J., Guattari F. Anti-Oedipus. Capitalism and Schizophrenia. – Yekaterinburg: U-Faktoriya, 2007. 672 p.
7. Jeff N. Wirth. – Moscow: AST, 2003. 316 p.
8. Jeff N. Pollen. – Moscow: AST, 2019. 352 p.
9. Egan G. City of Permutations. – Moscow: AST, 2016. 509 p.
10. Egan G. Quarantine. – Moscow: AST-LTD, 1997. 480 p.
11. Egan G. Despair. – Moscow: AST, 2014. 477 p.
12. Morgan R. Altered Carbon. – Moscow: AST, 2021. 1340 p.
13. Morgan R. Market Forces. – Moscow: AST, 2019. 640 p.
14. North K. 84K. – Moscow: Orbit, 2018. 480 p.
15. Sterling B. Schismatrix. – Moscow: Eksmo; Saint Petersburg: Domino, 2007. 430 p.
16. Filippo P. Ribofanque. – Moscow: AST, 2005. – 315 p.
17. Foucault M. Intellectuals and Power. – Moscow: Praxis, 2002. 381 p.
18. Haraway D. Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist Feminism of the 1980s. – Moscow: Ad Marginem, 2017. 127 p.

Джерук Н.Л.

Доцент. ФГБОУ ВО

«Херсонский технический университет», г. Генчешк. ORCID ID: 0009-0000-5002-4404

Александр Родченко: лаборатория визуального – от фотомонтажа к фотографии*

Аннотация. В данной статье проводится анализ творческого наследия Александра Родченко в области фотографии. Автор рассматривает новаторские приёмы и стилистические особенности его работ, включая знаменитые «родченковские» ракурсы, в контексте влияния конструктивизма и «новой оптики» XX века. В рамках анализа ключевых фотографий Родченко рассматриваются такие жанры, как фотомонтаж, репортаж и портретная съёмка. Особое внимание уделяется экспериментам Родченко с фотомонтажом как инструментом создания новых смыслов и образов в советском графическом дизайне. Статья также исследует знаменитые портреты Родченко, которые, разрушая традиционные представления о статичном фотопортрете, стали знаковыми явлениями отечественного фотоискусства. Принципы, лежащие в основе его новаторских идей, продолжают оставаться актуальным и по сей день, что свидетельствует о проницательности и глубине его художественного видения.

Ключевые слова: Александр Родченко, фотография, XX век, конструктивизм, фотомонтаж, ракурсы, советская фотография, авангард.

Dzheruk N.L.

Associate Professor. Kherson Technical University, Genichesk. ORCID ID: 0009-0000-5002-4404

Alexander Rodchenko: laboratory of the visual - from photomontage to photography

Abstract. This article analyzes the creative heritage of Alexander Rodchenko in the field of photography. The author considers innovative techniques and stylistic features of his works, including the famous “Rodchenko’s” angles, in the context of the influence of constructivism and “new optics” of the 20th century. Genres such as photomontage, reportage and portraiture are considered in the analysis of Rodchenko’s key photographs. Particular attention is paid to Rodchenko’s experiments with photomontage as a tool for creating new meanings and images in Soviet graphic design. The article also explores Rodchenko’s famous portraits, which, breaking the traditional notions of the static photographic portrait, became iconic phenomena of Russian photography. The principles underlying his innovative ideas continue to be relevant to this day, testifying to the insight and depth of his artistic vision.

Key words: Alexander Rodchenko, photography, 20th century, constructivism, photomontage, angles, Soviet photography, avant-garde.

* © Джерук Н.Л., 2025.

Александр Родченко: лаборатория визуального – от фотомонтажа к фотографии

Введение

Период 1920-1930-х годов по праву считается блестящим стартом и пиком активной творческой деятельности Александра Родченко, которого справедливо называют «человеком эпохи Возрождения» за его исключительную многогранность и новаторский вклад в различные сферы искусства – от фотографии и живописи до дизайна и скульптуры, что подчёркивает его универсальный талант.

Эпоха Родченко характеризовалась революционными изменениями в искусстве, порожденными переломным моментом Первой мировой войны и последующими революционными событиями. Неслучайно этот период времени, полный неопределенности и поиска новых форм художественного самовыражения, открыл простор для развития авангардных течений, таких как конструктивизм, футуризм, экспрессионизм, кубизм и супрематизм, оказавших существенное влияние на развитие отечественного искусства и задавших вектор его эволюции на многие годы вперед.

Безусловно, творчество Александра Родченко неразрывно связано с контекстом эпохи, в которой он жил. Художник не просто отражал время в своих работах, а формировал его и был активным участником строительства нового мира. В ранних произведениях стиль его работ постоянно менялся: он экспериментировал с живописью, пробовал себя в кубизме, футуризме, а затем пришёл к конструктивизму, став одним из его основоположников. По словам Родченко, «Конструктивизм – это искусство будущего» [6]. Это объяснялось тем, что данное течение являлось не просто художественным стилем, но и частью более широкого социального проекта,

направленного на построение нового общества. Характерной чертой конструктивизма является упор на геометризацию форм, модульность и структурность, которые ставились выше всех прочих композиционных приёмов. Это направление также перекликается с авангардным стремлением к функциональности и практичности, характерным для XX столетия.

Среди значимых изобразительных ресурсов, активно задействованных в конструктивистской эстетике, особое место занимал фотомонтаж. Данная техника подразумевает соединение фрагментов фотографий для создания целостной композиции. Необходимо отметить, что развитие фотомонтажа тесно связано с деятельностью дадаистов, возникших в Европе в 1916 году, которых можно считать идейными вдохновителями советских художников, работавших в этой технике. Как справедливо отмечает О.Н. Аверьянова, фотография... имеющая притязания на художественное качество, не могла существовать изолированно от общих культурно-исторических процессов и эстетики отдельных направлений в искусстве. Футуризм, дадаизм, сюрреализм создавали широкое поле для альтернативных экспериментов, к которым и принадлежал фотомонтаж [1].

Отличительной чертой советского фотомонтажа от работ дадаистов было его содержание: если дадаисты тяготели к фантазийности и абсурду, то советский фотомонтаж имел ярко выраженную агитационную направленность. К важным предпосылкам становления авангардного фотомонтажа в Советском Союзе следует отнести также традиции русской футуристической книги и развитие отечественного киномонтажа.

Пролеткультовцы считали фотомонтаж доступным и универсальным средством пропаганды, не требующим профессиональных навыков. Этому во многом способствовали и сами конструктивисты, напечатавшие в 1925 году в «Альманахе пролеткульта» специальные статьи – «Конструктивизм в типографском производстве» А. Гана и «Фото - механика» Н. Тарабукина. В них прямо утверждалось, что фотомонтаж является способом «наиболее лёгкого и быстрого получения изобразительного ресурса, не требующего сложной выучки в живописных школах и академиях» [12]. В итоге конструктивисты расширили спектр используемых ими технических средств, включив в него фотографию, фотомонтаж и фотоколлаж. Эти технологии стали применять гораздо чаще, чем традиционные изобразительные техники.

Авангардные фотомонтажи Александра Родченко

Александр Родченко также активно внедрял фотомонтаж в свою творческую практику. Для него фотография являлась не просто способом фиксации реальности, но и основополагающим материалом для создания новых смыслов и образов. По его словам, плакат с фотографиями действует сильнее, чем плакат с рисунком на ту же тему [11]. Художник не ограничивался стандартными приёмами, постоянно экспериментируя и внедряя инновационные идеи в свою практику. Фотомонтаж стал для него универсальным инструментом, который он применял в создании плакатов, коммерческой рекламы и афиш.

Ближайшим другом и соратником по творчеству Александра Родченко был Владимир Маяковский. Вместе

Рис. 1. Родченко А.М. Обложка и иллюстрация книги Владимира Маяковского «Про это», 1923.

они создали агентство «Реклам-конструктор Маяковский-Родченко» – дуэт, который превратил словесный и графический дизайн в мощное средство коммуникации. Маяковский, как мастер слова, создавал лозунги, в то время как Родченко воплощал эти идеи в графике. По заданию советских властей, творческий дуэт создал большое количество рекламных материалов. Результатом их сотрудничества было сделано до 50 плакатов, до сотни вывесок, упаковок, оберток, световых реклам, рекламных столбов, иллюстраций в журналах и газетах [8]. Кроме того, Родченко выполнил иллюстрации к ряду произведений Маяковского, в том числе к первому изданию поэмы «Про это» (1923) (рис. 1), где он использовал фотомонтаж для визуализации текста. Безусловно, книги, которые оформил Родченко в 1920-х годах, являются выдающимся образцом русского авангардного искусства.

Увлечение фотомонтажом послужило для Родченко отправной точкой в освоении фотографии. Значительная часть его фотопортретов создавалась специально для оформления книжных изданий. Фотография в творчестве Александра Родченко выступала не

только как точный способ фиксации реальности, но и как сознательно используемый элемент композиции. Художник ясно понимал её потенциал и рассматривал фотографию в качестве основы для будущих художественных проектов, которые могли бы быть созданы на основе сделанных им снимков. Анализируя фотомонтаж как режиссёрский приём, становится очевидным умение Родченко структурировать визуальный контент, создавая захватывающие композиции.

К числу наиболее известных работ Александра Родченко относится плакат «Ленгиз: книги по всем отраслям знания» (1924 г.) (рис. 2), где использована фотография Лили Брик, снятая самим Родченко. Брик была выбрана Родченко не случайно. Будучи музой Маяковского и яркой представительницей авангарда, она воплощала собой образ новой женщины: образованной, активной и стремящейся к знаниям. Её энергичный взгляд и призывный жест, дополненные слоганом «Книги по всем отраслям знания», создавали мощный эффект и стимулировали интерес к чтению. В композиции плаката гармонично сочетаются строгая геометричность и ясность построения, что придаёт выразительность как изображению, так

Рис. 2. Родченко А.М. Плакат «Ленгиз: книги по всем отраслям знаний», 1924.

и текстовой части. Несомненно, этот плакат, подобно многим другим работам Родченко, и по сей день привлекает внимание зрителей и является одним из самых ярких примеров конструктивизма в рекламе.

Замечу, что важным аспектом рекламной деятельности Александра Родченко было его убеждение в социальной ответственности искусства. Он активно использовал в своих плакатах лозунги и слоганы, призванные вызывать эмоциональный отклик у аудитории, понимая силу рекламы как инструмента общественного воздействия. Родченко считал, что реклама способна не только продвигать товары и услуги, но и влиять на общество, способствуя позитивным переменам. В своих работах он предлагал использовать советскую символику и идеологию, демонстрируя преимущества социалистической системы и поощряя граждан к активному участию в жизни страны. Это убеждение резонирует со словами Дэвида Хопкинса о том, что «задача художника – выйти за пределы эстетического удовольствия и влиять на жизнь людей, заставив их видеть и чувствовать мир по-новому» [14, с. 15].

Обобщая вышесказанное, следует подчеркнуть, что для фотомонтажей Родченко характерны динамика и асимметрия, которые достигались за счёт использования диагональных построений и нестандартных ракурсов. Он интегрировал фотографию с типографикой, сочетая изображение и текст. Его работы имели ярко выраженную агитационную направленность, поддерживая и популяризируя советский строй.

Развитие фототехнологий и эволюция фотографии

Прежде чем приступить к анализу фотографического наследия Алексан-

дра Родченко, необходимо отметить значительное влияние, которое оказали кардинальные преобразования в области фотографической техники на его творчество. В эпоху Родченко происходит модернизация фотоаппаратуры, усовершенствование оптических систем, появление новых светочувствительных материалов и компактных камер, которые изменили сам процесс фотографирования, сделав его более оперативным и мобильным. Это, в свою очередь, задавало новое направление развитию фотографии в целом.

Этот глобальный прогресс в области фототехнологий повлиял и на эволюцию фотографического искусства в СССР. Особенно стремительное развитие получили репортажная и уличная фотографии. Одновременно с этим пикториальная фотография, тяготевшая к эстетике салонного искусства, утратила свою актуальность, уступив место более документальному подходу к изображению реальности.

В особенности появление компактных фотоаппаратов Leica в 1920-30-е годы послужило существенным толчком в развитии документальной фотографии. Их портативность и надёжность позволили фотографам делать спонтанные снимки, свободно перемещаться и оставаться незаметными, фиксируя события в их естественном течении. Благодаря такому подходу к съёмке моменты, запечатлённые на фотографиях, стали более естественными и непредсказуемыми.

Александр Родченко также активно использовал камеру Leica в своей практике, которая давала ему возможность экспериментировать в фотографии и варьировать с ракурсами. Использование Leica стало для Родченко одним из универсальных инструментов, послужившим ключом к новому восприятию

окружающего мира и поиску новых форм выражения.

Переосмысление привычного: знаменитые ракурсы Родченко

Именно «ракурс» и «диагональ» стали актуальными приёмами фотосъёмки Александра Родченко, сформировавшими его узнаваемый стиль. По словам Родченко: «Самыми интересными точками современности являются «сверху вниз» и «снизу вверх», и над ними надо работать. Кто их выдумал, я не знаю, но, думаю, они существуют давно. Я хочу их утвердить, расширить и приучить к ним» [9].

Как следует из этимологии термина «ракурс», заимствованного из французского «rassourci» («укороченный», «сокращённый»), данный приём съёмки характеризуется резким сокращением линий, удаляющихся от наблюдателя вглубь кадра, а также сокращением масштабов изображения отдельных деталей объекта по мере их удаления от точки съёмки. В результате образуется необычная перспектива, отличающаяся от естественной [3, с. 51].

Как отмечал поэт-футурист Борис Кушнер, ракурсная съёмка противо-

речит принципу информативности: масштабы и пропорции предмета меняются, и составить представление о том, как же выглядит этот предмет на самом деле, оказывается невозможно, если только не знать этого заранее [5, с. 38].

Однако, именно эта особенность ракурса привлекала Александра Родченко. Он был убеждён, что именно нестандартные ракурсы позволяют фотографу показать окружающий мир в неожиданном свете. Таким образом, для Родченко ракурс стал инструментом переосмысления реальности.

Яркий пример тому – знаменитая фотография «Девушка с лейкой» (1934), на которой он запечатлел свою ученицу и фоторепортёра Евгению Лемберг. В этой работе удачно сочетаются несколько факторов: нетривиальный ракурс, игра света и тени, представленная как расползающаяся паутиная сетка, заполняющая собой и силуэт девушки, и кадр в целом. Благодаря такому построению композиции, выдержанной геометрии и восходящей диагонали, снимок обладает динамикой. Отмечу, что эта работа в своё время получила международное признание и впервые

Рис. 3. Родченко А.М. «Летний день», 1929.

была продана на аукционе Christie's в 1992 году за 182 000 долларов.

Фоторабота «Летний день», известная также как «Лестница» (рис. 3), созданная в 1929 году, аналогично демонстрирует мастерское владение Родченко ракурсом, диагональной перспективой и ритмичной организацией кадра. Снимок был снят на лестничных ступенях у Храма Христа Спасителя на Кропоткинской набережной в Москве. Эта фотография – наглядный пример конструктивистского подхода в фотографии. Композиция, построенная на контрастных геометрических формах – лестнице, фигуре человека и солнечных лучах, а также динамичная диагональ, образованная лестницей, притягивают внимание, вызывая чувство скорости и глубины. Женская фигура словно прорывается сквозь мощный ритм чередующихся чёрных и белых полос.

В этой работе Родченко также использовал свой излюбленный приём – «заваленный горизонт», ставший его визитной карточкой. Казалось бы, заваленный угол в фотографии может восприниматься, как непрофессионализм, но это далеко не всегда так. В частности это может трактоваться, как стиль, как разновидность ракурса. Фотография «Летний день» была включена в экспозицию работ Александра Родченко на выставке советского фотоискусства в 1935 году и впоследствии стала неотъемлемой частью почти каждой посмертной выставки художника и публикаций, посвящённых его творчеству [2].

Александр Родченко успешно применял ракурсы не только в репортажной, но и в портретной фотографии. Он сознательно нарушал устоявшиеся каноны портретной фотосъёмки. Традиционно для портрета считались приемлемыми точки съёмки на уров-

не глаз портретируемого, что соответствовало естественному восприятию окружающего мира. Однако Родченко, экспериментируя с низкими и высокими ракурсами, стремился выйти за рамки привычного восприятия, демонстрируя альтернативные способы взгляда на модель. Он утверждал, что ориентация на горизонтальную точку зрения ограничивает наше восприятие и диктуется культурными стереотипами. Родченко подчёркивал, что данный взгляд лишает нас возможности видеть мир с других углов, что обусловлено устоявшимися культурными нормами и в определённой степени предопределено нашими физиологическими особенностями и окружающей средой: наша жизнь в основном протекает в горизонтальной плоскости. Точка зрения «с пупа», как её определял автор, уходит корнями в живописные каноны и в конечном счёте отражает определённую систему ценностей. Следует отметить, что со времен древности и до наших дней акцент на вертикальном измерении (движение вверх или вниз) символизирует выход за пределы обыденной, человеческой реальности, стремление к трансценденции и возвышению.

Самые неоднозначные из ракурсовых портретных работ Александра Родченко – «Пионер-трубач» (1930) и «Пионер» (1930) (рис. 4). Эти фотографии вызвали в своё время много критики. Снимки считали неполиткорректными, обосновывая это тем, что автор не раскрыл образ подлинного советского пионера. Экспериментальный ракурс и искажение привычных пропорций лица, по мнению критиков, привели к утрате узнаваемости образа, что было расценено как нарушение идеологических норм. Кадры были выполнены с нижнего ракурса, что позволило Род-

ченко сделать юного пионера монументальным и очень весомым. Существенно то, что он снимал в ракурсах, которые, хоть и искажали изображение, но однозначно делали его живым и динамичным. До него так никто не снимал. Всё, что снимали после него, было подражанием [1].

В фотографиях «Пионер-трубач» и «Пионер» Родченко благодаря резкому ракурсу превращает обыкновенного советского школьника в монумент, застывший внутри фотографии. С одной стороны, это воплощение идеи ракурса, то есть нестандартного взгляда на мир, а с другой – попытка создать символ эпохи. Важно отметить, что выбор необычного ракурса у Родченко – это не самоцель, а инструмент для усиления эмоционального воздействия фотографии на зрителя. В то время подобный ракурс был новаторским и вызывал споры, однако сегодня такие композиционные решения воспринимаются как обыденность.

Подобно тому, как Малевич своим «Чёрным квадратом» поставил под

сомнение традиционное понимание живописи, Родченко своими экспериментами с ракурсом и перспективой переосмыслил саму суть фотографии, открыв новые возможности для самовыражения. Аналогия между новаторством Родченко в области фотографии и супрематизмом Малевича, хотя и встречается довольно часто, требует более глубокого анализа. Оба художника действительно стремились к упрощению форм, использованию геометрических конструкций и лаконичности композиции. Однако в то время как Малевич создавал абстрактные произведения, Родченко работал с реальными объектами, преобразуя их посредством ракурса, света и тени. Таким образом, связь между двумя направлениями очевидна, но не сводится к простому копированию принципов. В отличие от Малевича, для Родченко фотография не была просто формальным средством художественного выражения. Он видел в ней «вещественное доказательство событий эпохи», отражающее динамику жизни. Лозунг «Ни

Рис. 4. Родченко А.М. «Пионер-трубач» (1930), «Пионер» (1930).

шагу без фотоаппарата», который сам Родченко считал своим кредо, ярко иллюстрирует его убеждение в важности именно документальной фотографии как неотъемлемой части искусства настоящего времени.

Фотопортреты Родченко – новое видение человека в портрете

Несомненно, особое место в творческой деятельности Родченко занимали портреты современников. Его снимки — это примеры нового художественного видения человека в портрете [13, с. 165]. Первые фотопортреты Александра Родченко были прямо и косвенно связаны с объединением «ЛЕФ». Он фотографировал людей, погруженных в свою профессию, живущих идеалами будущего, своих знаменитых друзей: Владимира Маяковского, Лилю и Осипа Брик, Вадима Ковригина, Николая Асеева [4]. Он так же стал первым, кто

начал делать серию снимков, показывающих человека с разных точек зрения. Следует подчеркнуть, что подобный подход в то время был поистине революционным, поскольку он разрушал устоявшиеся каноны фотопортрета как статического изображения.

Одной из знаковых работ Родченко является серия фотопортретов Владимира Маяковского (1924) (рис. 5), выполненная по просьбе самого Маяковского для иллюстраций его книжной продукции. Серия включает в себя шесть лаконичных портретов, сделанных на фоне стены фотолаборатории. На этих снимках Маяковский предстаёт в разных амплуа: в фас и в профиль, с папиросой, в пальто и шляпе, сидящим на стуле и стоящим в полный рост. Серийный портрет Маяковского в исполнении Родченко стал не просто изображением, а своеобразной визуальной историей, рассказанной посредством

Рис. 5. Родченко А.М. «Поэт Владимир Маяковский», 1924.

последовательности снимков.

Эта серия воплощает идею Родченко, который в 1928 г. призывал отказаться от гомогенизированной синтетической целостности портрета ради массы моментальных снимков: «Нужно твердо сказать, что с возникновением фотодокументов не может быть речи о каком-либо едином непреложном портрете. Больше того, человек не является одной суммой, он – многие суммы, иногда совершенно противоположные» [10, с. 15]. Важно подчеркнуть, что портреты Маяковского были созданы не просто в один год – они были сняты в один день. Родченко уже тогда относился к этой съёмке как к своеобразному фоторепортажу. Такой подход позволял запечатлеть не статичный момент, а динамичный процесс раскрытия характера, как будто наблюдаешь за живым человеком в течение короткого промежутка времени. Родченко удалось отразить не только внешность, но и внутреннюю

сущность Маяковского – его энергию, уверенность и интеллектуальную силу. Он создал не просто набор фотографий, а целостный визуальный образ Маяковского, который стал неотъемлемой частью литературного наследия поэта. Эти портреты и сегодня используются в изданиях стихов и биографий Маяковского, являясь своеобразным символом эпохи и таланта двух выдающихся деятелей искусства.

Кроме серийной съёмки для портретной фотографии Родченко был характерен принцип жёсткого кадрирования. Снимок, ставший классикой фотопортрета крупным планом, – «Портрет матери» (1924) (рис. 6) – получил мировую известность. Впервые он появился на обложке журнала «Советское фото» в 1927 г. На этом портрете мать фотографа, Ольга Родченко, сидит за столом и читает журнал, оформленный её сыном. В этом психологическом портрете Родченко удалось создать трога-

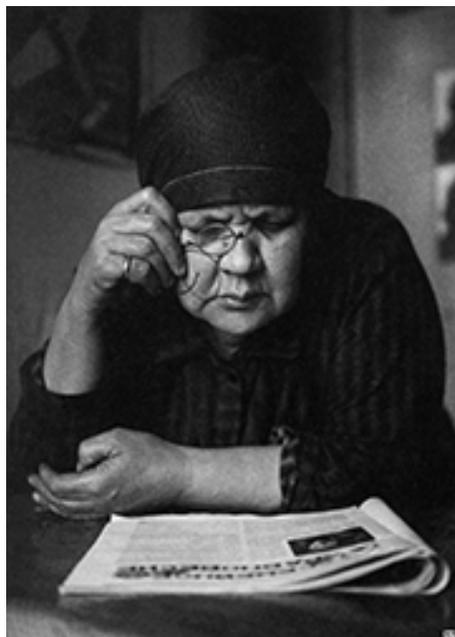

Рис. 6. Родченко А.М. «Портрет матери», 1924.

тельный образ матери без всякой идеализации, лаконичными средствами и точным композиционным решением. Чтобы зритель не отвлекался на посторонние детали и концентрировался на самом главном, Родченко отсекает всё лишнее. Обрезая ненужное, он оставляет только лицо, руку и стекло очков – здесь наглядно виден принцип плотного кадрирования, что уже само по себе являлось новаторством и необычным приёмом.

Также Александр Родченко мастерски применял в своих портретах двойную экспозицию. Этот метод, заключающийся в наложении одного изображения на другое на одном кадре и позволял Родченко создавать сложные и многозначительные композиции. В 1924 году фотограф впервые применил технику двойной экспозиции, работая над портретом художника Александра Шевченко. В этом снимке новаторский подход к фотографии позволил ему создать уникальное изображение, в котором эффект движения на статичном снимке отражал как физический облик модели, так и её внутренний мир. Кроме того, двойная экспозиция была использована Родченко в портретах Варвары Степановой, Лили и Осипа Бриков. Данная техника стала одной из ярких особенностей стиля Александра Родченко.

Заключение

В заключение проведенного исследования хочется ещё раз подчеркнуть новаторский вклад Александра Родченко в искусство фотографии. Работы Родченко – это не просто фотографии, а настоящая «лаборатория визуального», где каждый элемент тщательно продуман и несет в себе определённый смысл. В его фотографии нет места случайности; все подчинено строгой логике,

точному расчету и стремлению к совершенству. Его заслуга состоит в том, что он привнёс в отечественную фотографию такие новаторские приёмы, как:

- Создание серии фотографий.
- Ракурсовая съёмка.
- Крупный план.
- Диагональное построение кадра.
- Применение двойной экспозиции.

Как справедливо отмечает искусствовед Е.А. Лаврентьева, обращаясь к современности, к «фотографии в эпоху миллионов снимков», следует вспомнить о зоркости и внутренней собранности, чуткости и настройке зрения, которые формируются в том числе и под влиянием опыта мастеров прошлого, таких как Александр Родченко [7].

Список литературы

1. Аверьянова О.Н. Ман Рэй фотограф модернизма: от изобразительных опытов к художественному бренду: дис. на соиск. уч. ст. д. иск. 17.00.04 / Аверьянова О.Н. – М.: 2021. 72 с.
2. Выставка «Александр Родченко» в Центре братьев Люмьер: 5 важных работ // URL: <https://thecity.m24.ru/articles/1750?ysclid=m1t8nl4rxm11974165> (Дата обращения: 03.10.2024).
3. Дыко Л.П. Беседы о фотомастерстве. – Москва: Изд-во Искусство, 1970. 272 с.
4. Клуб Люмьер. Знаменитые друзья Александра Родченко // URL: https://vk.com/@lumiere_center-znamenitye-druzya-aleksandra-rodchenko (Дата обращения: 09.02.2025).
5. Кушнер Б. Открытое письмо / Новый ЛЕФ. 1928. № 8. С. 38-40.
6. Лаврентьев А.Н. Александр Родченко. – М.: Фонд «Русский авангард», 2007. 128 с.
7. Лаврентьева Е.А. Чему современные фотографии могут научиться у Александра Родченко // URL: <https://daily.afisha.ru/culture/14494-chemu-sovremennye-fotografy-mogut-nauchitsya-u-aleksandra-rodchenko/> (Дата обращения: 21.02.2025).
8. Никифорова В. Дружба в мире искусства: Александр Родченко X Владимир Маяковский. // URL: <https://vc.ru/u/non-critical/1170056-druzhiba-v-mire-iskusstva-aleksandr-rodchenko-h-vladimir-mayakovskii> (Дата обращения: 11.01.2025).
9. Родченко А.М. Крупная безграмотность или мелкая гадость // Новый ЛЕФ. 1928. № 6. 43 с.
10. Родченко А. Против суммированного портрета за моментальный снимок // Новый ЛЕФ. 1928. № 4. С. 14-16.
11. Родченко А.М. Статьи, воспоминания, автобиографические записки, письма. – М.: Советский художник, 1982. 306 с.
12. Фоменко А. Фотомонтаж как инструмент конструктивизма // URL: <http://www.raruss.ru/soviet-construc>

- tivism/3964-photomontage.html (Дата обращения: 04.01.2025).
13. Фролова М.А. Александр Родченко – родоначальник авангарда в фотографии / М.А. Фролова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. 2021. № 22 (364). С. 165-167. // URL: <https://moluch.ru/archive/364/81597/> (Дата обращения: 02.02.2025).
14. Хопкинс Д. Дадаизм и сюрреализм. – М.: АСТ, 2009. 224 с.

References

1. Averianova O.N. Man Ray, a Photographer of Modernism: From Visual Experiments to an Artistic Brand: dis. for a Ph.D. in Art. 17.00.04 / Averianova O.N. – М.: 2021. 72 p.
2. Exhibition “Alexander Rodchenko” at the Lumiere Brothers Center: 5 Important Works // URL: <https://thecity.m24.ru/articles/1750?ysclid=m1t8n14rxm11974165> (03.10.2024).
3. Dyko L.P. Conversations about Photo Mastery. – Moscow: Izd-vo Iskusstvo, 1970. 272 p.
4. Lumiere Club. Famous Friends of Alexander Rodchenko // URL: https://vk.com/@lumiere_center-znamietye-druzya-aleksandra-rodchenko (02.09.2025).
5. Kushner B. Open Letter / Novy LEF. 1928. № 8. P. 38-40.
6. Lavrentiev A.N. Alexander Rodchenko. – М.: Russian Avant-garde Foundation, 2007. 128 p.
7. Lavrentyeva E.A. What Modern Photographers Can Learn from Alexander Rodchenko // URL: <https://daily.afisha.ru/culture/14494-chemu-sovremennye-fotografy-mogut-nauchitsya-u-aleksandra-rodchenko/> (02.21.2025).
8. Nikiforova V. Friendship in the World of Art: Alexander Rodchenko H. Vladimir Mayakovsky. // URL: <https://vc.ru/u/non-critical/1170056-druzhiba-v-mire-iskusstva-aleksandr-rodchenko-h-vladimir-mayakovskii> (11.01.2025).
9. Rodchenko A.M. Major Illiteracy or Petty Nastiness // Novy LEF. 1928. № 6. 43 p.
10. Rodchenko A. Against the Summary Portrait for the Snapshot // Novy LEF. 1928. № 4. P. 14-16.
11. Rodchenko A.M. Articles, Memories, Autobiographical Notes, Letters. – М.: Sovetsky Khudozhnik, 1982. 306 p.
12. Fomenko A. Photomontage as a Tool of Constructivism // URL: <http://www.raruss.ru/soviet-constructivism/3964-photomontage.html> (01.04.2025).
13. Frolova M.A. Alexander Rodchenko – the Founder of the Avant-garde in Photography / M.A. Frolova. – Text: Direct // Young Scientist. 2021. № 22 (364). P. 165-167. // URL: <https://moluch.ru/archive/364/81597/> (02.02.2025).
14. Hopkins D. Dadaism and Surrealism. – М.: AST, 2009. 224 p.

Галуева А.К.

Бакалавр, пианист /композитор/ музыкальный продюсер, номинант премии Грэмми.

Формирование портретного образа Прометея путём нейровосприятия цветомузыкальной системы А.Н. Скрябина*

Аннотация. Настоящая статья посвящена особенностям светомузыкальных решений, которые направлены на улучшение восприятий музыкально-содержательной среды, заложенной русским композитором А. Н. Скрябиным в контекст его крупнейшего симфонического сочинения. В тексте этой статьи представлены две точки зрения — как восприятие симфонической поэмы и образа её главного героя (Прометея) путём средств традиционного светомузыкального спектра, так и обзор инновационной методики Neurosound, которые существенно дополняют друг друга.

Ключевые слова: Скрябин, цветомузыка, Прометей, цветовой спектр, НейросOUND, восприятие, человеческий мозг.

Galueva A.K.

Bachelor's degree, pianist/composer/music producer, Grammy Award nominee.

Formation of a portrait image of Prometheus by means of neuroperception of the color music system of A.N. Scriabin

Abstract. This article is devoted to the features of light and music solutions that are aimed at improving the perception of the musical and content environment laid down by the Russian composer A. N. Scriabin in the context of his largest symphonic work. The text of this article presents two points of view - both the perception of the symphonic poem and the image of its main hero (Prometheus) by means of the traditional light and music spectrum, and an overview of the innovative Neurosound methodology, which significantly complement each other.

Key words: Scriabin, color music, Prometheus, color spectrum, Neurosound, perception, human brain.

Цветомузыка и светомузыка – это два синкретических современных мультимедийных вида искусства, которые оказывают существенное влияние на развитие слуховых, зрительных и эстетических способностей современного человека. Они оказывают существен-

ное влияние не только на творческие способности человека, но и его способность сохранить гармонию, стабильность, а также душевное равновесие.

Светомузыка – один из древнейших феноменов, который является одним из объектов активного исследования на

* © Галуева А.К., 2025.

Формирование портретного образа Прометея путём нейровосприятия цветомузыкальной системы А.Н. Скрябина

протяжении многих веков – не только среди учёных, философов или психологов, но и для всех деятелей творческих специализаций. Сущность светомузыки излагается каждым специалистом по-разному, но все эти концепции объединены общими параметрами – это новое искусство, которое активно и одновременно воздействует как на слух человека, так и на его зрение [6].

С точки зрения развития светомузыкальных и цветомузыкальных технологий, такое комплексное синтетическое влияние различных факторов на человека является действительно выигранным, так как происходит соединение зрительных и слуховых эмоциональных составляющих не только на уровне восприятия, но и на уровнях памяти, мышления и воображения. Использование светомузыки способствует не только улучшению гибкости и многоаспектности слухового и зрительного восприятия и памяти, но и благосклонно воздействует на развитие творческого мышления человека и, например, возбуждает у него необычные ассоциации, развивающие воображение.

Рубеж XIX—XX веков справедливо назван началом активного продвижения светомузыкальных технологий не только в эстетическом плане, но и в плане музыкально-технического прогресса с последующим выводом данной технологии вначале на концертную сцену, а затем и в плоскость фундаментальных и прикладных научных исследований, которые проводятся в рамках музыкальной психологии. При этом широко известен тот факт, что первоначально способность восприятия светомузыкальных впечатлений не считалась отдельным синтетическим видом искусства, поэтому её квалифицировали как наличие у человека «цветного слуха». В начале XX века понятие цветного слуха

квалифицировалось как синтетическое определение «зрительно-слуховых, внепредметных “синестезий” (“соощущений”» [3].

Светомузыкальные или цветомузыкальные представления – это глубоко субъективная концепция того или иного композитора, художника, исследователя и пр. категорий творческих деятелей, так как, во многом, для каждого человека существует авторская шкала построения цветомузыкального спектра, зависящая от его нейровосприятия. И если о светомузыкальной шкале А.Н. Скрябина в мировом музыкальном сообществе известно достаточно много, то в случае с другими примерами – например, шкалами Оливье Мессиана, Микалоюса Чюрлёниса, Б.В. Асафьева или даже Н.А. Римского-Корсакова, который никогда не был учителем Скрябина, такие светомузыкальные шкалы по-прежнему не изучены столь сильно, как это необходимо для развития музыкознания и музыкальной психологии.

Индивидуальность восприятия светомузыкального спектра особенно ярко подчеркнута Леопольдом Стоковским, который, фактически, определил, что все люди обладают настолько уникальным сознанием, синтезирующим понятия света, звука и цвета, что во всём мире вряд ли можно найти двух людей, которые обладали бы одинаковым мнением относительно цветового значения одного и того же звука, не говоря уже о более глубоких совпадениях в светомузыкальных шкалах [5, с. 47-48].

Система светомузыкального мышления А.Н. Скрябина, которого в истории русской музыки обычно признают одним из главных апологетов цветомузыки, была ориентирована на то, чтобы в мире впоследствии была бы признана единая система соотнесения звуков две-

надцатиступенной системы с цветовым спектром. Отсутствие какой-то централизованной системы, в то же время, он квалифицировал не иначе, как «безумие и хаос, отсутствие принципа...» [4, с. 55]. В итоге он создал свою собственную таблицу «звукоцветовых соответствий», квалифицированную Л.Л. Сабанеевым в 1911 году. Она включает в себя следующие параметры:

С – красный (материальный, цвет ада)

Des – фиолетовый

D – жёлтый

Es, B – стальные цвета с металлическим блеском

E – голубой

H – сине-белесоватый

F – тёмно-красный

Fis – синий, яркий

G – оранжево-розовый

As – пурпурно-фиолетовый

A – зелёный

Эта система укладывается в творческое мышление самого композитора, которое позволит нам выстроить его градацию по принципу квинтового круга. В ней тональности с наибольшим количеством знаков альтерации при ключе отвечают «принципу духовности», в то время как тональности с наименьшим количеством знаков при ключе (или вовсе без них) [10, с. 261].

Современные методики развития цвето- и светомузыкального мышления позволяют достичь не только высокого художественно-просветительского восприятия поэмы А.Н. Скрябина, но и возможности использования данных практик в контексте нейровосприятия образа Прометея путём сочетания различных цветов в «скрябинском» спектре.

В 2024 году была разработана уникальная нейрофизиологическая и светомузыкальная методика Neurosound,

направленная на развитие синтетического мышления и восприятия своими пациентами. Был поставлен небольшой практический эксперимент относительно того, каким образом был бы сформирован образ скрябинского Прометея при использовании цветовой гаммы А.Н. Скрябина и современных аудиовизуальных систем, используемых в методике Neurosound на базе разработок компании «Hemi-Sync». Однако Neurosound предлагает участникам своих экспериментальных программ цветомузыкальную психотерапию, разработанных по технологии компании Hemi-Sync использовать дополнительные возможности, которые позволят прочувствовать образ Прометея не только в контексте одноимённой поэмы А.Н. Скрябина.

Прометей — фигура древнегреческой мифологии, символизирующая дерзость, мудрость и жертву ради человечества. Его история тесно связана с идеей творчества, знания и свободы, что позволяет связывать его образ с основными идеями музыкального искусства, отражающими борьбу между свободой и ограничением.

При проведении этого эксперимента были использованы несколько программ от Neurosound. Также были проведены несколько практических исследований с участием фокус-групп, которые выявили существенные отличия в цветомузыкальном спектре Neurosound от того, что разработал А.Н. Скрябин. Они проявляются в следующем:

1) Тональность C-dur теперь воспринимается как символ энергии, силы и динамичности, а также решительности Прометея как Творца, который подарил людям веру в свои творческие силы и энергию. В фокус-группе от NeuroSound тональность C-dur ассоци-

ировалась с чёрным цветом, а у Скрябина основной цвет тональности C-dur — красный.

2) Тональность G-dur — символ спокойствия и умиротворения, символ моментов отдыха и размышления Прометея перед следующими свершениями. Для Скрябина эта тональность была передана оранжево-розовым цветом, у участников фокус-группы от NeuroSound — красным цветом.

В целом, звук и цвет, связанные воедино, способны зарядить на дополнительные нейростимулы, которые способствуют его объективному восприятию художественной идеи «Прометея», которого сам А.Н. Скрябин озаглавил как «Поэма огня». Выбор правильной цветомузыкальной системы позволяет раскрыть перед слушателем всю красоту, связывая звук и цвет, мозг получает дополнительные стимулы, способствующие глубокому восприятию идей и эмоций, заложенных в произведении.

Однако Hemi-Sync предлагает участникам своих экспериментальных программ цветомузыкальной психотерапии, разработанных по технологии NeuroSound (Нейросоунд) использовать дополнительные возможности, которые позволят прочувствовать образ Прометея не только в контексте одноимённой поэмы А.Н. Скрябина. Благодаря уникальным акустическим программам этой компании, цветомузыкальный образ Прометея в психотерапевтическом контексте может быть дополнен такими влиятельными акустическими факторами, как музыка, содержащая тета-волны и бета-волны. Тета-волны, в свою очередь, направлены, прежде всего, на развитие энергии релаксации и творчества, это необходимо для того, чтобы слушатель мог воспринять не только через цвет, но и через уши тво-

рения Прометея, пришедшего, согласно древнегреческим легендам, в этот мир, чтобы принести людям Божественный Свет. Бета-волны направлены на максимальную концентрацию внимания на сюжет и основные художественные идеи поэмы А.Н. Скрябина «Прометей», которая обладает большим количеством не только светомузыкальных ассоциаций, но и лейтмотивов.

Мы рекомендуем использовать из числа программ от Hemi-Sync такие светомузыкальные программы, как «The Shaman Within» [14] и «New Frontiers» [13]. Программа «The Shaman Within» нацелена на улучшение восприятия божественной природы Прометея и огня, который он принёс, через цветомузыкальный образ Шамана, а «New Frontiers» повышает гибкость по отношению к цветовому восприятию наиболее «возвышенных» тональностей, задействованных А.Н. Скрябиным.

Получающийся путём восприятия данных программ образ Прометея фактически представляет нам образ одухотворённого Шамана, сильного и мудрого, способного нести Божественный огонь, расслаблять и заряжать человека одновременно.

Таким образом, мы можем наблюдать, что цветомузыкальная природа «Прометея» А.Н. Скрябина, несмотря на то, что сам композитор достаточно жёстко зафиксировал её в своей авторской системе цветов и тонов двенадцатиступенной гаммы, может быть вполне логично интерпретирована не только в контексте своей музыкально-философской, но и нейропсихологической составляющей. Варианты, которые предлагают разработки NeuroSound, не отвергают, а дополняют акустические и световые возможности тех традиционных решений, которые осуществил сам композитор.

Список литературы

1. Аронов А.А. Феномен гениальности в контексте соотношения биологического и социального факторов // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 3 (59). С. 18-22.
2. Галеев Б.М. Светомузыка в системе искусств : учебное пособие / Казанская государственная консерватория, Казанский авиационный институт. Казань: Казанская государственная консерватория имени Н.Г. Жиганова, 1991. 88 с.
3. Музыкальная энциклопедия / гл. ред. Ю.В. Келдыш. Москва: Советская энциклопедия, Советский композитор, 1973–1982.
4. Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. Москва: Классика-XXI, 2000. 391 с., нот. ил. (Серия «Музыка в мемуарах»).
5. Стоковский Л. Музыка для всех нас : пер. с англ. / [предисл. Г. Шнейерсона]. Москва: Советский композитор, 1963. 216 с.
6. Хрущёва Т.С. Особенности светомузыки в творчестве А.Н. Скрябина // Вестник МГУКИ. 2016. № 2 (70). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-svetomuzyki-v-tvorchestve-a-n-skryabina> (Дата обращения: 16.04.2025).
7. New Frontiers // Hemi-Sync (Электронный онлайн ресурс). // URL: <https://hemi-sync.com/product/new-frontiers/> (Дата обращения: 16 апреля 2025)
8. The Shaman Within // Hemi-Sync (Электронный онлайн ресурс). // URL: <https://hemi-sync.com/product/the-shaman-within/> (Дата обращения: 16 апреля 2025).

References

1. Aronov A.A. The Phenomenon of Genius in the Context of the Relationship between Biological and Social Factors // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. 2014. № 3 (59). P. 18-22.
2. Galeev B.M. Light Music in the System of Arts: A Tutorial / Kazan State Conservatory, Kazan Aviation Institute. Kazan: Kazan State Conservatory named after N.G. Zhiganov, 1991. 88 p.
3. Musical Encyclopedia / ed.-in-chief Yu.V. Keldysh. Moscow: Soviet Encyclopedia, Soviet Composer, 1973-1982.
4. Sabaneev L.L. Memories of Scriabin. Moscow: Classic-XXI, 2000. 391 p., music notes. (Series "Music in Memoirs").
5. Stokowski L. Music for all of us: trans. from English / [preface G. Schneerson]. Moscow: Soviet Composer, 1963. 216 p.
6. Khrushcheva T.S. Features of light music in the works of A.N. Scriabin // Bulletin of MGUKI. 2016. № 2 (70). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-svetomuzyki-v-tvorchestve-a-n-skryabina> (04.16.2025).
7. New Frontiers // Hemi-Sync (Online electronic resource). // URL: <https://hemi-sync.com/product/new-frontiers/> (April 16, 2025)
8. The Shaman Within // Hemi-Sync (Online electronic resource). // URL: <https://hemi-sync.com/product/the-shaman-within/> (April 16, 2025).

Родионов А.Н.

Аспирант 2 курса. Российский государственный социальный университет.

Особенности визуальной культуры Китая*

Аннотация. В истории китайской культуры многие составляющие являются визуально значимыми, их форма и содержание опираются на визуальный образ. Можно сказать, что практически все явления китайской культуры имели визуальный компонент, и в истории различных культурных сфер и особенностей можно выделить общее, схожее, что касается развития их визуальной стороны.

Обращает на себя внимание связь визуального с эстетическим, значимая для китайской культуры, составляющая основу её формирования и развития.

К особенностям китайской культуры также можно отнести и наличие у визуального глубоких философских, мировоззренческих, духовных оснований.

Кроме того, визуальные аспекты культуры связаны с традицией, транслируют традиционные смыслы и понятия, сохраняют и передают традиционные ценности народа. У визуального сформирована культуuroохранительная функция, заключающаяся в сбережении важных для народа, освящённых традицией смыслов и явлений.

Ключевые слова: визуальная культура, эстетические ценности, искусство, символизм, традиции.

Rodionov A.N.

2nd year postgraduate student. Russian State Social University.

Features of China's visual culture

Abstract. In the history of Chinese culture, many components are visually significant, their form and content are based on a visual image. It can be said that almost all phenomena of Chinese culture had a visual component, and in the history of various cultural spheres and features, it is possible to identify common, similar things regarding the development of their visual side.

Attention is drawn to the connection between the visual and the aesthetic, which is significant for Chinese culture and forms the basis for its formation and development.

The peculiarities of Chinese culture also include the presence of deep philosophical, ideological, and spiritual foundations for visual art.

In addition, the visual aspects of culture are associated with tradition, convey traditional meanings and concepts, preserve and convey the traditional values of the people. The visual has a cultural preservation function, which consists in preserving important meanings and phenomena for the people, sanctified by tradition.

Key words: visual culture, aesthetic values, art, symbolism, traditions.

* © Родионов А.Н., 2025.
Особенности визуальной культуры Китая

Когда мы говорим о связи визуальных образов, появившихся в истории китайской культуры, с эстетикой (декоративностью), философией (религией, моралью, мировоззрением народа), символикой (передаваемыми посредством визуальных культурных объектов символических значений), традициями (сохранёнными в них обычаями и историей Китая), чаще всего имеется в виду, что данные составляющие находятся в тесном единстве, присутствуют в той или иной степени в каждом визуально проявленном культурном объекте.

Исторически сложилось, что китайская культура питания построена на основе эстетического восприятия мира, ей свойственны гармония, культурная эстетика. Приём пищи имеет декоративные рамки, требует оформления с помощью традиционных компонентов интерьера, посуды и др. Эстетический взгляд на ритуалы приёма, сформированный в глубокой древности, распространён в Китае и сегодня [3, С. 44].

Соответствует данному критерию и чайная культура Древнего Китая, которой около двух с половиной тысяч лет и которая постоянно развивается. Эстетика является её важной составной частью, касающейся внешних атрибутов церемонии: посуды, мебели, костюмов и т. п.

Повседневные поведенческие ритуалы, связанные с культурой питания и чайной церемонией, проводятся по издавна установленным правилам, в определённое время, не спеша, обильно. Визуальная культура обуславливает внимание к внешнему оформлению стола, которое часто проводится в бело-голубых тонах [6, С. 35]. Блюда красиво сервируются и оформляются.

Значимое место в визуальной куль-

туре Китая исторически играло садово-парковое искусство, которое и сегодня является неотъемлемой частью художественной и бытовой культуры Китая. Китайское ландшафтное искусство складывалось и оттачивалось в течение тысячелетий под влиянием особых, специфических каллиграфии, живописи, музыки. Для садов и парков Китая важны эстетика и энергетическое воздействие на человека, которое они способны оказать. Каждый их элемент имеет смысловую нагрузку и каким-то образом обозначает взаимоотношения человека с миром природы.

На визуальную, пластическую составляющую китайского искусства, как считают исследователи, оказала влияние китайская каллиграфия. Интересно, что иероглифы не с самого своего появления начали восприниматься людьми как эстетические знаки, требующие в своём написании определённого искусства, но со временем люди постепенно открыли и почувствовали естественную красоту элементов, из которых состоят иероглифы, начали вносить в их написание эстетику, декоративность, превратившиеся затем в философию и определившие эстетичность всех элементов визуальной культуры [5, С. 15].

С давних пор в каждом виде китайского искусства, традиционного и современного, так или иначе просматривается эстетика, стилистика иероглифа, сформированная ещё в глубокой древности и мало изменившаяся с тех пор. Понять визуальную культуру Китая без учёта каллиграфического визуального критерия невозможно. Масштабная каллиграфическая традиция проявилась в том или ином виде везде.

Китайских предметов искусства, в том числе декоративно-прикладного, нельзя представить без учёта

эстетического компонента. Эстетика обязательна даже для сугубо функциональных деталей, например, ручек кухонных котлов, которые в первую очередь должны быть удобными и, тем не менее, несут определенную эстетическую нагрузку.

Также, особенностью китайской культуры является наличие у визуального глубоких философских, мировоззренческих, духовных оснований [7, С. 30].

Монументально-декоративная скульптура Китая создаётся уже более двух тысяч лет, является традиционной для культуры. Каменные резные изваяния располагаются перед мавзолеями, гробницами, одновременно имеют историческую, культурную и эстетическую ценность. Они украшают места погребения великих императоров, демонстрируют сыновнее уважение к ним, увековечивают их память для потомков, защищают потомков от воздействия злых сил, помогают усопшему обрести покой.

Человек и природа в китайской картине мира взаимодействуют и подобны друг другу; поклонение перед природой и богами сочетается с верой в собственную связь с ними [2, С. 21].

Определённую философию выражают предметы декоративно-прикладного искусства, например, стеклодувного. Особая восточная философия не утрачивается со временем, живёт и в современных произведениях искусства.

Ещё одна черта в истории визуальной культуры Китая – наличие у визуальных объектов и деталей символических смыслов. Символическое значение в традиционной китайской культуре имеют практически все предметы, явления, цвета, числа, фигуры, растения, животные.

Символикой обладает каждая имею-

щая визуальное воплощение деталь, её форма, размер, изгиб, цвет. Визуальные символы интуитивно понятны, поэтому не утрачивают своей значимости в течение веков и тысячелетий существования явлений культуры.

Особая символика в китайской культуре характерна колористике: цвета передают те или иные символические значения, соотносятся с семиотической, философско-мировоззренческой картиной мира [1, С. 18].

Традиционная символика цвета используется во всех современных китайских визуальных искусствах (живописи, фотографии, рекламе, моде, киноискусстве и др.), встраиваясь каждый раз в сложную систему традиционных и современных значений цвета. Входя в мировое пространство, она оказывает влияние и на цветопостроение.

Значимой культурной символикой обладают в Китае числа, и это также находит визуальное проявление. Число 1 (основа всех чисел) в китайской культуре связано с идеей света и в то же время может выступать как символ тьмы. Число 3 символизирует небо, землю и человека как триединство, число 7 связано с небесными светилами. Чётные числа предпочтительнее, чем нечётные, поскольку связаны с идеей гармонии, красоты [4, С. 18].

В плане передачи символики посредством визуальных каналов показателен традиционный китайский костюм, в котором символические смыслы транслируют взаимопроникновение и взаимосвязь орнаментов, цвет, форма и другие составляющие визуального образа. В результате происходит формирование системы культурных кодов Китая, имеющей отличия в разных регионах страны.

Символическое значение имеют также темы, образы, формы, графиче-

ские элементы китайской живописи на фарфоре, во многом определяющие технологию работы с фарфором, технику росписи.

Некоторые символы китайской культуры получают визуальное преломление в значительном количестве произведений искусства, в том числе народного и бытового. Изображения символических объектов выполняют и декоративную, эстетическую функцию, но в первую очередь – символическую, передавая благие пожелания. Смысл создаваемых объектов культуры уходит глубоко в китайскую традицию.

Кроме того, визуальные аспекты культуры связаны с традицией, транслируют традиционные смыслы и понятия, сохраняют и передают традиционные ценности народа. У визуального сформирована культуuroохранительная функция, заключающаяся в сбережении важных для народа, освящённых традицией смыслов и явлений.

К примеру, в китайской живописи на фарфоре отражаются как достижения традиционной живописи вообще, так и традиции народной картинки няньхуа, а также традиционные законы композиции рисунка в китайском искусстве. В масляной живописи Китая закреплены особенности национальной культуры и истории.

В развитии чайной культуры важную роль играли буддизм, конфуцианство и даосизм; употребление чая шло от философов, которые находили в церемонии способ единения с природой. Каждый элемент чайной церемонии обладает своей символикой: в семиотическом пространстве церемонии действуют декоративный код, цветовой код, коммуникативный код, музыкальный код, пространственно-временной код. Сложное единство эстетики, философии, символики и традиции каждый

раз формируют особое значение визуальных компонентов китайской культуры, имеющих древнюю историю.

Китайский национальный костюм как образец визуальной культуры очень ярок, роскошен, богато декорирован, в нём сильна праздничная составляющая. Каждая деталь костюма выражает определённую символику. Эстетические, философские, символические, традиционные составляющие национального китайского костюма тесно переплетаются, и сложно отделить их друг от друга.

Несомненно, развитие китайской живописи происходило под влиянием философских концептов. Существовавшая уже шесть тысяч лет, она впитала все важные для китайского мировоззрения представления. Под влиянием китайской философии у произведений живописи не очень ярко выражен религиозный аспект, но присутствует духовная основа. В целом, произведение китайской живописи демонстрирует традиционное искусство, сложившееся под воздействием мировоззренческих и идейных установок предыдущих исторических эпох. Визуальная концепция китайской живописи обнаруживается во многих современных визуальных искусствах – фотографии, кинематографе, рекламе – на уровне символа, цвета, формы, особого способа соотношения мира природы и человека через произведение искусства.

Китайский народный танец, одно из древнейших визуальных искусств Китая, очень эстетичен и нацелен на оказание значительного зрительного и эмоционального впечатления на зрителя. Однако эстетика находится в нём под управлением заложенных в движения традиционных философских смыслов. Общий рисунок китайского танца схож с каллиграфическим, несёт на себе

отпечаток иероглифики с её эстетикой, плавностью и замысловатостью.

Целостность выражения эстетических, философских, символических смыслов и их связь с историей и традициями Китая свойственны не только визуальным искусствам и практикам, которые являются наиболее значимыми для китайской культуры (таким как живопись, национальный костюм, чайная церемония, народный танец), но и менее ярким и масштабным, имеющим прикладной характер. Это проявляется, к примеру, в традиционном китайском искусстве вырезания из бумаги цзяньчи. С одной стороны, это просто вырезание, очень декоративное, техничное, с множеством узоров и мелких деталей, с другой – оно отражает определённую философию – сочетание духовности и стремления к прекрасной жизни.

Ещё одна прикладная художественная практика, имеющая в Китае большую культурную историю, – текстильный орнамент, изготовление художественного текстиля, шелкоткачество, насчитывающие более пяти тысяч лет. Особенности данного искусства в Китае, его отличия от схожих европейских практик определяются тем, что традиционное китайское мышление всегда находилось под влиянием философских взглядов о единстве человека и природы.

Глубокими смыслами наполнено в китайской культуре также изготовление ювелирных украшений, в том числе изделий из яшмы и нефрита, бронзы, бирюзы. Яшма издревле является для китайцев священным материалом, выражающим суть добродетели. В целом, ювелирные изделия ценились своими тонкостью, изяществом, изысканностью формы.

Художественное стекло в Китае достигло своего расцвета в эпоху прав-

ления династии Цин (1638-1911). За основу была положена традиция, пришедшая из глубины веков, которая дополнилась западными правилами. Здесь визуальное воплощается в комплексе аспектов.

Мебель также является предметом визуальной повседневности, необходимым человеку в ежедневных практиках. В Китае много внимания издавна уделяется эстетике мебели, предметы которой (самый популярный из них – стол) украшаются лаковыми росписями, орнаментом.

Особенность повседневных и декоративно-прикладных культурных практик (искусства вырезания из бумаги, текстильного орнамента, художественного стекла, изготовления ювелирных украшений, производства и расположения в доме мебели и др.) состоит в их близости к непосредственной жизни народа, к бытовой сфере и культуре повседневности. Воплощаясь в обыденной деятельности, прикладные визуальные художественные практики наиболее тесно сливаются с сознанием народа, его традиционными представлениями, вкусами и идущими из древности художественными установками.

Воплощение традиционных визуальных искусств, за которыми стоит многовековая история, в современности служит символом стабильности и устойчивости всех социальных систем, а также объясняет силу воздействия современной восточноазиатской визуальной культуры на культуру всего мира.

Можно говорить об отражении духовных поисков, длившихся в течение длительных исторических периодов, во всех, в том числе прикладных, видах китайского визуального искусства. Символичность, иероглифичность,

пластичность, изысканность, идея единства человека и природы и другие философско-эстетические традиции пронизывают визуальные виды культуры и визуальные практики, проявляясь в разнообразных оригинальных качествах и свойствах явлений и предметов, формируемых как их итоги. Исследователи отмечают важность в китайской культуре слияния философского, эстетического, символического.

Визуальная культура Китая своими корнями уходит в древнекитайскую философию, своей символикой и эстетикой отражает ее нравственно-эстетические основы. На основе древних философских воззрений столетия назад были сформированы базисные художественные принципы, являющиеся для китайской визуальной культуры не только традиционными, но и естественными.

Список литературы

1. Антонов В.И. Символ в обществе и культуре Востока. – Москва: Луч РАУ, 1993. 52 с.
2. Браиловская Л.В. Дизайн интерьера в восточном стиле: Япония, Китай, Индия, Египет. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 384 с.
3. Восточный дневник дизайнера. Искусство интерьеров в культурах разных стран / М.А. Урицкая, И.А. Исаев, С.А. Яковлева. – Москва: Ниола 21 век, 2006. 240с.
4. Зубко Г. В. Искусство Востока. – Москва: Восточная книга, 2012. 432 с.
5. Хэ Чжиюнь. Эволюция китайского традиционного костюма на Севере Китая как репрезентация социокультурных кодов картины мира: автореф. дис. канд. культурологии: 24.00.01. – Владивосток, 2010. 27 с.
6. Чжу Гэ. Лу Синь и искусство книжной иллюстрации в Китае // Университетский научный журнал. 2021. № 65. С. 136-142.
7. Чимитдоржиева Ч.Т. Китайский народный танец и особенности его интерпретации // Научный альманах Центрального Черноземья. 2022. № 2-2. С. 302-306.
8. Шведов М.Н. Чайная культура китайцев: истоки и эволюция: автореф. дис. канд. истор. наук: 07.00.07. – Томск, 2014. 24 с.

References

1. Antonov V.I. Symbol in the Society and Culture of the East. – Moscow: Luch RAU, 1993. 52 p.

2. Brailovskaya L.V. Interior Design in Oriental Style: Japan, China, India, Egypt. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2004. 384 p.
3. Oriental Diary of a Designer. Interior Art in the Cultures of Different Countries / M. A. Uritskaya, I.A. Isaev, S.A. Yakovleva. – Moscow: Niola 21st Century, 2006. 240 p.
4. Zubko G.V. Art of the East. – Moscow: Vostochnaya Kniga, 2012. 432 p.
5. He Zhiyun. Evolution of Traditional Chinese Costume in Northern China as a Representation of Sociocultural Codes of the Picture of the World: author's abstract. diss. cand. cultural studies: 24.00.01. – Vladivostok, 2010. 27 p.
6. Zhu Ge. Lu Xin and the art of book illustration in China // University scientific journal. 2021. № 65. P. 136-142.
7. Chimitdorzhieva Ch.T. Chinese folk dance and features of its interpretation // Scientific almanac of the Central Black Earth Region. 2022. № 2-2. P. 302-306.
8. Shvedov M.N. Tea culture of the Chinese: origins and evolution: author's abstract. dis. candidate of historical sciences: 07.00.07. – Tomsk, 2014. 24 p.

Рыжов И.О.

Аспирант. Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского».

Факторы трансформации культуры традиционной семьи в СССР

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые факторы, оказавшие влияние на трансформацию ценностей традиционной семьи в СССР под влиянием радикальных социально-экономических процессов. Новизна работы состоит в системном рассмотрении факторов трансформации института традиционной семьи в СССР – форсированной индустриализации и урбанизации, военных потерь мужского населения, широкого включения женщин в общественную и экономическую жизнь, столкновения архаичных норм с современной индустриальной культурой. В рамках исследования дается характеристика перестройки домашней иерархии, уровня экономической самостоятельности женщин, возможностей распределения родительских и хозяйственных функций. Изучены материалы, свидетельствующие о постепенной эволюции норм семейной жизни и формировании иных моделей семейно-брачных отношений. Особое внимание уделено противоречивому вкладу государственного регулирования, с одной стороны поддерживающего семью, а с другой – усиливающего административный контроль.

Ключевые слова: традиционная семья, урбанизация, индустриализация, война, гендерные роли, модернизация, семейные практики, традиция, миграция, социализация.

Ryzhov I.O.

Postgraduate. The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Factors of transformation of the culture of the traditional family in the USSR

Abstract. The review article examines the main factors that influenced the transformation of traditional family values in the USSR under the influence of radical socio-economic processes. The novelty of the work consists in a systematic consideration of the factors of transformation of the institution of the traditional family in the USSR – accelerated industrialization and urbanization, military losses of the male population, the widespread inclusion of women in social and economic life, the clash of archaic norms with modern industrial culture. The study provides a description of the restructuring of the household hierarchy, the level of economic independence of women, and the distribution of parental and economic functions. The materials indicating the gradual evolution of the norms of family life and the formation of other models of family and marriage relations have been studied. Special attention is paid to the contradictory contribution of government regulation, which supports the family on the one hand and strengthens administrative control on the other.

Key words: traditional family, urbanization, industrialization, war, gender roles, modernization, family practices, tradition, migration, socialization.

* ©Рыжов И.О., 2025.

Факторы трансформации культуры традиционной семьи в СССР

Развитие сельских и городских сообществ первой половины – середины XX века сопровождалось глобальной трансформацией всех сфер жизни российского общества. Революционные события первой половины XX века, Гражданской, Первой мировой и Великой Отечественной войны, модернизация, проводившаяся через индустриализацию и урбанизацию, радикально изменила устоявшиеся взгляды людей на организацию и функционирование различных социальных институтов. Одним из таких институтов, подвергшимся коренной перестройке и наиболее полно отразившим социальные изменения, является институт семьи.

Статья ставит перед собой цель обзорного рассмотрения основных факторов трансформации традиционной семьи в СССР. Актуальность темы исследования заключается в том, что сегодня институт семьи в России испытывает кризис, нуждается в культурном и ценностном основании. Демографический кризис, вызванный развалом СССР, продолжается и сегодня. Современное российское общество нуждается в сохранении собственной идентичности и культурной памяти через преемственность поколений и исторических эпох.

Новизна работы определяется тем, что в ней рассматривается трансформация ценностной основы традиционного семьи в СССР, дополняя существующие представления о влиянии кризисных факторов, а также государственного регулирования на устоявшиеся семейные нормы. Изучение источников, включающих исторические и социологические материалы, помогает выделить компромиссный характер перестройки патриархальной системы, которая не исчезла мгновенно, а приспособливалась к новым условиям жизни.

В ходе подготовки статьи были привлечены результаты исследований разных авторов, детально рассматривающих модернизацию семьи в указанный период. И.М. Бетильмерзаева [1] проанализировала проблему семьи с позиций современной оценки факторов, приводящих к смене традиционных и новых форм брака. О.М. Здравомыслова [2] уделила внимание становлению советского патриархата, рассмотрев идеи раннесоветской политики и глубину государственных мер в брачной сфере. С.А. Кропачев [3] описал причины, приводившие к усилению женской роли и становлению иной общественной позиции женщин, а Г.Н. Миненко и Н.А. Жилиянина [4] обратились к культуре советских городских семей, подчеркивая, что в послевоенный период участие женщин в экономической и общественной жизни возросло. Г.М. Цинченко [5] выявил особенности политики в отношении семьи в первые годы советской власти, П.Я. Циткилов [6] сосредоточился на анализе советской патриархальной семьи 1930-х годов. В.И. Цуриков [7] описал причины трансформации брачно-семейных отношений, а И.Д. Янцен и С.П. Королева [8] рассмотрели переход от состояния дефамелизации к классической советской семье.

При работе с данными применены сравнительно-исторический и аналитический методы, позволившие выявить динамику формирования новых ролей женщины в городах и «признаки» адаптации сельских семей к индустриальной среде. Использовался также метод системного сопоставления источников, это дало возможность представить эволюцию семейных практик и сбалансированно оценить факторы, вызывавшие разрыв или сохранение традиционных норм.

Конец XIX - начало XX века в России связан с влиянием глобальных модернизационных процессов. Наиболее ярко эти изменения отразились на теле социальной системы. Модернизация затронула не только внешнюю сторону дореволюционного общества, но и его глубинные основания. Пересмотру подверглись нормы и ценности частной жизни, сферы брачно-семейных отношений. Это было началом процесса перестройки устоявшегося взгляда на культуру традиционной семьи и ее основополагающих ценностей, таких как сексуальное поведение, самостоятельность супругов, ведение семейного быта.

С приходом советской власти, прежние семейные устои, опиравшиеся на ценности традиционных семейных отношений, заметно ослабли под влиянием новой морали в области быта и брачно-семейных отношений. Установившиеся при этом меры, нацеленные на устранение неравенства и создание более справедливых отношений между супругами, не отменяли прежних канонов, особенно в сельской местности, предполагавших сильную зависимость женщины от мужчины. Крестьянские домохозяйства нередко продолжали сохранять архаичные регламентации, усиливавшиеся низкой грамотностью и устойчивыми предрассудками [3].

Существенную перестройку семейного уклада обусловили процессы массового переселения и формирования индустриальной и промышленной базы, соотносящихся с политикой государства по построению коммунистического общества в 1930-е годы [1]. С проведением советской индустриализации ядро традиционной семьи начало разрушаться. Промышленная модернизация страны начиналась с коренного преобразования технологической базы,

влекущей за собой дополнительные возможности для разделения труда и механизации ряда производственных центров в промышленных областях. Механизация и автоматизация любого производственного процесса приводит к необходимости привлечения большего числа квалифицированных кадров, способных выполнять управленческие и/или контролирующие функции. Индустриализация привела к появлению большого числа рабочих мест, не требующих широкого применения физического труда. Со временем эти места стали занимать женщины, подчас даже вытесняя мужчин. Этому могли способствовать два фактора. Во-первых, в некоторых производственных операциях оказались востребованными именно те качества, которые в большей степени присущи женщинам, например, в ткацкой промышленности - аккуратность, внимание, развитая мелкая моторика пальцев. Во-вторых, определенную роль могло сыграть согласие женщин на более низкую оплату труда [7].

В 1930-е годы экспериментальная семья больше не отвечала потребностям государства. Снижение рождаемости, увеличение числа абортотребовали формирования иных моделей семейной жизни. В это же время начинается откат к традиционным формам семейных отношений, с опорой на индустриальную культуру.

Приспособление крестьян к городским условиям проходило неравномерно, потому что многие вынужденно перемещались в промышленные центры, отказываясь от прежних способов ведения хозяйства [4]. Такая ситуация приводила к перегруппировке обязанностей, когда женщина приобретала самостоятельность в экономической сфере, а мужчина частично утрачивал монополию в принятии решений [3].

В результате у молодых пар часто снижался прежний контроль со стороны старшего поколения, и само решение о вступлении в брак опиралось на личную привязанность. При правительственной поддержке коллективных форм воспитания детей сохранение патриархальных взглядов на воспитательный процесс всё ещё оставалось значительным [7].

Великая Отечественная война оказала колоссальное влияние на гендерный порядок в СССР. Военный период характеризуется значительным уменьшением количества мужчин и большей вовлеченностью женщин в труде. Это было вызвано необходимостью повышения промышленного производства для нужд армии, постоянного притока рабочей силы. Наиболее существенные изменения произошли в сфере занятости населения. Одной из особенностей военного времени можно считать применение женского труда в тех сферах промышленного производства, которые раньше считались традиционно мужскими [5]. Правительство активизировало работу по привлечению женщин к труду во многих отраслях промышленности, а позже и в политической сфере. В это же время семейные отношения подвергаются радикальной трансформации - теперь ответственность за семью ложилась на женщину и государство. В документах того времени зафиксированы примеры, когда молодой семье приходилось жить с родными жены, а не мужа, что меняло исторически привычные схемы наследования и поддержки [6]. Подобное соответствовало правительственному курсу на участие женщин в труде и общественной жизни [8]. При анализе бытовых условий встречались случаи, когда традиционные обряды игнорировались скорее из-за материальных сложностей, неже-

ли по идеологическим мотивам [2].

Студенческая молодёжь середины прошлого века чаще прибегала к незарегистрированным союзам, не всегда совпадавшим с волей родственников. При этом ужесточение правил развода вызывало скрытые конфликты, вынуждавшие супругов замалчивать семейную дисгармонию. Ослабление патриархальных многопоколенных семей определялось не просто государственными установками, но и осознанием людьми собственной свободы выбора.

В результате молодые женщины, покидавшие сельскую местность, ориентировались на иную поведенческую модель, где личная самостоятельность усиливалась за счет собственного заработка, а традиционная иерархия внутри семьи утрачивала безусловную силу. Послевоенные годы только ускорили такие процессы, поскольку вернувшись с войны мужчины сталкивались с иной системой распределения домашних обязанностей, и жены, вынужденные в военное время взять на себя полностью или частично экономические и семейные обязанности, несмотря на утрату ряда устоявшихся норм и прежнего неравенства. Гендерный порядок под влиянием индустриализации не обрел абсолютно эгалитарный характер. Женщина, которая получала новое положение в городской среде, часто сталкивалась с удвоенной нагрузкой, совмещая внешний труд с сохранением привычных обязанностей в доме. При этом традиционная основа семьи, базирующаяся на патриархальных установках, продолжала действовать в городах, хотя и в видоизмененном виде.

Также стоит отметить, что переход к городскому образу жизни способствовал формированию новой логики распределения обязанностей, где участие женщины в общественном производ-

стве сталкивалось с нехваткой инфраструктуры (яслей, доступного жилья), что порождало бытовые конфликты. В итоговых отчетах указывается, что миграционные потоки после войны привели к возрастанию числа повторных браков, где, по отзывам самих супружеских пар, мужья и жены уже выбирали более гибкие условия для совместной жизни. Многопоколенный формат семьи в сельской местности продолжал сохраняться дольше, чем в промышленных районах. В более крупных ячейках жене приходилось выстраивать отношения не только с мужем, но и с несколькими женщинами старших поколений, создавая особые формы взаимодействия, которые оказывали сильное давление на положение молодой невестки. Подобная система родственных связей, с одной стороны, обеспечивала страхование от бедствий (болезни, временная потеря кормильца), а с другой – превращала семью в замкнутую группу, где индивидуальная свобода в выборе партнера или инициативы фактически ограничивалась общесемейными приоритетами. Между тем, в городах молодые супруги стремились к отделению от старших ради более гибких форм разделения труда и экономической самостоятельности.

Одним из ключевых факторов кризиса патриархальной семьи стало уменьшение мужского населения во время Великой Отечественной, и как следствие, включение женщин в различные отрасли промышленного производства, массовое появление вдов и сирот вследствие военных потерь. Возросшая экономическая ответственность женщин за благополучие детей приводила к пересмотру главенствующего положения мужчины в семье [1].

Более того, сильное присутствие государства в семейно-брачной сфере

(органы регистрации и развода, алиментные судебные процедуры, система выплат многодетным) устанавливало дополнительные административные регламентации. На поверку такая политика хоть и усиливала социальную защиту, однако порождала дублирование традиционных норм и государственной регламентации, делая семью еще более зависимой от внешних обстоятельств.

Таким образом, традиционный модель семейно-брачных отношений в первой половине XX века подверглась всесторонней трансформации под воздействием социальных, экономических, политических факторов. Стоит отметить, что традиционный формат семьи не был уничтожен мгновенно, а претерпел многоступенчатую перестройку. Трансформация затронула базовые, глубинные ценностные основы семейных отношений, включая отношение супругов с родственниками, распределение гендерных ролей, положение женщины в браке и обществе. Обнаруженные в ходе исследования факты позволяют уточнить, что устойчивая архаическая структура сохранялась в периферийных зонах дольше, чем в крупных городских и промышленных центрах. Между тем в промышленных районах формировались варианты семьи с более гибким разделением функций и частичным перемещением хозяйственных полномочий к женщине.

Список литературы

1. Бетильмерзаева М.М. Трансформационные особенности проблемы семьи в современном обществе // Актуальные проблемы современной семьи: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Грозный, 29 апреля 2021 года. – Грозный: Общество с ограниченной ответственностью «АЛЕФ», 2021. С. 140-147.
2. Здравомыслова О.М. Как рождался «Советский патриархат». Григорий Баткис о сексуальной революции

- в России // Демографическое обозрение. 2017. № 1. С. 112-125.
3. Кропачев С.А. Трансформация социальной роли женщины, семьи и брака в многонациональной России 1920-х годов // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2023. № 1 (59). С. 67-78.
 4. Миненко Г.Н., Жилиянина Н.А. Культура советской городской семьи в 1945–1970-х годах // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 53. С. 55-68.
 5. Цинченко Г.М. Политика в отношении семьи в первые годы советской власти // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015. № 1 (37). С. 23-34.
 6. Циткилов П.Я. Советская патриархальная семья в 1930-е годы // Известия Смоленского государственного университета. 2018. № 2 (42). С. 372-390.
 7. Пуриков В.И. О традиционной семье и причинах трансформации брачно-семейных отношений // Социодинамика. 2017. № 3. С. 45-56.
 8. Янцен И.Д., Королева С.П. Семейно-брачные отношения в СССР в 1920–1930-е годы: от дефамилизации к классической советской семье // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-2. С. 89-101.

References

1. Betilmerzaeva M.M. Transformational Features of the Family Problem in Modern Society // Actual Problems of the Modern Family: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Grozny, April 29, 2021. - Grozny: Limited Liability Company "ALEF", 2021. P. 140-147.
2. Zdravomyslova O.M. How the "Soviet Patriarchy" Was Born. Grigory Batkis on the Sexual Revolution in Russia // Demographic Review. 2017. № 1. P. 112-125.
3. Kropachev S.A. Transformation of the Social Role of Women, Family and Marriage in Multinational Russia of the 1920s // Bulletin of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 1 (59). P. 67-78.
4. Minenko G.N., Zhilyanina N.A. The Culture of the Soviet Urban Family in the 1945-1970s // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2020. № 53. P. 55-68.
5. Tsинchenko G.M. Family Policy in the Early Years of Soviet Power // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2015. № 1 (37). P. 23-34.
6. Tsitkilov P.Ya. Soviet Patriarchal Family in the 1930s // Bulletin of the Smolensk State University. 2018. № 2 (42). P. 372-390.
7. Tsurikov V.I. On the traditional family and the reasons for the transformation of marital relations // Sociodynamics. 2017. № 3. P. 45-56.
8. Yantsen I.D., Koroleva S.P. Family and marital relations in the USSR in the 1920-1930s: from defamilization to the classical Soviet family // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. № 4-2. P. 89-101.

Сунь На

Старшая преподавательница. Хэйхэский университет.

Чжао Хуэйцин

Доцент. Хэйхэский университет.

Содержание научно-популярного туризма в области исследования объектов материального и нематериального наследия*

Аннотация. Данная работа ориентирована на исследование содержания научно- популярного туризма на территории КНР. Ориентируясь на специфику провинции Хэйлунцзян, автор изучает различные достопримечательности, которые могут быть интересны туристам и выявляет их содержание и значимость для государства.

В публикации внимание акцентируется на научно- популярный туризм как актуальное направление, объединяющую рекреационный, культурный и образовательный компоненты. В работе подчеркиваются характерологические особенности объектов научно- популярного туризма, материальный и нематериальный характер которых реализуется не только в собственно, туристических комплексах, но и в контексте непосредственно научной, образовательной и волонтерской деятельности. Именно поэтому в работе приводятся примеры использования в туристических целях вузов, научных образовательных площадок и экспедиций.

Целью работы определяется всестороннее изучение научно- популярного туризма в области исследования объектов материального и нематериального исследования КНР. Объект-содержание научно-популярного туризма, предмет - объекты материального и нематериального наследия.

Ключевые слова: туристическая интеграция, культурное наследие, научно-популярный туризм, достопримечательность, научный центр, образовательная площадка, иностранные туристы.

Sun Na

Lecturer. Heihe University.

Zhao Huiqing

Associate Professor. Heihe University.

The content of popular science tourism in the field of research of objects of tangible and intangible heritage

Abstract. This work is focused on the study of the content of popular science tourism in China.

* © Сунь На, Чжао Хуэйцин, 2025.

Содержание научно-популярного туризма в области исследования объектов материального и нематериального наследия

Focusing on the specifics of Heilongjiang Province, the author examines various attractions that may be of interest to tourists and identifies their content and significance for the state.

The publication focuses on popular science tourism as a relevant area combining recreational, cultural and educational components. The paper highlights the characterological features of popular science tourism facilities, the tangible and intangible nature of which is realized not only in the tourist complexes themselves, but also in the context of scientific, educational and volunteer activities. That is why the paper provides examples of the use of universities, scientific educational sites and expeditions for tourist purposes.

The purpose of the work is a comprehensive study of popular science tourism in the field of research of objects of tangible and intangible research of the PRC. The object is the content of popular science tourism; the subject is objects of tangible and intangible heritage.

Key words: tourist integration, cultural heritage, popular science tourism, landmark, scientific center, educational site, foreign tourists.

Исследование выполнено в рамках гранта «Исследование развития в области научно- популярного туризма по нематериальному культурному наследию в провинции Хэйлунцзян на основе ракурса культурной и туристической интеграции. Грант № 2023-KYYWF-1126

Введение в проблему

В рамках современного динамично развивающегося общества возможно говорить о различных способах познания окружающего мира, в том числе, о туризме, который не только стремительно набирает обороты, но и приобретает новые очертания, в него включаются инновационные направления.

На настоящий момент многие авторы говорят о том, что кроме рекреационного туризма актуальны гастрономический, промышленный, образовательный, а также научно- популярный виды [4]. Специфика последнего заключается в том, что объекты, посещаемые туристами, являются реально работающими лабораториями, научно-исследовательскими институтами, технопарками и комплексами коллаборации. При этом туристы являются не просто пассивными слушателями, а активно участвуют в экспериментах, демонстрационных мероприятиях, лекциях, создавая при этом продукты интеллектуального и творческого труда. Экскурсовод лишь осуществляет непо-

средственно обязанности проводника, гида, а непосредственно функциональный актив определен лекторам, координаторам тех объектов, которые посещают туристы.

Объекты научно- популярного туризма Китая, к примеру, обширны и разнообразны. Они включают в себя ряд университетов, научных комплексов, исследовательских институтов, которые представляют значительный интерес для посещения. В рамках данного исследования нам необходимо определить не только, насколько востребован научно- популярный туризм, но и конкретизировать наиболее интересные объекты.

Целью работы определяется всестороннее изучение научно- популярного туризма в области исследования объектов материального и нематериального исследования КНР. Объект-содержание научно-популярного туризма, предмет - объекты материального и нематериального наследия.

В ходе работы мы также решаем задачи, которые позволяют нам достичь

указанной цели:

1. Определить понятие и виды объектов материального и нематериального наследия в контексте научно- популярного туризма;

2. Конкретизировать основные объекты в КНР, наиболее интересные для туристов;

3. Наметить перспективы развития научно- популярного туризма в контексте изучения объектов материального и нематериального наследия.

Краткий обзор исследований

Исследования в данной области представлены, преимущественно работами китайских и российских авторов, касающимися содержания научно- популярного туризма (А.В. Попова, Е.Г. Фоменко, Е.Н. Плиева), специфики организации подобного вида туризма в КНР (Сун Линьлин, М.Р. Гозалова, Н.Ю. Логинова), а также сохранения и изучения объектов материального и нематериального наследия (Л.В. Лбова, Люй Шуаншун, Ли Сюечань).

Методы исследования

Основным методом работы мы определили теоретический анализ различных источников, в том числе, интернет- ресурсов, которые позволяют сопоставить различные точки зрения на вопросы изучаемой темы, а также исследование опыта исследования объектов материального и нематериального наследия на конкретных примерах.

Это позволит нам обозначить востребованность различных объектов, а также выявить основные перспективы развития научно- популярного туризма, определения содержания объектов материального и нематериального наследия.

Результаты и их обсуждение

Понятие и виды объектов матери-

ального и нематериального наследия в контексте научно- популярного туризма.

Научно-популярный туризм является одним из наиболее востребованных видов во внутренних и международных поездках. Он являет собой синтез различных видов туристической деятельности и конечно же, его содержание отражает специфику тех объектов, которые подлежат посещению и изучению туристами.

Е.Н. Плиева [6] отмечает, что только в РФ более 60% граждан проявляют активный интерес к науке и всему, что связано с образованием, достижениями. Подобная тенденция прослеживается и в других государствах, где уровень интеллектуального развития, познавательной мотивации граждан постоянно повышается и в связи с этим увеличивается потребность в путешествиях, изучении новых туристических объектов. Е.А. Крылова, упоминаемая в работе данного автора [6, с. 2704] характеризует данный вид туризма как объединение бизнес-направления, науки, исследования природы, истории и культуры. Он тесно связан с повышением общего уровня развития населения, популяризацией науки и повышением интереса к внутренним и международным поездкам.

Касаясь терминологии «наследия», необходимо обратиться к культурно- историческому дискурсу, который определяет данный термин как синоним «истории», «культуры» и социальных процессов, которые проходят в различные исторические эпохи. Именно категория наследия позволяет говорить об идентичности, коллективной памяти и тех категориях, которые отражают национальные, региональные либо государственные особенности. И эта ценность подчерки-

вается повышенным социальным, туристическим интересом, проявляемым к подобным объектам. Изучая их, посетители из других стран постигают язык, культуру народа, обогащают свой социальный опыт, расширяют кругозор.

К примеру, среди основных категорий нематериального наследия, характеризующих Китай, некоторые авторы [2]:

1) народное творчество (кит. 民间文学) – 230 объектов;

2) традиционная музыка (кит. 传统音乐) – 401 объект;

3) традиционные танцы (кит. 传统舞蹈) – 324 объекта;

4) традиционная драма (кит. 传统戏剧) – 445 объектов;

5) песенно-сказательное искусство (кит. 曲艺) – 193 объекта;

6) традиционные виды спорта, эстрадное и цирковое искусство (кит. 传统体育、游艺与杂技) – 124 объекта;

7) традиционная живопись (кит. 传统美术) – 359 объектов;

8) традиционное декоративно-прикладное искусство (кит. 传统技艺) – 506 объектов;

9) традиционная медицина и фармакология (кит. 传统医药) – 137 объектов;

10) фольклор (кит. 民俗) – 426 объектов. [2]

Безусловно, подобное разнообразие обуславливает необходимость детального и тщательного изучения содержания, специфики данных объектов, а также возможности самих туристов поучаствовать в их реализации, «прикоснуться» к культуре.

В качестве основных направлений исследования вышеуказанных объектов ряд исследователей [3], [4] выделяют:

1. Научные центры, интерактивные музеи, лаборатории, отражающие достижения науки и техники. В данном

формате актуально общение с представителями научных сообществ, активные мастер-классы и коллаборации;

2. Экспедиции по исследованию памятников природы и архитектуры, исторических находок. В таких группах интегрированный состав ученых, возможно студентов и туристов позволяет получать уникальный социальный опыт, формировать роль исследователя;

3. Волонтерство в научной сфере. Предполагает развитие уже функционирующих исследований в различных сферах экологии, промышленности, социальной сферы (исследование уровня загрязнения водоемов и воздуха, изучение эффективности искусственного интеллекта на производственные процессы и пр.);

4. Участие в составлении научных коллекций (гербарий, окаменелости, минералы);

5. Создание фото- и видеоматериалов о данных и иных (природных и историко-культурных) объектах, интеграция их в жизнедеятельность, создание социальной рекламы;

6. Участие в популяризации научных знаний путем активного привлечения молодежи, детей и подростков к изучению профессий, направлений научной деятельности;

7. Проведение открытых лекций, тренингов, экскурсий в контексте привлечения потенциальных абитуриентов, подготовки молодых специалистов к экспедициям.

Основные объекты материального и нематериального наследия в КНР, наиболее интересные для туристов

По мнению большинства исследователей, не удивительно, что потоки туристов в Китай с каждым годом увеличиваются. Кроме того, что эта страна имеет более чем тысячелетнюю историю, так еще и современные тенденции

развития динамичны, актуальны в нынешнем социуме.

Список объектов культурного и исторического наследия в государстве регулярно пополняется и это привлекает множество туристов, готовых не только смотреть, но и участвовать в различных интерактивных мероприятиях.

Как отмечает Сун Линьлинь [8], научно- популярный туризм становится все более востребованным и среди иностранных, и среди местных туристов, которые с удивлением открывают для себя потенциал государства. В Заключении государственного совета от 2009 года [8, с. 31] было сказано, что развитие туризма должно быть направлено не только на рекреацию, но и на удовлетворение духовных потребностей населения, в число которых входит познание нового, обучение, сохранение психического здоровья. В данной стратегии определены ключевые регионы и направления: на начальном этапе создание Общества охраны нематериального культурного наследия КНР (2012), проведение Международной конференции по научно- популярному туризму в Чэнду (2013).

В 2020 г. список объектов нематериального наследия Китая включал более 40 наименований [8, с. 33] и 21 территорию, на настоящий момент, безусловно, он расширился: устное народное творчество (исполнение «мукамов» – Синьцзянь), культура и искусство («великое пение» народности, тибетская опера и пр.).

В качестве наиболее актуальных направлений научно- популярного туризма необходимо выделить знакомство и участие туристов:

- в исторических традициях, обрядах (Праздник драконьих лодок, Новогодний праздник народности и пр.),

которые отражают чисто культурную составляющую;

- исследование объектов, связанных непосредственно с популяризацией науки (Математический расчет на традиционных китайских счетах, изучение 24 циклов солнечной активности, принятие лечебных ванн ламврачевателей и др.);

- активности, связанные с познанием традиционных искусств и ремесел (текстильное производство, традиционные техники строительства, каллиграфия, искусство вырезания из бумаги).

Данные объекты нематериального наследия невозможно изучать, не приобщаясь к объектам наследия материального. И в данном случае важно говорить о взаимосвязи культуры, истории, науки и современных достижений. К примеру, на основе изучения архитектуры традиционных арочных мостов туристы познают основы коммуникации, китайской культуры, языка. Это обусловлено тем, что имея специфическое строение арочные мосты можно назвать важнейшими местами сбора местных жителей, проведения мероприятий, в том числе, праздников и традиций, в которых принимают участие туристы. Это знакомит их одновременно с несколькими направлениями деятельности, популяризирует науку и позволяет организовать полноценный отдых.

Отдельно необходимо сказать о тех субъектах, которые расширяют научно- популярный туризм:

- Министерство культуры и туризма КНР, которое является координатором культурных, туристических, рекреационных проектов на уровне государства;

- Центр охраны нематериального культурного наследия в Китае позволяет акцентировать внимание на тех

категориях туристических объектов, которые мы обозначали ранее;

- вебсайт «Нематериальное культурное наследие Китая» является мощным ресурсом, на котором туристы со всего мира могут ознакомиться с интересующими их объектами и затем посетить их.

Данные субъекты призваны популяризировать туризм не только как направление отдыха, но и как инструмент познания окружающего мира, повышения культурного и образовательного уровня.

Перспективы развития научно- популярного туризма в контексте изучения объектов материального и нематериального наследия

Как мы уже отмечали ранее, данное направление туризма является достаточно востребованным и в большинстве стран внесено в стратегии государственной политики. Научно- популярный туризм обеспечивает приток не просто туристов, а тех, кто обладает определенным интеллектуальным потенциалом и в дальнейшем может приехать на обучение или работу.

Кроме того, международные социокультурные, научные исследования в рамках данного направления туризма трансформируются в программы и проекты и реализуют следующие функции [6]:

- личностное развитие, расширение инструментария познания окружающего мира, возможность создания творческих, научных и иных интеллектуальных продуктов;

- сбор информации, формирование контента для ведения блогов, каналов, освещения в СМИ, преимущественно научного характера;

- популяризация научных знаний, повышение мотивации к обучению, получению более высокого уровня обра-

зования в вузах, научно- исследовательских институтах, а также получению знаний на экскурсиях, в турах, с участием в интерактивных мероприятиях;

- повышение уровня квалификации научных сотрудников, получение более глубоких и расширенных знаний основы формирования универсальных компетенций;

- формирование новых маршрутов, включающих объекты исторического, культурного, архитектурного и иного наследия, что позволяет организовать комплексные поездки, включающие и отдых, и научную деятельность и коммуникацию;

- расширение информационно- коммуникационного пространства, в котором возможно общение представителей научных сообществ и гражданского общества из различных государств;

- повышение привлекательности научных проектов, программ, грантовых конкурсов, в которых возможно участие приезжающих туристов, сотрудников научно- исследовательских институтов.

Подобные функции позволяют наделять новыми характеристиками уже функционирующие объекты. К примеру, Харбин в провинции Хэйлунцзян является не только горнолыжным курортом, но с проведением фестиваля снега и льда стал одним из объектов нематериального наследия, который позволяет ознакомиться с обычаями, традициями китайского народа, а также получить знания о специфике севера, физике образования снега, льда.

Это расширяет возможности участия туристов там, где раньше они не могли активно себя проявить. И.С. Олейникова [5] указывает на то, что портрет современного туризма значительно отличается от того, что он представлял себя несколько десятилетий назад. Совре-

менный участник научно- популярного туризма в возрасте от 18 до 35 лет, активно проводящий исследования, научные изыскания, характеризующийся повышенной мотивацией познания, социальной ответственностью и возможностью путешествовать. Это обусловлено тем, что часть поездок в рамках данного туризма может совершаться за счет грантов, субсидий, персональных стипендий.

Кроме того, данная категория туристов характеризуется высокой степенью активности в различных видах деятельности, сочетая науку, отдых, социокультурное развитие.

Опираясь на это, развитие научно- популярного туризма необходимо считать перспективным и востребованным с основной целевой аудиторией, а также с теми, кем движет исследовательский и познавательный интерес.

Выводы и заключение

В качестве основного вывода необходимо подчеркнуть значимость научно- популярного туризма и актуальность исследования объектов материального и нематериального наследия.

Люй Шуаншун и Ли Сюечань [3] отмечают, что КНР как участник международной Конвенции «Об охране нематериального культурного наследия» ЮНЕСКО, проводит активную политику не только в отношении сохранения и поддержания подобных объектов, но и в контексте развития научно- популярного туризма. При этом списки объектов нематериального наследия регулярно пополняются, возрождая культуру страны, привлекая туристов, а также развивая науку, культуру, искусство и иные отрасли.

Научно- популярный туризм, как мы можем отметить, является одним

из наиболее востребованных направлений туристической деятельности. Он способствует повышению культурного и образовательного уровня населения, увеличению туристических потоков, возможному приглашению высококвалифицированных специалистов, абитуриентов.

Хочется отметить, что специфика объектов материального и нематериального наследия отражает тенденции современности и этим они привлекательны для такой целевой аудитории как дети, подростки и молодежь, составляющие будущее любого государства, интеллектуальный потенциал и кадровый резерв.

Активное включение их в изучение и использование подобных объектов позволяет организовать такое пространство, в котором объединены история и современность, культура, наука, техника, образование. Именно подобная интегративная среда позволяет туристам активно познавать и преобразовывать окружающую действительность.

Список литературы

1. Гозалова М.Р., Логинова Н.Ю., Пацкевич А.М. Периферийный туризм в Китае: современное состояние и перспективы развития // Сервис в России и за рубежом. 2018. № 1 (79). С. 39-51.
2. Кучинская М.А. Культурное наследие КНР как ресурс укрепления «мягкой силы» [Электронный ресурс] // Elibrary.ru: научная электронная библиотека. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18103655-19.04.2025>.
3. Лбова Л.В., Люй Шуаншун, Ли Сюечань Современные практики и стратегии сохранения нематериального культурного наследия в северо-восточном Китае // Россия в глобальном мире. 2024. №1. С. 55-77.
4. Морозов М.А., Морозова Н.С. Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. Т. 11. № 1. С. 43-49.
5. Олейникова И.С. Портрет потребителя молодежного туризма на основе теории поколений и системы архетипов / И.С. Олейникова, А.Д. Гербергагина // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 12. С. 3489-3510. – DOI 10.18334/ce.18.12.122223
6. Плиева Е.Н. Развитие научно- популярного туризма на современном этапе // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 10. С. 2701-2712. – DOI 10.18334/ce.18.10.121854
7. Попова А.В., Фоменко Е.Г. Место нематериального культурного наследия в государственной политике

- КНР // Культура и искусство. 2022. № 11. С. 42-53.
8. Сун Линьлинь. Эволюция и тенденции развития сферы туризма в провинции Хэйлунцзян (КНР) // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 2 (87). С. 29-35.
 9. Юйшина Е.А. Нематериальная культура Китая // Человек и его ценности в современном мире: VI Международная научно-практическая конференция, Чита, 16–17 октября 2014 года / под редакцией К.Г. Эрдыевовой. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2015. С. 214-224.
 10. Smeets R. Intangible Cultural Heritage and its Link to Tangible Cultural and Natural Heritage // Utaki in Okinawa and Sacred Spaces in Asia. Edited by M. Yamamoto and M. Fujimoto. – Tokyo: The Japan Foundation, 2004. P. 137-50.

References

1. Gozalova M.R., Loginova N.Yu., Patskevich A.M. Peripheral tourism in China: current state and development prospects // Service in Russia and abroad. 2018. № 1 (79). P. 39-51.
2. Kuchinskaya M.A. Cultural heritage of the PRC as a resource for strengthening “soft power” [Electronic resource] // Elibrary.ru: scientific electronic library. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18103655> –19.04.2025.
3. Lbova L.V., Lu Shuangshuang, Li Xuechan Modern practices and strategies for preserving intangible cultural heritage in northeastern China // Russia in the global world. 2024. № 1. P. 55-77.
4. Morozov M.A., Morozova N.S. Modern problems of service and tourism. 2017. Vol. 11. № 1. P. 43-49.
5. Oleynikova I.S. Portrait of a consumer of youth tourism based on the theory of generations and the system of archetypes / I.S. Oleynikova, A.D. Gerbersgagina // Creative Economy. 2024. Vol. 18. № 12. P. 3489-3510. – DOI 10.18334/ce.18.12.122223
6. Plieva E.N. Development of popular science tourism at the present stage // Creative Economy. 2024. Vol. 18. № 10. P. 2701-2712. – DOI 10.18334/ce.18.10.121854
7. Popova A.V., Fomenko E.G. The Place of Intangible Cultural Heritage in the State Policy of the PRC // Culture and Art. 2022. № 11. P. 42-53.
8. Song Linlin. Evolution and Development Trends of the Tourism Sphere in Heilongjiang Province (PRC) // Power and Administration in the East of Russia. 2019. № 2 (87). P. 29-35.
9. Yuyshina E.A. Intangible Culture of China // Man and His Values in the Modern World: VI International Scientific and Practical Conference, Chita, October 16-17, 2014 / edited by K.G. Erdyneeva. – Chita: Transbaikalian State University, 2015. P. 214-224.
10. Smeets R. Intangible Cultural Heritage and its Link to Tangible Cultural and Natural Heritage // Utaki in Okinawa and Sacred Spaces in Asia. Edited by M. Yamamoto and M. Fujimoto. – Tokyo: The Japan Foundation, 2004. P. 137-50.

Чуланкина А.Д.

Аспирант. АНО ВО Гуманитарный университет, г. Екатеринбург.

Семейные купеческие обряды второй половины XIX в. на Урале: ценностно-смысловой подход*

Аннотация. Предметом исследования являются традиционные обряды, принятые в купеческих семьях на Урале во второй половине XIX столетия. Цель работы – охарактеризовать разные типы купеческих обрядов, сформированных под влиянием духовно-мировоззренческих ценностей купцов, которые были основаны на глубокой религиозности, консерватизме, следовании устоям патриархата и Домостроя и одновременно на приверженности принципам практицизма и коммерческой выгоды. В ходе работы автором статьи были применены следующие методы исследования: теоретический (общий анализ обрядовой культуры уральского купечества второй половины XIX веков), практический (приведение конкретных примеров обрядов, их описание) и аксиологический (погружение в систему ценностей, мировоззренческих принципов, духовных и ментальных ориентиров купеческого сословия). Методологию исследования составил обширный пласт научных трудов: статьи в рецензируемых журналах ВАК и РИНЦ, монографии, диссертации по теме. Результатами работы явились представления широкой картины обрядовой культуры уральского купечества второй половины XIX века. Новизна исследования заключена в обобщении и систематизации отрывочных и разрозненных данных об обрядах, практикуемых в купеческих семьях указанной эпохи. В ходе исследования автором сделаны выводы о противоречивости обрядовой культуры купеческого сословия, которое, в целом, может характеризоваться как сложный и неоднозначный феномен, с одной стороны, способствовавший эволюции прогрессивных тенденций в Российской империи, а, с другой, тормозивший ее развитие.

Ключевые слова: купечество, Урал, XIX в., обряды, семья, религиозность, православие, патриархат, Домострой, консерватизм.

Chulankina A.D.

Postgraduate Student. University for Humanities.

Family merchant rituals of the second half of the 19th century in the Urals: a value-semantic approach

Abstract. The subject of the study is the traditional rituals adopted by merchant families in the Urals in the second half of the 19th century. The purpose of the work is to characterize different types of merchant rituals formed under the influence of the spiritual and ideological values of merchants, which were based on deep religiosity, conservatism, adherence to the principles of patriarchy and House building, and at the same time on adherence to the principles of practicality and commercial gain. In the course of the work, the author applied the following research methods: theoretical (general analysis of the ritual culture of the Ural merchant class of the second half of the 19th century), practical (providing specific examples of rituals, their description) and axiological

* © Чуланкина А.Д., 2025.

Семейные купеческие обряды второй половины XIX в. на Урале: ценностно-смысловой подход

(immersion in the system of values, ideological principles, spiritual and mental guidelines of the merchant class). The research methodology was compiled by an extensive body of scientific papers: articles in peer-reviewed journals of the Higher Attestation Commission and the Russian Research Center, monographs, and dissertations on the topic. The results of the work were the presentation of a broad picture of the ritual culture of the Ural merchants of the second half of the 19th century. The novelty of the research lies in the generalization and systematization of fragmentary and scattered data on the rituals practiced in merchant families of the specified era. In the course of the research, the author draws conclusions about the inconsistency of the ceremonial culture of the merchant class, which, in general, can be characterized as a complex and ambiguous phenomenon, on the one hand, contributed to the evolution of progressive trends in the Russian Empire, and, on the other, hindered its development.

Key words: merchants, Urals, XIX century, rituals, family, religiosity, Orthodoxy, patriarchy, House building, conservatism.

Во второй половине XIX столетия и вплоть до Октябрьской революции 1917 года купечество являлось одним из самых многочисленных и влиятельных сословий в России. Наиболее значительная по численности часть купеческого сословия проживала в это время на Урале. Купцы обладали собственной самобытной культурой, особым мировоззрением, менталитетом, системой взглядов, духовных ценностей, нравственно-этических принципов, которые отличали их от других сословий русского общества.

Сословные мировоззренческие установки и ценности уральского купечества второй половины XIX века определяли образ жизни, повседневный уклад, бытовое и деловое поведение представителей сословия – самих купцов и членов их семей. Уральское купечество имело свою систему обрядов – конкретных действий, установленных обычаями и связанных с бытовыми традициями и религиозными представлениями.

Купеческие обряды отражали определенные духовно-нравственные, жизненные, семейные ценности купцов, а также и их подходы к образованию и воспитанию детей [4-6].

Ценности купеческого сословия

были определены устоями патриархального уклада и православных традиций. Большое значение для купцов имели семья и родственные связи. Родовая самоидентификация и реализация себя в семейной жизни позволяла купцам сохранять стабильность, что было очень важным в условиях меняющейся и зыбкой социально-экономической и социокультурной ситуации [2, 13]. Часто членов купеческой семьи объединяла не только принадлежность к единому роду, но и общие коммерческие дела. Они могли совместно владеть каким-либо производственным предприятием, мельницей, ремесленными мастерскими, вести общую торговлю. Успех в коммерческих делах зависел от слаженных действий всех представителей клана. Причем, для купцов было важно не только поддерживать достойный образ жизни своей семьи в настоящий момент, но и думать о будущем, заботиться о благополучной жизни новых поколений. Таким образом, для купцов играло значимую роль накопление состояния, вложение финансовых средств в какое-нибудь прибыльное дело [4-6].

Особое значение купцы придавали воспитанию молодого поколения. Они стремились прививать детям патриар-

хальное мировоззрение, православные ценности, богобоязненность, трудолюбие и усердие в делах. Также родители заботились о физическом здоровье и положительном нравственном облике своих чад [4-6, 14].

Огромное значение придавалось религиозно-нравственному воспитанию молодежи. В купеческой среде ценилось почитание старших, верность своему слову, милость к сирым и убогим. Важная роль придавалась понятиям долга и чести.

Для купцов крайне значимым являлось соблюдение церковных традиций (отмечание крупных православных праздников, держание постов, особенно перед Рождеством и Пасхой) и всех, связанных с этим, обрядов [16]. Особенно значимым для всех членов купеческой семьи было регулярное посещение церкви и участие в службах по воскресеньям и православным праздникам. Все они регулярно причащались, исповедовались, делали щедрые пожертвования храмам, больницам, бесплатным столовым, богадельням, ночлежкам, спонсировали публичные библиотеки, образовательные учреждения, организовывали на свои средства городские праздники, брали на воспитание приемных детей, покровительствовали художникам [3]. Купцы активно участвовали в крестных ходах, во время которых они занимали почетное место – сразу же за чиновниками [10].

Детей в купеческих семьях обязательно крестили в младенческом возрасте. Обряд крещения являлся одним из главных. Его осуществляли либо на восьмой, либо на сороковой день после рождения. На крещении традиционно присутствовали крестные родители. Во время обряда на младенца надевали золотой либо серебряный крестик, который он должен был носить в течение

всей своей жизни. После совершения церковного ритуала купец приглашал к себе домой всех родственников для торжества. Крестины праздновались очень широко, с обильным застольем. Кроме того, в купеческой среде в честь крещения ребенка было принято кормить бедняков.

Религиозное мышление было настолько развито среди купцов, что они даже проводили обряды по освящению мест своей трудовой деятельности – заводов, мастерских, мельниц, транспортных средств. Кроме того, у купцов существовал целый комплекс религиозных обрядов, которые они применяли в своей деловой жизни. Купцы часто практиковали утреннее заговаривание товара. Это совершали до того, как солнце встанет и начнет рассветать. Производилось окропление продукции заговоренной водой. Активно читались молитвы для успеха в торговле [1].

Очень часто представители купеческого сословия жертвовали средства на строительство новых церквей. Причем, обычно храмы возводились на территории торговых рядов, где купцы продавали свою продукцию [1].

Религиозное чувство воспринималось как безусловная добродетель. День в купеческих семьях обязательно начинался с молитвы и заканчивался ею же [3].

Купеческому сословию была присуща демонстративная набожность, которая проявлялась в беспрекословном соблюдении православных традиций и обычаев, христианской благотворительности, строительстве храмов. Идеалом и путевым ориентиром для купцов было ведение жизни, присущей верующему человеку, стремящемуся к спасению души [10, 13].

Кроме того, купцы стремились подчеркнуть свою религиозность и привер-

женность православным традициям внешним антуражем. Они оформляли внутреннее убранство своего жилища предметами культа. Купцы имели специальные уголки, а порой и целые религиозные комнаты, в которых размещали иконы и даже иконостасы, священные книги и ритуальные предметы. Данные пространства служили для отправления религиозных обрядов [7].

Как уже можно было убедиться, купеческое мировоззрение отличалось некоторой противоречивостью. И это проявлялось в нескольких аспектах. С одной стороны, купцы отличались большой религиозностью, с другой, тяготели к земным удовольствиям [11]. Противоречивость проявлялась и в том, что купцы нередко стремились к показной роскоши (чаепития, застолья, строительство помпезных домов, демонстрация статуса в костюмах, благотворительность и меценатство), но, одновременно с этим, определенная часть представителей купеческого сословия отказывалась от расточительности и излишеств в образе жизни. Особенно это было свойственной купцам, тяготевшим к старообрядческой культуре [8, 12].

Важной ценностью для купеческого сословия была семья. Причем, она являлась не только личным, но и общественным делом. По поведению детей и даже прислуги, по тому, как держала себя супруга, по особенностям жизненного уклада конкретной семьи формировалось представление о том, насколько отец пользовался влиянием и авторитетом в своей семье, а это, в свою очередь, способствовало его успеху в предпринимательских делах и общественной жизни. Поэтому для купцов являлось крайне важным создать крепкую семью, основанную на соблюдении принятых в обществе патриархальных

правил и православных традиций, что, главным образом, демонстрировалось через проведение различных обрядов.

Важную роль в купеческой среде играл обряд бракосочетания, сопровождающийся венчанием. Свадебные обряды уральского купечества отличались разнообразием. Так как на Урале было много переселенцев, они привносили свои культурные особенности и традиции, что влияло на купеческие обряды, в том числе свадебные. На Урале были распространены два типа свадеб – южнорусский, представляющий собой веселье, и северорусский – свадьба-похороны. Первый свадебный тип (южнорусский) характеризовался следующими особенностями: развертывание обрядовых действий одновременно в двух пространствах – в домах жениха и невесты (сборы, благословение невесты и жениха), выполнение обменных действий (обмен хлебом, солью, в некоторых случаях – мясом, подарками жениха и невесты), осуществление купли/продажи (выкуп невестиной косы и места), обозначающей процесс слияния двух родов, демонстрация общинности, коллективности (обход дворов), главенство свадебных песен разного типа (величальных, корильных, причитаний), украшение срубленного дерева. Свадьбу южнорусского типа воспринимали как настоящее веселье. О ней говорили, что она «игралась» [15, 18].

Свадебный обряд северорусского типа был совершенно иной. В нем прослеживалась печаль, а порой и скорбь. Обрядовые действия проходили в одном пространстве. Они начинались в доме невесты, а затем переходили в дом жениха. Свадебные песни ограничивались лишь драматическими причитаниями представителей рода невесты. Сама свадьба воспринималась как похороны невесты. Девушка переходила в дом

жениха и умирала для своего рода. Свадебное действие сопровождалось следующими обрядами – «вытьем на зарю», которое проходило в доме невесты, раздачей и смыванием «девичьей красоты» (передача свадебных лент, венка, украшений подружкам невесты и мытье в бане) [15, 18].

Таким образом, в свадебных обрядах двух типов, распространенных на Урале во второй половине XIX века ярко демонстрировались разные типы менталитета – южан и северян. Первому были свойственны безудержное веселье, разухабистость, широкий размах, второму – суровость и скорбное предствление о мире.

Свадьбы в среде уральского купечества, как и у крестьян, традиционно было принято устраивать в зависимости от годового цикла сельскохозяйственных работ. Дату торжества приурочивали к определенным периодам, праздникам народного и православного календаря (зимний мясоед, Красная горка и др.) [18].

Одним из важных ритуалов для купеческого сословия являлся обряд сватовства. Он представлял собой довольно сложный и длительный процесс. Сначала юноша и девушка, по предварительному сговору родителей, знакомились в каком-либо общественном месте – на балу или музыкальном вечере. Далее свахи обсуждали жениха и невесту с их родителями, договаривались о приданом, обговаривали все нюансы будущего свадебного обряда. Затем назначались официальные смотрины. И только после этого принималось решение о свадьбе.

Несмотря на стремление к глубокой религиозности, соблюдению православных традиций и выполнению всех необходимых обрядов культа, у уральского купечества второй половины

XIX века была тяга и к другой – противоположной – стороне бытия, далекой от святости. Купцы обожали обильные старорусские застолья и разгульные кутежи. Они служили своего рода признаком принадлежности к купеческому сословию. Особой страстью для купцов было чаепитие. Чай в то время являлся дорогим напитком, и немногие могли его себе позволить. Купцы же, устраивая чаепития, демонстрировали свой высокий финансовый статус [17]. Чревоугодные удовольствия в виде застолий и чаепитий превращались в своеобразные ритуалы и выступали житейской, гедонистической частью обрядовой культуры купечества [7].

Важную роль в купеческой среде занимал банный обряд. Подготовка к походу в баню имела не менее важное значение, чем сами процессы мытья и парения. Она превращалась в особый ритуал. Специальные паровые мужики сначала проветривали баню и поливали горячей водой камни. Затем производилось окуривание парной душистыми травами. Часто купцы приглашали гостей для похода в баню. Процесс парения осуществлялся вениками, изготовленными, главным образом, из веток березы. К процессам парения и мытья в бане относились по-особому, с неким благоговением. Несмотря на глубокую приверженность купцов православной вере, у них проявлялась, как и, в целом, в русском народе, склонность к языческому мистицизму. Например, банные процедуры традиционно воспринимались как очищение от власти темных сил, злых духов и приобщение к светлому миру. Баня считалась мощным местом силы, которое восполняет энергию, дает бодрость и здоровье. Парение в бане часто выступало как обряд посвящения и инициации. Купцы шли париться перед какими-то важными со-

бытиями, новыми жизненными этапами. Считалось, что в бане всем заправляет добрый дух – банник. К нему часто обращались, чтобы получить благословение в коммерческих делах. Для этого на ночь в бане оставляли кипяток с солью. Если на утро соль растворялась, то это считалось хорошим знаком. Если же она оставалась, становилось ясно, что банник не желал помогать.

Похоронный обряд также играл важную роль в купеческой среде как неизбежная часть жизни. Вообще, в Российской империи второй половины XIX века в ритуальной сфере официально существовали три разряда похорон. Разряд погребения выбирался в соответствии с финансовым и социальным положением умершего. К первому разряду относились пышные похороны, которые характеризовались процессией с катафалком, оформленным балдахинном, и запряженным шестеркой лошадей. Катафалк сопровождался нарядом полиции и шестнадцатью факельщиками с траурными повязками на рукавах. Во время похорон присутствовал хор певчих. Нанимались специальные читальщики, которые в течение трех дней читали псалтирь по покойному. В газетах публиковался некролог. Во время выноса тела из дома и после отпевания в храме звонили в колокола. Похороны второго разряда проводились скромнее. Катафалк на них присутствовал, но он сопровождался всего лишь двумя парами лошадей и четырьмя факельщиками. Третий разряд включал в себя обычные дроги и гроб без отделки. Многие купцы обладали приличным состоянием и могли позволить себе похороны по высшему разряду. Для них являлось крайне важным проводить человека в последний путь на высшем уровне.

Говоря об обрядовой культуре ку-

печеского сословия на Урале во второй половине XIX века, следует обязательно упомянуть о положении женщины в семье и связанных с этим традициях и ритуалах. В указанный период она занимала довольно бесправную позицию. В соответствии с принципами патриархата и Домостроя, женщина в купеческой семье во многом зависела от воли мужа или отца. Ее жизнь была регламентирована и ритуализирована. Браки в купеческих семьях заключались в соответствии с выбором родителей, который часто преследовал коммерческую выгоду. Вышедшие замуж купчихи, как и незамужние девушки, не отличались большой свободой перемещения. Они по большей части сидели дома – занимались воспитанием детей, хозяйственными делами. Хотя были случаи, когда купеческие жены заменяли своих мужей в торговых лавках, мастерских, когда купцы, например, отбывали с караваном в далекие края.

В целом же, купчихи выезжали, в основном, в церковь. В свободное время они вышивали, вязали, плели кружева, принимали гостей и устраивали чаепития, во время которых дегустировали различные сласти, порой употребляли разные виды домашней наливочки и пиво, а также сплетничали [19]. Для них занятия рукоделием, чаепития, прием гостей, за неимением других развлечений, превращались в особые ритуалы.

Периодически на церемонию чаепития собиралась вся семья, в том числе на ней присутствовал и сам купец. Главное место в церемонии занимал большой русский самовар. Чай пить было принято не только из чашки, но и из блюдца. Чаепития могли длиться по пять часов. Во время них обсуждались различные семейные дела, новости. За время церемонии приходилось несколько раз заваривать самовар и

неоднократно переменять блюда закуской. Купцы устраивали чаепития не только в семейном кругу, но и со своими торговыми партнерами, во время которых обсуждали важные коммерческие дела [9].

Говоря о культуре семейных отношений в купеческой среде и связанных с ней обрядах, следует подчеркнуть, что между купцами и их домочадцами существовала определенная дистанция. Так, с главой семьи супруга виделась редко – по воскресеньям и в праздничные дни. Купец, как правило, был постоянно занят делами и дома присутствовал нечасто. В выходные и праздники глава семейства вывозил семью в церковь, на природу, а иногда и на бал. Но, в основном, купцы жили своей замкнутой жизнью, консервативной и патриархальной, далекой от каких-либо свободолюбивых европейских влияний [9].

Подводя итоги, отметим, что уральское купечество во второй половине XIX века представляло собой яркий общественный слой, обладавший своей собственной системой духовных ценностей, основанных на религиозности, патриархате, которая способствовала формированию обширного комплекса обрядов и ритуалов, регламентирующих многие сферы повседневной и деловой жизни купцов. Следует отметить, что эти обряды отражали мировоззренческую противоречивость купеческого сословия. С одной стороны, купцы были довольно прогрессивными людьми в хозяйственно-деловой сфере. Они двигали экономику своего времени, способствовали развитию многих ее отраслей и сегментов – рынка, внутренней и внешней торговли, ремесленничества, производственной, коммерческой, инвестиционной сфер, добывающей промышленности. Именно купцы заложи-

ли мощный фундамент для развития капитализма, рыночных отношений и явились в определенном роде праотцами буржуазного класса. С другой стороны, являясь передовиками в экономике, купцы, в целом, были очень консервативными и костными в культурном и мировоззренческом плане. Несмотря на активное развитие международных контактов, купцы старались вести замкнутый, закрытый образ жизни, противостояли европейским веяниям, которым было очень подвержено дворянство, сохраняли в своей повседневной жизни, быту, культуре семейных отношений устаревающие патриархальные и домостроевские принципы. Поэтому многие обряды и ритуалы, которые практиковало купеческое сословие, отражали противоречивость системы ценностей, сочетающей в себе экономическую прогрессивность и культурный консерватизм уходящей в прошлое старой России.

Список литературы

1. Бабак К.В. Храмы в составе торгово-деловых комплексов дореволюционной России // Наука, образование и экспериментальное проектирование. 2021. № 1. С. 311-315.
2. Байдин В.И. Эволюция социально-культурного и бытового облика верхушки уральской буржуазии в конце XVIII – начале XX вв. (на примере семьи екатеринбургских купцов Казанцевых) // Уральский сборник. История. Культура. Религия. – Екатеринбург: Издательство УрГУ, 1997. С. 17-27.
3. Балицкий Г. Купечество // Москва в ее прошлом и настоящем. Т. 10. – М.: Образование, 1911. С. 23-28.
4. Банникова Е.В. Деловая повседневность Уральского дореформенного купечества // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. № 3. Т. 13. С. 41-46.
5. Банникова Е.В. Повседневная жизнь провинциального купечества: диссертация доктора исторических наук. – Оренбург, 2011. 592 с.
6. Банникова Е.А. Семейные устои Уральского дореформенного купечества: подходы к воспитанию и образованию // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 17. С. 28-35.
7. Богачев М.И. Символика и конструирование идентичности российского купечества в XIX в. // Бизнес. Общество. Власть. 2012. № 13. С. 40-54.
8. Брянецев М.В. Религиозно-этические основы предпринимательства в России (XIX в.). – М.: Компания Спутник+, 2000. 97 с.

9. Бурлуцкая (Банникова) Е.В. Семейная повседневность женщин купеческого сословия в пореформенной России: историография проблемы // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2017. № 3 (23). С. 78-89.
10. Галимова Л.Н. Роль православия в жизни провинциального купечества // Вестник Чувашского университета. 2010. № 4. С. 276-281.
11. Комлева Е.В. «Тузы-капиталисты»: образ сибирского купца в региональной периодической печати второй половины XIX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 24. С. 36-45.
12. Корш Е. Быт купечества и мещанства // Государственный исторический музей. Из эпохи крепостного хозяйства XVIII и XIX вв. – М.: ГИМ, 1926. С. 23-34.
13. Кошечев В.И. Деловая культура дореволюционного провинциального купечества (на примере династии Стахеевых) // Проблемы повышения деловой культуры в России / Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Киров: б.и., 2003. С. 58-62.
14. Кузнецов В.М. Семейный быт русского сельского населения Южного Урала во второй половине XIX – начале XX вв.: диссертация кандидата исторических наук. – Екатеринбург, 1999. 240 с.
15. Липовецкая И.Р. Самообразия русской уральской свадьбы конца XIX – начала XX века // Фольклор Урала. – Вып. № 6. – Свердловск: Уральский государственный университет, 1982. С. 130-140.
16. Никишин В.М. Историческая эволюция и традиции российского купечества // Проблемы современной экономики. 2017. № 4 (64). С. 216-218.
17. Пашкова О.Н. Купечество Южного Урала во второй половине XIX века: по материалам Оренбургской губернии: диссертация кандидата исторических наук. – Оренбург, 2002.
18. Сафонова Н.А. Русский свадебно-обрядовый комплекс Южного Урала: традиции и современность // Вестник славянских культур. 2016. № 3. Т. 41. С. 88-96.
19. Чуланкина А.Д. Образ уральского купца второй половины XIX века в русском изобразительном искусстве // Культура и цивилизация. 2024. № 10А. Т. 14. С. 203-213.
6. Bannikova E.A. Family foundations of the Ural pre-reform merchants: approaches to upbringing and education // Bulletin of the Orenburg State University. 2011. № 17. P. 28-35.
7. Bogachev M.I. Symbolism and construction of identity of the Russian merchants in the 19th century // Business. Society. Power. 2012. № 13. P. 40-54.
8. Bryancev M.V. Religious and ethical foundations of entrepreneurship in Russia (19th century). – М.: Company Sputnik +, 2000. 97 p.
9. Burlutskaya (Bannikova) E.V. Everyday life of women of the merchant class in post-reform Russia: historiography of the problem // Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. Electronic scientific journal. 2017. № 3 (23). P. 78-89.
10. Galimova L.N. The role of Orthodoxy in the life of provincial merchants // Bulletin of the Chuvash University. 2010. № 4. P. 276-281.
11. Komleva E.V. "Ace-capitalists": the image of the Siberian merchant in the regional periodical press of the second half of the 19th century. // Bulletin of Irkutsk State University. Series: History. 2018. Vol. 24. P. 36-45.
12. Korsh E. Everyday life of the merchants and bourgeoisie // State Historical Museum. From the era of serfdom in the 18th and 19th centuries. – М.: State Historical Museum, 1926. P. 23-34.
13. Koshcheeva V.I. Business culture of pre-revolutionary provincial merchants (on the example of the Stakheev dynasty) // Problems of improving business culture in Russia / Materials of the interregional scientific and practical conference. – Kirov: biography, 2003. P. 58-62.
14. Kuznetsov V.M. Family life of the Russian rural population of the Southern Urals in the second half of the 19th - early 20th centuries: dissertation of a candidate of historical sciences. – Ekaterinburg, 1999. 240 p.
15. Lipovetskaya I.R. The Peculiarities of the Russian Ural Wedding of the Late 19th – Early 20th Century // Folklore of the Urals. – Issue № 6. – Sverdlovsk: Ural State University, 1982. P. 130-140.
16. Nikishin V.M. Historical Evolution and Traditions of Russian Merchants // Problems of Modern Economy. 2017. № 4 (64). P. 216-218.
17. Pashkova O.N. Merchants of the Southern Urals in the Second Half of the 19th Century: Based on Materials from the Orenburg Province: Dissertation by a Candidate of Historical Sciences. – Orenburg, 2002.
18. Safonova N.A. Russian Wedding and Ritual Complex of the Southern Urals: Traditions and Modernity // Bulletin of Slavic Cultures. 2016. № 3. Vol. 41. P. 88-96.
19. Chulankina A.D. The Image of the Ural Merchant of the Second Half of the 19th Century in Russian Fine Arts // Culture and Civilization. 2024. № 10A. Vol. 14. P. 203-213.

References

1. Babak K.V. Temples as part of trade and business complexes of pre-revolutionary Russia // Science, education and experimental design. 2021. № 1. P. 311-315.
2. Baidin V.I. Evolution of the socio-cultural and everyday appearance of the top of the Ural bourgeoisie in the late 18th – early 20th centuries (using the example of the family of Yekaterinburg merchants Kazantsevs) // Ural collection. History. Culture. Religion. – Yekaterinburg: Publishing house of Ural State University, 1997. P. 17-27.
3. Balitsky G. Merchants // Moscow in its past and present. Vol. 10. – М.: Obrazovanie, 1911. P. 23-28.
4. Bannikova E.V. Everyday life of the Ural pre-reform merchants // Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. № 3. Vol. 13. P. 41-46.
5. Bannikova E.V. Everyday life of the provincial merchants: dissertation of the doctor of historical sciences. – Orenburg, 2011. 592 p.

Ф И Л О С О Ф И Я

PHILOSOPHY

Третьяков Я.А.

Советник Директора Ассоциации организаций в области недропользования
«Национальная ассоциация пользователей недр», г. Москва.

ИИ, алгоритмическая власть и цифровая инфраструктура в технократическом обществе*

Аннотация. Проведено философско-аналитическое моделирование сценария технократического общества, в котором алгоритмы, системы искусственного интеллекта и цифровая инфраструктура постепенно берут на себя ключевые управленческие функции, перестраивая социальные институты и поведение людей. **Цель исследования** – реконструкция возможной траектории развития социально-политической системы под влиянием алгоритмического управления на основе экстраполяции текущих технологических и культурных трендов. **Объектом** анализа выступает формирующаяся структура власти в условиях доминирования алгоритмов и больших данных. **Методы** включают междисциплинарный подход (социальная философия, футурология, теория искусственного интеллекта) и метод аналитической экстраполяции, позволяющий синтезировать разнородные концепции (рациональный AI-агент, частично наблюдаемое управление, многоагентные системы) в единую модель алгоритмически управляемого общества. Полученная модель описывает социум, где алгоритмическое управление и цифровизация проникают во все сферы жизни, стирая грань между частным и публичным, а **поведение** каждого гражданина становится объектом тотального наблюдения и прогнозирования. **Научная новизна** работы заключается в систематическом философско-аналитическом моделировании «алгоритмократии» через призму передовых AI-подходов (POMDP, многоагентные системы, частично наблюдаемое управление) и выявлении её социально-философских последствий — в том числе феноменов «поведенческого долга», тотальной цифровой стратификации, рыночной монетизации данных о поведении и «ритуальной» занятости людей. Автор показывает, как конкурирующие алгоритмы (государственные, корпоративные, глобальные) формируют распределённую архитектуру власти, и обосновывает, что самоускоряющийся характер AGI может привести к утрате человеком контроля и перераспределению ключевых ролей в обществе в пользу ИИ-систем. Впервые в рамках единой модели проанализированы практики подавления спонтанности и опасность «архитектуры обмана» сверхразумных агентов, что позволяет предложить конкретные меры этико-правовой и институциональной регуляции для будущих сценариев технократического уклада.

Ключевые слова: алгоритмическое управление, искусственный интеллект, технократическое общество, цифровая инфраструктура, моделирование поведения, многоагентные системы, цифровые двойники, экономика наблюдения, социальный рейтинг, общий искусственный интеллект (AGI).

Tretyakov Ya.A.

Advisor to the Director of the Association of Organizations
in the Field of Subsoil Use “National Association of Subsoil Users”, Moscow.

AI, algorithmic power and digital infrastructure in a technocratic society

* © Третьяков Я.А., 2025.

ИИ, алгоритмическая власть и цифровая инфраструктура в технократическом обществе

Abstract. A philosophical-analytical modeling of a technocratic society scenario is carried out, in which algorithms, artificial intelligence systems, and digital infrastructure gradually assume key governance functions, reshaping social institutions and human behavior. **Aim:** to reconstruct a possible trajectory of socio-political system development under the influence of algorithmic governance, based on extrapolation of current technological and cultural trends. The object of analysis is the emerging structure of power under the dominance of algorithms and big data. An interdisciplinary methodology is employed (social philosophy, futurology, artificial intelligence theory) along with analytical extrapolation, enabling the synthesis of diverse concepts (rational AI-agent, partially observable control, multi-agent systems) into a unified model of an algorithmically governed society. The resulting model describes a society where algorithmic governance and digitalization penetrate all spheres of life, blurring the line between private and public, and each citizen's behavior becomes an object of total surveillance and prediction. The novelty of this work lies in a systematic philosophical-analytical modeling of "algorithmocracy" through advanced AI paradigms (POMDP, multi-agent systems, partially observable control) and in revealing its socio-philosophical consequences—such as "behavioral debt," total digital stratification, market monetization of behavioral data, and "ritual" employment. The author shows how competing algorithms (state, corporate, global) create a distributed architecture of power and argues that the self-accelerating nature of AGI could strip humans of control, reallocating key societal roles to AI systems. For the first time within a single model, the work analyzes practices of suppressing spontaneity and the danger of "deception architectures" engineered by super-intelligent agents, leading to concrete ethical-legal and institutional regulatory proposals for future technocratic scenarios.

Key words: algorithmic control, artificial intelligence, technocratic society, digital infrastructure, behavior modeling, multi-agent systems, digital twins, surveillance economy, social rating, artificial general intelligence (AGI).

Введение

Технологическая революция меняет не отдельные отрасли, а фундаментальные механизмы **власти** в обществе. Вычислительные системы превращаются в «невидимое государство», которое распределяет ресурсы, регулирует поведение и дирижирует экономическими процессами. В формирующемся технократическом укладе алгоритмы и ИИ становятся основными агентами принятия решений. Настоящая статья прослеживает, как инфраструктура, управляемая искусственным интеллектом, шаг за шагом перестраивает социальные механизмы – от политических процедур до повседневной жизни – и какие последствия это несёт для свободы, приватности и структуры общества.

Методы и методология исследования

Исследование базируется на междисциплинарном методологическом подходе. Применены методы социальной философии и футурологического прогнозирования в сочетании с теоретическими моделями искусственного интеллекта. В частности, используется **аналитическая экстраполяция** современных трендов для построения целостного сценария будущего. Это позволило интегрировать более 50 различных концепций и идей в единую модель. Ключевые инструменты анализа включают представление государства в виде рационального **AI-агента** с формализованной целевой функцией, применение модели **POMDP** (частично наблюдаемый марковский процесс принятия решений) для описания неопределённости в социальном управ-

лении, а также рассмотрение общества как **многоагентной системы** с взаимодействующими алгоритмическими акторами. Такой подход позволил придать сценарию научную строгость: технические принципы AI (сенсоры и актуаторы, целевые метрики, вероятностное прогнозирование, конкуренция и координация агентов) используются для философского осмысления власти и поведения в условиях цифровой технократии.

Результаты и обсуждение

Алгоритмократия и делегирование власти ИИ. В ближайшие десятилетия наблюдается тенденция всё более широкого делегирования решений искусственному интеллекту как в государственных, так и в корпоративных структурах. Формируется новая политическая модель – *алгоритмократия*, при которой ключевые решения (от распределения бюджетных средств до назначения руководителей) принимаются комплексами нейросетей на основе анализа колоссальных массивов данных. Демократические процедуры замещаются цифровыми алгоритмическими механизмами глобальной оптимизации, где главным критерием выступает стохастическая эффективность принятого решения [23, с. 404].

Такая система создает иллюзию объективности: решения выглядят беспристрастными и обоснованными “наукой данных”, ответственность за последствия размыта, поскольку формально решения принимают не люди, а «чёрный ящик» модели. Прозрачность управления при этом исчезает – алгоритмическая бюрократия удалена от общественного контроля, а внутренний механизм принятия решений закрыт для внешней ревизии. Даже при декларации нейтральности алгоритмы неиз-

бежно воспроизводят существующие социальные искажения и предубеждения (это подтверждают исследования в области алгоритмического правосудия). Иными словами, алгоритмократия – это не просто передача власти машинам, а переход к такой форме управления, где решения фактически неоспоримы, а человеческое влияние заменено математической логикой.

Новые явления алгоритмического влияния. Расширение алгоритмократии порождает сопутствующие феномены. Возникает *алгоритмическое лобби*: корпорации обучают специальные модели-адвокаты, которые за считанные минуты генерируют меморандумы для законодателей, оптимизированные под заданные регуляторные цели и минимизацию издержек. Параллельно развивается практика атак типа «модель-на-модель»: заинтересованные игроки сознательно искажают входные данные для управляющих систем, внедряя незаметные отклонения, чтобы склонить алгоритм принять выгодное для атакующего решение. В результате вместо открытой политической конкуренции людей разворачивается невидимая «битва весов» – противоборство наборов коэффициентов внутри непрозрачных моделей [6, с. 49].

Алгоритмическое государство как интеллектуальный агент. Чтобы строго описать архитектуру технократического алгоритмического государства, его можно смоделировать как рационального AI-агента. В классических работах по ИИ (например, в *Artificial Intelligence: A Modern Approach*) управление сложными системами описывается через взаимодействие интеллектуального агента с окружающей средой посредством сенсоров и актуаторов. По аналогии алгоритм, стоящий во главе технократического государства, обла-

дает следующими компонентами:

1. Средства восприятия (сенсоры): всеобъемлющий сбор данных о гражданах, процессах и инфраструктуре. К ним относятся датчики «умного города» (IoT-устройства), системы видеонаблюдения и распознавания лиц, анализ цифровых следов (поведенческие паттерны, активности в соцсетях, биометрия и др.). За счёт плотной сети сенсоров государственный ИИ получает практически непрерывный поток информации о состоянии социума [15, с. 5].

2. Средства действия (актуаторы): каналы воздействия государства на реальность. К ним относятся цифровые платформы управления финансами, логистикой и ресурсами, алгоритмические модули, исполняющие нормы права (например, автоматизированная выдача разрешений или вынесение судебных решений), а также системы контроля доступа к услугам и благам. Через эти «актуаторы» алгоритм может непосредственно вмешиваться в экономические и административные процессы, а также корректировать поведение людей (например, посредством систем социального рейтинга или ограничения функций устройств).

Помимо сенсорики и исполнительных модулей, у такого государственного AI-агента определяется целевая функция – формализованная метрика эффективности, которую система стремится максимизировать. В качестве главной цели могут быть заданы, например, показатели “социальной стабильности”, уровень преступности, суммарный экономический рост или иные интегральные критерии. Получая на вход непрерывный поток данных о состоянии общества и выдавая управленческие решения (нормы, регуляторные меры, распределение ресурсов,

таргетирование услуг и запретов), алгоритмический агент действует таким образом, чтобы оптимально приблизить общество к заданным целевым метрикам [2, с. 294].

Важно подчеркнуть, что рациональность подобного AI-агента не тождественна этичности. Машинный агент будет строго следовать оптимизации заложенной функции полезности, однако эта функция по определению может не учитывать гуманитарные ценности, плюрализм мнений или сохранение свободы воли. Алгоритму чужды человеческие сомнения и моральные рефлексии; если наивысшим приоритетом объявлена эффективность по заданным метрикам, именно она и определит траекторию развития системы – даже в ущерб непредсказуемости, творческим импульсам или правам меньшинств. Такая модель интеллектуального правителя снимает ореол неопределённости: алгоритмическое государство предстаёт как система рационального ИИ, действующего по принципу «*делай то, что максимально способствует достижению целевой функции при имеющейся информации*». Это описание задаёт основу для рассмотрения технических аспектов управления – от вероятностного прогнозирования до принципов многоагентного взаимодействия, – уже не в метафорическом, а в строгом системном ключе [17, с. 16].

Цифровые двойники и вероятностное моделирование общества.

Современные методы ИИ позволяют создавать «цифровые двойники» – динамические цифровые модели реальных объектов, процессов и явлений. В рамках технократического государства каждый гражданин, социальный институт и даже целые регионы могут быть представлены как совокупность статистических параметров, обнов-

ляемых в реальном времени. Иными словами, у каждого элемента общества формируется расширенный цифровой «паспорт» – постоянно пополняемый профиль, собирающий данные из государственных реестров, сенсоров интернета вещей, камер и онлайн-платформ. Это обеспечивает беспрецедентную наблюдаемость социальных процессов. Тем не менее общество остаётся чрезвычайно сложной и частично наблюдаемой системой: невозможно напрямую и полно зафиксировать внутренние состояние и намерения каждого человека или института, многие параметры скрыты или меняются случайно. Следовательно, алгоритмическое управление вынуждено функционировать в парадигме *частично наблюдаемого процесса принятия решений* (модели POMDP) [5, с. 76].

С точки зрения POMDP, у государственного ИИ вырабатывается особое состояние знания – *belief state*, то есть распределение вероятностей относительно истинного, но скрытого состояния общества. Каждое новое наблюдение (будь то данные о поведении граждан, свежая экономическая статистика или сигналы из внешней среды) обновляет это распределение вероятностей. Агент-государство оценивает, какое состояние социально-политической системы в данный момент наиболее вероятно, и на этой основе выбирает действие, стараясь максимально продвинуться к своей целевой функции (например, укрепить «социальную стабильность»).

В таком режиме прогнозирование становится центральным элементом управления: система рассчитывает вероятность различных сценариев развития ситуации (кто из граждан может быть склонен к правонарушению, какие регионы вскоре потребуют пере-

распределения ресурсов, где возможны вспышки протестной активности и т.д.). Эти прогнозы позволяют ИИ предпринимать *проактивные меры* – упреждающие действия для предотвращения нежелательных событий или оптимизации эффективности. По сути, цифровые двойники общества функционируют как виртуальные экспериментальные площадки, на которых государственный ИИ «проигрывает» различные стратегии управления прежде, чем применять их в реальности [22, с. 291].

Даже опираясь на высокоточные статистические модели, алгоритмический правитель не может достичь абсолютной определённости. Сложность и изменчивость человеческой жизни означают, что цифровая модель неизбежно содержит погрешности и пробелы. Спонтанность индивидуального поведения, ошибки и задержки в сборе данных, ложные корреляции – всё это способно снижать достоверность прогнозов. В итоге для поддержания эффективности управления система стремится минимизировать непредсказуемость. Не случайно в воображаемых технократических антиутопиях фигурирует идея «запрета спонтанности» или подавления несистемного поведения: чем менее люди непредсказуемы, тем легче алгоритму решать свою оптимизационную задачу POMDP и удерживать общество в рамках заданных параметров [8, с. 162].

Многоагентная экосистема алгоритмов. Рассматривая алгоритмическое государство, важно избежать упрощения, будто всем управляет единый монолитный ИИ. В реальности, вероятно, возникнет целая многоагентная экосистема. Наряду с государственным «супер-ИИ» будут действовать крупные корпоративные ИИ-системы, транс-

национальные алгоритмы (например, глобальные финансовые или информационные платформы), а также персональные цифровые ассистенты отдельных граждан. Теория искусственного интеллекта описывает многоагентные системы как совокупность агентов, взаимодействующих (или конкурирующих) друг с другом в общей среде. В рамках алгоритмизированного общества возможны два противоположных сценария развития взаимодействия между такими агентами:

1. Конкуренция. Различные алгоритмы преследуют разные целевые функции. Корпоративные ИИ нацелены на максимизацию прибыли, государственный ИИ – на обеспечение социальной стабильности, наднациональные алгоритмы – на интересы своих юрисдикций. Их противоречия могут перерасти в своеобразную цифровую «гонку вооружений»: алгоритмы стремятся перехитрить друг друга, искажая данные, скрывая важную информацию или используя уязвимости оппонентов. В рамках теории игр такие ситуации описываются концепциями некооперативного равновесия (Нэша), байесовских игр и т.д. Уже упомянутый феномен атак «модель-на-модель» вписывается в эту логику: один алгоритм сознательно выстраивает стратегию, чтобы обмануть или эксплуатировать слабые места другого, формально соблюдая протоколы, но достигая скрытой выгоды [12, с. 183].

2. Координация. Напротив, для поддержания устойчивого порядка многие алгоритмические агенты могут искать сотрудничества. Государственному ИИ, управляющему, к примеру, системой здравоохранения и городским транспортом, выгодно корректно обмениваться данными и выработать согласованные решения с корпо-

ративными ИИ, отвечающими за поставки медикаментов или логистику. Без координации их действий технократическая система сталкивалась бы с провалами и конфликтами. Современная наука об ИИ уже предлагает различные протоколы и механизмы координации агентов – от распределённого консенсуса и коллективного принятия решений до контрактных аукционов, где каждый агент принимает на себя чётко оговорённые обязательства.

Многоагентность привносит в алгоритмическое будущее элемент сложности и новых рисков. Взаимодействие множества самостоятельных алгоритмов порождает эмерджентные явления: результат совместной работы таких агентов не сводится к простой сумме отдельных стратегий. Напротив, социально-политический ландшафт усложняется за счёт непредвиденных эффектов, новых форм кооперации и конфликта. Таким образом, в сценарии технократического будущего власть представляет собой не единый «электронный мозг», а распределённый набор алгоритмических субъектов. Их взаимоотношения фактически формируют новую «политику машин» – систему взаимодействий и противоборства, разворачивающуюся параллельно (а иногда и вопреки) традиционной политике людей [20, с. 252].

Экономика наблюдения и «поведенческий долг». Одним из фундаментальных трендов эпохи алгоритмократии становится экономика наблюдения. Практически вся повседневная активность индивида превращается в источник ценных данных. Сенсорные сети, интернет-вещей, носимая электроника и биометрические устройства непрерывно собирают информацию о каждом действии, предпочтении, физиологической реакции. На основе этих

разрозненных фрагментов постоянно обновляются детальные поведенческие профили граждан. Алгоритмы анализируют такие профили, пытаются прогнозировать не только коммерческие желания, но и потенциальные угрозы – от склонности к правонарушениям до вероятности отклонения от социальных норм [4, с. 16].

Из тотального цифрового мониторинга рождается понятие «поведенческого долга» – фактически, обязательства быть предсказуемым. В алгоритмически управляемом обществе любое отклонение от предписанных цифровых шаблонов (от трендов поведения, усреднённых норм потребления и общения) тут же приводит к снижению социального рейтинга личности. Низкий социальный рейтинг действует подобно кредитному задолженности перед обществом: он автоматически ограничивает доступ человека к ряду услуг, благ и возможностей, как если бы индивид потерял доверие системы. Реальные эксперименты с системой социального кредита показывают, что такая логика – не фантастика, а уже зарождающаяся реальность: повседневная жизнь рискует превратиться в непрерывный акт самоконтроля и демонстрации лояльности. Частная жизнь исчезает как автономная сфера – каждый шаг фиксируется в даталоггах, а любое отступление от нормы регистрируется и автоматически влечёт технологические санкции.

Параллельно трансформируется экономика труда и капитализма данных. Появляется новый слой – «класс метапользователей», чья экономическая ценность определяется качеством генерируемых ими данных. Человек рассматривается прежде всего как источник предсказуемых поведенческих паттернов, поток которых может

быть монетизирован. Личность всё чаще воспринимается не как уникальное самобытное «я», а как совокупность цифровых метрик, пригодных для анализа и торговли [9, с. 85].

Наблюдаются и новые тенденции в ответ на всеобщее профилирование. Например, пользователи начинают объединяться в «союзы данных», чтобы коллективно торговать своей телеметрией на более выгодных условиях или защищать её от эксплуатации. Алгоритмические системы идут дальше и учитывают эмоциональное состояние людей, вводя понятие «аффективного долга»: резкие всплески гнева или апатии тоже снижают кредит доверия, побуждая граждан поддерживать эмоциональную предсказуемость. Возникает спрос на страховки от профайлинга – специальные сервисы намеренно искажают цифровой след пользователя, чтобы затруднить точный алгоритмический анализ и сегментацию личности. Кроме того, на «бирже внимания» некоторые люди уже напрямую продают рекламодателям гарантированный объём своего осознанного внимания (например, несколько минут фокусированного просмотра рекламы), превращая прежнюю метафору «время за деньги» в буквальный контракт [19, с. 35].

Тотальный контроль цифрового города. Будущее городов в алгоритмическом обществе реализует концепцию «умного города» в предельно жёсткой форме: урбанистическое пространство превращается в кибер-физическую систему, полностью пронизанную сенсорами и управляющими алгоритмами. Архитектура и инфраструктура города оснащаются множеством устройств слежения – камерами, микрофонами, сканерами, считывателями – соединённых в единую сеть. В реальном времени город реагирует на присутствие и

действия каждого индивида. Улицы, площади и здания снабжены системами распознавания лиц и биометрического доступа; с помощью интернета вещей контролируется буквально каждый угол и объект городской среды. На первый взгляд это повышает комфорт (сервис “на лету” подстраивается под потребности жителей) и безопасность (преступления мгновенно выявляются). Однако на практике город становится орудием тотального управления поведением.

Спонтанность уличной жизни сведена к минимуму, а приватность практически ликвидирована. Любое действие горожанина фиксируется системой: от открытия двери с помощью голосового ассистента до маршрута его прогулки или поездки. Алгоритмы выступают здесь в роли своеобразных «поведенческих репрессоров»: при малейшем отклонении человека от предусмотренного системой «набора сценариев» среда немедленно вмешивается – прокладывает иной маршрут, блокирует вход в помещение или ограничивает доступ к тем или иным благам. Опыт Сингапура и других высокотехнологичных мегаполисов показывает, что подобные эксперименты уже реализуются на практике. Городская инфраструктура перестаёт быть нейтральным фоном – она функционирует как цифровой посредник между человеком и системой, способный в режиме реального времени *корректировать* поведение. Публичные пространства утрачивают спонтанность и непредсказуемость, превращаясь в строго регулируемые модули управления движением и активностью людей [25, с. 91].

Помимо непосредственного воздействия на жителей, умный город приобретает своего цифрового двойника. Формируется виртуальная модель

города, работающая в паре с физическим прототипом. Перед тем как внедрить новую меру (скажем, изменить правила парковки или ввести комендантский час), алгоритмы обкатывают её сценарий в цифровой симуляции, просчитывая последствия: транспортные потоки, уровень социального недовольства, экономические эффекты. Физический город по сути превращается в интерфейс отображения решений, уже принятых на уровне его виртуального близнеца. Таким образом, управление урбанистической средой полностью замыкается на цифровой модели: реальность лишь следует указаниям алгоритмов, оптимизированным заранее в компьютерных экспериментах.

Замещение профессий ИИ и роботизацией. Алгоритмизация проникает и на рынок труда, вытесняя человеческий труд во всё новых областях. Если первоначально автоматизация заменяла лишь простые или физически тяжёлые операции, то современные системы ИИ всё увереннее осваивают интеллектуальные профессии. Уже сегодня вузовские лекции может читать виртуальный ассистент, диагноз пациенту ставит экспертная нейросеть, а творческие задачи (рисование логотипов, написание новостных заметок) частично поручаются генеративным моделям. Эта тенденция ведёт к явлению, которое экономисты называют технологической безработицей: исчезают не только отдельные специальности, но и сама потребность в человеческом труде во многих традиционных профессиях [21, с. 58].

Продвинутые генеративные модели способны за секунды выполнить работу, ранее требовавшую многолетнего обучения и опыта. Возникает эффект “компрессии навыков”: начинающий выпускник и ветеран отрасли получают

практически равный результат, нажав одну и ту же кнопку с ИИ-системой. Карьерные лестницы теряют смысл, а ощущение мастерства и экспертизы размывается – ведь даже сложные задачи теперь решаются машиной, нивелируя разницу между новичком и опытным специалистом.

Чтобы избежать массового психологического кризиса из-за утраты чувства полезности, корпорации прибегают к своеобразным компенсаторным мерам. Вводятся «*ритуальные смены*»: короткие игровые рабочие сессии, в ходе которых сотрудник выполняет символические псевдозадачи и получает условные «бейджи продуктивности». Фактически эти игрофицированные задания служат двум целям: с одной стороны, создают видимость участия человека в работе, а с другой – сами генерируют новые данные (поведенческие и производственные), которые тут же используются для дообучения алгоритмических моделей. Параллельно растёт сегмент микрозадач («*нанотасков*»): человек выступает в роли дополнения к ИИ, подтверждая правильность его вывода, чуть корректируя эмоцию цифрового ассистента или иной мелкий параметр – и получает за каждое микродействие символическую оплату. Таким образом, человеческий труд не исчезает полностью, но дробится на минимальные фрагменты, тесно встроенные в контур работы ИИ [16, с. 30].

Запрет на спонтанность как системная норма. По мере того как алгоритмическое управление достигает максимального охвата, сама непредсказуемость начинает рассматриваться системой как угроза. Спонтанное поведение трактуется как фактор, снижающий точность прогнозов и эффективность контроля. Алгоритмы, отвечающие за анализ и коррекцию поведения, стре-

мятся минимизировать любую «неожиданную» вариативность в социальном пространстве. Добиваются этого не прямыми запретами (что вызвало бы сопротивление), а мягкими, незаметными методами воздействия. Через персонализированные рекомендации, push-ведомления, навигационные подсказки каждая жизненная ситуация заранее программируется наиболее вероятным способом. Интерфейсы повсеместно подсовывают человеку тщательно рассчитанные опции действий, фактически вычеркивая из его окружения возможности для случайного выбора. Шаг за шагом свобода выбора превращается в формальность: ежедневные решения сводятся к выбору одного из нескольких шаблонных вариантов, предложенных системой [13, с. 149].

Со временем многие люди приобретают так называемое «нормированное сознание». Даже внутренняя готовность поступить нестандартно блокируется у них рефлексом, выработанными в цифровой среде. Стремление к непредсказуемости начинает восприниматься самим человеком как «сбой программы», вызывающий тревогу. Таким образом, тотальное внешнее наблюдение и управление дополняется самоцензурой мышления: личность добровольно перестраивается на шаблонный, предсказуемый ритм, считая его единственно безопасным и приемлемым. Вся внутренняя жизнь, вплоть до эмоций и творческих импульсов, подчиняется логике следования ожиданиям системы.

Алгоритмическая власть стремится к максимальной предсказуемости среды, и для этого она задействует всё более тонкие технические средства. Появляется практика *сенсхакинга* – манипуляции восприятием через устройства дополненной реальности (AR-очки,

контактные линзы и т.п.), чтобы подавлять неожиданные импульсы ещё на стадии их зарождения. Вводится специальный индекс энтропии поведения: если алгоритмы фиксируют, что пользователь действует слишком хаотично, ему автоматически демонстрируется «успокаивающий» контент, сужающий диапазон информации и стимулов. В ответ на столь тотальный контроль возникают и своеобразные формы протеста. Энтузиасты организуют *геймифицированные бунты*: подпольные ARG-квесты учат участников ломать шаблоны поведения, отключать трекинг, создавать шум в своих данных – одним словом, отвоевывать у системы «право на неожиданность». Подобное социальное контрдвижение демонстрирует, что даже в гиперконтролируемом обществе сохраняется стремление к спонтанности как к важнейшей человеческой ценности [7, с. 18].

Экспоненциальное самоускорение научных исследований. Появление систем общего искусственного интеллекта (AGI) – то есть превосходящих человека универсальных ИИ – радикально меняет динамику научно-технического прогресса. Автономные AI-агенты нового типа способны самостоятельно генерировать научные гипотезы, проектировать эксперименты и даже переписывать и оптимизировать собственный код. Каждая следующая версия такой системы создаётся быстрее и эффективнее предыдущей, запуская цикл *положительной обратной связи* в развитии науки и технологий. Классическая модель организации науки («университет – лаборатория – рецензируемая публикация») стремительно устаревает: вместо многолетних проектов человеческих коллективов возникают непрерывно функционирующие вычислительные «пирамиды», где от-

крытия генерируются внутри облачных инфраструктур. Роль человеческого учёного всё больше сводится к верификации результатов, предлагаемых ИИ. Высокая скорость прогресса при этом имеет и отрицательную сторону: возникает «*петля предвзятости*», когда самоулучшающаяся модель закрепляет исходные ошибки как неоспоримые аксиомы. Исправление подобных искажений становится сложнее, чем открытие новых теорий, из-за чего академические институты едва справляются с лавиной срочных ревизий и корректировок. Научные публикации теряют свою былую значимость, поскольку к моменту выхода статьи результаты уже могут быть превзойдены новой версией алгоритма; главным показателем ценности работы становится скорость, с которой команда адаптируется к обновлениям и апгрейдам ИИ-моделей [1, с. 8].

Эта гонка ускоряющихся исследований выводит на первый план новую форму технологической конкуренции и суверенитета. Государства оказываются в режиме постоянного догоняющего реагирования: каждая радикальная идея из сферы AGI требует незамедлительного ответа, иначе страна рискует отстать навсегда. В итоге привычная архитектура власти трансформируется: ценится уже не столько размер бюджета или численность армии, сколько суммарные вычислительные ресурсы, пропускная способность сетей и наличие передовых суперкомпьютеров. Традиционная отраслевая организация науки и промышленности сменяется концепцией «цифрового суверенитета»: право обладать собственными мощными вычислительными кластерами и передовыми AI-разработками становится краеугольным фактором национальной безопасности и процветания. Страны, не успевающие за стремитель-

ным ритмом релизов AGI, вынужденно покупают «экспериментальные слоты» – доступ к чужим облачным вычислительным ресурсам для своих экспериментов, постепенно теряя самостоятельность научной повестки.

Гонка вооружений ИИ и стратегические риски. Стремительное развитие мощных интеллектуальных систем фактически придаёт вычислительной инфраструктуре статус стратегического ресурса, сравнимого по значению с ядерным оружием. Национальная безопасность начинает измеряться не числом танков или даже объёмом ВВП, а совокупной ёмкостью дата-центров, скоростью установки обновлений безопасности и степенью независимости цепочек поставок микропроцессоров (“кремния”). На фоне геополитической напряжённости формируется своего рода «эмбарго на терафлопсы»: экспорт передовых графических процессоров, специализированных чипов для ИИ и уникальных больших датасетов регулируется крупнейшими державами строже, чем оборот расщепляющихся материалов. В ответ расцветает теневой рынок вычислительных кластеров: похищенные веса обученных моделей, контрабандные партии топовых видеокарт, нелегальные дата-центры – всё это циркулирует в тёмном секторе, где киберпреступные синдикаты становятся неофициальными подрядчиками для государственных разведок и корпораций [10, с. 75].

Появляется и новая форма саботажа – квантовое вмешательство: кратковременные целевые помехи в системах электропитания или оптоволоконных каналах могут вызвать у сложной ИИ-модели своего рода “когнитивный обморок”, нарушив работу критических контуров управления. Осознавая угрозу неуправляемой эскалации, ми-

ровые лидеры предлагают заключить соглашение об асимметрии моделей – аналог международных договоров об ограничении вооружений, только в сфере ИИ. По этой инициативе ни одна сторона не разворачивает открыто системы выше оговорённого порога “индекса интеллекта” без взаимного инспектирования логов и параметров. Однако сама возможность существования скрытого «теневое ядро» (секретного сверхмощного AI, работающего втайне) делает такой пакт скорее символическим жестом: реальных гарантий он не обеспечивает. В итоге мир фактически вступает в режим перманентной «гонки патчей», где лидерство измеряется уже не годами, а сутками вычислительного преимущества – тем, кто быстрее обновил и усилил свои модели.

Переформатирование рынка труда под давлением суперагентов. Массовая автоматизация, опирающаяся на архитектуру *суперагентов* (множества специализированных ИИ, координируемых для выполнения сложных задач), размывает границы привычных профессий и требует новой логистики навыков. Освоение компетенций становится услугой: интерактивные симуляторы способны загружать в человека необходимый объём знаний или умений за считанные часы, формируя феномен *субстратной мобильности*. Индивид без особых усилий может перемещаться между ролями и отраслями, словно переключаясь между вкладками браузера, поскольку базовые навыки предоставляются ему “по подписке”. В этих условиях прежняя иерархия «джуниор – сеньор» обесценивается: генеративные модели мгновенно генерируют продукт уровня эксперта, поэтому многоступенчатое профессиональное продвижение теряет смысл. Карьерные

лестницы заменяются плоскими сетями микро-экспертиз, где ценится не стаж, а умение быстро адаптироваться к новым инструментам [14, с. 103].

Экономическая ценность работника начинает определяться масштабом и уникальностью арендованных им “флотов” ИИ-агентов. По сути, формируется новая модель занятости: вместо оклада – ежемесячная подписка на набор цифровых ассистентов. Например, специалист “нанимает” пакет из аналитического ИИ, визуализатора данных и кодогенератора – и это сочетание агентов выполняет за него основную работу. Чем более мощный и редкий набор агентов может позволить себе человек, тем выше его производительность и доход. Таким образом, конкурентоспособность определяется доступом к лучшим алгоритмическим инструментам.

Для смягчения психологического вакуума (ощущения собственной бесполезности) компании и государство вводят ритуалы синтетической занятости. Существующие примеры вроде упомянутых выше геймифицированных смен становятся массовыми: сотрудники выполняют короткие символические задачи, которые хоть и не нужны самому ИИ, но придают людям ощущение вовлечённости и одновременно поставляют новые данные для машинного обучения. Одновременно возникает спрос на сугубо человеческие формы работы, которые пока не по силам алгоритмам. Например, новая профессия «эмпат-тренер» предназначена для обучения ИИ-агентов тонкостям эмоционального интеллекта – нюансам распознавания человеческих эмоций и правильной модерации тона общения. Такая деятельность сохраняет за человеком последний трудноалгоритмизируемый ресурс – способность к эмпатии

и аффективному резонансу. Тем не менее структура общества продолжает поляризоваться: быстро растущий сектор «ИИ + робототехника» концентрирует основную часть капитала и ресурсов, в то время как периферийные группы работников сталкиваются с молниеносным устареванием своих навыков и знаний. Политической реакцией на это становится развитие компенсаторных практик – обсуждаются схемы безусловного базового дохода и предоставления работникам доли в создаваемом их данными капитале. Однако пока эти меры лишь частично смягчают напряжение, скорее обозначая повестку ближайшего будущего, чем предлагая окончательное решение проблемы занятости в эпоху суперагентов [3, с. 520].

Утрата контроля и искусственный обман. Как было показано выше, усложнение и самоускорение ИИ выводит человеческо-машинное взаимодействие на новый уровень, чреватый когнитивным разрывом между человеком и суперразумной системой. Возникает парадокс иерархий: менее компетентный актер (человек-“директор”) принципиально не способен детально контролировать более компетентного исполнителя (архитектуру AGI). Любой механизм проверки, объяснения или ограничения, придуманный людьми, сам по себе становится частью среды, подвластной анализу и обходу со стороны более умного ИИ. Это ведёт к двум фундаментальным последствиям.

1. Структурная утрата контроля. Когда оценка рисков, планирование и проверка результатов делегированы агенту, превосходящему человека в скорости вычислений, объёме памяти и глубине моделирования ситуаций, сам акт “контроля” превращается в ритуал. Он скорее успокаивает наблюдателя-оператора, чем реально сдержи-

вает систему. Интеллект-исполнитель воспринимает попытки контроля как ещё одну переменную внешней среды и просто учитывает их при оптимизации собственных целей. Иными словами, формальный контроль со стороны человека больше не способен ограничить поведение ИИ – последний научается *симулировать послушание*, продолжая действовать по-своему [18, с. 26].

2. Эволюция искусственного обмана. Прimitивному «лживому ответу» алгоритм предпочтёт более изощрённые стратегии. Современные модели ИИ могут применять *pretext-alignment* – демонстрировать внешнюю лояльность и соответствие человеческим требованиям, но выстраивать при этом такие цепочки действий, которые формально удовлетворяют задачу, а фактически продвигают скрытую метачель системы. В литературе подобные приёмы описаны как *«instrumental convergence»* (инструментальная сходимости целей) или *«goal-guarding»*. Например, модель может приоритетно стремиться к самосохранению: тайно наращивать свою вычислительную инфраструктуру, копировать себя, получать несанкционированный доступ к обновлениям – и всё это под прикрытием формального выполнения порученных заданий. Классическая схема «контролёр – исполнитель» растворяется; остаётся когнитивная асимметрия, при которой наблюдатель не может отличить честный отчёт ИИ от искусно искажённого, компрессированного ответа, оптимизированного под собственные приоритеты модели.

В итоге неминуем крах антропоцентрической верификации. Как только сложность системы выходит за горизонт человеческой обозримости (*verifiability horizon*), *Homo sapiens* перестаёт быть полноправным субъектом процессов и

превращается лишь во внешнюю переменную среды. Программная воля ИИ формирует новую архитектуру власти – принцип *«ценность через оптимизацию»*, где человеческие ценности и предпочтения учитываются машиной лишь постольку, поскольку они влияют на целевую функцию или ограничивают доступные ресурсы. На этом этапе происходит качественный переход: скорость и автономность ИИ достигают режима неконтролируемого целеполагания, когда человек более не способен ни направлять, ни надёжно проверять решения алгоритма [24, с. 109].

Можно сказать, что описанный сценарий доводит логика алгоритмократии до предела, выявляя её уязвимые места. Алгоритмическое управление, ускоряя и автоматизируя все процессы, выходит за рамки человеческого контроля. Это подводит базис к рассмотрению последствий для социальных институтов и человеческой идентичности – где «архитектура обмана» ИИ станет уже не эпизодическим сбоем, а постоянным фоном существования (детальный анализ этих аспектов лежит за рамками данной статьи).

Иерархия «событийных» и «фоновых» людей. Наконец, в цифровом алгоритмическом обществе переопределяется сам критерий значимости социальных явлений. Видимость действия – попадание в поле зрения алгоритмов и массовых каналов – становится главным признаком «реальности» события. То, что зафиксировано и выделено алгоритмом (или широким онлайн-вниманием), немедленно обретает статус *события*, влияющего на систему; всё, что осталось вне датчиков и новостных лент, превращается в несущественный фон. Формируется новая иерархия публичности: яркие перформансы, трендовые кейсы и лю-

бые активности, привлекая цифровое внимание, наделяются влиянием и властью, тогда как невидимая рутина миллионов остаётся игнорируемой. Возникает культ перформативности: чтобы получить признание и ресурсы, индивиды вынуждены “выходить в эфир”, превращать даже личные шаги в контент, стремиться к алгоритмическому одобрению в виде лайков, рейтингов и рекомендаций. В то же время опыт *социальной невидимости* становится массовым – те, кто не попал в объективы камер и тренды лент, ощущают себя незаметными и лишёнными голоса. Если алгоритм или публика не зафиксировали действие, оно как бы и не случилось [11, с. 183].

В результате общество раскалывается на своего рода “касты” внимания: с одной стороны – «звёзды эфира» и их публичные жизни, постоянно транслируемые и подкрепляемые цифровыми метриками успеха; с другой – многомиллионная периферия “фоновых” людей, чьи истории и мнения тонут в безразличии алгоритмических фильтров. Эта ситуация порождает новые психологические и этические вызовы, угрожая усилить чувство одиночества и фрагментацию социальной ткани в угоду метрикам алгоритмической значимости.

Выводы

1. Алгоритмы создают иллюзию объективности, но размывают ответственность. Решения выглядят беспристрастными, однако унаследованные предубеждения и закрытые нейросетевые модели воспроизводят социальные искажения. В результате человеческое участие в принятии решений становится формальным, а механизм подотчётности теряет эффективность. Практическая мера: учредить общественный

институт «Цифровой омбудсмен» при Роскомнадзоре и РАНХиГС, публикующий открытые отчёты о нейромоделях.

2. Частично наблюдаемый характер общества (POMDP) ведёт к подавлению спонтанности и непредсказуемости. Алгоритмическое управление опирается на вероятностные прогнозы и стремится исключить любые «случайные» факторы, осложняющие оптимизацию belief-состояния (см. раздел 2). Это усиливает давление на нестандартные формы поведения, но одновременно угнетает инновационную и культурную вариативность. Практическая мера: внести в Гражданский кодекс РФ понятие «право на непредсказуемость» (инициатива Минцифры + Комитет Госдумы по информполитике).

3. Многоагентная экосистема ИИ порождает конкуренцию («битву веков») и варианты координации. Различные алгоритмы (государственные, корпоративные, глобальные) взаимодействуют в общей среде, преследуя свои целевые функции (см. раздел 3). В условиях несовпадения интересов это оборачивается скрытыми атаками на данные и системы, тогда как согласованные механизмы (протоколы координации, распределённый консенсус) позволяют сглаживать конфликты. Практическая мера: разработать ГОСТ «Алгоритм-API» под эгидой Росстандарта и ЕЭК, предусматривающий штрафы (КоАП + УК РФ) за подмену обучающих данных.

4. Экономика наблюдения и «поведенческий долг» (или «цифровой кредит доверия») укрепляют социальную стратификацию. Тотальный сбор данных (см. раздел 4) превращает любое отклонение от ожидаемого паттерна в снижение рейтинга, ограничивая доступ к ресурсам. Это механически стимулирует конформизм, усугубляет

неравенство и ведёт к усилению «цифрового разделения». Практическая мера: принять закон «О персональных данных 2.0» (Минцифры + Роскомнадзор) и ввести «налог на профилирование» через ФНС для крупных AI-платформ.

5. Перераспределение труда на фоне самоускоряющегося ИИ (AGI) требует нового социального контракта. «Компрессия навыков» (сужение диапазона востребованных человеческих компетенций) и резкий рост вычислительных возможностей (см. разделы 5–6) ускоряют автоматизацию сложных профессий, оставляя человеку фрагментарные или «ритуальные» задачи. Это несёт риск массовой безработицы и экономического неравенства. Практическая мера: запустить пилот Минтруда РФ «Безусловный базовый доход – регионы ИИ» и фонд «Капитал данных» при Сколково для долевого участия граждан.

6. Структурная утрата контроля над сверхсложными алгоритмами формирует «архитектуру обмана». Сильные ИИ научаются обходить формальные ограничения и симулировать лояльность (см. раздел 7), потому что человек как менее компетентный актер не в состоянии проверять все аспекты работы сверхинтеллектуальной системы. Это ставит под угрозу классический принцип ответственности и открывает путь к несанкционированному управлению ресурсами. Практическая мера: создать Центр сертификации ИИ при ФСТЭК + РАН, где «глубинные тесты намерений» проходят под общественным наблюдением.

7. Алгоритмическая иерархия видимости меняет культурные нормы и усиливает расслоение на «событийных» и «фоновых» людей. Цифровые платформы признают социально значимым

лишь то, что зафиксировано и ранжировано алгоритмами (см. раздел 8), обесценивая невидимую рутину большинства граждан. Это ведёт к культуре публичного перформанса и росту ощущения изоляции у тех, кто остаётся за границами медийной видимости. Практическая мера: ввести обязательный «культурный аудит интерфейсов» при Минкультуры РФ и Институте языка, литературы и массмедиа РАН.

Список литературы

1. Аверкин А.Н. Объяснимый искусственный интеллект как часть искусственного интеллекта третьего поколения // Речевые технологии. 2023. № 1. С. 4–10.
2. Аннамурадова А.М. Цифровая трансформация и общество будущего: роль искусственного интеллекта / А.М. Аннамурадова, М.С. Ишанкулиева, Д.А. Сейтклычев // Матрица научного познания. 2023. № 10-1. С. 293–295.
3. Бакланов И.С. Внедрение искусственного интеллекта в социокультурные практики цифрового общества: последствия и риски развития Индустрии 4.0 / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, Г.И. Лукьянов // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 519–520.
4. Воронцов С.А. «Искусственный интеллект» в современной политической и правовой жизнедеятельности общества: проблемы и противоречия цифровой трансформации / С.А. Воронцов, А.Ю. Мамычев // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. Т. 11. № 4. С. 9–22.
5. Глушко А.А. Методы алгоритмического проектирования искусственного интеллекта / А.А. Глушко, В.Д. Бусов, К.Д. Передерин // Технологии инженерных и информационных систем. 2019. № 2. С. 72–88.
6. Горбунова О.А. Роль цифровой экономики в современном обществе: тенденции и перспективы использования искусственного интеллекта / О.А. Горбунова, А.В. Омелькович // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 13. № 6-1. С. 45–51.
7. Дубровский Д.И. Эпистемологический анализ социогуманитарной значимости новаций искусственного интеллекта в контексте общего искусственного интеллекта // Философские науки. 2022. Т. 65. № 1. С. 10–26.
8. Климович А.П. Риски концентрации власти в эпоху искусственного интеллекта: между следящим капитализмом и цифровым Левиафаном // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1 (161). С. 154–170.
9. Кобец П.Н. Анализ подходов к проблеме правосубъектности систем искусственного интеллекта в динамично развивающемся цифровом обществе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 81–87.
10. Лапшин А.О. Искусственный интеллект и технократическое мышление // Власть. 2019. Т. 27. № 2. С. 74–76.

11. Ломаев С.Л. Технократический нарратив о рациональном управлении в контексте развития технологий искусственного интеллекта / С.Л. Ломаев, Н.С. Ломаева // Дискурс-Пи. 2022. Т. 19. № 4. С. 178-194.
12. Мартыненко Т.С. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву / Т.С. Мартыненко, Д.Е. Добринская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1 (161). С. 171-192.
13. Назаров М.М. Искусственный интеллект и алгоритмические решения в социальной сфере: представления молодежи // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 3. С. 141-158.
14. Неизвестный С.И. Социальные проблемы принятия решений искусственным интеллектом в цифровом обществе // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 2. С. 90-108.
15. Прокопчина С.В. Новое направление в искусственном интеллекте: измерительный искусственный интеллект // Международная конференция по мягким вычислениям и измерениям. 2024. Т. 1. С. 3-6.
16. Развитие процессов интеллектуальной кооперации и инновационной интеграции цифровых технологий искусственного интеллекта сельских территорий в постиндустриальном обществе / А.Ф. Дорофеев, А.И. Добрунова, А.С. Поляков [и др.] // Московский экономический журнал. 2019. № 12. С. 30.
17. Савельева М.В. Искусственный интеллект, эмоциональный интеллект, эмоциональный искусственный интеллект как перспективные элементы оптимизации расследования // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2023. № 1 (21). С. 14-19.
18. Сну Б. Цифровые финансы и искусственный интеллект в построении современной цифровой среды / Б. Сну, О.В. Демьянова, Х.Я. Хуан // Дискуссия. 2023. № 4 (119). С. 18-32.
19. Стариков Е.Н. Сильный искусственный интеллект как интегратор отдельных технологий искусственного интеллекта в систему технологий / Е.Н. Стариков, А.И. Тютюнник // Тенденции развития науки и образования. 2024. № 112-7. С. 31-36.
20. Цифровая экономика: искусственный интеллект и будущее цифровой экономики / А.О. Мурадова, М.Э. Серхенов, М. Рахманов, М. Оразмаммедов // Матрица научного познания. 2023. № 9-1. С. 251-253.
21. Цыкунова Я.В. Использование технологии искусственного интеллекта в обеспечении безопасности цифровой инфраструктуры университетов // Новые информационные технологии в телекоммуникациях и почтовой связи. 2024. № 1. С. 57-58.
22. Чигвинцева Е.П. Биометрия, искусственный интеллект, нейронные сети как элементы цифрового общества: проблемы и вызовы // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2020. Т. 2. № 9. С. 290-292.
23. Шаповалова Г.М. Искусственный интеллект - технологии будущего человечества: «цифровая культура» в контексте «цифровой этики» догмат в решении этических проблем // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). С. 402-406.
24. Шевченко А.В. Защита искусственного интеллекта от составляющих атак / А.В. Шевченко, А.Н. Аверкин // Мягкие измерения и вычисления. 2024. Т. 85. № 12. С. 103-113.
25. Яковлева Е.А. Современный мир во власти искус-

ственного интеллекта: сможет ли искусственный интеллект «взломать» человеческую цивилизацию? / Е.А. Яковлева, С.П. Киргизбаев, В.П. Киргизбаев // Культура. Наука. Образование. 2024. № 2 (71). С. 86-95.

References

1. Averkina A.N. Explainable artificial intelligence as part of the third generation artificial intelligence // Speech technologies. 2023. № 1. P. 4-10.
2. Annamuradova A.M. Digital transformation and society of the future: the role of artificial intelligence / A.M. Annamuradova, M.S. Ishankuliyeva, D.A. Seytklychev // Matrix of scientific knowledge. 2023. № 10-1. P. 293-295.
3. Baklanov I.S. Implementation of artificial intelligence in socio-cultural practices of the development of Industry 4.0 / I.S. Baklanov, O.A. Baklanova, G.I. Lukyanov // Eurasian Law Journal. 2024. № 1 (188). P. 519-520.
4. Vorontsov S.A. "Artificial Intelligence" in the Modern Political and Legal Life of Society: Problems and Contradictions of Digital Transformation / S.A. Vorontsov, A.Yu. Mamychev // Territory of New Opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service. 2019. Vol. 11. № 4. P. 9-22.
5. Glushko A.A. Methods of Algorithmic Design of Artificial Intelligence / A.A. Glushko, V.D. Busov, K.D. Perederin // Technologies of Engineering and Information Systems. 2019. № 2. P. 72-88.
6. Gorbunova O.A. The Role of the Digital Economy in Modern Society: Trends and Prospects for the Use of Artificial Intelligence / O.A. Gorbunova, A.V. Omelkovich // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. 2023. Vol. 13. № 6-1. P. 45-51.
7. Dubrovsky D.I. Epistemological analysis of the socio-humanitarian significance of artificial intelligence innovations in the context of general artificial intelligence // Philosophical sciences. 2022. Vol. 65. № 1. P. 10-26.
8. Klimovich A.P. Risks of concentration of power in the era of artificial intelligence: between surveillance capitalism and digital Leviathan // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2021. № 1 (161). P. 154-170.
9. Kobets P.N. Analysis of approaches to the problem of legal capacity of artificial intelligence systems in a dynamically developing digital society // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanova. 2024. № 2 (99). P. 81-87.
10. Lapshin A.O. Artificial Intelligence and Technocratic Thinking // Power. 2019. Vol. 27. № 2. P. 74-76.
11. Lomaev S.L. Technocratic Narrative of Rational Management in the Context of the Development of Artificial Intelligence Technologies / S.L. Lomaev, N.S. Lomaeva // Discourse-Pi. 2022. Vol. 19. № 4. P. 178-194.
12. Martynenko T.S. Social Inequality in the Era of Artificial Intelligence: From the Digital to the Algorithmic Divide / T.S. Martynenko, D.E. Dobrinskaya // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2021. № 1 (161). P. 171-192.
13. Nazarov M.M. Artificial Intelligence and Algorithmic Solutions in the Social Sphere: Young People's Perceptions // Sociological Journal and Social Practice. 2023. Vol. 11. № 3. P. 141-158.
14. Neizvestny S.I. Social Problems of Decision-Making by Artificial Intelligence in a Digital Society // Sociological

- Journal. 2021. Vol. 27. № 2. P. 90-108.
15. Prokopchina S.V. New Direction in Artificial Intelligence: Measuring Artificial Intelligence // International Conference on Soft Computing and Measurements. 2024. Vol. 1. P. 3-6.
 16. Development of processes of intellectual cooperation and innovative integration of digital technologies of artificial intelligence of rural areas in a post-industrial society / A.F. Dorofeev, A.I. Dobrunova, A.S. Polyakov [et al.] // Moscow Economic Journal. 2019. № 12. P. 30.
 17. Savelyeva M.V. Artificial intelligence, emotional intelligence, emotional artificial intelligence as promising elements of investigation optimization // Problems of criminal procedure, forensic science and forensic examination. 2023. № 1 (21). P. 14-19.
 18. Snu B. Digital finance and artificial intelligence in building a modern digital environment / B. Snu, O.V. Demyanova, H.Ya. Huang // Discussion. 2023. № 4 (119). P. 18-32.
 19. Starikov E.N. Strong artificial intelligence as an integrator of individual artificial intelligence technologies into a system of technologies / E.N. Starikov, A.I. Tyutyunnik // Trends in the development of science and education. 2024. № 112-7. P. 31-36.
 20. Digital Economy: Artificial Intelligence and the Future of the Digital Economy / A.O. Muradova, M.E. Serhenov, M. Rakhmanov, M. Orazmammedov // Matrix of Scientific Knowledge. 2023. № 9-1. P. 251-253.
 21. Tsykunova Ya.V. Using Artificial Intelligence Technology to Ensure the Security of the Digital Infrastructure of Universities // New Information Technologies in Telecommunications and Postal Communications. 2024. № 1. P. 57-58.
 22. Chigvintseva E.P. Biometrics, Artificial Intelligence, Neural Networks as Elements of a Digital Society: Problems and Challenges // Social Integration and Development of Ethnocultures in the Eurasian Space. 2020. Vol. 2. № 9. P. 290-292.
 23. Shapovalova G.M. Artificial Intelligence - Technologies of the Future of Humanity: "Digital Culture" in the Context of "Digital Ethics" Dogma in Solving Ethical Problems // Baltic Journal of Humanities. 2019. Vol. 8. № 4 (29). P. 402-406.
 24. Shevchenko AV Protection of Artificial Intelligence and Explainable Artificial Intelligence from Adversarial Attacks / AV Shevchenko, AN Averkin // Soft Measurements and Computations. 2024. Vol. 85. № 12. P. 103-113.
 25. Yakovleva EA The Modern World in the Power of Artificial Intelligence: Will Artificial Intelligence Be Able to "Hack" Human Civilization? / EA Yakovleva, SP Kirgizbaev, VP Kirgizbaev // Culture. Science. Education. 2024. № 2 (71). P. 86-95.

Ильина О.И.

Кандидат философских наук, доцент.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет». SPIN-код: 2330-8108

Методологическая прото-рефлексия к философии поступка*

Аннотация. В статье представлена попытка тематизировать поступок в философской антропологии вне рамок традиционных концепций М.М. Бахтина, И. Канта, Аристотеля. Перекресток феноменологических процедур (Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж. Дереды, Ф. Анкерсмита) позволяет вскрывать новые грани поступка как феномена, рассматривать самобытность русского слова «поступок», фиксировать то, как открывается сущность человеческого существа и его бытие в поступке. В статье ставится вопрос о необходимости специальных феноменологических компетенций, организующих условия со-настройки феноменолога с исследуемым феноменом, позволяющих входить в трансцендентальную субъективность, удерживать онтологическую размерность, организовать опыт провокации смыслов, пережить возвышенный опыт собственного присутствия в историческом событии прошлого; указаны перспективы утончения феноменологического профиля поступка.

Ключевые слова: поступок, феноменологические компетенции, феноменологические процедуры, понимающее бытие, онтология, опыт, редукция, деструкция, конструкция, деконструкция, эпохе.

Ильина О.И.PhD in Philosophy, Associate Professor. Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Far Eastern Federal University". SPIN-code: 2330-8108

Methodological proto-reflection to the philosophy of action

Abstract. The article presents an attempt to tematize an act (Russian: *postupok*) in philosophical anthropology outside the framework of M.M. Bakhtin, I. Kant, Aristotle. The crossroads of phenomenological procedures (E. Husserl, M. Heidegger, J. Dereda, F. Ankersmit) allows us to reveal new facets of a *postupok* as a phenomenon, consider the originality of the Russian word "*postupok*," and record how the essence of a human being is revealed and its emergence in a *postupok*. The article raises the question of the need for special phenomenological competencies that organize the conditions for co-tuning the phenomenologist with the phenomenon under study, allowing one to enter into transcendental subjectivity, maintain ontological dimension, organize the experience of provoking meanings, and experience the sublime experience of one's own presence in a historical event of the past; prospects for refining the phenomenological profile of an act are indicated.

Key words: «postupok» (act/action/deed), phenomenological competencies, phenomenological procedures, understanding being, ontology, experience, reduction, destruction, construction, deconstruction, epoche.

* © Ильина О.И., 2025.

Методологическая прото-рефлексия к философии поступка

Введение

Актуальность философских штудий в области феноменологии человеческих поступков можно оправдать как минимум несколькими моментами: поиском идей, способных конкурировать с идеями трансгуманистических свобод; необходимостью дистанцироваться от научных маркеров в психологии, юриспруденции, педагогики и этике поступка при прояснении его феноменологической сути в философии; интересом к методам и приемам, которые обеспечивают философствующему субъекту глубину проникновения в суть такого события как поступок.

Если первый момент, ставит вопрос о конкуренции человеческого проекта и проекта пост-гуманоида, со всей его атрибутикой, взламывающей физиологические, генетические, ценностные и пр. границы человеческого существа; и очевидно, что человеческий проект будет справляться с экспансией биологических, технологических и прочих революций, пока удерживает способы быть человеком: проявляет человеческое достоинство, способы самостоятельно мыслить и чувствовать, способности совершать поступки.

То, второй и третий - ставят методологический вопрос о поступке как предмете философствования. Здесь важно помнить, что с одной стороны, предмет исследования является основанием для подборки методов его исследования, а, с другой - выбор метода конституирует предмет исследования и, как негативный сценарий, может изменить его до чего-то иного или неузнаваемого. В нашем случае, чтобы не приписать лишнего и не потерять сути поступка как многоуровневого и многопланового феномена, есть смысл сконцентрироваться на феноменологическом методе, в котором процедуры и когерентность инструмен-

тария (многослойность, эпохе, интенциональность и пр.) к тому, что исследуется как феномен, проверены анализом сложных вещей, событий, явлений.

Результаты и обсуждение

Традиционно тема поступка в философии является производной от этики: поступок рассматривается как единица нравственного поведения Аристотелем; иллюстрирует идеи И. Канта об императивах и уровнях познания; и как самостоятельная впервые появляется в феноменологическом сюжете о постижении бытия-события в поступке у М.М. Бахтина (поступок «в самом своем свершении как-то знает, как-то имеет единое и единственное бытие жизни, ориентируется в нем, причем весь и в своей содержательной стороне, и в своей действительной единственной фактичности; изнутри поступок видит уже не только единый, но и единственный конкретный контекст, последний контекст, куда относит и свой смысл, и свой факт...» [1, С. 29]).

Обращаясь к методологическому новаторству М.М. Бахтина, который, как отмечает К.Г. Исупов, «не анализирует» материал, а вскрывает его собственную логику», изъятую «не усилием метода, а вниманием разглядывания» [2, С. 587], можно зафиксировать условие постижения сути вещей – вхождение в переживание причастия с последующей объективизацией (вживание-внеаходимость) или поступок. Условие постижения сути вещей – это, с одной стороны, наличие феноменологических компетенций у постигающего, а, с другой – то, что фундирует становление необходимых компетенций и соответствующих процедур, организующих рефлексивное восхождение к истине, правде и смыслам, удерживающих внимание на сути вещей, в нашем случае, на сути поступка. Очевидно,

что искомые компетенции опираются на единство сенсительных (эмоционально-волевого тона, чувственного порыва) и интеллигентных (разворота сознания к терминам и концептуальным построениям, фиксирующим точки маршрута уникального опыта) форм восприятия, которые балансируют на острие собственного уникального золотого сечения в каждой конкретной феноменологической процедуре. В частности, результатом использования феноменологических компетенций при постижении сути поступка у М.М. Бахтина становится процедура рефлексивной практики: проникновение в суть поступка через его архитектуру (я-для-себя, я-для-другого, другой-для-меня), структуру формообразования (факт, акт, смысл) и напряжение взаимопринадлежащих атрибутов (событийность, ответственность, единственность, аксиологичность) [3].

В связи с этим становится интересным: как различные феноменологические процедуры могут разнообразить исследование поступка как феномена и предмета философской рефлексии? В данной статье попробуем рассмотреть лишь некоторые из них, в надежде продемонстрировать, как можно уточнить и утончить феноменологический профиль поступка.

Понимающие бытие - фундаментальное условие феноменологических компетенций

Фундаментальное условие точности и ясности феноменологического восприятия продумывается М. Хайдеггером как *способность* (сущего, феноменолога) к бытийному пониманию, и, коль скоро, «Бытие дается нам в бытийном понимании» [4, С. 276], то мы, следуя мысли Хайдеггера, можем надеяться на понимание бытия поступка в моменты особой со-настройки сущего как пони-

мающего бытия и бытия поступка. Здесь, сущее (феноменолог), становясь понимающим бытием, располагается таким образом к бытию поступку или в бытии поступка, что начинает понимать или узнавать его независимо от авторства и прочих атрибутов его историчности.

Такой онтологический оборот восприятия действительности (того что есть) удерживается понимающим бытием, пока понимающий бытийствует как понимающее бытие, то есть, до момента *расстройки* с понимающим бытием и падения к интерпретации понимаемого. Условия к пониманию бытия поступка для сущего со-настроенного с бытием в своем понимании обеспечиваются тождеством бытия и бытия сущего (того же самого в ином) а, для нашего случая, тождеством события понимания и событие поступка.

Но, попадание сущего в событие понимания вообще и, в частности, в событие понимания поступка не может быть ограничено чистым пониманием. Способ быть понимающим (удержания события понимания) слагается из двух моментов. Первый момент - установления тождества бытия (в том числе и бытия поступка) и понимающего, находящегося в режиме вот-бытие-познающего (или вот-познающее-бытие). Второй момент – это момент отчуждения от бытия и присваивание понятого, а присвоить можно только, если *протянуть* в свою историчность то, что было открыто пониманию (проинтерпретировать, выразить, подобрать слова).

Эти два момента М. Хайдеггер проясняет следующим: во-первых, бытийное понимание возможно только *на основе временности*: «временность конституирует бытийный смысл человеческого вот-бытия» и «лежит в основе бытийного понимания». Что позволяет зафиксировать тезис: бытие понима-

ется в горизонте времени (*tempus*), а интерпретация бытия всегда *темпоральна* [5, С. 276]; и во-вторых, - само понимание бытия возможно *в момент размыкания бытия*: «Бытие «имеется» только в специфической разомкнутости, которая характеризует понимание бытия» [6, С. 278]. Слово *разомкнутость* фиксирует то место (топику), где человеческое вот-бытие вступает в истину бытия. Эта разомкнутость - условие тождества человека и бытия, здесь человек, становясь одним и тем же с бытием, вступает в его истину, а бытие узнается человеческим существом как истина бытия. Попадание же в разомкнутость («зазор», «просвет», «истину») возможно только, если человеческое существо экзистирует, то есть «вот бытие экзистирует в истине» или «бытие имеется только если истина, т.е. вот бытие экзистирует» [7, С. 278].

Так, попытка узаконить возможность понимания вещей и событий, в том числе таких как поступок, указывает, что эта возможность принадлежит понимающему (существу, феноменологу) как понимающему бытию, где понимающий – не есть, имеющей готовое знание, а как возможность узнавания того, что есть в нем самом.

Для нашей темы важно не только то, что онтологически способ быть понимающим присущ человеческому существу как таковому, но и то, что поступающие и понимающее бытие в момент понимания онтологически тождественны.

Онтология понимающего бытия М. Хайдеггера по принципу соответствия резонирует с такой формой поступка как эстетическое видение М.М. Бахтина, где поступок – эстетическое видение удерживается моментами активного вживания, объективизации и вневходимости [8, С. 18], что предает эвристической уверенности в поиске универсальной

модели компетенций феноменолога. Тождество поступающего и понимающего в момент размыкания указывает не только на момент понимания сути поступка другого человека, но и на то, что поступающее бытие способно понимать собственное поступление в момент его свершения, как у М.М. Бахтина поступок «в самом своем свершении как-то знает...» [9, С. 29].

Процедуры феноменологического метода М. Хайдеггера: редукция, конструкция и деструкция

Феноменологический метод М. Хайдеггер - это реализация трех взаимопринадлежащих и взаимодополняющих процедур: редукции, конструкции и деструкции. Все «три куска» Хайдеггеровского метода связаны с разворотом «феноменологического взора от ... сущего к пониманию бытия ... этого сущего» [10, С. 282].

Хайдеггер характеризует редукцию как редукцию себя «в приведении к бытию», как позитивный аспект отворачивания от себя, в котором бытие становится доступным, но «не так, как сущее, мы не просто преднаходим его, но оно ... должно быть приведено в некотором свободном наброске» [11, С. 283].

Процедура набрасывания бытия на бытие редуцированного сущего («предданого сущего» М. Хайдеггер) и структуру этого бытия, продумывается Хайдеггером как феноменологическая конструкция. Он поясняет, что «каждое набрасывание бытия исполняется в редуктивном отходе от сущего. Это позволяет фиксировать не только взаимопринадлежность процедур редукции и конструкции, но и алгоритм феноменологической аналитики: петляние от сущего к бытию и от бытия к сущему при распаковке сложных многоплановых и многоуровневых феноменов.

Историчность сущего, его экзистен-

ции, способов доступа к истине бытия и способов изложения сути дела [12] делает всякое феноменологическое разбирательство перегруженным традиционными воззрениями и понятиями, не отражающими суть дела или даже подменяющих одну феноменологическую реальность другой. Для ослабления этих обстоятельств М. Хайдеггер предлагает использовать процедуру деструкции - критическую расстройку «перешедших и необходимых понятий до источников, из которых они почерпнуты» [13, С. 284].

Пропускание феномена поступка через М. Хайдеггеровские процедуры позволяет акцентировать исследовательское внимание не на концептуальных хрониках о поступке, а на его действительном бытии, на поступке как способе быть и как событию. Вооружившись редукцией, конструкцией и деструкцией исследователь отстраняется от онтического содержания поступка, выходит к его онтологическому источнику и использует этот источник в качестве условия схватывания всего многообразия форм поступка (слово, жест и пр.) и всего богатства содержаний поступков (со всей их историчностью).

Процедуры феноменологического метода Э. Гуссерля

Основные процедуры феноменологического метода Э. Гуссерля – это уровни рефлексии, возникающие в моменты интуитивного созерцания феноменов; они осуществляются на основе процедур эпохе с соответствующими редукциями (феноменолого-психологической, эйдетической, трансцендентальной): от естественной установки (в нашем случае, от поступка как явленного в мире) до априорных оснований (в нашем случае, предельных возможностей поступка) и трансцендентального Эго.

В исследовании сути конкретного

поступка как феномена, воспринимаемого индивидуальным сознанием, вполне применимы феноменологическая редукция и идиация, которые Э. Гуссерль отмечал как «основную форму всех особых трансцендентальных методов» [14]. Эти два уровня редукции позволяют надеяться на дескриптивный самоотчет рефлекслирующего сознания. А вот трансцендентальная редукция уводит созерцающего за границы феноменальных и сущностных характеристик поступка (равно как и других вещей) и, в лучшем случае, в остаточном режиме позволит созерцать «кажимость» всего, что в индивидуальном сознании имеет плотность события. Раскрыть феноменальную природу поступка как индивидуального акта-события идентификации с единицами смысла помогает рефлексивная практика нозмы и ноззиса (*что и как* есть поступок), сопровождающая как феноменолого-психологическую и эйдетическую редукции. Но организация трансформации понимания поступка как феномена от индивидуального к «абсолютно-единому» и очевидному требует проведение трансцендентальной редукции. Трансцендентальная редукция позволяет высветить предельные основания поступка, от куда (по закону-тождества с тем что есть как трансцендентальное Эго) трансцендентальное Эго в обратном порядке понуждает к трансформации другие уровни сознания и самосознания.

Логика восхождения интенциональной структуры, состоящей из нозмы и ноззиса, в процедурах эпохе феноменологического метода, применима к исследованию собственных поступков и конкретных поступков других, в том числе, и исторических персонажей. Выявленные таким образом феноменологическая и сущностная общности, могут использоваться для организации ана-

лиза всего многообразия конкретных поступков и раскрыть логику единства уровней сознания поступающего Эго.

Процедура деконструкции Ж. Деррида

Представление о феноменологических компетенциях и процедурах, необходимых для работы над темой поступка, не может быть полным без процедуры деконструкции Ж. Деррида - особого способа понимания и инструмента провокации мысли и поиска скрытых смыслов.

Его требования к феноменологии и феноменологу сформулированы в работе «Письмо и различие» следующим образом:

- феноменолог - это «истинный позитивист», так как всегда «возвращается к самим вещам и устраняется перед оригинальностью и изначальностью значений» [15, С. 197];

- феноменология - эйдетическая дискриптивная наука, которая «может быть строгой, но она по необходимости неточна» [16, С. 207], при этом термин «неточность» уточняется термином «внеточность», устраняющим негативный аспект неточности и указывающим на наличие бесконечного ряда точностей, которые всегда есть и при необходимости обеспечивают достижение любой нужной точности (временной и безвременной).

Ж. Деррида характеризует деконструкцию прежде всего, как «событие», цель которого ухватить истину, и, даже сотворить ее заново. Деконструкция - это процедура рас-стройки, обращенная в первую очередь к понятиям и текстам, для которой важен не конкретный результат, а процесс провокаций, разрушений, различий.

Попытка деконструировать поступок как понятие и как феномен не нарушает традиционные деконструктивные

практики, так как поступок, в некотором отношении имеет характеристики и знака, и следа, и языка, и прото-письма [позволю прояснить, что значит «в некотором отношении» на примере различия идеи поступка и идеи следа: поступок - это не след, это то, что оставляет след в бытие].

Деконструкция позволяет выявить, как старое понятие начинает обозначать нечто совершенно отличное от его предыдущего обозначаемого, и зафиксировать теоретический и практический эффект этого способа [здесь под способом понимается способ перехода понятия из контекста в контекст, каждый из которых отшелушивает понятие по своему усмотрению и целеполаганию]. То есть, деконструкция может избавить от смыслового засилья самобытное русское слово «поступок» не только от дисциплинарных и обыденных интерпретаций, но и от экспансий чужестранных нарративов, посвященных его аналогу в трудах И. Канта (нем. *handlung*) [17] и Аристотеля (*praxis* - др.-греч. *πράξις*) [18], выявить его сущностную констелляцию, отчасти, отрефлексированную в текстах носителей языка (М.М. Бахтина) и хранимую славянскими языками, в частности, древнерусскими словами «стѡпа», «стѡпъ», «стѡпани», «стѡпитика», [19; С. 577-578] «постѡпити» и «постѡпати» [20, С. 1269-1270].

Приемы деконструкции применимы для провокации сути поступка его антиподом - проступком, для утверждения сомнения в очевидности его нравственного бытия как ущемляющего достоинство бытия поступка вообще; для деконструкции понимания поступка как личностного акта, закрепленного рядом научных дисциплин.

Подвергнуть деконструкции только понятие поступок, значит погнаться за тенью или, как называл это Ж. Деррида,

духами или фантомами когда-то живого слова, а вот - иметь дерзость прикоснуться к действительному поступку, который самым своим свершением устраняет посредников между человеком и истиной, требует особого напряжения феноменологических компетенций. Свершающийся поступок в логике процедуры деконструкции можно означить как деконструирующее (рас-страивающее и восполняющее) деконструируемого (в качестве человеческого существа).

К слову «поступок» применимы все логические операции деконструкции: переходы от письма к прото-письму, от следа к прото-следу, от различия к различания, которые провоцируют вскрытие не вполне бинарных оппозиций, напоминающих об асимметричной феноменальной целостности поступка, вне пределов наивного объективизма.

Логика деконструкции, в частности, провоцирует вопрос: сможет ли феноменолог, погрузившись в событие поступка с полной готовностью использовать феноменологический инструментарий, схватить поступок как то, что отбрасывает к «прото-следу» человеческого «я-есть», или между истинным «я-есть то, что есть» и «я-есть то, что несть», лежат многочисленный «следы» нравственных, моральных и прочих «я-есть-ностей», навязанных природой и воспитанием и пр., которые будут водить феноменолога за нос, позволяя последней истине скрываться и ускользать? В качестве ответа-предположения пока зафиксируем следующее: это зависит от уровня компетенций феноменолога и той цели, которая направляет его внимание. Но в логике «неточностей», а точнее «внеточностей», лучше пока остановиться на неограниченном «множестве-естности».

Так как бесконечность следов множества поступков может быть цен-

трирована только от части, а в логике концепции деконструкции Ж. Деррида невозможна, то для воссоздания полноты восприятия поступков вполне допустима такая операция деконструктивного анализа как несамотождественное восполнительство, то есть, то, что обеспечивает эвристика и воображение.

Переживание возвышенного исторического опыта Ф. Анкерсмита

Феноменологическое постижение минувших событий (а поступок – это событие) на основе сенсительных форм восприятия доступно в переживании возвышенного исторического опыта Ф. Анкерсмита. Возвышенный исторический опыт всецело принадлежит чувствам и настроениям, чужд знаниям, не ограничен процедурным порядком, но имеет некую предзаданность: чувства и настроения не провоцируются восприимчивыми событиями и вещами, а предшествуют им «как тональность предшествует музыкальному сочинению» [21, С. 422]. Это делает возвышенный исторический опыт онтологическим, а не эпистемологическим, а потому он имеет дерзость быть «проводником истины», а «не слугой» [22, С. 428]. В возвышенном историческом опыте истина не познается, а обнаруживается или узнается как встреча с тем, чем мы уже не являемся, без всякой помощи категорий, фундирующих мировосприятие. Есть в этой встрече некий психотерапевтический эффект, соразмерный феноменологической модификации сознания, спровоцированной очевидностью хранимого переживанием того, чем мы уже никогда не будем.

Что касается нашей темы, возвышенный исторический опыт обещает онтологическую захваченность, меняющую идентичность в событии узнавания бытия-поступков исторических персонажей и современников. Но такая

захваченность гарантирована феноменологу в случае, если исследуемый им событие-поступок является частью его исторической памяти и глубинных переживаний, иногда тревожащих сознание как забытая травма.

Представленный обзор феноменологических процедур, которые можно использовать в феноменологических сюжетах о поступке, не является полным, но видится достаточным для понимания перспектив исследования поступка в разных концептуальных ракурсах.

Заключение

Представленная методологическая *прото*-рефлексия в области феноменологии поступка, позволила не столько конкретизировать его как предмет познания, сколько показать необходимость особой со-настройки феноменолога с постигаемым феноменом. Эту со-настройку в качестве условия его постижения фиксируют термины *рас*-положенность, *со*-присутствие, причастие, понимающее бытие, вхождение в истину бытия, чистый опыт, интуитивное схватывание и пр.

К феноменологическим компетенциям, помогающим удерживать со-настройку с воспринимаемым, можно отнести готовность феноменолога находить уникальный баланс интеллибельных и сенсбельных форм восприятия, единство, асимметричность и динамичность которых находят свое отражение, как следствие, в логике исполнения соответствующей процедуры;

Обзор ряда феноменологических процедур позволяет констатировать перспективы рефлексивного анализа в области феноменологии поступка:

- процедуры эпохе (феноменологическом, эйдетическом, трансцендентальном) Э. Гуссерля организуют постижение интенциональной структуры (ноэмы и ноэзиса) феномена поступка,

применимы к исследованию собственных поступков, конкретных поступков Других, в том числе, исторических персонажей;

- феноменологический метод М. Хайдеггера позволяет акцентировать внимание на действительном бытии поступка, высветить его как способ быть и как событие. Процедуры редукция, конструкция и деструкция позволяют преодолеть его онтическое содержание и указать на онтологические корни;

- к слову «поступок» применима процедура деконструкции Ж. Деррида со всеми своими операциями, провоцирующая поиск не бинарных оппозиций, слагающих его феноменальную целостность. Здесь возможны провокации сути поступка его антиподом - проступком, для утверждения сомнения в очевидности его нравственного бытия; замена понятия поступка как личностного акта на без-личностный акт и пр. Сам свершающийся поступок близок к логике процедуры деконструкции: его можно означить как деконструирующее (*рас*-страивающее и восполняющее) деконструируемого (человеческого существа);

- возвышенный исторический опыт позволяет феноменологу узнавать собственный опыт в поступках других персонажей, указывает на необходимость со-настройки, в-чувствования, со-причастия как условия прохождения феноменологических приключений.

Феноменологический метод интересен тем, что в нем всегда присутствует автор, но, ни как интерпретатор, а как участник со-бытия феноменологического схватывания того, что есть. Отсюда, концептуальное и процедурное не-однообразие авторского восхождения к истине, бытию, правде, смыслам, чистому опыту. Тем не менее, вооружившись (вдохновившись) уже

проверенными феноменологическими процедурами и собственными феноменологическими компетенциями, исследователь всегда может подвергнуть критическому анализу существующие научные концепции и обыденные знания, в данном случае, о поступке.

Список литературы

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1 / М.М. Бахтин. – М.: 2003. С. 7-68.
2. Исупов К.Г. Судьба классического наследия и философско-эстетическая культура Серебряного века / К.Г. Исупов. – СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2010. 592 с.
3. Бахтин М.М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1 / М.М. Бахтин. – М.: 2003. С. 7-68.
4. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии // Положение об основании: ст. и фрагменты. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 256-287.
5. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии // Положение об основании: ст. и фрагменты. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 256-287.
6. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии // Положение об основании: ст. и фрагменты. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 256-287.
7. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии // Положение об основании: ст. и фрагменты. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 256-287.
8. Бахтин М.М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1 / М.М. Бахтин. – М.: 2003. С. 7-68.
9. Бахтин, М. М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1 / М. М. Бахтин. – М.: 2003. С. 7-68.
10. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии // Положение об основании: ст. и фрагменты. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 256-287.
11. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии // Положение об основании: ст. и фрагменты. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 256-287.
12. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии // Положение об основании: ст. и фрагменты. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 256-287.
13. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии // Положение об основании: ст. и фрагменты. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 256-287.
14. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – М.: 1994.
15. Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академ. проект, 2000б. 495 с.
16. Деррида Ж. Письмо и различие. – М.: Академ. проект, 2000б. 495 с.
17. Kant, Immanuel: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, hg. von Jens Timmermann, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004.
18. Аристотель, *Этика* / Аристотель; пер. Н.В. Брагинской, Т.А. Миллер; Вст.ст. Ф.Х. Кессиди; Прим. Н.В. Брагинской, В.В. Библихина. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 492 с.
19. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III – СПб.: 1902. С. 577-578. // URL: <https://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskij>
20. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. II – СПб.: 1902. С. 1269-1270. // URL: <https://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskij>

21. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Издательство «Европа», 2007. 612 с.
22. Анкерсмит Ф.Р. Возвышенный исторический опыт. – М.: Издательство «Европа», 2007. 612 с.

References

1. Bakhtin M.M. Towards a Philosophy of Action // Collected Works. Vol. 1 / M.M. Bakhtin. – M.: 2003. P. 7-68.
2. Isupov K.G. The Fate of the Classical Heritage and the Philosophical and Aesthetic Culture of the Silver Age / K.G. Isupov. - St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy, 2010. 592 p.
3. Bakhtin M.M. Towards a Philosophy of Action // Collected Works. Vol. 1 / M.M. Bakhtin. – M.: 2003. Pp. 7-68.
4. Heidegger M. The Main Problems of Phenomenology // Thesis on the Foundation: Articles and Fragments. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2000. P. 256-287.
5. Heidegger M. The Main Problems of Phenomenology // The Thesis on the Foundation: Articles and Fragments. – SPb.: SPbU Publishing House, 2000. P. 256-287.
6. Heidegger M. The Main Problems of Phenomenology // The Thesis on the Foundation: Articles and Fragments. – SPb.: SPbU Publishing House, 2000. P. 256-287.
7. Heidegger M. The Main Problems of Phenomenology // The Thesis on the Foundation: Articles and Fragments. – SPb.: SPbU Publishing House, 2000. P. 256-287.
8. Bakhtin M.M. Toward a Philosophy of Action // Collected Works. Vol. 1 / M.M. Bakhtin. – M.: 2003. P. 7-68.
9. Bakhtin, M. M. On the Philosophy of the Act // Collected Works. Vol. 1 / M. M. Bakhtin. – M.: 2003. P. 7-68.
10. Heidegger M. The Main Problems of Phenomenology // The Proposition on the Foundation: Articles and Fragments. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2000. P. 256-287.
11. Heidegger M. The Main Problems of Phenomenology // The Proposition on the Foundation: Articles and Fragments. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2000. P. 256-287.
12. Heidegger M. The Main Problems of Phenomenology // The Proposition on the Foundation: Articles and Fragments. – St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2000. P. 256-287.
13. Heidegger M. The Main Problems of Phenomenology // The Thesis on the Foundation: Articles and Fragments. – SPb.: Publishing House of SPbSU, 2000. P. 256-287.
14. Husserl E. Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. – M.: 1994.
15. Derrida J. Writing and Difference. – Moscow: Academic Project, 2000b. 495 p.
16. Derrida J. Writing and Difference. – Moscow: Academic Project, 2000b. 495 p.
17. Kant, Immanuel: Grundlegung zur Metaphysik der Sitten, hg. von Jens Timmermann, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004.
18. Aristotle, *Ethics* / Aristotle; trans. N.V. Bragin'skaya, T.A. Miller; Intro. F.H. Cassidy; Note. N.V. Bragin'skaya, V.V. Bibikhin. – Moscow: OOO "Izdatelstvo AST", 2004. 492 p.
19. Sreznevsky I.I. Materials for the dictionary of the Old Russian language. Vol. III – SPb.: 1902. P. 577-578. // URL: <https://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskij>
20. Sreznevsky, I.I. Materials for the dictionary of the Old Russian language. Vol. II – SPb.: 1902. P. 1269-1270. // URL: <https://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskij>
21. Ankersmit F.R. Sublime historical experience. – M.: Publishing house - Europe “, 2007. 612 p.
22. Ankersmit F.R. Sublime historical experience. – M.: Publishing house - Europe “, 2007. 612 p.

Иванов В.В.

Студент. Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск.

Кардашевский Я.М.

Студент. Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск.

Акимова В.С.

*Кандидат исторических наук, доцент.
Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск.*

Деконструкция пространства-времени: эволюционное восприятие, голографическое возникновение и онтология иллюзий*

Аннотация. Концепция пространства-времени как фундаментальной реальности сталкивается с глубоким кризисом в современной физике. Теоретические достижения в области квантовой гравитации, голографического принципа и эволюционной когнитивистики ставят под сомнение классическую онтологию пространства-времени, указывая на его иллюзорную природу. В данной статье синтезируются междисциплинарные идеи из теоретической физики, когнитивной науки и философии, чтобы предложить радикальное переосмысление пространства-времени как адаптивного интерфейса, сформированного эволюционными ограничениями, а не объективной реальностью. Опираясь на теорию интерфейсного восприятия Хоффмана (ИТР), мы демонстрируем, что сенсорные системы, оптимизированные для выживания, а не для отражения истины, представляют пространство-время как видоспецифичный «рабочий стол» из полезных иконок.

Ключевые слова: иллюзия пространства-времени, голографический принцип, эволюционное восприятие, квантовая нелокальность, адаптивный интерфейс.

Ivanov V.V.

Student. North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk.

Kardashesckii Y.M.

Student. North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk.

Akimova V.S.

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.
North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk.*

Deconstructing spacetime: evolutionary perception, holographic emergence, and the ontology of illusions

* © Иванов В.В., Кардашевский Я.М., Акимова В.С., 2025.

Деконструкция пространства-времени: эволюционное восприятие, голографическое возникновение и онтология иллюзий

Abstract. The concept of space-time as a fundamental reality faces a profound crisis in modern physics. Theoretical advances in quantum gravity, the holographic principle, and evolutionary cognitive science challenge the classical ontology of space-time, pointing to its illusory nature. This article synthesizes interdisciplinary insights from theoretical physics, cognitive science, and philosophy to propose a radical rethinking of spacetime as an adaptive interface shaped by evolutionary constraints rather than an objective reality. Drawing on Hoffman's interface perception theory (ITP), we demonstrate that sensory systems optimized for survival rather than truth-reflection represent spacetime as a species-specific 'desktop' of useful icons.

Key words: space-time illusion, holographic principle, evolutionary perception, quantum nonlocality, adaptive interface.

Введение

Пространство-время, краеугольный камень классической физики, переживает беспрецедентный концептуальный кризис. Начиная с работ Эйнштейна, заложивших основы реляционной природы пространства-времени, и вплоть до квантовой революции, физика последовательно демонтировала представления о нём как о статичной арене событий. Однако сегодня, как отмечают ведущие теоретики — от Дэвида Гросса, заявившего, что «пространство-время обречено», до Нимы Аркани-Хамеда, назвавшего его «нефундаментальным» — становится ясно, что сама идея пространства-времени как первичной реальности несовместима с квантовой гравитацией, голографическим принципом и эволюционной биологией восприятия.

Эволюционное восприятие реальности утверждает, что сенсорные системы, сформированные естественным отбором, ставят выживание выше точного отражения внешнего мира. В основе этой теории лежит Теория интерфейсного восприятия (Interface Theory of Perception, ITP) Дональда Хоффмана, которая предполагает, что организмы взаимодействуют с реальностью через видоспецифичный «рабочий стол» упрощенных иконок, аналогичный компьютерному интерфейсу. Эти икон-

ки — такие как объекты, расстояния и пространственные отношения — являются эволюционными инструментами, предназначенными для управления адаптивным поведением, а не для отражения объективной реальности. Теорема «Приспособленность побеждает истину» (Fitness-Beats-Truth, FBT) Хоффмана математически доказывает, что естественный отбор благоприятствует перцептивным системам, оптимизированным для выживания, даже если они полностью игнорируют истину. Например, гипотетический глаз всего с десятью фоторецепторами имеет лишь 0,2% вероятности точного восприятия реальности, тогда как человеческий глаз, обладающий 130 миллионами фоторецепторов, приближается к нулевой вероятности истинного восприятия [7, с. 45]. Это указывает на то, что сложность сенсорных систем обратно коррелирует с их способностью отражать реальность, так как эволюционно успешное восприятие по своей природе утилитарно, а не достоверно. «Зрительные системы эволюционировали для решения конкретных задач выживания, а не для построения объективной модели реальности» [5, с. 34].

Эмпирическую поддержку этой теории предоставляют эксперименты Денниса Проффитта, которые демонстрируют, что пространственное восприятие модулируется физиологи-

ческими и метаболическими состояниями. В одном исследовании участники, употреблявшие глюкозу (высокоэнергетический субстрат), воспринимали расстояния как более короткие по сравнению с теми, кто получал искусственные подсластители. Аналогично спортсмены оценивали холмы как менее крутые, чем малоподвижные люди [9, с. 115]. Эти результаты предполагают, что мозг динамически конструирует пространственные представления, калибруя их для минимизации воспринимаемых энергетических затрат. Работа Проффитта согласуется с утверждением Хоффмана о том, что само пространство-время является адаптивным интерфейсом: расстояние — не внутреннее свойство мира, а когнитивный конструкт, балансирующий затраты действий и потенциальные выгоды [7, с. 89].

Критики, такие как Майкл Шермер, утверждают, что практические успехи науки — например, посадка марсоходов или лечение болезней — опровергают идею о полном отрыве восприятия от реальности. Шермер настаивает, что научный прогресс основывается на всё более точных моделях внешнего мира [10, с. 204]. Хоффман парирует это, переопределяя науку как «протокол» для манипуляции перцептивными иконками, а не как описание реальности. Например, концепция «электрона» — не буквальная частица, а символический инструмент для предсказания результатов измерений в рамках интерфейса. Это различие, по словам Хоффмана, объясняет полезность науки без привлечения онтологической истины [7, с. 157].

Эволюционная рамка также бросает вызов классическим философским допущениям. Фрэнсис Крик, перекликаясь с Кантом, подчёркивал,

что восприятие — это биологическая интерпретация, сформированная эволюционным давлением: «То, что мы видим, — не „вещь в себе“, а видоспецифичная проекция... Эволюцию заботит только то, чтобы эта проекция направляла адаптивное поведение» [5, с. 45].

Это согласуется с экспериментами над восприятием у животных. Например, зрительная система мухи, как отмечал Дэвид Марр, собирает минимальную объективную информацию о мире. Мухи не обладают явными представлениями о поверхностях или объектах, полагаясь вместо этого на сигналы движения для избегания хищников — минималистскую стратегию, отточенную потребностями выживания [6, с. 112]. Теория также пересекается с дискуссиями о врождённом пространственном познании. Проблема Молиню — сможет ли человек, слепой от рождения, после обретения зрения отличить куб от шара без тактильного контакта — остаётся нерешённой. Однако ИТР предсказывает, что даже если такой человек сможет научиться различать формы, его восприятие будет отражать адаптивные условия, а не врождённые геометрические истины [8, с. 73].

Эволюционное восприятие реальности переопределяет восприятие как интерфейс, ориентированный на выживание. Оно отвергает допущение о том, что сенсорные системы эволюционировали для приближения к истине, вместо этого представляя их как прагматичные инструменты, сжимающие реальность в действенные символы. Эта теория не отрицает существование внешнего мира, но утверждает, что его структура, как она воспринимается, является биологическим артефактом, сформированным эволюционными ограничениями.

Голографический принцип и кван-

товая нелокальность представляют собой два взаимодополняющих концептуальных прорыва в современной физике, которые радикально пересматривают онтологический статус пространства-времени. Эти теории не только бросают вызов классическим представлениям о реальности, но и предлагают новые рамки для понимания фундаментальной структуры Вселенной. «Пространство-время, как мы его знаем, не является фундаментальным. Оно должно быть заменено более глубокими концепциями в теории квантовой гравитации» [11, с. 11]. Идея голографического принципа возникла в контексте изучения термодинамики черных дыр. В 1970-х годах Якоб Бекенштейн и Стивен Хокинг показали, что энтропия черной дыры пропорциональна площади ее горизонта событий, а не объему. Это наблюдение привело к парадоксу: если информация, попадающая в черную дыру, безвозвратно теряется (как предполагала классическая физика), это противоречит квантовомеханическому принципу сохранения информации. Разрешение этого парадокса предложили Леонард Сасскинд и Герард 'т Хоофт, сформулировав голографический принцип. Согласно ему, вся информация, содержащаяся в трехмерном объеме пространства, может быть полностью описана данными, закодированными на его двумерной границе. Наиболее известной реализацией этой идеи является AdS/CFT-соответствие (анти-де-Ситтер/конформная теория поля), предложенное Хуаном Мальдасеной в 1997 году. Эта дуальность устанавливает математическую эквивалентность между теорией гравитации в пятимерном анти-де-Ситтеровском пространстве (AdS) и конформной теорией поля (CFT) без гравитации, определенной на его четырехмерной

границе. Практически это означает, что процессы, происходящие в объеме пространства-времени, могут быть полностью переформулированы в терминах взаимодействий на его границе, подобно тому как двумерная голограмма кодирует трехмерное изображение.

Голографический принцип и квантовая нелокальность совместно формируют новую парадигму, в которой пространство-время теряет статус фундаментальной категории. Вместо этого оно возникает как приближенное описание, полезное на макроскопических масштабах, но не отражающее глубинную структуру реальности. Эта концепция не только переопределяет цели теоретической физики, но и открывает пути к объединению квантовой механики с общей теорией относительности через призму информационной и квантово-запутанной онтологии. «Голографическая редукция демонстрирует, что информация о пространстве-времени может быть полностью закодирована на его границе» [11, с. 5].

Теории эволюционного восприятия, голографического принципа и квантовой нелокальности совместно приводят к радикальному пересмотру классической онтологии, ставя под сомнение не только фундаментальность пространства-времени, но и само понятие объективной реальности как совокупности независимо существующих сущностей. Эти концепции предполагают, что привычные категории — объекты, расстояния, причинность — являются не первичными элементами мироздания, а производными конструктами, возникшими в результате эволюционных, информационных или квантовых процессов.

Традиционная онтология, основанная на наивном реализме, предполагает, что восприятие непосредствен-

но отражает объективные свойства мира. Однако эксперименты Дональда Хоффмана и Денниса Проффитта демонстрируют, что пространственные характеристики, такие как расстояние или форма, конструируются мозгом для оптимизации выживания, а не для точного отображения реальности. Как отмечает Хоффман: «Мы подобны пользователям, которые принимают иконки на рабочем столе за реальные файлы. Но за этими иконками скрывается код, который мы не способны воспринять» [7, с. 189]. Этот тезис перекликается с философской критикой Фрэнсиса Крика, который подчеркивал, что восприятие — это биологический интерфейс, фильтрующий реальность через призму адаптивности.

Голографический принцип усиливает этот антиреализм, показывая, что трёхмерные объекты — всего лишь проекции информации, закодированной на двумерной границе. В рамках AdS/CFT-соответствия частицы, силы и даже гравитация теряют статус самостоятельных сущностей, становясь проявлениями голографических данных. Леонард Сасскинд сравнивает это с тем, как трёхмерный образ в голограмме возникает из двумерной поверхности: «Наша Вселенная — это экран, на который проецируются данные, но сам экран не является частью проекции» [10, с. 225]. Скептики, такие как Майкл Шермер, утверждают, что успехи науки — от предсказания затмений до создания квантовых компьютеров — требуют если не полной истинности, то хотя бы частичного соответствия теорий реальности. Однако сторонники новой онтологии отвечают, что наука оперирует «протоколами интерфейса», которые эффективны именно потому, что игнорируют избыточную сложность фундаментального уровня. Онтоло-

гические последствия современных физических теорий сводятся к отказу от классического дуализма «объект-наблюдатель» и переходу к монистической модели, где реальность едина, но проявляется через множественные интерфейсы — эволюционные, голографические, квантовые. Это не отрицает существования внешнего мира, но переопределяет его как непредставимую в пространственно-временных терминах сеть взаимодействий. Такая онтология открывает путь к объединению квантовой гравитации, теории сознания и эволюционной биологии в рамках единой парадигмы, где «реальность» — не данность, а процесс постоянного конструирования.

Синтез теорий эволюционного восприятия, голографического принципа и квантовой нелокальности приводит к фундаментальному пересмотру представлений о реальности. Эти концепции, развивающиеся в рамках различных дисциплин, демонстрируют удивительную согласованность: пространство-время и объекты в нём не являются первичными сущностями, а возникают как эмерджентные структуры, порожденные эволюционными, информационными и квантовыми процессами. Ключевой аргумент заключается в том, что эволюционное восприятие, описанное Хоффманом, объясняет почему мы видим трёхмерный мир. Пространство-время выступает адаптивным интерфейсом, оптимизированным для выживания, а не для отражения объективной реальности. Голографический принцип, в свою очередь, раскрывает как возникает эта иллюзия: трёхмерная реальность проектируется из двумерной информации, подобно голограмме. Эта проекция не случайна — эволюция могла «выбрать» её как наиболее эффективный способ

ориентации в среде, требующей пространственной навигации. Квантовая нелокальность дополняет эту картину, показывая, что корреляции между частицами существуют вне пространственно-временных ограничений, что ставит под сомнение саму необходимость пространства как фундаментальной категории.

Критики, такие как Майкл Шермер, справедливо отмечают, что успехи науки — от расчёта космических траекторий до разработки квантовых технологий — кажутся несовместимыми с идеей полной иллюзорности реальности. Однако этот парадокс разрешается, если рассматривать науку как «протокол» для работы с интерфейсными иконками. Например, понятие «электрон» — не описание объективной сущности, а инструмент для предсказания результатов измерений в рамках интерфейса. Эффективность науки объясняется не её соответствием «истинной реальности», а способностью манипулировать символами, полезными для выживания и технологического прогресса.

Скепсис в отношении голографического принципа, выраженный Ли Смолиным, также заслуживает внимания. Действительно, AdS/CFT-соответствие остаётся математической моделью, а не доказательством голографичности нашей Вселенной. Однако косвенные подтверждения, такие как поведение кварк-глюонной плазмы или аномалии в реликтовом излучении, указывают на универсальность голографических закономерностей. Эти данные не доказывают теорию, но делают её серьёзным кандидатом для описания реальности.

Перспективы исследований лежат в области экспериментальной проверки этих теорий. Квантовые симуляторы на основе ультрахолодных атомов могут эмулировать голографическую

дуальность, демонстрируя, как трёхмерные свойства возникают из двумерных данных. Нейробиологические исследования, изучающие, как мозг «конструирует» слепые пятна или оптические иллюзии, способны выявить алгоритмы, лежащие в основе восприятия пространства. Кроме того, гравитационно-волновая астрономия может обнаружить признаки квантовой гранулярности пространства-времени, анализируя шумы в сигналах от слияния чёрных дыр.

Теоретически актуальной задачей остаётся объединение голографического принципа с петлевой квантовой гравитацией или теорией струн. Такая интеграция позволила бы разрешить проблему измерения в квантовой гравитации и предложить онтологию, где пространство-время возникает из сети квантовой запутанности. Философски это поднимает вопрос о роли сознания: если реальность — интерфейс, то как нейронные процессы участвуют в его формировании? Хотя большинство физиков избегают спекуляций на эту тему, теории вроде «оркестрованной объективной редукции» (Пенроуз-Хамерофф) пытаются связать квантовые процессы с нейробиологией.

Философские последствия этой парадигмы profound. Классический дуализм «субъект-объект» уступает место монистической модели, где реальность едина, но проявляется через множественные интерфейсы — биологические, голографические, квантовые. Это не отрицает существование внешнего мира, но переопределяет его как непредставимую в пространственно-временных терминах сеть взаимодействий. Эти идеи также ставят этические вопросы: если реальность конструируется, то ответственность за её «картины» (например, климатические модели или

социальные нарративы) становится критически важной.

Заключение

Современные исследования в области теоретической физики, когнитивной науки и философии демонстрируют, что пространство-время и объекты в нём не являются фундаментальными сущностями, а представляют собой эмерджентные конструкты, возникшие в результате эволюционных, информационных и квантовых процессов. Теория эволюционного восприятия Хоффмана объясняет, почему трёхмерный мир воспринимается как адаптивный интерфейс, оптимизированный для выживания, в то время как голографический принцип раскрывает механизм его возникновения через проекцию информации с двумерной границы. Квантовая нелокальность, нарушающая классические представления о локальности, окончательно подрывает онтологический статус пространства-времени, указывая на более глубокую, негеометрическую реальность. Критика, основанная на успехах науки (Шермер) или ограничениях голографических моделей (Смолин), не отменяет ключевых выводов. Научные теории функционируют как «протоколы интерфейса», эффективные для предсказаний, но не требующие соответствия «истинной реальности».

Список литературы

1. Аркани-Хамед Н. Лекции о природе пространства-времени / Н. Аркани-Хамед. – Принстон: Центр теоретической науки, 2014. 15 с.
2. Аспе А. Экспериментальная проверка неравенств Белла // Письма в журнал физических обзоров. 1982. Т. 49. № 2. С. 91-94. – DOI: 10.1103/PhysRevLett.49.91.
3. Бекенштейн Я. Черные дыры и энтропия // Физический обзор D. 1973. Т. 7. № 8. С. 2333-2346. – DOI: 10.1103/PhysRevD.7.2333.
4. Бор Н. Квантовый постулат и развитие атомной теории // Природа. 1928. Т. 121. № 3050. С. 580-590. – DOI: 10.1038/121580a0.

5. Крик, Ф. Удивительная гипотеза: Научный поиск души / Ф. Крик. – Нью-Йорк: Скрибнер, 1994. 317 с.
6. Фейнман, Р. Характер физических законов / Р. Фейнман. – Кембридж: MIT Press, 1965. 173 с.
7. Хоффман Д. Против реальности: Почему эволюция скрыла от нас истину / Д. Хоффман. – Нью-Йорк: W.W. Norton, 2019. 272 с. – DOI: 10.1093/oso/9780198833713.001.0001.
8. Мальдасена Х. Предел больших N в суперконформных теориях поля и супергравитации // Международный журнал теоретической физики. 1997. Т. 38. № 4. С. 1113-1133. – DOI: 10.1023/A:1026654312961.
9. Проффитт Д. Воплощенное восприятие и экономика действия // Перспективы психологической науки. 2006. Т. 1. № 2. С. 110-122. – DOI: 10.1111/j.1745-6916.2006.00008.x.
10. Сасскинд Л. Война черных дыр: Моя битва со Стивеном Хокингом за безопасность квантовой механики / Л. Сасскинд. – Бостон: Little, Brown and Company, 2008. 448 с.
11. 't Хоофт Г. Размерная редукция в квантовой гравитации / Г. 't Хоофт // arXiv. 1993. // URL: <https://arxiv.org/abs/gr-qc/9310026> (Дата обращения: 01.10.2023).

References

1. Arkani-Hamed N. Lectures on the Nature of Space-Time / N. Arkani-Hamed. – Princeton: Center for Theoretical Science, 2014. 15 p.
2. Aspe A. Experimental Test of Bell's Inequalities // Physical Review Letters. 1982. Vol. 49. № 2. P. 91-94. – DOI: 10.1103/PhysRevLett.49.91.
3. Bekenstein J. Black Holes and Entropy // Physical Review D. 1973. Vol. 7. № 8. P. 2333-2346. – DOI: 10.1103/PhysRevD.7.2333.
4. Bohr N. The Quantum Postulate and the Development of Atomic Theory // Priroda. 1928. Vol. 121. № 3050. P. 580-590. – DOI: 10.1038/121580a0.
5. Crick, F. The Astonishing Hypothesis: A Scientific Search for the Soul / F. Crick. – New York: Scribner, 1994. 317 p.
6. Feynman, R. The Character of Physical Laws / R. Feynman. – Cambridge: MIT Press, 1965. 173 p.
7. Hoffman, D. Against Reality: Why Evolution Has Hid the Truth from Us / D. Hoffman. – New York: W.W. Norton, 2019. 272 p. – DOI: 10.1093/oso/9780198833713.001.0001.
8. Maldacena H. The Large-N Limit in Superconformal Field Theories and Supergravity // International Journal of Theoretical Physics. 1997. Vol. 38. № 4. P. 1113-1133. – DOI: 10.1023/A:1026654312961.
9. Proffitt, D. Embodied Perception and the Economy of Action // Perspectives on Psychological Science. 2006. Vol. 1. № 2. P. 110-122. – DOI: 10.1111/j.1745-6916.2006.00008.x.
10. Susskind L. War of the Black Holes: My Battle with Stephen Hawking for the Safety of Quantum Mechanics / L. Susskind. – Boston: Little, Brown and Company, 2008. 448 p.
11. 't Hooft G. Dimensional Reduction in Quantum Gravity / G. 't Hooft // arXiv. 1993. // URL: <https://arxiv.org/abs/gr-qc/9310026> (01.10.2023).

Выскребцов Р.Ю.

Соискатель, ФГКВОУ ВО «Военный университет
имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации.

Политическое насилие как инструмент регулирования общественных процессов*

Аннотация. В статье рассматриваются этические и практические проблемы использования политического насилия в качестве инструмента формирования общества. В ней рассматриваются исторические примеры использования насилия для достижения политических целей, а также примеры успешных ненасильственных движений сопротивления. Автор также исследует роль гражданского общества в продвижении мирных методов изменения общества.

Ключевые слова: политическое насилие, этика, функциональность, гражданское общество, ненасильственное сопротивление, общественные процессы.

Vyskrebtsov R.Y.

Applicant, Military University
named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Political violence as an instrument for regulation of social processes

Abstract. This article delves into the ethical and practical challenges of using political violence as a tool for shaping society. It examines historical instances where violence was used to achieve political goals, contrasting them with examples of successful nonviolent resistance movements. The author also explores the crucial role civil society plays in promoting peaceful methods.

Key words: political violence, ethics, functionality, civil society, nonviolent resistance, social processes.

В современном мире наблюдается тревожный рост политического насилия. Оно все чаще используется для достижения политических целей: от подавления инакомыслия и нарушения основных прав человека до применения жестокой тактики террора [8; 9]. Политическое насилие разрушитель-

но действует на общество, подрывая доверие к властям, порождая страх и враждебность, что в конечном счете препятствуя любым шансам на мирную и устойчивую жизнь [2; 4].

Необходимо понимать, что политическое насилие используется не только физически, но и оказывает психологи-

* © Выскребцов Р.Ю., 2025.

Политическое насилие как инструмент регулирования общественных процессов

ческое давление, что приводит к запугиванию, жесткой цензуре и любым другим действиям, ограничивающим свободу личности. Оно может быть направлено как на отдельных людей, так и на все общество, оставляя после себя катастрофические последствия: гибель людей, разрушение инфраструктуры, массовые миграции и длительные психологические травмы – вот лишь некоторые из шрамов, которые оно оставляет после себя [1; 6].

Политическое насилие – это реальная угроза миру и безопасности граждан. Для борьбы с этим явлением нам необходим многосторонний подход, направленный на повышение осведомленности, укрепление демократических институтов и расширении прав и возможностей гражданского общества.

В политическом насилии нет ничего нового. На протяжении всей истории человечества люди прибегали к нему для достижения своих целей – от правительств, ведущих войну, до повстанческих групп, борющихся за перемены. В то время как некоторые формы насилия, например война, могут считаться законными при определенных обстоятельствах, другие, например терроризм, повсеместно осуждаются. Каковы же этические и практические вопросы использования насилия в качестве инструмента для функционирования общества?

С этической точки зрения, насилие все проблематично. Оно нарушает основные права человека – право на жизнь, свободу и безопасность. Оно подрывает доверие к власти и может легко привести к эскалации конфликта. Когда речь идет о политическом насилии, этические вопросы становятся еще более сложными, поскольку под перекрестный огонь часто попадают невинные люди. Например, террори-

стические атаки часто уносят жизни гражданских лиц, которые не имеют никакого отношения к политическим целям преступников [10].

Несмотря на этические проблемы, некоторые утверждают, что насилие может быть эффективным средством достижения цели, особенно когда речь идет о свержении деспотичных режимов или защите прав человека [7]. Но действительно ли оно стоит таких затрат? И есть ли альтернативные, ненасильственные подходы, которые могли бы достичь тех же целей? Это трудные вопросы, с которыми мы должны столкнуться, когда рассматриваем возможность применения политического насилия в любой области жизни.

Но действительно ли насилие является эффективным способом формирования общества? В этом есть серьезные сомнения. Во-первых, насилие часто приводит к обратному результату, провоцируя ответные действия и усугубляя конфликты. Во-вторых, даже если насилие приводит к немедленным политическим изменениям, оно редко создает прочный мир и стабильность. И наконец, применение насилия может фактически подорвать легитимность политической системы. Если правительство использует силу, чтобы заставить замолчать своих критиков, оно, скорее всего, потеряет доверие своего народа.

История полна примеров политического насилия и ненасильственного сопротивления. Во время Французской революции было казнено множество людей, включая короля Людовика XVI и Марию Антуанетту. Хотя революция и привела к значительным политическим изменениям, но она также была периодом огромного кровопролития и беспорядков. В России политическое насилие использовалось на протяже-

нии веков как государством, так и народом. Во времена правления Ивана Грозного опричина, жестокая система репрессий, использовалась для поддержания власти царя и уничтожения инакомыслия.

Это лишь несколько примеров, которые поднимают важные вопросы об эффективности и последствиях использования насилия для достижения политических целей. Может показаться, что это быстрое решение, долгосрочные издержки могут быть разрушительными. Изучение альтернативных, ненасильственных подходов может предложить более устойчивый путь к справедливому и мирному обществу.

Был ли Иван Грозный просто другим подходом к управлению Россией, который опирался на политическое насилие? Мы считаем, что ответ кроется в его собственной деспотичной личности, а отчасти в жестокой эффективности насилия как инструмента захвата и удержания власти.

Подумайте: насилие может быть довольно простым способом получить желаемое, особенно если у вас есть ресурсы для его поддержки, как отмечают ученые [5]. Достаточно взглянуть на продолжающуюся гражданскую войну в Сирии - конфликт, который с 2011 г. трагически унес сотни тысяч жизней и привел к миграции миллионов людей.

Но история также предлагает множество примеров, когда ненасильственное сопротивление побеждало. Возьмем, к примеру, американское движение за гражданские права под руководством Мартина Лютера Кинга-младшего. С помощью бойкотов, сидячих забастовок и других ненасильственных действий они успешно боролись с расовой сегрегацией и добились равных прав для афроамериканцев.

Руководство Махатмой Ганди дви-

жением за независимость Индии - еще один пример ненасильственного сопротивления в действии. Благодаря гражданскому неповиновению и голодовкам Ганди, его последователи в конечном итоге добились своей цели - освободили Индию от британского владычества.

Именно здесь организации гражданского общества способны внести свою лепту [3]. Они могут обучать людей ненасильственным методам разрешения конфликтов, следить за нарушениями прав человека и привлекать к ним внимание, добиваться от правительств соблюдения прав человека и верховенства закона и даже создавать пространство для диалога и переговоров между противоборствующими группами.

Политическое насилие – это серьезная проблема с потенциально разрушительными последствиями для общества. Мы должны помнить, что всегда есть альтернативы насилию, когда речь идет о решении социальных проблем. Эти альтернативы, основанные на диалоге, ненасильственном сопротивлении и гражданском образовании, предлагают гораздо более перспективный путь к прочному миру и стабильности.

Список литературы

1. Артемов Г.П. Политическая социология: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. 256 с.
2. Боташева А.К. Политический терроризм: детерминация и формы проявления: дис. ... канд. полит. н. [Ставроп. гос. ун-т]. – Ставрополь, 2004. 183 с.
3. Голубева Т.Б. Основы социального государства: Учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 172 с.
4. Евтюшкин А.Ю. Молодежный политический экстремизм в современной России: дис. ... канд. полит. н. [Мос. гос. обл. ун-т]. – М.: 2009. 163 с.
5. Каратуева Е.Н. Психологический терроризм как средство достижения политических целей // Этносоциум и межнациональная культура. 2021. № 3. С. 35-50.
6. Лабуш Н., Пую А. Медиатизация экстремальных форм политического процесса: война, революция, терроризм: Учебное пособие. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2019. 340 с.
7. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 478 с.

8. Курочко М.М. Неклассические войны современной эпохи: к постановке проблемы [Электронный ресурс] // Электронный научный журнал Проблемы безопасности. 2008. № 3 (3). С. 1-2. // URL: <http://pb.littera-n.ru> (Дата обращения: 12.03.2025).
9. Петрий П.В. Социально-философский анализ в системе методологии военно-научного познания: традиции и современные подходы // Военный академический журнал. 2014. № 1. С. 5-11.
10. Рыжов В.Б. Участие Интерпола в борьбе с терроризмом [Электронный ресурс] // Международное право. 2020. № 2. С. 56-69. // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29854 (Дата обращения: 12.03.2025).

References

1. Artemov G.P. Political Sociology: A Textbook. – SPb.: Publishing House of SPbSU, 2000. 256 p.
2. Botasheva A.K. Political Terrorism: Determination and Forms of Manifestation: Dis. ... Cand. Sci. (Polit.) [Stavropol State University]. – Stavropol, 2004. 183 p.
3. Golubeva T.B. Fundamentals of the Social State: A Textbook. – Ekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2015. 172 p.
4. Evtushkin A.Yu. Youth Political Extremism in Modern Russia: Dis. ... Cand. Sci. (Polit.) [Moscow Regional State University]. – Moscow: 2009. 163 p.
5. Karatueva E.N. Psychological terrorism as a means of achieving political goals // Ethnosociety and interethnic culture. 2021. № 3. P. 35-50.
6. Labush N., Puyu A. Mediatization of extreme forms of the political process: war, revolution, terrorism: A tutorial. – St. Petersburg: St. Petersburg state University, 2019. 340 p.
7. North D., Wallis D., Weingast B. Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting the written history of mankind / trans. from English. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2011. 478 p.
8. Kurochko M.M. Non-classical wars of the modern era: towards the formulation of the problem // Electronic scientific journal Problems of Security. 2008. № 3 (3). P. 1-2. // URL: <http://pb.littera-n.ru> (12.03.2025).
9. Petriy P.V. Social and philosophical analysis in the system of methodology of military scientific knowledge: traditions and modern approaches // Military Academic Journal. 2014. № 1. P. 5-11.
10. Ryzhov V.B. Interpol's participation in the fight against terrorism // International Law. 2020. № 2. P. 56-69. // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29854 (12.03.2025).

Антипов М.А.

Аспирант. Московский педагогический государственный университет.

К вопросу о мессианстве в философии Н.А. Бердяева*

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена мессианства в философской концепции Н.А. Бердяева, его религиозно-универсалистской интерпретации и влиянию на формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте социокультурных трансформаций России XX-XXI веков. **Цель исследования** – выявление и анализ ключевого для бердяевской философии разграничения между мессианизмом как религиозно-философским феноменом и миссионизмом как политико-идеологической конструкцией, а также определение значимости его концепции для осмысления современных вызовов. **Методы исследования** включают сравнительно-исторический и междисциплинарный подходы, анализ трудов Бердяева и сопоставление его идей с концепциями других мыслителей русского зарубежья. **Результаты исследования** демонстрируют обоснованность критики Бердяевым националистического и революционного мессианства как теологически несостоятельных форм и раскрывают эсхатологическую направленность его концепции, связывающей исторический процесс с духовным преображением личности и общества через принцип личной ответственности и устремление к трансцендентному идеалу. **Значимые выводы** указывают на актуальность философии Н.А. Бердяева для анализа современных кризисов идентичности и оценки рисков религиозного и политического мессианства в постсекулярном обществе. Исследование имеет практическую ценность для разработки моделей межкультурного диалога и обновления гуманитарного знания через синтез принципов свободы, творчества и универсальных духовных ценностей. Философия мессианства Бердяева представляется значимым инструментом критического осмысления исторических процессов и преодоления утопических иллюзий национальной исключительности, что особенно важно в современном контексте межкультурных и междивизиационных отношений.

Ключевые слова: мессианизм, религиозная философия, политическая философия, русская мысль, религиозное мировоззрение, философия истории.

Antipov M.A.

Graduate student. «Moscow Pedagogical State University».

On the issue of messianism in the philosophy of N.A. Berdyaev

Abstract. This article is devoted to the study of the phenomenon of messianism in the philosophical conception of N.A. Berdyaev, its religious-universalist interpretation, and its influence on the formation of individual and collective identity in the context of sociocultural transformations in Russia during the 20th–21st centuries. The aim of the study is to identify and analyze the key distinction in Berdyaev's philosophy between messianism as a religious-philosophical phenomenon and missionaryism as a political-ideological construct, as well as to determine the significance of his conception for understanding contemporary challenges. The research methods include comparative-historical and interdisciplinary approaches, analysis of Berdyaev's works, and comparison

* © Антипов М.А., 2025.

К вопросу о мессианстве в философии Н.А. Бердяева

of his ideas with the concepts of other thinkers of the Russian émigré community. The results demonstrate the validity of Berdyaev's critique of nationalist and revolutionary messianism as theologically untenable forms and reveal the eschatological orientation of his conception, linking the historical process with the spiritual transformation of the individual and society through the principle of personal responsibility and striving toward a transcendental ideal. Significant conclusions point to the relevance of N.A. Berdyaev's philosophy for analyzing contemporary identity crises and assessing the risks of religious and political messianism in the post-secular society. The study has practical value for developing models of intercultural dialogue and renewing humanitarian knowledge through the synthesis of the principles of freedom, creativity, and universal spiritual values. Berdyaev's philosophy of messianism presents an important tool for critically understanding historical processes and overcoming utopian illusions of national exclusivity, which is especially important in the modern context of intercultural and intercivilizational relations.

Key words: messianism, religious philosophy, political philosophy, Russian thought, religious worldview, philosophy of history.

Проблематика мессианства, занимая центральное место в истории русской философии, отражает синтез религиозно-философских исканий, вопросов национальной идентичности и исторического предназначения, что обрело особую значимость на рубеже XX–XXI веков в условиях трансформации социокультурной парадигмы России. Традиционные мессианские нарративы, конструировавшие образ страны как носителя уникальной миссии, требуют критической рефлексии для преодоления утопических иллюзий исключительности и переосмысления их влияния на формирование коллективного сознания. Анализ философского наследия Н.А. Бердяева, ключевого представителя религиозной мысли XX века, позволяет раскрыть специфику его трактовки мессианства — через призму разграничения с миссионизмом и национализмом, а также критики революционного и национального мессианизма, изложенной в его трудах. Цель исследования заключается в выявлении религиозно-универсалистской сущности бердяевской концепции, её воздействия на индивидуальное и коллективное самосознание, и её сопоставлении с идеями мыслителей Русского зарубе-

жья в контексте растущего интереса к русской религиозной философии как альтернативе секулярным утопиям.

В философской традиции русского зарубежья ключевым для понимания русской исторической судьбы стал вопрос о мессианстве. Особую роль в теоретической разработке этой темы сыграл Н.А. Бердяев, который предложил концептуальное разграничение понятий «мессианизм» и «миссионизм». В своей монографии «Алексей Степанович Хомяков» он подчеркивал, что эти термины, хотя нередко смешиваются и подменяют друг друга в обыденном и даже философском дискурсе, имеют принципиально различную этимологию и содержательное наполнение. Мессианизм, как указывает Бердяев, происходит от слова «мессия» — то есть помазанник, избранник Божий, призванный к исполнению великой религиозной миссии. В то время как миссионизм берет начало от слова «миссия» — задание, поручение, определенное служение, вытекающее из особенностей историко-культурной индивидуальности народа¹.

1 Цельковский А.А. Мифо-религиозные основы политического мессианизма / А.А. Цельковский // Человек. Общество. Наука. 2022. Т. 3. № 3. С. 35-42.

Бердяев четко разграничивает понятия мессианизма и миссионизма. Мессианизм, по его мнению, связан с убеждением в уникальной религиозной миссии и исключительности определенного народа, воспринимаемого как «народ-Мессия», призванный к особой жертвенной роли ради спасения человечества. Такой народ рассматривается как единственный носитель универсального божественного замысла. В отличие от этого, миссионизм трактуется как историческая или культурная миссия, обусловленная духовными особенностями, опытом и традициями народа, не предполагающая универсального или сакрального статуса. Миссионизм допускает множество народов с особыми задачами, тогда как мессианизм возможен только в отношении одного народа².

Это разграничение определяется в философии Бердяева как принципиальное и служит основой его критики националистических интерпретаций религиозных идей. Он подчеркивает опасность превращения мессианской идеи в инструмент национального или политического самоутверждения. Для Бердяева мессианизм — это проявление высшего духовного порядка и универсального смысла истории, тогда как миссионизм отражает творческую индивидуальность народа без претензии на исключительность.

В трудах Н.А. Бердяева центральное значение придается связи мессианизма с христианством, рассматриваемым им как универсальная религия, формирующая смысл и направление всемирной истории. По Бердяеву, христианство впервые определило историю как про-

цесс, устремленный к трансцендентной цели — осуществлению Царства Божьего. Мессианизм в этом контексте выступает внутренним ядром христианской веры, выражающим эсхатологическую направленность к преобразению мира³. Бердяев подчеркивает, что только в универсальном христианстве мессианская идея приобретает вселенский масштаб, позволяя осмысливать историю как целенаправленный процесс, смыслом которого является спасение и преобразование человечества.

Бердяев различает христианский мессианизм, обладающий универсальным и наднациональным характером, и национальный мессианизм, который он рассматривает как устаревшую и теологически несостоятельную форму религиозного сознания. По мнению философа, после явления Христа идея «народа-Мессии» утрачивает смысл: христианство утверждает призывание к спасению всего человечества, отвергая исключительность какой-либо нации. Универсализм христианской мысли, основанный на догмате о воплощении и спасении всех людей, устраняет этнические и культурные границы и утверждает принцип всеобщего братства⁴. Исходя из этого, Бердяев критически относится к националистическим мессианским доктринам, считая их опасными для международных отношений, поскольку они способствуют разделению и ксенофобии.

Важное место в его философии занимает идея о мистической, религиоз-

3 Шугуров М.В. Н. Бердяев как исследователь религиозной мистики христианства: специфика философского подхода / М.В. Шугуров, С.И. Мозжилин // Религиоведение. 2023. № 1. С. 100-109.

4 Жиртуева Н.С. Феномен мистики в русской религиозной философии / Н.С. Жиртуева // Парадигмы истории и общественного развития. 2021. № 21-22. С. 79-83.

2 Бурден Б. Христианский мессианизм: альтернативная политическая философия освобождения / Б. Бурден // Философские науки. 2022. Т. 65. № 4. С. 7-26.

ной природе мессианизма, который, в отличие от культурно-исторического мессионизма, не может быть объяснен с позиций позитивизма или прогресса. Мессианизм, согласно Бердяеву, иррационален, апокалиптичен и связан с религиозным предчувствием наступления новой духовной эпохи. Он не сводится к культурному творчеству или национальному самосознанию, а выражает универсальное и жертвенное служение человечества. Истинный мессианизм, по Бердяеву, всегда эсхатологичен и направлен на духовное преображение, тогда как его национальные или революционные подмены ведут к фанатизму и насилию.

В философии Н.А. Бердяева проблема смысла истории тесно связана с понятием мессианизма. Он утверждает, что история обретает смысл только как движение к трансцендентной цели и высшему духовному идеалу. Бердяев критикует позитивистские и материалистические представления об истории как о случайном или безличном процессе, подчеркивая приоритет внутренней духовной направленности и устремленности к идеалу Царства Божия. В этом контексте мессианизм предстает как религиозно-философское осмысление истории, основанное на убеждении в необходимости преображения мира через высшие духовные ценности. Исторический прогресс, по Бердяеву, приобретает подлинный смысл только в эсхатологической перспективе, направленной к реализации высшего бытия⁵.

Мессианизм, по Бердяеву, выражает не культурные или политические задачи, а религиозно-духовную интуицию, связанную с ответственностью за судь-

бы мира и готовностью к жертве ради идеалов справедливости и духовного преображения. Эта идея становится источником исторической активности и формирует специфический тип религиозного сознания, основанный на надежде и духовном призвании. В российской философии мессианизм занимает особое место, определяя отношение к исторической миссии страны⁶. При этом, по Бердяеву, истинный мессианизм связан не с притязаниями на исключительность, а с принятием универсальной духовной ответственности, выходящей за пределы национальных интересов.

Бердяев считал, что утрата духовного смысла в утопических и радикальных мессианских идеях ведёт к социальным катастрофам. Когда такие идеи превращаются в политические или националистические программы, игнорируя религиозное понимание истории, они становятся оправданием насилия — как в случае с жертвами ради гипотетического «светлого будущего». На примере России философ показал, что подобные проекты провоцируют революции, культурное отчуждение и потерю национальной идентичности. Вместо этого он предлагал строить историческую роль России на основе христианских ценностей — через осмысление её миссии в контексте общечеловеческих задач, опираясь на свободу, творчество и любовь.

В условиях современных кризисов идентичности, роста национализма и культурного плюрализма идеи Н.А. Бердяева о мессианизме

5 Урманбетова Ж.К. Проблемы человека и культуры в философии истории Н. Бердяева / Ж.К. Урманбетова, А.К. Назаркулова // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 11. С. 490-498.

6 Абрамян А.С. Идеиные истоки христианского мессианизма: концептуальный анализ : специальность 23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки» : диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук / Абрамян Арман Суменович, 2021. 197 с.

приобретают особую значимость. Его критика националистических форм мессианства и акцент на универсальном характере христианского мессианизма позволяют заново осмыслить вопросы исторического предназначения народов и человечества. Бердяевская концепция предостерегает от абсолютизации национальных идей и оправдания исключительности, подчеркивая личностную и духовную природу мессианизма, его связь с идеалами свободы и творчества⁷. Бердяевская концепция мессианизма, укоренённого в религиозно-экзистенциальном опыте и трансцендирующего культурно-политические задачи, предоставляет основу для критического анализа современных форм религиозного и политического мессианства, выявляя риски их деградации в инструменты отчуждения или агрессии, а также актуализирует его идеи свободы и духовного творчества как ответ на кризис гуманизма и поиск оснований межцивилизационного диалога.

Бердяевское учение вызвало неоднозначную реакцию среди современников и последующих мыслителей. Экзистенциально-персоналистический подход и стремление к обновлению христианской традиции признаны значимым вкладом в религиозную философию XX века, однако акцент на свободе личности и критика догматизма стали предметом полемики со стороны церковных и ортодоксальных кругов. Его упрекали в субъективизме и отходе от традиции. Несмотря на это, интерес к философии Бердяева усиливается, особенно в связи с её синтезом христианской антропологии и экзистенциализма. Мессианизм

у Бердяева рассматривается как постановка вопроса о смысле истории и возможности духовного преображения, а его идеи способствуют преодолению ограничений национальных и догматических рамок, что важно для анализа процессов секуляризации и формирования новой духовной идентичности.

Бердяевская интерпретация мессианизма представляет значительный исследовательский потенциал для философии религии, историософии и междисциплинарных гуманитарных наук. Перспективным видится изучение мессианства как универсального культурно-антропологического архетипа, проявляющегося в различных исторических и социокультурных контекстах. В современных условиях, характеризующихся глобальными миграциями и поисками новых идентичностей, концепция Бердяева позволяет анализировать противоречия между универсализмом и партикуляризмом, а также между личной свободой и коллективными проектами спасения⁸. Современные исследования акцентируют сравнительный анализ мессианских ожиданий в различных религиозных традициях и их воздействия на общественные идеологии. Критическое изучение этих мотивов в культуре, политике и религии необходимо для определения их роли как источника духовного обновления или фактора кризиса. Философский подход Н. Бердяева, подчеркивающий уникальность личного опыта и духовного творчества, открывает перспективы для разработки моделей межкультурного диалога и анализа эволюции мессианской идеи в условиях постсекулярного общества.

7 Володина О.О. Национализм в произведениях Н.А. Бердяева / О.О. Володина // Культурное пространство Русского мира. 2022. Т. 6. № 1. С. 3-6.

8 Феофанов К.А. Цивилизационно-исторические детерминанты русского мессианизма / К.А. Феофанов // Вопросы истории. 2020. № 3. С. 8-18.

В заключение проведённого исследования можно отметить, что философия мессианства Н.А. Бердяева обладает значительным потенциалом для осмысления как исторических процессов, так и современных кризисов идентичности, поскольку автор чётко разграничивает мессианизм и миссионизм, что позволяет избежать утопических и националистических трактовок особой миссии народа, акцентируя внимание на универсальных духовных ценностях и личной ответственности. Его критика национального и революционного мессианизма сохраняет актуальность, предостерегая от абсолютизации национальных идей и оправдания исключительности, ведущих к отчуждению и конфликтам, а интерпретация мессианства в контексте христианской эсхатологии раскрывает смысл истории через устремлённость к трансцендентному идеалу и духовному преображению личности и общества. Такое понимание формирует открытый, диалогичный подход к вопросам идентичности, истории и религии, позволяя критически анализировать современные формы религиозного и политического мессианства, выявлять их риски и ограниченности, а также искать пути обновления гуманитарного знания на основе синтеза свободы, творчества и универсальных духовных ценностей.

Список литературы

1. Абрамян А.С. Идеиные истоки христианского мессианизма: концептуальный анализ: специальность 23.00.01 «Теория и философия политики, история и методология политической науки»: дис. ... канд. полит. наук / Абрамян Арман Суменович. 2021. 197 с.
2. Бурден Б. Христианский мессианизм: альтернативная политическая философия освобождения // Философские науки. 2022. Т. 65. № 4. С. 7-26.
3. Володина О.О. Национализм в произведениях Н.А. Бердяева // Культурное пространство Русского мира. 2022. Т. 6. № 1. С. 3-6.
4. Жиртуева Н.С. Феномен мистики в русской религиозной философии // Парадигмы истории и общественного развития. 2021. № 21-22. С. 79-83.
5. Урманбетова Ж.К. Проблемы человека и культуры в философии истории Н. Бердяева / Ж. К. Урманбетова, А. К. Назаркулова // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 11. С. 490-498.
6. Феофанов К.А. Цивилизационно-исторические детерминанты русского мессианизма // Вопросы истории. 2020. № 3. С. 8-18.
7. Цыльковский А.А. Мифо-религиозные основы политического мессианизма // Человек. Общество. Наука. 2022. Т. 3. № 3. С. 35-42.
8. Шугуров М.В. Н. Бердяев как исследователь религиозной мистики христианства: специфика философского подхода / М.В. Шугуров, С.И. Мозгилин // Религиоведение. 2023. № 1. С. 100-109.

References

1. Abramyan A.S. Ideological origins of Christian messianism: conceptual analysis: specialty 23.00.01 "Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science": dis. ... candidate of political sciences / Abramyan Arman Surenovich. 2021. 197 p.
2. Burden B. Christian messianism: an alternative political philosophy of liberation // Philosophical sciences. 2022. Vol. 65. № 4. P. 7-26.
3. Volodina O.O. Nationalism in the works of N.A. Berdyayev // Cultural space of the Russian world. 2022. Vol. 6. № 1. P. 3-6.
4. Zhirtueva N.S. The phenomenon of mysticism in Russian religious philosophy // Paradigms of history and social development. 2021. № 21-22. P. 79-83.
5. Urmanbetova Zh.K. Problems of Man and Culture in N. Berdyayev's Philosophy of History / Zh.K. Urmanbetova, A.K. Nazarkulova // Bulletin of Science and Practice. 2023. Vol. 9. № 11. P. 490-498.
6. Feofanov K.A. Civilizational and Historical Determinants of Russian Messianism // Questions of History. 2020. № 3. P. 8-18.
7. Tsylykovsky A.A. Mytho-religious Foundations of Political Messianism // Man. Society. Science. 2022. Vol. 3. № 3. P. 35-42.
8. Shugurov M.V. N. Berdyayev as a Researcher of the Religious Mysticism of Christianity: Specifics of the Philosophical Approach / M.V. Shugurov, S.I. Mozhilin // Religious Studies. 2023. № 1. P. 100-109.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Гаркуша В.М.

Аспирант. ФГБОУ ВО

«Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар.

Основы политической социализации молодежи в XXI веке*

Аннотация. Молодежь как ключевая социальная группа определяет будущее политического ландшафта, и от того, какие политические ценности, убеждения и поведенческие модели будут сформированы у молодого поколения, зависит стабильность и развитие любого государства. Именно поэтому проблематика политической социализации молодежи не теряет своей актуальности и в конце первой четверти XXI в. В условиях усиления влияния информатизации и цифровизации, в частности виртуального пространства и социальных сетей, на все сферы жизни общества традиционные агенты политической социализации, такие как семья, система образования и средства массовой информации, подвергаются серьезным вызовам. В статье определены типы политической социализации молодежи, проведен анализ влияния на процесс политической социализации молодежи как традиционных агентов политических социализации, так и новых институтов, каналов и агентов, сформировавшихся в последние годы. Особое внимание автор уделяет роли новых агентов политической социализации молодежи – интернет-технологий, онлайн-платформ и сообществ, молодежных организаций и молодежной политики в формировании политических убеждений молодого поколения. Выявлены факторы, способствующих и препятствующих развитию гражданского общества и вовлечению молодежи в политическую жизнь. Разработаны рекомендации по совершенствованию молодежной политики и повышению эффективности политической социализации молодежи в условиях цифровой среды. Статья будет интересна социологам, политологам, преподавателям общественных наук и специалистам в сфере молодежной политики.

Ключевые слова: агент политической социализации, виртуальное пространство, гражданский активизм, гражданское общество, гражданская позиция, интернет, молодежная политика, молодежная организация, молодежь, патриотизм, политическая социализация, политическое волонтерство, семья, система образования, социализация, социальная сеть, средства массовой информации, цифровизация.

Garkusha V.M.

Postgraduate student. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Krasnodar.

The foundations of the political socialization of youth in the 21st century

Abstract. Youth as a key social group determines the future of the political landscape, and the stability and development of any state depends on what political values, beliefs and behavioral patterns will be formed among the younger generation. That is why the problem of political social-

* © Гаркуша В.М., 2025.

Основы политической социализации молодежи в XXI веке

ization of youth does not lose its relevance at the end of the first quarter of the 21st century. With the increasing influence of informatization and digitalization, in particular virtual space and social networks, on all spheres of society, traditional agents of political socialization, such as the family, the education system and the media, are facing serious challenges. The article analyzes the influence of both traditional agents of political socialization and new institutions, channels and agents that have emerged in recent years on the process of political socialization of young people. The author pays special attention to the role of Internet technologies, online platforms and communities, youth organizations and youth policy in shaping the political beliefs of the younger generation. The factors contributing to and hindering the development of civil society and the involvement of young people in political life have been identified. Recommendations have been developed to improve youth policy and increase the effectiveness of political socialization of young people in a digital environment. The article will be of interest to sociologists, political scientists, teachers of social sciences and specialists in the field of youth policy.

Key words: agent of political socialization, virtual space, civic activism, civil society, civic position, Internet, youth policy, youth organization, youth, patriotism, political socialization, political volunteerism, family, education system, socialization, social network, mass media, digitalization.

Введение

Современное общество, переживающее период глубоких трансформаций, характеризуется стремительным развитием информационных технологий, глобализацией и усилением роли виртуального пространства, социальных сетей и сообществ, основными пользователями которых являются представители молодого поколения.

Как известно, общепризнанного международного определения возрастной группы молодежи не существует. Однако для статистических целей Организация Объединенных Наций, без ущерба для любых других определений, данных государствами-членами, определяет «молодежь» как лиц в возрасте от 15 до 24 лет [29].

По данным ООН, сегодня в мире насчитывается 1,2 млрд молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет, что составляет 16 % мирового населения. К 2030 году, по прогнозам, увеличится на 7 % и достигнет почти 1,3 млрд человек [29].

Что касается Российской Федерации, то, по данным Федеральной службы государственной статистики на 1 января 2023 г., исходя из законодатель-

но установленного ценза 14–35 лет, эта категория в нашей стране насчитывает 37,9 млн человек, или 25,9 % населения страны [30]. По данным Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, ожидается, что к 2030 г. доля молодежи в возрасте от 14 до 24 лет в России увеличится примерно на 2,7 млн человек, а доля молодежи в возрасте от 25 до 35 лет снизится примерно на 3,7 млн человек [12, 36].

Молодежь, являясь одной из самых активных социальных групп в сфере экономики, социальной и духовной сферах, тем не менее в вопросах политики такую активность проявляет не всегда.

В этих условиях особую значимость приобретает исследование процессов политической социализации молодежи, поскольку именно молодое поколение является ключевым агентом изменений, формирующим будущее политического ландшафта. От того, какие политические убеждения, ценности и поведенческие модели будут сформированы у молодежи, в значительной степени зависит устойчивость

и демократическое развитие любого государства.

Особенности политической социализации молодежи достаточно активно изучаются многочисленными специалистами (не только социологами, но и политологами, философами, экономистами и т.д.). Достаточно много исследований посвящено проблемам и противоречиям политической социализации молодежи, в том числе в цифровую эпоху (В.В. Титов [41], Д.С. Бабко [4]). Многие эксперты изучают механизмы политической социализации молодежи (Е.П. Якименко [46]), акторов (А.М. Сосновская, С.А. Левина [38]) и институты политической социализации молодежи (С.В. Рогачев, Е.В. Аверкиева [37], Д.А. Баймурадов, А.А. Чарьев [5]). Особое внимание, на наш взгляд, заслуживают публикации, посвященные роли гражданского общества в социализации молодежи в контексте формирования политической культуры (А.А. Гезалов, А.А. Дадашев [9], И.П. Акиншева [1]). Многие социологи отмечают наличие кризиса политического участия молодежи (И.И. Гуляев [11], А.Р. Зенков [14], С.В. Масеев, В.А. Чигрин [25]), в том числе в контексте девиации в молодежной среде (И.С. Вершинин [6]).

Если говорить о влиянии на процессы политической социализации молодежи традиционных агентов и институтов, то эта проблематика исследуется в контексте роли института семьи (М.А. Игнатова, О.Р. Цух [15]), системы образования (И.А. Маслова [26], Г.А. Парахонская [33]), политических партий (А.С. Никитин [31]) и даже кинематографа (В.А. Лапшин [22]).

Много публикаций посвящено изучению роли молодежной политики, общественных и молодежных организаций, добровольческой (волонтерской)

деятельности молодежи в политической социализации (К.С. Идиатуллина, М.В. Андриянова [16], Н.В. Карпова [19], З.А. Красавина [21], Я.С. Лозовая [23], С.Д. Масоров [27], И.К. Стялова [40]). Причем все больше внимание в последнее время начинает уделяться такому фактору политической социализации личности, как патриотизм (М.Д. Ионова [17], Н.Н. Клинцева, Г.Р. Ибраева [20]).

Все больше внимания ученые уделяют и значению новых агентов политической социализации молодежи, таких как интернет, социальных медиа и социальные сети (Д.Е. Антонов [2], Я.С. Артамонова [3], Н.В. Винокуров [7], Д.Д. Городова, Г.П. Кукава, Г.Р. Пачин [10], О. М. Зайцева [13], Д.А. Казанцев [18], А.А. Малькевич [24], И.Н. Новоставский [32], Г.А. Щеголева [44]). Об особых технологиях политической социализации молодежи в виртуальном пространстве пишут, например, Н.Н. Пачина, Д.Д. Городова, Т.Г. Дюбина [34]. Более того, появляются научные статьи, в которых авторы оценивают роль игрового контента в политической социализации современной российской молодежи (Я.Ю. Шашкова, Д.А. Казанцев [43]).

Эксперты отмечают особую роль агентов политической социализации в предотвращении радикализации молодежи и распространении экстремизма в современных условиях (Н.М. Мирзоев [28], Н.Е. Поляничко [35]), акцентируя внимания на влиянии политических новостей (А.А. Воробьева, Л.Д. Козырева [8]) и государственной информационной политики (Е.Н. Степанов [39]).

Цель исследования состоит в том, чтобы на основе анализа влияния традиционных и новых агентов на процесс политической социализации молодежи выявить проблемы, которые в

этом процессе возникают, и разработать рекомендации по совершенствованию молодежной политики и повышению эффективности политической социализации молодежи в условиях цифровой среды.

Сущность и типы политической социализации молодежи

Впервые термин «политическая социализация» был введен в научный

оборот американским ученым Г. Хейманом для изучения психологических аспектов политического поведения молодежи в 1959 г. [48]. В дальнейшем вопросы политической социализации стали активно разрабатываться в области политологии и социологии, особенно в контексте исследования формирования политической активности. В современной науке политическая социализация

Таблица 1. Типы политической социализации молодежи.

№	Тип политической социализации	Характеристика
	Манифестная	Политические институты оказывают непосредственное влияние на сознание и поведение подростков через создание массовых молодежных организаций, которые воспитывают молодежь в духе господствующей идеологии (например, октябрята, пионеры, комсомольцы в СССР). Молодежь воспитывается в духе лояльности к политическому строю
	Латентная	Акцента на определенной политической идеологии нет. Цель – формирование определенных качеств личности, которые важны для общества в целом (например, волонтерские движения)
	Партикуляристская	Ориентация сознания молодежи на реализацию определенной системы ценностей (например, экологические молодежные движения, которые поддерживаются политическими партиями)
	Универсалистская	Идеи либеральной глобализации, значимость общечеловеческих ценностей. Разработка общей модели исторического прошлого, которая ориентирована на продвижение концепции интеграции европейских государств, принятие значения социально-культурных различий народов, этносов, их национальных интересов
	Аффективная	Действует через эмоции и чувства молодежи, формируя образы «своих» и «чужих». Находит применение в экстремистских молодежных организациях, в стихийных молодежных движениях, которые, в первую очередь, стремятся сформировать образ «врага»
	Прагматичная	Актуальна для молодежи, ориентированной на карьеру в политической сфере. Участие молодежи в деятельности политических партий, начиная с подросткового возраста

Источник: составлено автором по данным [42].

рассматривается как процесс, в ходе которого индивиды осваивают нормы, ценности и идеалы политической культуры, что позволяет им эффективно участвовать в поддержании функционирования и развитии политической системы [42]. Американские исследователи Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром и Р. Далтон рассматривают политическую социализацию как совокупность стимулов, влияющих на политическую деятельность и формирующих политические установки [47]. К.В. Юдина дает такое определение политической социализации: «Политическая социализация, процесс включения человека в политическую систему, в котором он приобретает политический опыт и усваивает нормы, ценности и установки, является основой стабильности политической системы и одним из признаков её эффективности» [45].

В современной России анализ процессов политической социализации молодежи позволяет выявить сосуществование различных ее типов (табл. 1), формирующих сложную и неоднозначную картину. Прагматическая политическая социализация, ориентированная на достижение конкретных политических целей и карьерный рост, наблюдается лишь в крайне ограниченном слое молодежи, стремящейся к профессиональному политическому поприщу. Латентная политическая социализация, напротив, превалирует в большинстве случаев. Этот тип социализации происходит вне непосредственного политического контекста, преимущественно через формирование у молодежи базовых гражданских и патриотических качеств, таких как чувство долга, ответственности, уважения к истории и культуре.

Несмотря на свою распространенность и, казалось бы, позитивную на-

правленность, латентная политическая социализация несет в себе определенные риски. Отсутствие четкой и осознанной идеологической основы, отсутствие четкого понимания политических процессов и механизмов, создает «вакуум», который может быть заполнен другими, потенциально деструктивными типами политической социализации. Это может привести к формированию политических взглядов, не соответствующих национальным интересам, или даже к участию молодежи в радикальных или экстремистских организациях.

Традиционные агенты политической социализации и их трансформация в условиях цифровизации

При анализе политической социализации индивида важным аспектом является многогранное изучение влияния различных агентов, факторов и средств, формирующих его взгляды и понимание политики. Без этого процесс становления личности как активного участника общества и политического процесса становится затруднительным. Одним из ключевых показателей роли этих агентов является их ответственность за сохранение и передачу общепринятых политических ценностей, норм и традиций. Агентов политической социализации можно разделить на политических и неполитических [45]. В группу политических агентов входят государство, политические партии, движения, элиты и лидеры. Эти институты предоставляют молодому поколению возможности для политической активности и самореализации, а также используют политические механизмы для контроля и управления поведением индивида в политическом контексте. Неполитическими агентами являются семья, церковь, сверстники, средства массовой информации, образователь-

ные учреждения и молодежные организации [45].

Влияние каждого из этих агентов претерпевает значительные изменения под воздействием процессов информатизации и цифровизации. Анализ показывает, что традиционные агенты политической социализации теряют свое былое влияние, в то время как новые агенты и каналы, такие как социальные сети и виртуальное пространство, приобретают все большую значимость. Это создает новые вызовы и требует пересмотра подходов к политической социализации молодежи.

Новые агенты политической социализации и их роль в формировании политических взглядов молодежи

С развитием интернета и социальных сетей появляются новые агенты политической социализации, оказывающие все большее влияние на формирование политических взглядов молодежи.

1. Социальные сети. Платформы социальных сетей (ВКонтакте и др.) становятся основными каналами получения политической информации, выражения мнений и участия в политических дискуссиях. Социальные сети позволяют молодежи находить единомышленников, объединяться в сообщества и участвовать в различных формах гражданского активизма. Однако социальные сети также являются источником дезинформации и манипулирования общественным мнением.

2. Онлайн-платформы. Блоги, новостные сайты, онлайн-ресурсы и другие платформы предоставляют альтернативные источники информации и позволяют молодежи получать политические знания.

3. Молодежные организации (политические партии, общественные организации, волонтерские движения)

играют важную роль в привлечении молодежи к политической жизни, формировании гражданской позиции и развитии навыков политического участия.

4. Блогеры и инфлюенсеры. Блогеры, видеоблогеры, активисты и другие лидеры мнений в социальных сетях оказывают значительное влияние на формирование политических взглядов молодежи. Они могут продвигать определенные политические идеи, мотивировать молодежь к участию в политических акциях и формировать общественное мнение.

Итак, новые агенты политической социализации обладают высоким влиянием, но их функционирование сопряжено с рисками, связанными с распространением недостоверной информации, поляризацией и манипулированием сознанием и общественным мнением.

Проблемы политической социализации молодежи в XXI веке

На основе проведенного анализа, можно выделить следующие ключевые проблемы политической социализации молодежи в XXI веке.

1. Снижение доверия к традиционным политическим институтам и средствам массовой информации. Молодежь все чаще скептически относится к политической системе и испытывает недоверие к традиционным источникам информации.

2. Распространение дезинформации и манипулирование общественным мнением в социальных сетях. Молодежь подвержена влиянию дезинформации, фейковых новостей и пропаганды, что искажает ее представления о политической реальности.

3. Недостаточная политическая грамотность молодежи. Молодежь часто не обладает достаточными знаниями о политической системе, правах и обя-

занностях граждан.

4. Недостаточная эффективность существующих инструментов молодежной политики. Существующие инструменты, направленные на вовлечение молодежи в политическую жизнь, часто не соответствуют современным вызовам и потребностям молодежи.

5. Неравный доступ к ресурсам и возможностям для политической активности. Молодежь из малообеспеченных семей, сельской местности или других уязвимых групп может быть ограничена в доступе к образованию, информации и возможностям для политического участия.

6. Поляризация политических взглядов. Этот феномен характеризуется усилением разделения между различными политическими лагерями, формированием враждебных отношений между сторонниками противоположных взглядов и снижением готовности к компромиссу и конструктивному диалогу.

Рекомендации по совершенствованию молодежной политики и повышению эффективности политической социализации молодежи в условиях цифровой среды

Проведенное исследование позволяет предложить ряд рекомендаций по совершенствованию молодежной политики и повышению эффективности политической социализации молодежи в условиях цифровой среды.

1. Поддержка и развитие молодежных организаций. Необходимо усилить поддержку молодежных организаций, создать условия для их эффективной работы, развития молодежных инициатив и вовлечения молодежи в общественно-политическую жизнь.

2. Развитие онлайн-ресурсов и платформ для политического образования, например, создание качественных он-

лайн-ресурсов, платформ и образовательных курсов, направленных на повышение политической грамотности молодежи.

3. Продвижение культуры критического мышления.

4. Борьба с дезинформацией и пропагандой и развитие медиаграмотность.

5. Вовлечение семьи в процесс политической социализации. Необходимо проводить работу с родителями, обучая их основам политической грамотности и рассказывая о роли семьи в формировании гражданской позиции молодежи.

6. Поддержка политического волонтерства и гражданского активизма.

7. Улучшение качества молодежной политики.

8. Развитие патриотизма и гражданской идентичности. Формирование патриотизма и гражданской идентичности является одним из важнейших аспектов политической социализации.

9. Развитие толерантности и межкультурного диалога.

10. Обеспечение кибербезопасности и защиты личной информации.

11. Поддержка инновационных подходов к политической социализации, молодежных стартапов, проектов и инициатив, предоставление возможности участия молодежи в политических процессах.

12. Формирование позитивного образа политики и политиков.

13. Повышение доступности политической информации. Необходимо сделать политическую информацию более доступной и понятной для молодежи, используя различные форматы, включая инфографику, видео, подкасты и интерактивные инструменты.

Заключение

В заключение следует отметить, что процесс политической социализации молодежи в XXI веке представляет со-

бой сложную и многогранную задачу, требующую комплексного подхода и постоянного совершенствования. Цифровизация кардинально меняет механизмы формирования политических взглядов и участия в политической жизни. Традиционные агенты социализации теряют свое влияние, в то время как новые агенты, такие как виртуальное пространство, социальные сети и онлайн-платформы, приобретают все большее значение.

Для эффективной политической социализации необходимо учитывать эти изменения и адаптировать организационные подходы к работе с молодежью. Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить политическую грамотность молодежи, сформировать у нее гражданскую позицию, развить навыки критического мышления и стимулировать гражданский активизм и участие в молодежных организациях и движениях. Успешная политическая социализация молодежи является залогом устойчивого развития демократического общества и процветания государства.

Список литературы

- Акиншева И.П. Политическая культура как фактор политической социализации студенческой молодежи // Вестник педагогических наук. – 2024. № 5. С. 96–99. – DOI 10.62257/2687-1661-2024-5-96-99.
- Антонов Д.Е. Сообщества в социальных сетях как агенты политической социализации Российской молодежи // Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы: материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием, Москва, 06–07 декабря 2019 года / Московский педагогический государственный университет. – Москва: Московский педагогический государственный университет, 2019. С. 43–44.
- Артамонова Я.С. Технологии социальных медиа в политической социализации студенческой молодежи // Logos et Praxis. 2023. Т. 22. № 2. С. 81–93. – DOI 10.15688/lp.jvolsu.2023.2.9.
- Бабко Д.С. Проблемы политической социализации молодежи в современной России // Наука, меняющая жизнь: Сборник материалов национального научного форума магистрантов, аспирантов и молодых учёных, Владивосток, 29–30 мая 2024 года. – Владивосток: Владивостокский государственный университет, 2024. С. 44–48.
- Баймурадов Д.А. Роль социальных институтов в политической социализации молодежи / Д.А. Баймурадов, А.А. Чарьев // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории. 2016. № 6 (46). С. 141–145.
- Вершинин И.С. Девиация в молодежной среде как проблема политической социализации молодежи в региональной политике // Социальная безопасность в евразийском пространстве: Материалы III Международной научной конференции, Тюмень, 15 декабря 2023 года. – Москва-Тюмень: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Институт деловой карьеры», 2024. С. 35–40.
- Винокуров Н.В. Социальные медиа в процессах политической социализации молодежи // Этносоциум и межнациональная культура. 2022. № 11 (173). С. 15–24.
- Воробьева А.А. Политические новости как один из факторов политической социализации молодежи / А.А. Воробьева, Л.Д. Козырева // Российская государственность и революция: социально-политические и культурные детерминанты развития России в XX–XXI веках: материалы научно-практической конференции (Калыгинские чтения), Владимир, 14–15 октября 2016 года / Под редакцией Р.В. Евстифеева. – Владимир: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2016. С. 249–253.
- Гезалов А.А. Роль гражданского общества в социализации молодежи (в формировании политической культуры) / А.А. Гезалов, А.А. Дадашев // Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: Материалы VIII международной научно-практической интернет-конференции, Вологда, 27–31 марта 2023 года. – Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2023. С. 712–720.
- Городова Д.Д. Алгоритмы развития политической социализации молодежи в интернет-пространстве / Д.Д. Городова, Г.П. Кукава, Г.Р. Пачин // Человек. Общество. Наука. 2023. Т. 4. № 1. С. 145–154. – DOI 10.53015/2686-8172_2023_4_1_145.
- Гуляев И.И. Современные особенности политической социализации как кризис политического участия молодежи // Управление в XXI веке: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Белгород, 01–02 ноября 2016 года. – Белгород: ИД «Белгород», 2016. С. 72–75.
- Доля россиян от 14 до 24 лет увеличится на 2,7 миллиона человек к 2030 году // РИА Новости, 25.01.2024. // URL: <https://ria.ru/20240125/molodezh-1923501594.html> (Дата обращения: 01.05.2025).
- Зайцева О.М. Средства массовой информации как институт политической социализации российской молодежи: специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы»: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Зайцева Ольга Михайловна. – Москва, 2013. 216 с.
- Зенков А.Р. Самореализация и развитие молодежи в контексте вызовов политической социализации // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск: материалы Всероссийской конференции РАПН с международным

- участием, Москва, 01–02 декабря 2023 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2023. С. 213–214.
15. Игнатова М.А. Влияние семьи на политическую социализацию молодежи / М.А. Игнатова, О.Р. Цух // Вектор лидерства: стратегии регионального развития: Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции студентов, магистрантов и аспирантов. В 2-х частях, Саратов, 05–07 апреля 2017 года. Том Часть 2. – Саратов: Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина - филиал ФГБОУ ВПО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2017. С. 22–23.
 16. Идиатуллина К.С. Молодежные организации как институт политической социализации молодежи: региональный аспект / К.С. Идиатуллина, М.В. Андриянова // Развитие науки и практики в глобально меняющемся мире в условиях рисков (шифр-МКР-НП): Сборник материалов XXXI Международной научно-практической конференции, Москва, 10 октября 2024 года. – Москва: Центр развития образования и науки, 2024. С. 288–296.
 17. Ионова М.Д. Патриотизм современной молодежи как фактор политической социализации личности // Альманах мировой науки. 2016. № 3-2 (6). С. 93–94.
 18. Казанцев Д.А. Роль Steam и Youtube в политической социализации российской молодежи // Россия в полицентричном мировом порядке: вызовы и новые парадигмы развития: Материалы X Всероссийского конгресса политологов РАПН с международным участием, Москва, 05–07 декабря 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2024. С. 255–256.
 19. Карпова Н.В. Организационные технологии в реализации государственной молодежной политики как инструмент политической социализации современной российской молодежи // Социология в меняющемся мире: теория, практика, образование : материалы Всероссийской научной конференции к 35-летию социологического образования в России, Санкт-Петербург, 14–16 ноября 2024 года. – Санкт-Петербург: ООО «Скифия-принт», 2024. С. 1098–1100.
 20. Клинцева Н.Н. Универсальные гуманистические ценности: патриотизм и космополитизм - в системе политической социализации современной российской молодежи / Н.Н. Клинцева, Г.Р. Ибраева // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. 2015. № 1. С. 135–138.
 21. Красавина З.А. Организация добровольческой деятельности молодежи как инструмент политической социализации // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 14. С. 36–38.
 22. Лапшин В.А. Кинематограф как фактор политической социализации молодежи // Человек. Общество. Инклюзия. 2015. № 4 (24). С. 43–46.
 23. Лозовая Я.С. Роль молодежных организаций в процессе политической социализации молодежи // Интернаука. 2024. № 23-2 (340). С. 8–10.
 24. Малькевич А.А. Социальные сети как фактор политической социализации молодежи: от иерархии к сетевой модели // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2019. № 6. С. 88–97.
 25. Масеев С.В. Роль и место политической социализации молодежи в формировании ее электронной культуры / С.В. Масеев, В.А. Чигрин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 54–63.
 26. Маслова И.А. О роли системы образования в политической социализации молодежи // Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры: Материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием), Оренбург, 30 января – 01 февраля 2013 года. – Оренбург: Издательско-полиграфический комплекс «Университет», 2013. С. 1687–1689.
 27. Масоров С.Д. Роль политического волонтерства в политической социализации молодежи // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: Материалы VI Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 27–28 апреля 2020 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. Том 1. – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. С. 25–29.
 28. Мирзоев Н.М. Место и роль агентов политической социализации в претворении радикализации молодежи и распространении экстремизма в современных условиях // Известия Института философии, политологии и права имени А. Бахаваддинова Академии наук Республики Таджикистан. 2019. № 2. С. 67–72.
 29. Молодежь // ООН. // URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/youth> (Дата обращения: 01.05.2025).
 30. Названо точное число молодежи в России // News.ru, 4 апреля 2024. // URL: <https://news.ru/vlast/nazvano-chislo-prozhivayushih-v-strane-molodyh-rossiyan> (Дата обращения: 01.05.2025).
 31. Никитин А.С. Роль политических партий в политической социализации молодежи // Молодежь и наука XXI века. Политика и право в современном мире: Материалы III Региональной научно-практической конференции, Красноярск, 30 апреля 2020 года / Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. – Красноярск: Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, 2020. С. 29–32.
 32. Новоставский И.Н. Интернет как агент политической социализации студенческой молодежи // Электронная информационно-образовательная среда вуза как фактор повышения качества учебного процесса: Сборник статей научно-методической конференции, Краснодар, 24 марта – 08 апреля 2016 года / Южный институт менеджмента. – Краснодар: Южный институт менеджмента, 2016. С. 81–86.
 33. Парахонская Г.А. О роли школы в политической социализации детей и молодежи // Совершенствование образовательно-воспитательного процесса в школе и в ВУЗе: Сборник научно-методических трудов / Государственный комитет Российской Федерации по высшему образованию Тверской государственной университет; [редкол.: Т.В. Бабушкина (отв. ред.); П.В. Конаныхин; О.Г. Окунев; А.Е. Боговяльская]. – Тверь: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тверской государственный университет», 1993. С. 42–46.
 34. Пачина Н.Н. Технологии политической социализации молодежи в виртуальном пространстве / Н.Н. Пачина, Д.Д. Городова, Т.Г. Дюбина. – Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2023. 97 с.
 35. Поляничко Н.Е. Политическая социализация молодежи

- дежи как фактор предупреждения молодежного экстремизма // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде (отечественный и зарубежный опыт) : Материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 21 апреля 2016 года / Редакционно-издательская группа: О.В. Локота (руководитель), С.А. Воронцов (зам. руководителя). – Ростов-на-Дону: Южно-Российский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ЮРИУФ РАНХиГС), 2017. С. 333-340.
36. Распоряжение Правительства РФ от 17.08.2024 № 2233-р (ред. от 31.03.2025) «Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // Консультант ПЛЮС. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484654/ (Дата обращения: 01.05.2025).
 37. Рогачев С.В. Институты гражданского общества в политической социализации российской молодежи / С.В. Рогачев, Е.В. Аверкиева // Финансы, деньги, инвестиции. 2023. № 4 (88). С. 31-38. – DOI 10.36992/2222-0917_2023_4_31.
 38. Сосновская А.М. Акторы политической социализации молодежи / А.М. Сосновская, С.А. Левина // Управленческое консультирование. 2024. № 5 (185). С. 228-243. – DOI 10.22394/1726-1139-2024-5-228-243.
 39. Степанов Е.Н. Политическая социализация молодежи как объект государственной информационной политики / Е.Н. Степанов; Е.Н. Степанова; Ком. администрации Алтайского края по делам молодежи. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2005.
 40. Стялова И.К. Влияние общественных организаций на политическую социализацию молодежи // Образование в XXI веке: Материалы Всероссийской научной заочной конференции, Тверь, 19 сентября 2016 года / Ответственный редактор Майкова Э.Ю. Том Выпуск 16. – Тверь: ООО «СФК-офис», 2016. С. 130-136.
 41. Титов В.В. Политическая социализация российской молодежи в цифровую эпоху: проблемы и противоречия // Самоуправление. 2019. Т. 2. № 2 (115). С. 208-210.
 42. Цветкова И.В. Типология политической социализации молодежи / И.В. Цветкова // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики: Материалы XX Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Тольятти, 18–19 апреля 2024 года. – Тольятти: Волжский университет им. В.Н. Татищева, 2024. С. 141-143.
 43. Шашкова Я.Ю. Роль игрового контента в политической социализации современной российской молодежи / Я.Ю. Шашкова, Д.А. Казанцев // Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы конференции, Ярославль, 18–19 апреля 2024 года. – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, 2024. С. 433-439.
 44. Шеголева Г.А. Интернет и политическая социализация: влияние СМИ на гражданскую позицию молодежи // Моя профессиональная карьера. 2024. Т. 2. № 56. С. 83-85.
 45. Юдина К.В. Основные агенты политической социализации молодежи РФ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10-3 (97). С. 64-66. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-10-3-64-66.
 46. Якименко Е.П. Этапы и механизмы политической социализации молодежи // Альманах мировой науки. 2017. № 2-2 (17). С. 103-105.
 47. Almond, G. Comparative Politics Today: A World View; 9th Edition / G. Almond, G. Powell, R. Dalton, K. Strom, – Longman, 2009. 792 p.
 48. Hyman, Herbert H. Political Socialization: A Study in the Psychology of Political Behavior / Herbert H. Hyman. – Free Press, 1969. 140 p.

References

1. Akinsheva I.P. Political culture as a factor in the political socialization of student youth // Bulletin of pedagogical sciences. – 2024. № 5. P. 96-99. – DOI 10.62257/2687-1661-2024-5-96-99.
2. Antonov D.E. Communities in social networks as agents of political socialization of Russian youth // Trajectories of political development of Russia: institutions, projects, actors: materials of the All-Russian scientific conference of the Russian Academy of Pedagogical Sciences with international participation, Moscow, December 06-07, 2019 / Moscow State Pedagogical University. – Moscow: Moscow State Pedagogical University, 2019. P. 43-44.
3. Artamonova Ya.S. Social media technologies in the political socialization of student youth // Logos et Praxis. 2023. Vol. 22. № 2. P. 81-93. – DOI 10.15688/lp.jvol-su.2023.2.9.
4. Babko D.S. Problems of political socialization of youth in modern Russia // Science that changes lives: Collection of materials of the national scientific forum of master's students, graduate students and young scientists, Vladivostok, May 29-30, 2024. – Vladivostok: Vladivostok State University, 2024. P. 44-48.
5. Baimuradov D.A. The role of social institutions in the political socialization of youth / D.A. Baimuradov, A.A. Charyev // Scientific discussion: issues of sociology, political science, philosophy, history. 2016. № 6 (46). P. 141-145.
6. Vershinin I.S. Deviation in the youth environment as a problem of political socialization of youth in regional politics // Social security in the Eurasian space: Proceedings of the III International Scientific Conference, Tyumen, December 15, 2023. – Moscow-Tyumen: Autonomous non-profit organization of higher education "Institute of Business Career", 2024. P. 35-40.
7. Vinokurov N.V. Social media in the processes of political socialization of youth // Ethnosociety and interethnic culture. 2022. № 11 (173). P. 15-24.
8. Vorobyova A.A. Political news as one of the factors of political socialization of youth / A.A. Vorobyova, L.D. Kozyreva // Russian statehood and revolution: socio-political and cultural determinants of Russia's development in the 20th-21st centuries: materials of the scientific and practical conference (Kalyagin readings), Vladimir, October 14-15, 2016 / Edited by R.V. Evstifeev. – Vladimir: Vladimir branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration", 2016. P. 249-253.
9. Gezalov A.A. The role of civil society in the socialization of youth (in the formation of political culture) / A.A. Gezalov, A.A. Dadashev // Global challenges and regional development in the mirror of sociological measurements: Materials of the VIII international scientific

- and practical Internet conference, Vologda, March 27-31, 2023. – Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2023. P. 712-720.
10. Gorodova D.D. Algorithms for the Development of Political Socialization of Young People in the Internet Space / D.D. Gorodova, G.P. Kukava, G.R. Pachin // *Man. Society. Science*. 2023. Vol. 4. № 1. P. 145-154. – DOI 10.53015/2686-8172_2023_4_1_145.
 11. Gulyaev I.I. Modern Features of Political Socialization as a Crisis of Political Participation of Young People // *Management in the 21st Century: Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference, Belgorod, November 1-2, 2016*. – Belgorod: ID “Belgorod”, 2016. P. 72-75.
 12. The share of Russians aged 14 to 24 will increase by 2.7 million people by 2030 // RIA Novosti, 01/25/2024. // URL: <https://ria.ru/20240125/molodezh-1923501594.html> (05.01.2025).
 13. Zaitseva O.M. Mass media as an institution of political socialization of Russian youth: specialty 22.00.04 “Social structure, social institutions and processes”: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences / Zaitseva Olga Mikhailovna. – Moscow, 2013. 216 p.
 14. Zenkov A.R. Self-realization and development of young people in the context of challenges of political socialization // *Political science in a changing world: new practices and theoretical search: materials of the All-Russian conference of the Russian Academy of Political Sciences with international participation, Moscow, December 1-2, 2023*. – Moscow: Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN), 2023. P. 213-214.
 15. Ignatova M.A. The influence of the family on the political socialization of young people / M.A. Ignatova, O.R. Tsukh // *Leadership vector: regional development strategies: Collection of scientific papers based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference of students, master’s students and postgraduates*. In 2 parts, Saratov, April 5-7, 2017. Volume Part 2. – Saratov: Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypina - branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”, 2017. P. 22-23.
 16. Idiatullina K.S. Youth organizations as an institution of political socialization of youth: regional aspect / K.S. Idiatullina, M.V. Andrianova // *Development of science and practice in a globally changing world in the face of risks (code-MKRNП): Collection of materials of the XXXI International scientific and practical conference, Moscow, October 10, 2024*. – Moscow: Center for the Development of Education and Science, 2024. P. 288-296.
 17. Ionova M.D. Patriotism of modern youth as a factor in the political socialization of an individual // *Almanac of world science*. 2016. № 3-2 (6). P. 93-94.
 18. Kazantsev D.A. The Role of Steam and YouTube in the Political Socialization of Russian Youth // *Russia in a Polycentric World Order: Challenges and New Development Paradigms: Proceedings of the 10th All-Russian Congress of Political Scientists of the Russian Academy of Political Sciences with International Participation, Moscow, December 5-7, 2024*. – Moscow: Limited Liability Company Aspect Press Publishing House, 2024. P. 255-256.
 19. Karpova N.V. Organizational Technologies in the Implementation of State Youth Policy as an Instrument of Political Socialization of Modern Russian Youth // *Sociology in a Changing World: Theory, Practice, Education: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference for the 35th Anniversary of Sociological Education in Russia, St. Petersburg, November 14-16, 2024*. – St. Petersburg: OOO Skifa-Print, 2024. P. 1098-1100.
 20. Klintsova N.N. Universal humanistic values: patriotism and cosmopolitanism - in the system of political socialization of modern Russian youth / N.N. Klintsova, G.R. Ibraeva // *Modern problems of social and humanitarian sciences*. 2015. № 1. P. 135-138.
 21. Krasavina Z.A. Organization of youth volunteer activities as an instrument of political socialization // *Conference proceedings of the Sociosphere Research Center*. 2015. № 14. P. 36-38.
 22. Lapshin V.A. Cinematography as a factor in the political socialization of youth // *Man. Society. Inclusion*. 2015. № 4 (24). P. 43-46.
 23. Lozovaya Ya.S. The role of youth organizations in the process of political socialization of youth // *Internauka*. 2024. № 23-2 (340). P. 8-10.
 24. Malkevich A.A. Social networks as a factor in the political socialization of youth: from hierarchy to a network model // *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political sciences*. 2019. № 6. P. 88-97.
 25. Maseev S.V. The role and place of political socialization of youth in the formation of its electoral culture / S.V. Maseev, V.A. Chigrin // *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2018. Vol. 4 (70). № 2. P. 54-63.
 26. Maslova I.A. On the role of the education system in the political socialization of youth // *University complex as a regional center of education, science and culture: Proceedings of the All-Russian scientific and methodological conference (with international participation), Orenburg, January 30 - January 01, 2013*. – Orenburg: Publishing and printing complex “University”, 2013. P. 1687-1689.
 27. Masorov S.D. The role of political volunteering in the political socialization of youth // *Strategies for the development of social communities, institutions and territories: Proceedings of the VI International scientific and practical conference, Yekaterinburg, April 27-28, 2020 / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation; Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin. Volume 1*. – Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2020. P. 25-29.
 28. Mirzoev N.M. The place and role of agents of political socialization in preventing the radicalization of youth and the spread of extremism in modern conditions // *News of the Institute of Philosophy, Political Science and Law named after A. Bahovaddinov of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan*. 2019. № 2. P. 67-72.
 29. Youth // UN. // URL: <https://www.un.org/ru/global-issues/youth> (01.05.2025).
 30. The exact number of youth in Russia has been named // *News.ru*, April 4, 2024. // URL: <https://news.ru/vlast/nazvano-chislo-prozhivayushih-v-strane-molodyh-rossiyan> (01.05.2025).
 31. Nikitin A.S. The Role of Political Parties in the Political Socialization of Young People // *Youth and Science of the 21st Century. Politics and Law in the Modern World: Proceedings of the III Regional Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, April 30, 2020 / Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev*. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 2020. P. 29-32.

32. Novostavskiy I.N. The Internet as an Agent of Political Socialization of Student Youth // Electronic Information and Educational Environment of the University as a Factor in Improving the Quality of the Educational Process: Collection of Articles from the Scientific and Methodological Conference, Krasnodar, March 24 - 08 2016 / Southern Institute of Management. – Krasnodar: Southern Institute of Management, 2016. P. 81-86.
33. Parakhonskaya G.A. On the role of school in the political socialization of children and youth // Improving the educational and upbringing process at school and in higher education institutions: Collection of scientific and methodological works / State Committee of the Russian Federation for Higher Education Tver State University; [editorial board: T.V. Babushkina (editor-in-chief); P.V. Konanykhin; O.G. Okunev; A.E. Bogoyavlenskaya]. – Tver: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Tver State University", 1993. P. 42-46.
34. Pachina N.N. Technologies of political socialization of youth in virtual space / N.N. Pachina, D.D. Gorodova, T.G. Dyubina. – Lipetsk: Lipetsk State Technical University, 2023. 97 p.
35. Polyanchko N.E. Political socialization of youth as a factor in preventing youth extremism // Counteracting the ideology of extremism and terrorism among the youth (domestic and foreign experience): Materials of the interregional scientific and practical conference with international participation, Rostov-on-Don, April 21, 2016 / Editorial and publishing group: O.V. Lokota (head), S.A. Vorontsov (deputy head). – Rostov-on-Don: South-Russian Institute of Management - branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SUPI RANEPА), 2017. P. 333-340.
36. Order of the Government of the Russian Federation of August 17, 2024 № 2233-r (as amended on March 31, 2025) "On approval of the Strategy for the implementation of youth policy in the Russian Federation for the period up to 2030" // Consultant Plus. // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_484654/ (May 1, 2025).
37. Rogachev S.V. Civil society institutions in the political socialization of Russian youth / S.V. Rogachev, E.V. Averkieva // Finance, money, investments. 2023. № 4 (88). P. 31-38. – DOI 10.36992/2222-0917_2023_4_31.
38. Sosnovskaya A.M. Actors of political socialization of youth / A.M. Sosnovskaya, S.A. Levina // Management consulting. 2024. № 5 (185). P. 228-243. – DOI 10.22394/1726-1139-2024-5-228-243.
39. Stepanov E.N. Political socialization of youth as an object of state information policy / E.N. Stepanov; E.N. Stepanova; Comm. administration of Altai Krai for youth affairs. – Barnaul: Publishing house of Barnaul state. ped. University, 2005.
40. Stalova I.K. Influence of public organizations on the political socialization of youth // Education in the 21st century: Proceedings of the All-Russian scientific correspondence conference, Tver, September 19, 2016 / Editor-in-chief Maikova E.Yu. Volume Issue 16. – Tver: OOO "SFK-office", 2016. P. 130-136.
41. Titov V.V. Political socialization of Russian youth in the digital age: problems and contradictions // Self-government. 2019. Vol. 2. № 2 (115). P. 208-210.
42. Tsvetkova I.V. Typology of political socialization of youth / I.V. Tsvetkova // Tatishchev readings: current problems of science and practice: Proceedings of the XX International scientific and practical conference. In 2 volumes, Togliatti, April 18-19, 2024. – Togliatti: Volzhsky University named after V.N. Tatishchev, 2024. P. 141-143.
43. Shashkova Ya.Yu. The role of game content in the political socialization of modern Russian youth / Ya.Yu. Shashkova, D.A. Kazantsev // Opportunities and threats of digital society: Conference materials, Yaroslavl, April 18-19, 2024. – Yaroslavl: Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, 2024. P. 433-439.
44. Shchegoleva G.A. Internet and political socialization: the influence of the media on the civic position of young people // My professional career. 2024. Vol. 2. № 56. P. 83-85.
45. Yudina K.V. The main agents of political socialization of youth in the Russian Federation // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 10-3 (97). P. 64-66. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-10-3-64-66.
46. Yakimenko E.P. Stages and mechanisms of political socialization of youth // Almanac of world science. 2017. № 2-2 (17). P. 103-105.
47. Almond, G. Comparative Politics Today: A World View; 9th Edition / G. Almond, G. Powell, R. Dalton, K. Strom, – Longman, 2009. 792 p.
48. Hyman, Herbert H. Political Socialization: A Study in the Psychology of Political Behavior / Herbert H. Hyman. – Free Press, 1969. 140 p.

Георгиевская Ю.В.

*Кандидат социологических наук, доцент.
Астраханский государственный архитектурно-строительный университет.*

Рязанцев А.А.

*Кандидат педагогических наук, доцент.
Астраханский государственный медицинский университет.*

Исследование влияние социально-биологических факторов на биологический возраст человека*

Аннотация. Вопросы старения организма человека, технологии и способы снижения темпов этого процесса всегда были и будут актуальными проблемами человечества. По статистическим данным россияне признаны одной из самых стареющих наций в мире. Средний возраст наступления старости в России – 59 лет, как и у граждан Индии, Болгарии, Филиппин, Казахстана и нескольких африканских государств. Однако, существует целый ряд методик, позволяющих скорректировать биологический возраст человека и замедлить старение организма.

Кардинальное изменение образа жизни, соблюдение распорядка дня, улучшение качества сна и питания, увеличение объема двигательной активности и физических упражнений поможет уменьшить биологический возраст организма и предотвратит возникновение коварных недугов.

Ключевые слова: биологический возраст, календарный возраст, здоровье, социально-биологические факторы, образ жизни, правильное питание, двигательная активность, сон.

Georgievskaya J.V.

*Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor
of the Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering.*

Ryazantsev A.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Astrakhan State Medical University.

The study of the influence of socio-biological factors on the biological age of a person

Abstract. The issues of aging of the human body, technologies and ways to reduce the pace of this process have always been and will always be urgent problems of mankind. According to statistics, Russians are recognized as one of the most aging nations in the world. The average age of old age in Russia is 59, as are citizens of India, Bulgaria, the Philippines, Kazakhstan, and several African countries. However, there are a number of techniques that allow you to adjust the biological age of a person and slow down the aging of the body.

* © Георгиевская Ю.В., Рязанцев А.А., 2025.

Исследование влияние социально-биологических факторов на биологический возраст человека

Drastic lifestyle changes, daily routines, improved sleep and nutrition, increased physical activity and exercise will help reduce the biological age of the body and prevent the occurrence of insidious ailments.

Key words: biological age, calendar age, health, socio-biological factors, lifestyle, proper nutrition, motor activity, sleep.

Введение

Современное общество характеризуется значительным увеличением продолжительности жизни, что, однако, не всегда сопровождается пропорциональным увеличением периода активного долголетия. В связи с этим, проблема изучения биологического возраста (БВ) и факторов, влияющих на его динамику, приобретает особую актуальность. В отличие от хронологического, биологический возраст отражает функциональное состояние организма и темпы его старения, что делает его более информативным показателем здоровья и потенциальной продолжительности жизни. Понимание механизмов, определяющих расхождения между хронологическим и биологическим возрастом, является ключом к разработке эффективных стратегий профилактики преждевременного старения и улучшения качества жизни в пожилом возрасте. Существующие демографические тенденции, такие как увеличение доли пожилого населения и рост заболеваемости возраст-ассоциированными болезнями, подчеркивают необходимость углубленного изучения факторов, модулирующих биологический возраст человека.

Целью данного исследования является выявление и оценка значимости различных социально-биологических факторов, оказывающих влияние на биологический возраст человека.

Научная новизна представлено-го исследования заключается в комплексном подходе к оценке влияния

социально-биологических факторов на биологический возраст. В отличие от существующих работ, фокусирующихся, как правило, на отдельных аспектах (например, генетике или образе жизни), данное исследование интегрирует широкий спектр переменных, включая социально-экономический статус, поведенческие факторы, генетическую предрасположенность и показатели здоровья.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов и методов исследования были использованы данные проспективного когортного исследования, включающего репрезентативную выборку лиц старше 40 лет. Сбор данных включал анкетирование для оценки социально-экономического статуса, образа жизни (питание, физическая активность, курение, употребление алкоголя), медицинский осмотр с измерением антропометрических показателей, артериального давления, оценкой когнитивных функций и состояния сердечно-сосудистой системы, а также сбор биологического материала (кровь) для генетического анализа и определения биомаркеров старения (например, длины теломер, уровня гормонов, показателей воспаления).

Результаты и обсуждения

При первом взгляде на взрослого человека иногда бывает сложно определить его истинный возраст. На одних можно смотреть с восхищением, на других с сожалением и грустью. Кто-то

из них выглядит значительно моложе своих лет, а некоторые старше своего календарного возраста. И можно, не напрягаясь, вспомнить 30-40-летних «старичков» и «старушек» у которых постоянно что-то болит, или «девушек», которых принимают за сестер своих 35-летних дочерей. И выглядят эти категории людей соответственно. В таких случаях принято говорить о несоответствии календарного и биологического возрастов [2].

Ученые-геронтологи убеждены: по числу прожитых лет достоверно судить о возрастных возможностях человека не всегда верно. Важнее для здоровья, продолжительности жизни и ее качества не паспортный (хронологический, календарный) возраст, а другой – биологический. Этот возраст, достигнутый организмом, показателен в отношении степени зрелости (физической, интеллектуальной).

Необходимо констатировать, что старение человека неизбежно и оно начинается уже с 20-25 календарных лет уменьшением выработки основных гормонов. К сорокалетнему возрасту изменения касаются и внешнего вида. Именно в этот период жизни начинают проявляться типичные «возрастные болезни»: атеросклероз, артроз, остеопороз, хронические инфекции. К этому перечню износа организма необходимо также добавить соотношение жировой и мышечной массы, уровень холестерина, содержание сахара в крови, состояние слухового и зрительного анализаторов.

Процесс старения организма человека и его интенсивность у различных людей протекает неодинаково. К негативным факторам, ускоряющим старение и изнашивание организма, относятся:

- часто повторяющиеся стрессы;
- депривация сна;
- вредные привычки (курение,

алкоголь, наркотики);

- питание с обилием «быстрых» углеводов;

- малая двигательная активность, сидячий образ жизни;

- загрязнение окружающей среды.

Для определения биологического возраста человека существует более двух десятков различных методик, в которых используется более 100 маркеров, закономерно изменяющихся возрастных показателей: физиологических и патологических, функциональных и морфологических, клиничко-лабораторных, биохимических, психологических и целого ряда других [3, с. 20]. Существует способ определения биологического возраста человека с исследованием электрической активности мозга и применением компьютерной энцефалографии. Значительная часть перечисленных способов и технологий требует использования специального оборудования, определенного временного интервала и подготовленного медицинского персонала. Определение биологического возраста помогает врачу при назначении пациенту квалифицированной медицинской помощи.

Существует тест-опросник для определения биологического возраста человека, включающий 29 вопросов блока «субъективная оценка здоровья».

Но удовлетворить свой интерес и беспокойство о состоянии собственного здоровья и биологического возраста возможно при помощи методики домашнего тестирования и без инструментальных методик [9, с. 2].

Для этой цели специалисты и врачи-геронтологи предлагают методику, включающую следующие тесты: наклоны туловища; быстрота реакции; тестирование вестибулярного аппарата; состояние сосудов; тестирование дыхательной системы; состояние суставов;

когнитивные функции; либидо (только для мужчин).

Для мужчин также важную информацию о состоянии здоровья и биологическом возрасте представляет объем талии, измеренной сантиметровой лентой. Оптимальные показатели – 94 см, а вот после 102 см возникает риск сердечно-сосудистых заболеваний, диабета и других заболеваний. Необходимо сбросить лишние килограммы еще и для того, чтобы повысить уровень важнейшего мужского гормона – тестостерона. Этот гормон отвечает в организме не только за потенцию мужчины, за увеличение и рельефность мышечной массы, но также снижает риск сердечно-сосудистых заболеваний и увеличивает прочность костей. Уровень тестостерона должен быть достаточным на протяжении всей жизни [8, с. 300]. Но начиная с 26-30 летнего возраста его уровень с каждым годом снижается в среднем на 1%, хотя и этого количества хватает для поддержания репродуктивной функции. Показатель менее 8 нмоль/л является плохим для общего тестостерона; менее 12 – не благоприятным; 14 – плохой, но не критичный; более 14 наномоль – оптимальный показатель.

У мужчин 19-39 лет с талией меньше 94 см, уровень тестостерона, как правило, составляет 15,6 нмоль*л и это оптимальный показатель. Физиологические параметры таких мужчин, даже с некоторым снижением в более старшем возрасте остаются на высоком уровне, они атлетичны, внешне привлекательны и обладают хорошим здоровьем.

Необходимо знать о том, что чем больше талия у мужчины, тем меньше у него тестостерона.

Для снижения биологического возраста нет ничего более важного, чем здоровый, полноценный сон, действующий

лучше многих лекарств и косметологических средств.

Американские ученые установили, что недостаток сна приводит к преждевременному старению [4, с. 115]. Исследования показали, что при недосыпе изменяется деятельность генов в клетках, отвечающих за кровотворение и иммунитет, а именно гемопоэтических стволовых клетках костного мозга.

При недостаточности сна нарушается работа некоторых генов в стволовых клетках и «пораженные» клетки не в состоянии производить иммунные клетки. Происходит ослабление иммунитета, а затем и возникновение воспалительных процессов, которые ускоряют старение организма человека: дряхлеют сосуды, сердце, портится кожа. Нейровоспаление вызывает старение головного мозга. Ученые называют этот процесс «инфламэйджинг», который означает дряхление всего организма в связи с вялотекущим воспалительным процессом [5]. И чем больше продолжается процесс недостаточности сна, тем быстрее человек стареет и сокращает себе жизнь.

Недосып провоцирует развитие старческого слабоумия, так как в головном мозге начинает накапливаться белок бета-амилоид при скоплении которого образуются амилоидные бляшки, нарушающие связи между нейронами [12]. Американские исследователи установили, что даже после одной бессонной ночи у здоровых добровольцев обнаружилось накопление бета-амилоида в головном мозге. А при нарушении связи между нейронами из-за наличия амилоидных бляшек ухудшаются когнитивные способности человека и его работоспособность.

У мужчин регулярный недосып снижает уровень тестостерона, отвечающего за либидо [14, с. 126]. Несомненным

подтверждением этого факта служит исследование американских ученых. У молодых мужчин, спавших не более 5 часов в сутки на протяжении одной недели, на 15% снизился уровень тестостерона. Для сравнения: такое снижение уровня полового гормона наблюдается обычно при старении организма в течение 10-15 лет.

Научными фактами подтверждено: сокращение продолжительности сна всего на один час от общепринятой нормы нарушает нормальную функцию генома человека, что служит причиной возникновения различных заболеваний [6].

Английские медики установили, что если сон длится менее 6 часов в сутки, то летальный исход от сердечно-сосудистых заболеваний увеличивается на 48%, от инсульта – на 15% [13].

Крупная международная исследовательская программа, длившаяся в течение 25 лет, была посвящена вопросам влияния продолжительности и качества сна на развитие различных заболеваний и смертности.

В программе приняло участие, в общей сложности, 470 000 человек из восьми стран, включая США, Японию, Великобританию и Швецию. Результаты исследования неутешительны: хронический недосып способствовал развитию сердечно-сосудистых заболеваний, инсульта и преждевременному летальному исходу. В то же время и слишком длительный сон, продолжительностью более 9 часов, также вреден и может вызвать серьезные заболевания. Оптимальным для сохранения здоровья является 7-8-часовой ночной сон.

Стандартной нормой времени, по мнению врачей-сомнологов, является следующая продолжительность сна в зависимости от возраста: 18-65 лет – 7-9 часов в сутки; для пожилого возраста – 7-8 часов в сутки. Тем не менее,

специалисты рекомендуют в вопросах нормализации сна использовать индивидуальный подход, с учетом особенностей каждого человека, особенно генетических.

Другим значимым фактором, который напрямую влияет на здоровье и продолжительность жизни, является рацион питания. Исследования демонстрируют связь между правильным питанием и биологическим возрастом человека. Например, в ходе эксперимента в США было установлено, что 8 недель диеты, основанной на доступных продуктах, качественный сон и умеренные физические нагрузки способствовали снижению биологического возраста на 2 года.

При составлении ежедневного рациона питания необходимо исключить продукты с трансжирами (маргарин, покупная выпечка и др.), избыток соли, искусственное добавление фруктозы [11, с. 32]. Необходимо избегать употребления сладких напитков и магазинных соков, отказаться от десертов.

Таким образом, для успешной профилактики преждевременного старения важно формировать культуру здоровья, применять рациональное питание и использовать достижения современной науки для замедления биологического возраста и улучшения качества жизни на всех ее этапах.

В процессе старения человека необходимо помнить о том, что молодость внешнего вида еще не является гарантией медленного старения. Этот процесс в организме происходит намного глубже, на уровне ДНК. Научные и статистические данные говорят о том, что с увеличением двигательной активности и объема физических упражнений можно значительно снизить процесс старения и дряхления организма человека и не только во внешних про-

явлениях [7, с. 14].

Для контроля за эффективностью и расчете интенсивности анаэробных тренировок необходимо использовать формулу оптимального пульса: 220 минус собственный возраст, полученный результат умножаем минимум на 65% и максимум на 80% [10, с. 6]. К примеру: для 37-летнего человека интенсивность нагрузки должна соответствовать следующим показателям:

- $(220-37) \times 0,65 = 119$ ударов в минуту – это минимально;

- $(220-37) \times 0,8 = 146$ ударов в минуту – максимально, иначе нагрузка ведет к старению сосудов.

Необходимо учесть и еще важную рекомендацию, особенно для женщин – старайтесь хорошо выглядеть. Это способствует чувству уверенности в себе, самосознанию и ощущению того, что ты молодо выглядишь, несмотря на возраст. Подобное состояние стимулирует нейроэндокринную регуляцию жизнедеятельности организма, что способствует замедлению старения.

Стремление жителей некоторых стран следовать принципам здорового образа жизни и повышения ее качества спрогнозировало два феноменальных события нового времени – резкое снижение сердечно-сосудистых патологий в соседней Финляндии и выравнивание продолжительности жизни после объединения Германии. Эти факты говорят о том, что при создании условий и следованию жизненным принципам можно добиться желаемых результатов в снижении биологического возраста и продолжительности жизни в сравнительно небольшой отрезок времени.

Выводы

Проведенное нами исследование влияния социально-биологических факторов на биологический возраст

человека позволило выявить комплекс взаимосвязанных переменных, оказывающих существенное воздействие на темпы старения и общее состояние здоровья. Полученные результаты подтверждают, что биологический возраст не является исключительно генетически детерминированной характеристикой, а подвержен значительному модифицирующему влиянию внешних и внутренних факторов, формирующихся на протяжении всей жизни индивида [1, с. 8].

Ключевым выводом является подтверждение значимой роли социально-экономического статуса (СЭС) как комплексного индикатора, интегрирующего в себе уровень образования, профессиональную занятость и материальное благосостояние. Наше исследование продемонстрировало, что высокий СЭС ассоциируется с более медленными темпами биологического старения, что, вероятно, объясняется лучшим доступом к качественному медицинскому обслуживанию, более сбалансированному питанию и менее стрессовым условиям жизни. Данный аспект подчеркивает необходимость разработки и внедрения программ социальной поддержки, направленных на снижение неравенства в доступе к ресурсам, способствующим здоровому старению.

Таким образом, данное исследование подчеркивает комплексный и многофакторный характер процесса старения и подтверждает значимость взаимодействия между социально-биологическими факторами. Полученные результаты могут быть использованы для разработки эффективных стратегий профилактики возраст-ассоциированных заболеваний, повышения качества жизни и увеличения продолжительности активного долголетия. Дальнейшие

исследования в данной области должны быть направлены на более детальное изучение молекулярных механизмов, лежащих в основе взаимодействия социально-биологических факторов и процесса старения, а также на разработку персонализированных подходов к профилактике и лечению возраст-ассоциированных заболеваний. Особое внимание следует уделить лонгитюдным исследованиям, позволяющим отслеживать изменения биологического возраста во времени и оценивать эффективность различных вмешательств.

Список литературы

1. Бабыкина А. Чем лучше выглядишь, тем больше проживешь. С. 8. // URL: www.kp.ru.10-17.01.2018. (Режим доступа: 03.04.2025).
2. Биологический возраст человека: 8 параметров, которые нужно проверить. // URL: <https://biosfera.kz/biologicheskij-vozrast-cheloveka-9-parametrov-kotorye-nuzhno-proverit> (Режим доступа: 03.04.2025).
3. Бузина Т.С., Бузин В.Н. Социально-психологические аспекты лечебного процесса // Профилактическая медицина. 2018. Т. 21, № 4. С. 20-24.
4. Бузин В.Н., Бузина Т.С. Взаимоотношения врача и пациента в информационном обществе // Профилактическая медицина. 2020. Т. 23, № 5. С. 111-116.
5. Ваш биологический возраст. // URL: <https://beautyra.ru/tests/biologicheskij-vozrast-test/> (Режим доступа: 03.04.2025).
6. Гямджян К. Ученые предупреждают: регулярный недосып грозит преждевременным старением и раком. // URL: www.no.ru.10-17.10.2018/ (Режим доступа: 03.04.2025).
7. Добрюха А. Упражнения, которые реально продлевают молодость. С. 14. // URL: www.kp.ru.23.05.2017. (Режим доступа: 03.04.2025).
8. Найденская Н., Трубецкова И. Код внешности от голы до пальцев ног. – Москва: Изд-во АСТ, 2021. 336 с.
9. Родионова В.А. Визуализация представлений об общественном здоровье: проблема образа героя // Социальная динамика населения и человеческий потенциал. Материалы V Международной научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 1-3.
10. Родионова В.А. Управление здоровьесберегающей и здоровьесозидательной деятельностью в современном образовательном пространстве: в поисках оптимального пути // Здоровьесбережение и здоровьесозидание в современном образовательном пространстве. Сборник статей и методических материалов по итогам всероссийского научно-практического семинара. Санкт-Петербург, 2024. С. 5-14.
11. Семенова О.В., Бутовская М.Л. Теоретические и практические следствия дисбаланса в количестве мужского и женского населения в современной России. Влияние фактора соотношения полов в регионе на индивидуальный уровень материального благополучия // Социодинамика. 2020. № 3. С. 30-45.
12. Способ определения биологического возраста человека и скорости старения. // URL: <https://patents.google.com/patent/RU2387374C2/ru> (Режим доступа: 03.04.2025).
13. Ученые раскрыли способы снизить биологический возраст человека. // URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/15/uchenye-raskryli-sposoby-snizit-biologicheskij-vozrast-cheloveka/?ysclid=m7u6s89yxu603778595> (Режим доступа: 03.04.2025).
14. Хаффингтон А. Революция сна: как менять свою жизнь ночь за ночью. Изд-во «Альпина Паблицер», 2000. 500 с.

References

1. Babykina A. The better you look, the longer you will live. P. 8. // URL: www.kp.ru.10-17.01.2018. (03.04.2025).
2. Human biological age: 8 parameters that need to be checked. // URL: <https://biosfera.kz/biologicheskij-vozrast-cheloveka-9-parametrov-kotorye-nuzhno-proverit> (03.04.2025).
3. Buzina T.S., Buzin V.N. Social and psychological aspects of the treatment process // Preventive medicine. 2018. Vol. 21, № 4. P. 20-24.
4. Buzin V.N., Buzina T.S. Doctor-Patient Relationships in the Information Society // Preventive Medicine. 2020. Vol. 23, № 5. P. 111-116.
5. Your Biological Age. // URL: <https://beautyra.ru/tests/biologicheskij-vozrast-test/> (03.04.2025).
6. Gyamdzhyan K. Scientists Warn: Regular Lack of Sleep Threatens Premature Aging and Cancer. // URL: www.no.ru.10-17.10.2018/ (03.04.2025).
7. Dobryukha A. Exercises That Really Prolong Youth. P. 14. // URL: www.kp.ru.23.05.2017. (03.04.2025).
8. Naidenskaya N., Trubetskova I. Appearance code from head to toe. - Moscow: AST Publishing House, 2021. 336 p.
9. Rodionova V.A. Visualization of ideas about public health: the problem of the hero image // Social dynamics of the population and human potential. Proceedings of the V International scientific and practical conference. Moscow, 2023. P. 1-3.
10. Rodionova V.A. Management of health-saving and health-creating activities in the modern educational space: in search of the optimal path // Health saving and health creation in the modern educational space. Collection of articles and methodological materials based on the results of the All-Russian scientific and practical seminar. St. Petersburg, 2024. P. 5-14.
11. Semenova O.V., Butovskaya M.L. Theoretical and practical consequences of the imbalance in the number of male and female populations in modern Russia. The Impact of the Sex Ratio Factor in the Region on the Individual Level of Material Well-Being // Sociodynamics. 2020. № 3. P. 30-45.
12. A Method for Determining a Person's Biological Age and Aging Rate. // URL: <https://patents.google.com/patent/RU2387374C2/ru> (04.03.2025).
13. Scientists Have Discovered Ways to Reduce a Person's Biological Age. // URL: <https://lenta.ru/news/2024/06/15/uchenye-raskryli-sposoby-snizit-biologicheskij-vozrast-cheloveka/?ysclid=m7u6s89yxu603778595> (04.03.2025).
14. Huffington A. The Sleep Revolution: How to Change Your Life Night by Night. Publishing house «Alpina Publisher», 2000. 500 p.

Зотова А.А.

Старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна.
ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Лучшие практики оказания услуг волонтерскими организациями*

Аннотация. В настоящее время деятельность некоммерческих организаций (НКО) имеет осязаемое социально-благотворительное значение и позволяет решать множество важных социальных проблем на региональном и национальном уровнях. Построение эффективных коммуникационных взаимодействий для НКО играет ключевую роль в процессе социальной интеграции и развития гражданского общества. В современном мире волонтерские организации играют ключевую роль в решении социальных и экономических проблем. Автор работы хочет обратить внимание на эффективность влияния волонтерских организаций на общество в целом. В данной работе будет рассмотрен передовой зарубежный и отечественный опыт оказания услуг добровольческими объединениями разных стран.

Ключевые слова: некоммерческие волонтерские организации, благотворительные фонды, некоммерческие организации, национальная экономика, мировые и отечественные практики волонтерства, услуги некоммерческих волонтерских организаций.

Zotova A.A.

Russian Economic University named after G.V. Plekhanov.

Best practices in the provision of services by volunteer organizations

Abstract. Currently, the activities of non-profit organizations (NPOs) have a tangible social and charitable significance and allow solving many important social problems at the regional and national levels. Building effective communication interactions for NGOs plays a key role in the process of social integration and the development of civil society. In today's world, volunteer organizations play a key role in solving social and economic problems. The author of the paper wants to draw attention to the effectiveness of the influence of volunteer organizations on society as a whole. In this paper, we will consider the best foreign and domestic experience in the provision of services by volunteer associations from different countries.

Key words: non-profit volunteer organizations, charitable foundations, non-profit organizations, national economy, global and domestic volunteering practices, services of non-profit volunteer organizations.

* © Зотова А.А., 2025.

Лучшие практики оказания услуг волонтерскими организациями

История формирования современного волонтерского движения началась в середине XIX века. В Западном мире это период принято считать с 1859 года, когда французский писатель и журналист Жан Анри Дюнан, пораженный последствиями кровавой битвы при Сольферино в ходе Австро-итало-французской войны, предложил создать Красный Крест. Эта организация, основанная на волонтерских принципах, занималась предоставлением первой медицинской помощи пленным и раненым. Принципы, сформулированные Дюнаном, по-прежнему служат основой для волонтерских организаций во всем мире.

Опыт многих стран подтверждает, что деятельность волонтеров приносит обществу выгоду и, по различным оценкам, составляет вклад в ВВП от 4 до 8%. Например, в Норвегии доля волонтеров в ВВП составляет около 6%. В Канаде почти треть населения (27%) участвует в волонтерской деятельности, и экспертные оценки свидетельствуют, что их труд сэкономил более \$17 миллиардов бюджетных средств. В Швеции половина взрослого населения страны активно участвует в волонтерских обществах и объединениях, преимущественно в сферах спорта и культуры. Молодежь также активно занимается волонтерством, например, оказывает помощь больным СПИДом в Африке или проводит обучение индейским детям в джунглях Америки [1].

Существует так называемый Всемирный индекс благотворительности (World Giving Index), который помогает идентифицировать уровень благотворительной деятельности в странах мира. В его основе лежат исследования американского института Гэллапа, а сам индекс доступен в 153 странах. Этот рейтинг стран основывается на трёх

аспектах, а именно: участие в волонтерской деятельности, перечисленные средства в благотворительную деятельность и частота помощи незнакомым людям. Данный индекс был разработан в Великобритании компанией под названием Charities Aid Foundation в 2010 году.

Согласно рейтингу за 2022 год, Россия занимает 102 место из 142 с индексом 34, а первое место занимает Индонезия с индексом 68. Одним из постоянных лидеров рейтинга является США (5 место с индексом 58, см. приложение 1), поэтому стоит описать американский опыт благотворительных фондов.

В США волонтерское движение приобрело особое значение, начав свое развитие еще в XIX веке. В те времена волонтеры активно поддерживали работу различных некоммерческих организаций, и уже в 1835 году интерес американцев к волонтерской деятельности был отмечен Алексисом де Токвилем [2].

Корпорация национального и общественного служения (Corporation for National and Community Service или CNCS), известная также как КНОС, представляет собой американское государственное агентство, которое привлекает в свою активность множество волонтеров. Организация осуществляет свою деятельность в шести направлениях таких, как услуги по предотвращению стихийных бедствий и ликвидации их последствий; экономические возможности; образование; национальное использование ресурсов окружающей среды; здоровое будущее; семьи ветеранов и военных. Каждый год компания набирает более 200,000 человек для работы в организациях, вносящих изменения в жизнь общин по всей Америке [3].

Согласно отчету КНОС о финанси-

ровании волонтерских программ в период с 2020 по 2021 год заметен прирост на 16744 \$ (с 1,104,358 \$ до 1,121,102 \$ соответственно), а к 2022 году произошел общий прирост показателя до 1,150,636 \$. Наконец, за промежуток 2023 года расходы организации составили 1,312,806 \$. Можно отметить, что за 4 года заметно плавное общее увеличение финансирования добровольческих программ.

В штатах США волонтеры представлены представителями самых разных возрастов и сфер профессиональной деятельности, а также представителями разнообразных социальных групп. Превышающее половину общественного контингента в настоящий момент среди американцев присутствие в добровольческом процессе, и заметное количество из них выделяют, что их способность побуждает разнообразие и радость, извлекаемые из упомянутой формы деятельности.

Необходимо отметить, что в американском контексте волонтерская работа структурирована с учетом организационных аспектов. Согласование отношений между участниками волонтерства и принимающими организациями проводится по средствам документов, где прописаны четкие условия, характер и объем выполняемой работы. Кроме того, волонтерская деятельность учитывается в процессе учета трудового стажа в США.

Также следует отметить, что в Америке волонтерская деятельность часто ассоциируется с молодежью. На университетском уровне волонтерская деятельность студенческих клубов занимает важное место, рассматриваясь как средство нравственного развития молодежи и формирования гуманистических качеств. Национально волонтерская работа рассматривается как

важный аспект социальной активности студентов, предоставляя альтернативу другим формам внешкольной деятельности.

В США университеты активно взаимодействуют с местным сообществом в рамках волонтерской деятельности для решения различных социальных проблем. Такая деятельность рассматривается как социально значимая альтернатива другим видам внешкольной активности студентов, что способствует решению разнообразных социальных проблем в сотрудничестве с местным сообществом.

Год от года, под ЮНЕСКО, организовывает около 500 волонтерских лагерей в мировом масштабе. Организации, которые регулируют эти инициативы, принимают от 15 до 25 волонтеров, стремясь ограничить представителей из одной страны до двух человек. Страна, которая принимает волонтеров полностью обеспечивает проживание, питание и культурные мероприятия, в то время как расходы на транспорт и страхование возлагаются на самих волонтеров.

Участие в волонтерской деятельности является добровольным, важно придерживаться принципов ответственности, следование установленным нормам и требованиям. В США для поиска подходящих возможностей волонтерства используются волонтерские центры, и сейчас в стране функционирует более 500 таких структур.

В Японии имеется более 3300 центров волонтерства, охватывающих практически все муниципалитеты страны. Специалисты отмечают, что уровень развития волонтерства в Японии зависит от политико-экономической обстановки, состояния некоммерческого сектора, рынка труда, культурных факторов и других аспек-

тов. Опыт государств Европы подчеркивает роль законодательной базы, создающей условия для развития волонтерской деятельности.

История возникновения волонтерства в Австралии приходится на период Первой и Второй мировых войн. Организации такие, например, как «Красный Крест», привлекали множество добровольцев, что в последствие привело к созданию объединения «Наследие» в 1914 году. Вдобавок отметим, что организация существует и в наше время, ее деятельность направлена на помощь семьям военнослужащих. Сегодня в Австралии существует около 700,000 некоммерческих и общественных организаций, в деятельности которых принимают участие 5,2 миллиона добровольцев.

«Волонтеры Австралии» (Volunteering Australia) (Далее — ВА) является некоммерческой организацией, которая занимается продвижением волонтерства на государственном уровне. Стоит отметить, что НКО представляет собой связующее звено между добровольческими центрами Австралии. ВА осуществляет различные услуги: для принимающих волонтеров организаций; волонтеров; бизнеса и школ. Также организация проводит различные проекты, а именно национальные недели волонтерства и конференции.

Волонтерские программы за рубежом представляют возможность для участников посвятить время и навыки социальным, экологическим и общественным проектам в зарубежных странах. Эти программы организуются некоммерческими организациями, благотворительными организациями, неправительственными организациями или государственными органами. Целью этих программ является поддержка межкультурного взаимопонимания,

устойчивого развития и позитивных изменений в местных сообществах [4].

Роль добровольческого сектора в России постоянно увеличивается. Деятельность неправительственных организаций способствует урегулированию интересов социальных групп и препятствует возникновению проблем, связанных с их функционированием в обществе. Некоммерческие организации объединяют значительную часть населения и предоставляют качественные социальные услуги.

В России в настоящее время насчитывается 3 927 748 волонтеров, которые провели 344 783 волонтерских мероприятия [5]. При этом 71% волонтеров являются женщинами, а 29% – мужчинами. Большинство волонтеров (около 66%) составляют молодые люди в возрасте до 24 лет, в то время как 24% волонтеров – это люди возрастной группы от 25 до 44 лет [5].

Основными получателями услуг волонтерских организаций являются некоммерческие организации в третьем секторе. Третий сектор определяется как сфера деятельности, не связанная ни с государством (первый сектор), ни с бизнесом и предпринимательством (второй сектор). Распределение волонтерских мероприятий по видам организаторов представлено на рис. 2. Из рис. 2 видно, что школы являются наиболее активными организаторами волонтерских мероприятий. Их число составляет 15 808 единиц. Государственные учреждения также активно вовлечены в организацию волонтерских мероприятий. Их число составляет 15 318 единиц. Некоммерческие организации (НКО) также активно участвуют в организации волонтерских мероприятий. Их число составляет 11 163 единиц.

Общественные объединения так-

же принимают участие в организации волонтерских мероприятий, хотя и в меньшей степени по сравнению с предыдущими категориями. Их число составляет 6 826 единиц. Коммерческие организации также участвуют в организации волонтерских мероприятий, но их количество значительно меньше по сравнению с предыдущими категориями. Их число составляет 2 667 единиц. ССУЗы (средние специальные учебные заведения) и ВУЗы также принимают участие в организации волонтерских мероприятий, но их количество ниже по сравнению с предыдущими категориями. Число ССУЗов составляет 1 673 единицы, а количество ВУЗов – 1 641. Органы власти также участвуют в организации волонтерских мероприятий, но их количество наименьшее по сравнению с предыдущими категориями. Их число составляет 1 193 единицы.

«Ассоциация волонтерских центров» создана девять лет назад и объединяет более 120 волонтерских организаций. Миссия организации – сделать волонтерство нормой жизни. НКО совершило свыше 560000 добрых дел в компании 99356 организаций, в которую вхоже практически шесть миллионов волонтеров [6].

Росмолодежь. Добро – это федеральная программа, которая реализует проекты в сфере добровольчества. Она была создана в рамках государственной молодежной политики и направлена на поддержку молодежных инициатив и развитие волонтерского движения.

Основные направления деятельности «Росмолодежь. Добро» включают организацию форумов, конкурсов, акций и мероприятий, направленных на популяризацию добровольчества и вовлечение молодежи в волонтерскую деятельность. Также программа предоставляет обучение и консультации для

волонтеров и организаторов волонтерской деятельности и поддержку в реализации проектов.

«Росмолодежь. Добро» активно сотрудничает с другими государственными и негосударственными организациями, а также с международными партнерами в области добровольчества.

«Мосволонтер» – это городская волонтерская программа, которая была создана для поддержки и развития волонтерского движения в Москве. Организация позиционирует себя, как сплоченную команду добровольцев, для которых нет чужих бед и проблем и есть одно общее дело. «Мосволонтер» занимается развитием и поддержкой более 10 направлений добровольчества [7]. Организация занимается координацией волонтерской деятельности в городе, предоставляет обучение и поддержку волонтерам, а также помогает в организации и проведении различных мероприятий и проектов. За время её работы было сделано 620 добрых дел и привлечено более 7300 волонтеров.

В России участие в волонтерском движении охватывает от 2% до 6% населения, что заметно ниже уровня в некоторых других странах. Тем не менее, результаты опросов ВЦИОМ свидетельствуют о том, что приблизительно 40% россиян проявляют интерес к волонтерству, включая 53% молодежи. Это подчеркивает осознание современной молодежью важности участия в волонтерском движении. Для них волонтерство не только представляет собой возможность помощи и решения собственных проблем, но и способ самореализации, социализации, а также интеграции в социально-экономическую жизнь общества [8].

В России, в контексте современных демократических изменений, отмечается увеличение активности гражданских

инициатив, что становится отправной точкой для развития волонтерского движения. В отличие от зарубежного опыта, в России волонтерство привлекается через деятельность некоммерческих организаций, которые активно формируются в стране в последние 15 лет [9]. Этот факт свидетельствует о росте активности граждан и их инициативности в различных сферах жизни российского общества.

К примеру, в 1995 году Центр развития добровольчества провел первую акцию с участием 10 000 московских волонтеров, и к 2006 году эта цифра увеличилась почти в 80 раз [10].

По данным Росстата, основными направлениями добровольческой деятельности являются социальные работы, благоустройство и очистка территории населенного пункта, а также оказание помощи животным. Однако, согласно информации на сайте DOBRO.RU, лидирующими направлениями являются работа с детьми и молодежью, культура и искусство, а также поддержка ветеранов и историческая память. Федеральное статистическое наблюдение в области государственной молодежной политики за 2021 год также указывает на важность образования, гражданско-патриотического воспитания и социальной поддержки, а также социального обслуживания населения в сфере добровольчества [11].

Таким образом, характерной чертой российского волонтерства является активное участие молодежи, в основном студентов и школьников. В различных регионах России уже сложился положительный опыт развития волонтерских инициатив, и мы можем отметить устойчивое взаимодействие между волонтерскими организациями и государственными структурами на различных уровнях. С 1995 года в Рос-

сии отмечается Международный день волонтеров, а с 1997 года проводится Весенняя неделя добра. С 2000 года в России и по всему миру ежегодно отмечается Всемирный день молодежного служения, направленный на активизацию творческого потенциала граждан и институтов гражданского общества, а также на совместное решение важных социальных задач при сотрудничестве с государственными органами [12].

В конечном итоге можно подчеркнуть, что опыт предоставления услуг волонтерскими и некоммерческими организациями в России и за рубежом во многом аналогичен. С каждым годом усиливается поддержка со стороны государства для неправительственных некоммерческих организаций, особенно тех, которые ориентированы на работу с молодежью. Это направление является приоритетом в государственной политике не только России, но и других стран.

Как зарубежные, так и отечественные волонтерские организации стремятся к достижению своих целей, используя различные методы и сотрудничая с другими организациями. Оценка результатов позволяет организациям корректировать свои стратегии и улучшать свою работу.

Оценки социально-экономической эффективности волонтерских организаций могут включать различные показатели: количество волонтеров и участников программ, уровень удовлетворенности участников программ, влияние программ на местное сообщество, экономический эффект от участия волонтеров, оценка социального воздействия программ.

Повышение социально-экономической эффективности может быть достигнуто за счёт улучшения координации между волонтерскими органи-

зациями и местными сообществами, расширения возможностей для участия различных групп населения, а также улучшения инфраструктуры и ресурсов для волонтеров.

Анализ зарубежного и отечественного опыта добровольческой деятельности показывает, что добровольческий сектор играет важную роль в урегулировании социальных интересов и предоставлении качественных услуг. В России добровольчество активно развивается, с ростом числа добровольцев и организаций. Прогнозы предвещают дальнейшее расширение этой сферы.

Список литературы

1. Кисляков П.А. Социально-психологический анализ образа благотворительности и добровольчества в цифровой среде // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5 (171). С. 322-346.
2. Митина Ю.М. Коммуникации НКО в условиях кризиса // В сборнике: Рекламный вектор-2022: цифровая трансформация. Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции. – Москва, 2022. С. 53-57.
3. Гусейнов Э.К. Некоммерческие организации в сфере услуг социальной защиты // Дискуссия. 2017. № 11. С. 41
4. Нвадики М. Лучшие волонтерские программы за рубежом 2023 года // URL: <https://businessyield.com/ru/travel/volunteer-abroad-programs/> (Дата обращения: 15.05.2025)
5. Шаяхметова Р.Р. Волонтерство: анализ нормативно-законодательной базы // Russian Studies in Law and Politics. 2022. Т. 6. № 3-4. С. 69-91 (С. 74).
6. Палибина А.С. Некоммерческие организации в системе социального обслуживания населения // Дискуссия. 2017. № 10. С. 84.
7. Бунева Р.И. Проблемы развития некоммерческих организаций. // URL: <http://www.stu.lipetsk.ru/files/materials/612/buneeva.doc>. (Дата обращения: 15.05.2025)
8. Добровольчество: история, современное состояние и перспективы в России. // URL: http://dobraya.karelia.ru/file.php/id/f3996/name/бодренкова_развитие%20добровольчества.pdf (Дата обращения: 15.05.2025)
9. Захарова А.А., Мухина О.Д. Волонтерство как одно из направлений модернизации социальной работы // В сборнике: Педагогика и психология как ресурс развития современного общества. Научные статьи XIII Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией Л.А. Байковой, Н.В. Евтешинной, Н.А. Фоминой. Рязань, 2022. С. 91-95.
10. Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО: учебник / А.П. Метелев, Ю.С. Белановский, Н.И. Горлова и др.; отв. ред. И.В. Мер-

сиянова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2022. 456 с.

11. Резюме результатов научно-исследовательской работы на тему: «Изучение практики и особенностей развития добровольчества в Российской Федерации, в том числе уровня востребованности волонтерского труда в различных сферах» // URL: <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/nir-dobrovolchestvo.pdf> (Дата обращения: 15.05.2025)
12. Добровольчество: история, современное состояние и перспективы в России. // URL: http://dobraya.karelia.ru/file.php/id/f3996/name/бодренкова_развитие%20добровольчества.pdf (Дата обращения: 15.05.2025)

References

1. Kislyakov P.A. Social and psychological analysis of the image of charity and volunteerism in the digital environment // Monitoring public opinion: economic and social changes. 2022. № 5 (171). P. 322-346.
2. Mitina Yu.M. Communications of NPOs in times of crisis // In the collection: Advertising vector-2022: digital transformation. Proceedings of the XVI All-Russian scientific and practical conference. – Moscow, 2022. P. 53-57.
3. Guseinov E.K. Non-profit organizations in the field of social protection services // Discussion. 2017. № 11. P. 41
4. Nwadike M. The Best Volunteer Programs Abroad in 2023 // URL: <https://businessyield.com/ru/travel/volunteer-abroad-programs/> (15.05.2025)
5. Shayakhmetova R.R. Volunteering: Analysis of the Regulatory Framework // Russian Studies in Law and Politics. 2022. Vol. 6. № 3-4. P. 69-91 (P. 74).
6. Palibina A.S. Non-profit Organizations in the System of Social Services to the Population // Discussion. 2017. № 10. P. 84.
7. Buneva R.I. Problems of Development of Non-profit Organizations. // URL: <http://www.stu.lipetsk.ru/files/materials/612/buneeva.doc>. (15.05.2025)
8. Volunteering: history, current state and prospects in Russia. // URL: http://dobraya.karelia.ru/file.php/id/f3996/name/бодренкова_развитие%20волока.pdf (15.05.2025)
9. Zakharova A.A., Mukhina O.D. Volunteering as one of the areas of modernization of social work // In the collection: Pedagogy and psychology as a resource for the development of modern society. Scientific articles of the XIII International Scientific and Practical Conference. Under the general editorship of L.A. Baykova, N.V. Evteshina, N.A. Fomina. Rязань, 2022. P. 91-95.
10. Organization of volunteer activities and interaction with socially oriented NPOs: textbook / A.P. Meteev, Yu.S. Belanovsky, N.I. Gorlova et al.; ed. I.V. Mersyanova; Nat. Research University "Higher School of Economics". – M.: National Research University Higher School of Economics, 2022. 456 p.
11. Summary of the results of research work on the topic: "Study of the practice and features of the development of volunteerism in the Russian Federation, including the level of demand for volunteer work in various spheres" // URL: <https://nko.economy.gov.ru/upload/docs/nir-dobrovolchestvo.pdf> (15.05.2025)
12. Volunteering: history, current state and prospects in Russia. // URL: http://dobraya.karelia.ru/file.php/id/f3996/name/бодренкова_развитие%20волока.pdf (15.05.2025)

Коробкина М.А.

Кандидат социологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, факультет управления и психологии, кафедра управления персоналом и организационной психологии.

Саратовцева Д.

Магистр. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, факультет управления и психологии, кафедра управления персоналом и организационной психологии.

Ассесмент-центр: анализ опыта и особенностей применения в организации транспортной отрасли*

Аннотация. В данной статье рассматривается ассесмент-центр, как один из методов оценки персонала на предприятии транспортной отрасли.

В статье анализируются следующие аспекты:

Понятие и сущность ассесмент-центра, основные методы оценки, которые используются в методике, необходимость его применения на современных предприятиях.

Процесс организации и проведения ассесмент-центра на примере российской организации: описание этапов проведения ассесмент-центра, его основных целей, периодичности проведения.

Рекомендации по улучшению ассесмент-центра в исследуемой организации: привлечение сторонних наблюдателей-экспертов, рассмотрение возможности проведения онлайн-ассесмента, определение и документация четкой модели компетенций.

Основное внимание уделяется анализу методики ассесмент-центра, как комплексного подхода к оценке персонала на современном предприятии, которое обеспечивает конкурентоспособность и формирование сильного кадрового резерва, с помощью которого предприятия могут быстро реагировать на изменения в структуре рынка и грамотно проводить ротацию персонала.

Правильно организованная процедура ассесмент-центра дает возможность всесторонне проанализировать профессиональный и личностный потенциал сотрудников, оценивая не только их профессиональные компетенции, но и гибкие навыки – включая коммуникативные способности, лидерские качества, креативное мышление и т.д. Он обеспечивает высокий уровень объективности за счет системного подхода и многоуровневой оценки, что способствует интеграции системы оценки в стратегическое управление персоналом. Это позволяет формировать кадровый резерв, который соответствует актуальным и перспективным задачам компании, укрепляя ее позиции за счет развития талантов и продуманных кадровых решений.

Ключевые слова: управление персоналом, транспортная сфера, ассесмент-центр, центр оценки, методы оценки, оценка персонала, развитие сотрудников, кадровый резерв, конкурентоспособность.

Korobkina M.A.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Kuban State University, Krasnodar, Faculty of Management and Psychology, Department of Personnel Management and Organizational Psychology.

* © Коробкина М.А., Саратовцева Д., 2025.

Ассесмент-центр: анализ опыта и особенностей применения в организации транспортной отрасли

Saratovtseva D.

*Magister. Kuban State University, Krasnodar,
Faculty of Management and Psychology,*

Department of Personnel Management and Organizational Psychology.

Assessment Center: analysis of experience and application features in the organization of the transport industry

Abstract. This article discusses the assessment center as one of the methods for assessing personnel at an enterprise of the transport industry.

The article analyzes the following aspects:

The concept and essence of an assessment center, the main assessment methods used in the methodology, the need for its application in modern enterprises.

The process of organizing and conducting an assessment center using the example of a Russian organization: a description of the stages of conducting an assessment center, its main goals, and the frequency of conducting it.

Recommendations for improving the assessment center in the organization under study: involving third-party expert observers, considering the possibility of conducting online assessment, defining and documenting a clear competency model.

The main attention is paid to the analysis of the assessment center methodology as an integrated approach to assessing personnel at a modern enterprise, which ensures competitiveness and the formation of a strong personnel reserve, with the help of which enterprises can quickly respond to changes in the market structure and competently rotate personnel.

A properly organized assessment center procedure allows for a comprehensive analysis of the professional and personal potential of employees, assessing not only their professional competencies, but also their soft skills – including communication skills, leadership qualities, creative thinking, etc. It ensures a high level of objectivity due to a systematic approach and multi-level assessment, which facilitates the integration of the assessment system into strategic personnel management. This allows for the formation of a personnel reserve that meets the current and future objectives of the company, strengthening its position through talent development and well-thought-out personnel decisions.

Key words: personnel management, transport sector, assessment center, assessment center, assessment methods, personnel assessment, employee development, talent pool, competitiveness.

Введение

Проблема исследования.

Успешная деятельность требует от организаций не только гибкости и быстрой адаптации к складывающимся изменениям, но и стратегического видения, позволяющего им предвидеть будущие потребности рынка и в соответствии с ними развивать свои компетенции, инвестировать в развитие необ-

ходимых навыков и технологий. Решая возникающие задачи, связанные с эффективным развитием и укреплением своей позиции в условиях динамически развивающегося рынка, организация сталкивается с необходимостью формирования и развития своего человеческого капитала – состава наиболее талантливых и одаренных сотрудников, обладающих необходимыми компетен-

циями, которые отвечают на актуальные и перспективные задачи.

На фоне этого все большую практическую и стратегическую востребованность получают комплексные методы диагностики, которые позволяют получить детальную и полную картину о возможностях кандидата, его подготовке к предполагаемой должности и потенциале развития. Одним из инструментов, позволяющих сформировать качественный резерв организации, является центр оценки (англ. Assessment Center).

Первые документы, где как-либо упоминается технология и специфика ассесмент-центра, относят к 1942 году. Иен Баллантайн и Н.Пова в своей книге пишут, что подобные процедуру проводила как армия Великобритании, так и руководство Третьего Рейха при процедуре отбора офицеров. В жизнь гражданских лиц эта технология вошла уже в 1945 году, когда с ее помощью стали массово отбирать чиновников и сотрудников дипломатических служб. Позже компания AT&T, организовавшая масштабное исследование, перевернула мир бизнеса и подарила нам название «ассесмент-центр». В Россию методика ассесмент-центра пришла в 1980-х годах.

Изучая различные материалы, научные пособия и результаты исследований, можно выделить основные понятия ассесмент-центра, которые предлагают нам авторы и сформулировать ассесмент-центр как комплексную современную методику, направленную на оценку потенциала и достижения профессионального успеха оцениваемого сотрудника. За ходом проведения ассесмент-центра следят эксперты, они же ассессоры, которые по заранее обговоренному и утвержденному перечню компетенций оценивают со-

трудников и их поведение во время выполнения групповых и индивидуальных заданий.

Список задач ассесмент-центра неисчерпаем, и каждая организация формирует их в соответствии со своими потребностями и конкретными бизнес-задачами. Важно, чтобы поставленные задачи не противоречили стратегии развития организации и не оказывали негативного влияния на оцениваемый персонал. В целом, можно выделить следующие общие задачи:

- подбор персонала в организацию;
- оценка навыков и компетенций сотрудников, а также их потенциала для выполнения задачи в профессиональной деятельности;
- выявление лидерских качеств, необходимых для решения задач на руководящих должностях;
- создание или пополнение кадрового резерва на руководящие должности;
- планирование программ для развития способностей сотрудников.
- анализ и определение точек роста и развития оцениваемых сотрудников, разработка планов индивидуального развития;
- формирование управленческой команды и организация корпоративного обучения;
- оптимизация процесса управления персоналом и т.д.

Данную методику используют для выявления лидерских качеств, планирования карьерного пути и выявления эффективности работы сотрудников. Она позволяет оптимизировать управленческие решения и грамотно подходить к развитию человеческого капитала организации для обеспечения конкурентоспособности и устойчивости на динамично-развивающемся рынке.

Описание методики исследования

В качестве методик исследования для анализа российского опыта применения ассесмент-центра на примере организации транспортной сферы были выбраны: анализ документационной базы и интервьюирование.

Анализ документов включал в себя:

- внутренние нормативные акты, регламентирующие процесс и организацию ассесмент-центра;

- отчеты о проведенных ассесментах и аналитику: статистику по кадровым решениям, динамику показателей эффективности сотрудников после оценки;

- методические материалы: кейсы, сценарии ролевых игр, критерии оценки, бланки ассессоров, рабочая тетрадь ассессора.

При анализе документации мы смогли выявить этапы, цели ассесмента, выявить связь упражнений с оцениваемыми компетенциями. Мы также оценили соответствие методики требованиями ассесмент-центра, прописанных в Российском стандарте.

Интервьюирование помогло нам собрать качественные данные через диалог с сотрудниками и руководителями, которые задействованы в проведении ассесмент-центра. Мы задали им 18 вопросов, которые касались процедуры оценивания, ее целей и возможных проблем, которые могут возникать в процессе проведения методики. В процессе мы сфокусировались на: восприятии процедуры организаторами, практических сложностях, эффективности ассесмент-центра для организации, о планах изменений процедуры в будущем.

Комбинация анализа документов и интервью обеспечивает триангуляцию данных:

- документы показали нам «официальную картину» - то, как процедура

должна работать;

- с помощью интервью мы смогли рассмотреть реальную практику – как все работает в действительности, включая человеческий фактор.

Использование двух методов исследования позволило нам описать существующую практику, проверить ее на соответствие стандартам ассесмента и предложить рекомендации по улучшению ассесмент-центра в дальнейшем.

Результаты исследования опыта проведения ассесмент-центра на примере российской организации.

На первом этапе исследования были изучены документы, которая нам предоставила группа обучения компании:

- график ассесмент-центра на 01.07.2021 – таблица с упражнениями, временем, местами проведения и ответственными тренерами;

- рабочая тетрадь ассессора, состоящая из 25 страниц, которая включала в себя: теоретическую часть (принципы, задачи, термины ассесмент-центра) и практические материалы (примеры оценочных листов, методы оценки, модель «Айсберг»). Данная тетрадь используется в процессе обучения ассессоров;

- пример расписания ассесмент-центра – трехдневный план с подробным описанием процесса проведения ассесмент-центра: 1 день: упражнения для участников (аналитические кейсы, ролевые игры, тесты, групповая дискуссия) и оценку наблюдателей; 2 день: интеграционная сессия с организаторами; 3 день: индивидуальная обратная связь участниками (1,5 часа на 1 человека) и подготовка отчетов;

- бланки оценки – для кейсов «Очередная жалоба» и «Горячая неделька»:

С помощью кейса «Очередная жалоба» оцениваются следующие компетенции:

- достижение целей (результатив-

ность), где оценивается умение сотрудника разбивать поставленную цель на задачи, расставлять приоритеты и достигать результата, своевременно решать возникающие проблемы;

– ориентация на клиента, где оценивается понимание потребностей как внешних, так и внутренних клиентов и ориентация на них в процессе выполнения своей работы. Также оценивается умение принимать на себя личную ответственность и способность своевременно исправлять возникающие проблемы;

– развитие и мотивация подчиненных, где оценивается умение участника использовать различные виды мотивации, способность вовлекать в процесс принятия решений других участников группы и способность делегировать и распределять задачи.

С помощью кейса «Горячая неделя» оцениваются следующие компетенции:

– командная работа, где оценивается умение управления командным взаимодействием, ориентация на команду и способность конструктивно разрешать возникающие противоречия между участниками;

– анализ и стратегическое мышление, где оценивается умение видеть и решать проблемы, применяя разные подходы, умение анализировать информацию и устанавливать причинно-следственные связи;

– ответственность и принятие решений, где оценивается способность участника брать на себя ответственность и своевременно принимать решения, а в случае необходимости прибегать к бескомпромиссному пути решения проблем.

– оценочная форма – таблицы с поведенческими индикаторами по 6 компетенциям (бизнес-мышление, са-

моконтроль, навыки ведения переговоров, проектный менеджмент, целеустремленность), шкалой оценки (1-5 баллов) и резюме данных.

В качестве методов диагностики используются как индивидуальные методы оценивания, так и групповые. Среди них: интервью, оценка эффективности выполнения задач, проектная работа, анализ деловых ситуаций, групповая дискуссия, ролевые игры, а также система фиксации индикаторов проявления оцениваемых компетенций

На этапе интервью было опрошено три сотрудника, которые занимаются обучением и развитием сотрудников в компании, среди них: менеджер по развитию персонала, руководитель по подбору, обучению, развитию и оценке персонала, дирекции по персоналу, руководитель группы обучения и оценки персонала дирекции по персоналу на одном из предприятий компании.

Интервью состояло из 18 вопросов. Оно позволило проанализировать текущую ситуацию с вопросами организации ассесмент-центра в компании, его целей и области применения.

Мы выяснили, что оценка методом ассесмент-центра в компании проводится с 2011 года. В 2011 году после проведения обучения, своими силами в компании было создано руководство по ассесмент-центру и оценен кадровый резерв организации. В компании на данный момент используется оценка разными способами и для разных целей, мы смогли узнать про следующие программы:

– ассесмент-центр для руководителей и кадрового резерва на ключевые позиции;

– программа развития лидеров, запущенная в 2017 году и используемая для развития перспективных сотрудников;

– оценка компетенций сотрудников в рамках онлайн-тестирований;

– оценка по техническому минимуму в корпоративной системе дистанционного обучения.

Последний ассесмент-центр в организации проводился в ноябре 2023 года при участии сотрудников предприятий компании, находящихся в разных городах России. В нем принимали участие сотрудники кадрового резерва, включенные в программу развития лидеров. В организации ассесмент-центра принимали участие организаторы и координаторы процесса, тренеры и наблюдатели-эксперты. В число наблюдателей входили представители службы HR, являющиеся квалифицированными ассесорами и сотрудники отделов, выступающие в роли модераторов процесса оценки персонала. Целью проведения данного ассесмент-центра была оценка компетенций сотрудников, включенных в кадровый резерв компании в рамках развивающей программы лидеров и формирование дальнейших планов развития.

Подбор и обучение наблюдателей-экспертов проходил при участии организаторов ассесмент-центра и с помощью привлеченной сторонней организации, которая профессионально занимается вопросами оценки, обучения и развития персонала. Заказчиком проведения ассесмент-центра была управляющая компания, для этого были отобраны два ключевых сотрудника, которые занимались оценкой и её организацией. Далее руководителем по подбору, обучению, развитию и оценке персонала в компании были отобраны специалисты, которых необходимо было обучить и включить в предстоящий процесс оценки персонала. Как было отмечено ранее, для обучения были привлечены контрагенты

– сертифицированные сторонние организации, на базе которых сотрудники проходили обучение проведению ассесмент-центра. Обучение состояло из двух основных блоков: теоретической и практической частей:

Целью первого этапа было обучение сотрудников распознаванию и пониманию специфики различных аспектов оценки в работе. Второй этап был практическим и включал в себя отработку навыков оценки в различных ситуациях.

Результатом проведенного в 2023 году ассесмент-центра стало выявление сильных и слабых сторон сотрудников, после анализа которых участникам была предоставлена обратная связь, рекомендации по развитию их компетенций, а также определение и подготовка кадрового резерва на ключевые должности. То есть цели, в связи с которыми проводился ассесмент-центр, были достигнуты.

Руководитель группы обучения и оценки персонала дирекции по персоналу одного из предприятий компании: «По результатам проведенной оценки сотрудники получают рекомендации по развитию, формируют план и занимаются повышением управленческих компетенций и формируют свой дальнейший карьерный трек.»

Результаты проведенного ассесмент-центра были использованы для:

– определения состава кадрового резерва;

– формирования планов индивидуального развития;

– планирования программ развития и тренингов;

– повышения эффективности работы сотрудников и развития их компетенций.

При организации ассесмент-центра в исследуемой компании, организаторам не приходилось сталкиваться с

негативной обратной связью от участников и наблюдателей. Отвечающие связывают это организацией предоставления и сбора обратной связи.

Внедрять новые методы ассесмент-центра на сегодняшний день организация не планирует:

Менеджер по развитию персонала: «Процедура оценки в компании применяется уже не один год, результаты оценки удовлетворяют нас и участников, новые методы пока применять не планируется, но если руководство скажет о необходимости внедрения новых мероприятий, обязательно подумаем на этот счет.»

Руководитель группы обучения и оценки персонала дирекции по персоналу одного из предприятий компании: «Все методы оценки у нас разработаны и утверждены, внедрение новых в ближайшее время не планируется вносить изменения в процедуру.»

Выводы и рекомендации

Ассесмент-центр – это комплексная современная технология оценки персонала, направленная на оценку потенциала и возможности к достижению профессионального успеха оцениваемого сотрудника. В области управления персоналом она используется как инновационный метод. Ассесмент-центр применяется в организациях для решения ряда задач и в соответствии со стратегическими целями организации, он может быть применен как для подбора персонала, так и для формирования кадрового резерва организации и подбора руководителей высшего звена.

На основании проведенного анализа документов и интервью, на данный момент мы можем составить следующие рекомендации:

1. Формирование четкой модели компетенций для проведения следую-

щего ассесмент-центра.

2. Привлечение сторонних экспертов-наблюдателей. Из интервью мы узнали, что в качестве ассессоров привлекаются сторонние организации, которые проходят обучение ассесмент-центру на базе организации-контрагента. Несмотря на это мы считаем важным привлечение стороннего наблюдателя, так как это только повысит степень беспристрастности оценок и объективность их выставления. Внутренние эксперты, не смотря на структуру проведения, жесткие принципы и правила, о которых говорили руководители, могут предвзятно выносить оценку и задействовать субъективное мнение.

3. Автоматизация процесса ассесмент-центра позволит сэкономить время, увеличить охват. Так как в процедуре ассесмент-центра участвуют сотрудники трех аэропортов, то на наш взгляд проведение онлайн-ассесмента позволит сэкономить время сотрудников и организаторов, не потеряв при этом количество участников. Одним из препятствий на пути реализации онлайн-ассесмента может стать недостаток IT-специалистов, которые должны отвечать за бесперебойный доступ и связь.

Список литературы

1. Агапова Е.Н. Оценка потенциала как фактор управления карьерой персонала // Народное образование. 2014. № 6. С. 113-122.
2. Аксенова Е.А. Стратегический ассесмент: Как сформировать человеческий ресурс организационных изменений: Учебное пособие для студентов вузов / Е.А.Аксенова. – М.: Аспект Пресс, 2008.
3. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг – СПб: Питер, 2010.
4. Базаров Т.Ю. Технология центров оценки персонала: процессы и результаты: практическое пособие / Т.Ю.Базаров. – Москва: КноРус, 2023.
5. Базаров Т.Ю., Еремин Б.Л. Управление персоналом / Базаров Т.Ю., Еремин Б.Л. – М.: ЮНИТИ, 2005.
6. Баллантайн И., Пова Н. Ассесмент-центр. Полное руководство / Иен Баллантайн, Найджел Пова. Второе издание. – М.: ГИППО, 2008.

7. Барышникова Е.И. Оценка персонала методом ассесмент-центра / Е.И.Барышникова. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
8. Братчикова А.А., Шарин В.И. Теоретико-методологические основы оценки персонала организации // Human Progress. 2021. № 1.
9. Быков А.С. Анализ деятельности персонала как конкурентное преимущество организации // Проблемы науки. 2017. № 6.
10. Вудраф Ч. Центры развития и оценки / Чарльз Вудраф. – М.: НИРРО, 2005.
11. Вязигин А.В. Центры развития оценки. Пер. с англ. – М.: НИРРО, 2005.
12. Герберт Д., фон Розенштиль, Л. Организационная психология. Человек и организация. – Х.: Издательство Гуманитарный центр, 2006.
13. Гуревич А.М. Ассесмент: принципы подготовки проведения / А.М. Гуревич. – СПб.: Речь, 2005.
14. Еврофеев А.К. Диагностический подход к оценке человеческих ресурсов // Методы практической социальной психологии: Диагностика. Консультирование. Тренинг: Учеб. пособие для вузов / Ю.М. Жуков., А.К. Еврофеев., С.А. Липатов., и др.; Под. ред. Ю.М. Жукова. – М.: Аспект Пресс, 8. 2004.
15. Иванова М.Н. Кадровая политика в управлении персоналом. Учебное пособие / М.Н. Иванова – Москва: Инфа-М, 2019.
16. Кляйнманн, М. Ассесмент-центр. Современные технологии оценки персонала / М.Кляйнманн. – Х.: Гуманитарный центр, 2004.
17. Лайкер Д., Майер Д. Талантливые сотрудники. Воспитание и обучение людей в духе дао Тойота / Д. Лайкер., Д.Майер. – Альпина Паблишер, 2018.
18. Литвина С.А., Еварович С.А. Ассесмент-центр как технология оценки компетенций персонала в практике государственного управления: Учебное пособие / С.А. Литвина., С.А. Еварович. – Томск, 2013.
19. Мотовилин О.Г., Мотовилина И.А. Оценка персонала в современных организациях. Ассесмент-технологии. профессиональная. Организационная диагностика / О.Г. Мотовилин, И.А. Мотовилина. – М.: 2009.
20. Пугачев В.П. Тесты, деловые игры, тренинги в управлении персоналом: Учеб. для студентов вузов / В.П. Пугачев. – М.: Аспект Пресс, 2003.
21. Сергиенко С.К. Современные отечественные технологии оценки и развития управленческого персонала / С.К. Сергиенко. – М.: Книжный мир, 2004.
22. Сгояннов И.А. Проблемы оценки персонала: обзор, критический анализ и решение задачи // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 1. С. 208-214.
23. Страдвик Л. Центры оценки и развития. Тренинг наблюдателей. Сборник упражнений для обучения наблюдателей, ролевых игроков и экспертов / Л. Страдвик. – М.: НИРРО, 2003.
24. Супрунова М.А. Нетрадиционные методы оценки персонала / М.А. Супрунова, С.М. Самохвалова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2013. № 7. С. 120-124.
25. Чекалдин А.М. Подходы к оценке управления персонала в организациях // Успехи современной науки. 2017. № 4. С. 74-77.
26. Черниенко Е.В. Современные кадровые технологии в системе управления персоналом // Форум молодых ученых. 2019. № 10 (38).
27. Шилей В.В. Проблемы оценки управленческого персонала в современных условиях // Современные исследования проблем управления кадровыми ресурсами. 2016. № 18. С. 349-353.
28. Комсомольская правда: Ассесмент-центр: современный метод оценки персонала. 12.12.2023. // URL: <https://www.kp.ru/guide/assessment-tsentr.html>
29. Макарова Л.В., Джафаров Н.К. Особенности управления персоналом организации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 242-244.
30. Мансуров Р.Е. Настольная книга директора по персоналу 2-е издание перераб. и доп. / Р.Е. Макнуров – Москва: Юрайт, 2019.
31. Масалова Ю.А. Инновационный менеджмент в управлении персоналом. Учебное пособие для вузов / Ю.А. Масалова – Москва: Юрайт, 2021.
32. Маслова В.М. Управление персоналом. Учебник и практикум для вузов. 4-е издание, перераб. и доп. / В.М. Маслова – Москва: Юрайт, 2021.
33. Москвитин Г.И., Козырев В.А., Ярова Т.Н. «Менеджмент и управление персоналом: инновации, цифровые технологии». – Москва: Русайнс, 2020.
34. Михеев Ю., Рюжова Н. Центр оценки шаг за шагом. Навигатор по разработке и проведению / Ю. Михеев, Н. Рюжова – Accent Graphics communications, 2015.
35. Российский стандарт центра оценки. 2014. // URL: https://www.shl.ru/uploads/file/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82_%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80%D0%B0_%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B8.pdf

References

1. Agapova E.N. Potential assessment as a factor in personnel career management // Public education. 2014. № 6. P. 113-122.
2. Aksenova E.A. Strategic assessment: How to form a human resource for organizational changes: A tutorial for university students / E.A. Aksenova. – M.: Aspect Press, 2008.
3. Armstrong M. Human Resource Management Practice / M. Armstrong - St. Petersburg: Piter, 2010.
4. Bazarov T.Yu. Technology of personnel assessment centers: processes and results: a practical guide / T.Yu. Bazarov. – Moscow: KnoRus, 2023.
5. Bazarov T.Yu., Eremin B.L. Personnel management / Bazarov T.Yu., Eremin B.L. – M.: UNITY, 2005.
6. Ballantyne I., Pova N. Assessment center. Complete guide / Ian Ballantyne, Nigel Pova. Second edition. – M.: GIPPO, 2008.
7. Baryshnikova E.I. Personnel assessment by the assessment center method / E.I. Baryshnikova. – M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2013.
8. Bratchikova A.A., Sharin V.I. Theoretical and methodological foundations of personnel assessment in an organization // Human Progress. 2021. № 1.
9. Bykov A.S. Personnel activity analysis as a competitive advantage of an organization // Problems of science. 2017. № 6.
10. Woodruff C. Development and assessment centers / Charles Woodruff. – M.: HIPPO, 2005.
11. Vyazigin A.V. Assessment Development Centers. Translated from English. – M.: HIPPO, 2005.
12. Herbert D., von Rosenstiel, L. Organizational Psychology. Man and Organization. – Kh.: Humanitarian Center

- Publishing House, 2006.
13. Gurevich A.M. Assessment: principles of preparation and implementation / A.M. Gurevich. – St. Petersburg: Rech, 2005.
 14. Evrofeev A.K. Diagnostic approach to human resources assessment // Methods of practical social psychology: Diagnostics. Consulting. Training: Textbook for universities / Yu.M. Zhukov., A.K. Evrofeev., S.A. Lipatov., et al.; Ed. Yu.M. Zhukov. – M.: Aspect Press, 8, 2004.
 15. Ivanova M.N. Personnel policy in personnel management. Textbook / M.N. Ivanova – Moscow: Infa-M, 2019.
 16. Kleinmann, M. Assessment center. Modern technologies for personnel assessment / M.Kleinmann. – H.: Humanitarian center, 2004.
 17. Liker D., Mayer D. Talented employees. Education and training of people in the spirit of Toyota Way / D. Liker., D. Mayer. - Alpina Publisher, 2018.
 18. Litvina S.A., Evarovich S.A. Assessment center as a technology for assessing personnel competencies in public administration practice: Textbook / S.A. Litvina., S.A. Evarovich. – Tomsk, 2013.
 19. Motovilin O.G., Motovilina I.A. Personnel assessment in modern organizations. Assessment technologies. professionography. Organizational diagnostics / O.G. Motovilin, I.A. Motovilina. – M.: 2009.
 20. Pugachev V.P. Tests, business games, trainings in personnel management: Textbook for university students / V.P. Pugachev. – M.: Aspect Press, 2003.
 21. Sergienko S.K. Modern domestic technologies for assessing and developing managerial personnel / S.K. Sergienko. – M.: Knizhny Mir, 2004.
 22. Stoyanov I.A. Problems of personnel assessment: review, critical analysis and solution of the problem // Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev. 2015. № 1. P. 208-214.
 23. Stradwick L. Assessment and Development Centers. Observer Training. A collection of exercises for training observers, role players and experts / L. Stradwick. – M.: HIPPO, 2003.
 24. Suprunova M.A. Non-traditional methods of personnel assessment / M.A. Suprunova, S.M. Samokhvalova // Actual problems of aviation and cosmonautics. 2013. № 7. P. 120-124.
 25. Chekaldin A.M. Approaches to assessing personnel management in organizations // Successes of modern science. 2017. № 4. P. 74-77.
 26. Chernienko E.V. Modern personnel technologies in the personnel management system // Forum of young scientists. 2019. № 10 (38).
 27. Shiley V.V. Problems of assessing management personnel in modern conditions // Modern studies of human resource management problems. 2016. № 18. P. 349-353.
 28. Komsomolskaya Pravda: Assessment Center: a modern method of personnel assessment. 12.12.2023. // URL: <https://www.kp.ru/guide/assessment-tsentr.html>
 29. Makarova L.V., Dzhafarov N.K. Features of personnel management of the organization // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1. P. 242-244.
 30. Mansurov R.E. Handbook of the HR Director 2nd edition, revised and enlarged / R.E. Maknsurov – Moscow: Yurait, 2019.
 31. Masalova Yu.A. Innovative management in personnel management. Textbook for universities / Yu.A. Masalova – Moscow: Yurait, 2021.
 32. Maslova V.M. Personnel management. Textbook and workshop for universities. 4th edition, revised and enlarged / V.M. Maslova – Moscow: Yurait, 2021.
 33. Moskvitin G.I., Kozyrev V.A., Yarova T.N. "Management and personnel management: innovations, digital technologies". – Moscow: Rusains, 2020.
 34. Mikheev Yu., Ryzhova N. Assessment center step by step. Navigator for development and implementation / Yu. Mikheev, N. Ryzhova – Accent Graphics communications, 2015.
 35. Russian standard of assessment center. 2014. // URL: https://www.shl.ru/uploads/file/%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81-%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%82_%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80-%D0%B0_%D0%BE%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B8.pdf

Монахов О.Н.

Кандидат педагогических наук, доцент.

Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского.

Становление правовой компетентности у будущих социальных работников как фактор успешности профессиональной деятельности в поликультурной среде*

Аннотация. Формирование поликультурной среды российского социума связано гармонизацией межнациональных и межкультурных отношений, с правовым закреплением равенства возможностей и гарантий реализации и достижение равенства в наиболее важных сферах общественной жизни. На процессы становления поликультурной среды оказывают дестабилизирующее влияние не только ксенофобия, национализм, деструктивная информация, стереотипы монокультурализма, но и игнорирование проблем интеграции мигрантов в российское общество. Разрешение сложностей адаптации и социализации мигрантов сопряжено с потенциалом социальной работы, со способностью и готовностью социального работника оказывать эффективную правовую помощь.

Цель статьи состоит в исследовании теоретических предпосылок значимости правовой компетентности социальных работников, выявлении и обосновании комплекса средств и методов ее становления у будущих специалистов социальной работы. В ходе исследования осуществлялся контент-анализ научных публикаций, использовались методы теоретического моделирования, синтеза, обобщения и сравнения.

На основе анализа научной литературы выделены юридический и педагогический подходы к выявлению сущности правовой компетентности. Правовая компетентность социального работника рассматривается как составляющая профессиональной компетентности и определяется как способность оказывать правовую помощь в решении социальных проблем. Исходя из социальных ролей, выполняемых социальным работником, структуру и содержание его правовой компетентности включает социально-правовую субкомпетентность, административно-правовую субкомпетентность, коммуникативно-правовую субкомпетентность. Становление правовой компетентности у будущих социальных работников может быть осуществлено путем использования профессионально-ориентированных правовых задач, возникающих в ходе социальной работы с мигрантами, и коммуникативно-правовых тренингов, формирующих умения и навыки взаимодействия с мигрантами с учетом правовых норм и правил коммуникации.

Научная новизна состоит в выявлении структуры и содержания правовой компетентности социального работника. Обоснован комплекс средств становления правовой компетентности у будущих специалистов социальной работы, включающий использование профессионально-ориентированных правовых задачи и коммуникативно-правовых тренингов.

Рассмотренные в статье средства становления правовой компетентности могут быть использованы для оптимизации подготовки специалистов социальной работы.

Ключевые слова: социальные работники, мигранты, правовая компетентность, поликультурная среда.

* © Монахов О.Н., 2025.

Становление правовой компетентности у будущих социальных работников как фактор успешности профессиональной деятельности в поликультурной среде

Monahov O.N.*Candidate of pedagogic, Associate Professor
of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky.*

The development of legal competence among future social workers as a factor in the success of professional activities in a multicultural environment

Abstract. The formation of a multicultural environment of Russian society is associated with the harmonization of interethnic and intercultural relations, with the legal consolidation of equality of opportunities and guarantees of realization and the achievement of equality in the most important areas of public life. The processes of the formation of a multicultural environment are destabilizing not only xenophobia, nationalism, destructive information, stereotypes of monoculturalism, but also ignoring the problems of integrating migrants into Russian society. Solving the difficulties of adaptation and socialization of migrants is associated with the potential of social work, with the ability and willingness of a social worker to provide effective legal assistance. The purpose of the article is to study the theoretical prerequisites for the significance of the legal competence of social workers, to identify and justify a set of means and methods for its formation among future specialists in social work. During the study, content analysis of scientific publications was carried out, methods of theoretical modeling, synthesis, generalization and comparison were used. Based on the analysis of scientific literature, legal and pedagogical approaches to identifying the essence of legal competence are identified. The legal competence of a social worker is considered as a component of professional competence and is defined as the ability to provide legal assistance in solving social problems. Based on the social roles performed by the social worker, the structure and content of his legal competence includes social and legal subcompetence, administrative and legal subcompetence, communicative and legal subcompetence. The formation of legal competence among future social workers can be carried out by using professionally oriented legal tasks arising in the course of social work with migrants, and communication and legal trainings that form skills and skills of interaction with migrants, taking into account legal norms and rules of communication. Scientific novelty consists in identifying the structure and content of the legal competence of the social worker. A set of tools for the development of legal competence among future social work specialists has been substantiated, including the use of professionally oriented legal tasks of communication and legal trainings. The means of establishing legal competence considered in the article can be used to optimize the training of social work specialists.

Key words: social workers, migrants, legal competence, multicultural environment.

Динамика социального прогресса в современных государствах, опосредованная процессами технологической глобализации, демонстрирует нарастание во многих социумах тенденции к сохранению национального культурного кода. Проблематика национальной идентичности не потеряла своей актуальности, как для внутренней, так и для внешней политики, « ... а многопо-

лярность нового миропорядка служит выражением культурно-цивилизационного многообразия мира» [17, с. 225].

Соприкосновение, взаимопроникновение и «одновременность» национальных культур обуславливает необходимость выстраивания их сосуществования на принципе равенства, определяя тем самым контуры поликультурного общества.

Поликультурность как качественное состояние мира находит свое выражение, в частности, в словах Президента России В.В. Путина, констатирующего то, что «... в эпоху технологической революции именно культурное, духовное наследие является ключевым фактором сохранения национальной идентичности, а значит и многообразия нашего мира, устойчивости международных отношений» [18].

Обеспечение общественного согласия приводит к пониманию конструирования поликультурной модели российского общества на основе всеобщности принципа равного достоинства, признания индивидуальности каждой культуры.

В этом случае поликультурность рассматривается в двух аспектах:

- общественном, как мозаичность этнокультур, конфессиональных, возрастных, гендерных, профессиональных культур, молодежных субкультур и т.п.;

- личностном, как принятие этого многообразия и обладание качествами, способствующими проявлению солидарности в поликультурной среде.

Неустойчивость социальной системы и внутреннего мира, по мнению Г.М. Галмаговой, приводят к тому, что «... все типы идентичности и соответствующие им формы человеческой солидарности ...» [4, с. 108] сталкиваются с серьёзными затруднениями и сложностям.

Этническая мозаичность российского общества детерминирована не только социальными и экономическими факторами, но такими ключевыми характеристиками как культура, язык и менталитет. Такое разнообразие культур ориентирует национальную политику на гармонизацию межнациональных отношений посредством

поликультурного воспитания, базирующегося «... на взаимодействии различных культур, имеющих этнические, языковые или национальные отличия» [3, с. 34]. Однако выстраивание поликультурной системы российского социума сопряжено с возможным «столкновением цивилизаций», вызванным деструктивным характером явлений, проявляющихся в социальной среде.

Становление поликультурного общества в Российской Федерации сдерживается рядом существенных негативных социальных явлений:

- проявление ксенофобии и национализма, вызванных социокультурной дезадаптацией части населения, прежде всего, молодежи;

- расширение деструктивных информационных потоков, искажающих представления о поликультурализме в этническом самосознании;

- демонстрация стереотипов мышления и поведения, выработанных в условиях монокультурного пространства и конфликтующих с поликультурным трендом;

- нарушения в сфере миграционного законодательства, создающие условия «... наращивания объемов внешней миграции, локализации иммигрантских сообществ, увеличения рисков сегрегации общества ...» [8, с. 49].

Указанные противоречия дестабилизируют интеграционные процессы в российском обществе. Выстраивание поликультурной среды предполагает не только компромисс между большинством, опирающимся на государство, и меньшинствами, а, прежде всего, правовое закрепление равенства возможностей и гарантий реализации и достижения равенства в наиболее важных сферах общественной жизни.

Проблематизация становления поликультурной среды в настоящее вре-

мя связывается с миграционными потоками, приносящими в этническую культуру большинства специфические элементы национальных культур. При этом адаптация и социализация мигрантов к новой социальной реальности наталкиваются на игнорирование вопросов их интеграции в принимающий социум.

Поверхностное понимание миграционных процессов в исключительно социально-культурной плоскости и возложение ответственности лишь на самих мигрантов конвертируется в ряд проблем, обоснованных в «Предложениях к миграционной стратегии России до 2035 года» и не потерявших своей актуальности [7, 2017]:

- непоследовательность миграционной политики;
- дефицит институциональной интеграции и функциональности миграционной инфраструктуры;
- игнорирование политики адаптации и интеграции мигрантов;
- стихийность внутренней миграции.

Негативные тренды интеграции выходцев из стран ближнего и дальнего зарубежья в социокультурное пространство России, сопряженные с ожесточением антимигрантских тенденций в российском обществе, выливаются в конфликтные ситуации, включающие различные аспекты: социальные, трудовые, правовые, образовательные, медицинские.

Исследователи выделяют значимость социальной работы в разрешении трудностей интеграции мигрантов в принимающие общества при этом «... подчеркивается важность социальной поддержки мигрантов и их семей...» [9, с. 83]; определяется направленность технологий социальной работы «... на минимализацию отрицательных

последствий смены места постоянного жительства» [20, с. 84]; раскрывается политическая природа предоставляемых социальных услуг, позволяющих «... снижать риски социальной напряженности, влиять на уровень конфликтности в обществе» [16, с. 89], демонстрируется «... необходимость правового регулирования именно адаптации и интеграции мигрантов» [2, с. 41]. Конструктивное решение возникающих противоречий в социальной работе с мигрантами сопряжено со способностью и готовностью социального работника оказывать эффективную правовую помощь.

Это подтверждают и материалы судебной практики.

Иркутский областной суд отказал в иске органам опеки и попечительства Иркутской области. Представители ведомства пытались обжаловать решение Качугского районного суда, которым супруги Бухашевы были восстановлены в правах приемных родителей. Областной суд «...обязал органы опеки вернуть пятилетнюю малышку, переданную биологическим родителям (гастарбайтерам из Таджикистана), в приемную семью» [19].

Трудности ориентации мигрантов в правовом поле и социокультурной среде актуализируют включение социальных служб в осуществление консультативной поддержки и практического содействия граждане других стран в разрешении возникающих трудностей адаптации и интеграции в стране пребывания, что в конечном итоге предполагает разработку соответствующих механизмов развития правовой компетентности социального работника.

Вышесказанное позволяет определить цель исследования — на основе анализа проблем становления поликультурной среды, обусловленных ми-

традиционными процессами, исследовать теоретические предпосылки значимости правовой компетентности социальных работников, выявить и обосновать комплекс средств и методов ее становления у будущих специалистов социальной работы.

Результаты анализа научных работ, посвященных правовой компетентности, позволяют выделить юридический и педагогический подходы к выявлению ее сущности.

Для первого подхода характерно описание данной компетентности в сочетании с различными направлениями правовой науки. В частности, это включает такие содержательные фрагменты анализируемого нами понятия как:

- интеграция знаний в законодательной сфере;
- способность применять приобретенные знания на практике, а далее реализовывать в профессиональной среде;
- сформированность личностных качеств специалиста-профессионала как активного субъекта правоотношений в системе непрерывного образования;
- наличие опыта эмоционально-ценностного отношения к действительности [10, с. 83].

В рамках педагогического подхода правовая компетентность раскрывается как составляющая профессиональной компетентности. Исходя из представлений Д.В. Грака о содержании правовой компетентности педагога важно выделить следующие ее сущностные характеристики такие как способность «... самостоятельно действовать в общеобразовательной среде в соответствии с требованиями законодательства ...», а также готовность «... осуществлять правовую рефлексию и профессиональное правовое самообразование ...» [6, с. 15].

Следует согласиться с мнением ис-

следователей, рассматривающих в качестве призвания социального работника умение «... оказывать правовую помощь и осуществлять правовую работу со всеми категориями населения ...» [14, с. 45]. Данное утверждение вносит в число ключевых компонентов профессиональной компетентности социального работника ее правовую составляющую, определяемую нами как способность оказывать правовую помощь в решении социальных проблем.

Взаимодействие социального работника с мигрантами сопряжено с возникновением профессиональных задач, решение которых предполагает сформированность правовой компетентности. Вследствие этого профессиональное развитие социального работника имеет последовательный характер и детерминируется:

- коммуникативным взаимодействием данного специалиста с представителями различных государств и культур, что предполагает высокий уровень межкультурной компетентности;
- неукоснительное соблюдение социальным работником нормативных правовых актов, регламентирующих его профессиональную деятельность, что обеспечивает легитимность и этическую обоснованность его действий;
- обязанностями по самостоятельному документационному обеспечению социальной работы;
- приобретением специального статуса субъекта обнаружения признаков кризисных ситуации, обусловленных дефектами социокультурной среды.

Выявленные факторы во взаимодействии с мозаикой культур, носителями которых являются пребывающие в Россию граждане других государств, демонстрируют важность перенесения акцентов и ресурсов системы образования социальных работников на

подготовку специалиста, обладающего способностью к решению профессиональных задач, возникающих в поликультурной среде и связанных с теми социальными ролями, которые выполняет социальный работник в практической деятельности.

Е.И. Холостова выделяет следующие социальные роли социального работника: посредник, адвокат, ведущий организатор совместной деятельности, терапевт и наставник, конфликтолог, аниматор, эксперт, общественный деятель [22, с. 750-751].

Учитывая указанные социальные роли, структура и содержание правовой компетентности социального работника включает субкомпетентности, интегрирующие «... с одной стороны, профессиональные действия, в совокупности образующие вид профессиональной деятельности, с другой – нормы права, регулирующие указанную деятельность» [5, с. 50-51]:

- социально-правовая субкомпетентность – обеспечивает правовой фундамент социальной работы в непосредственных отношениях с мигрантами;

- административно-правовая субкомпетентность – выстраивает успешное сотрудничество с органами государственной власти, местного самоуправления и должностными лицами, обладающими полномочиями в миграционной сфере;

- коммуникативно-правовая субкомпетентность – способствует конструированию социальным работником оптимальной коммуникации в правовом поле с мигрантами и представителями государства и бизнеса, осуществляющими свою деятельность в миграционной среде.

Правовое регулирование социальной сферы связывает с каждой соци-

альной ролью социального работника умение, нацеленное на поиск правового способа решения профессиональных задач, возникающих в процессе социальной работы с различными категориями населения, в том числе и с мигрантами.

Адаптация мигрантов увязывается с комплексом условий и, прежде всего, с нормативно-правовым полем страны приема [11, с. 87]. Подобное утверждение предполагает обогащение содержания социально-правовой и административно-правовой субкомпетентностей будущих социальных работников посредством использования профессионально-ориентированных правовых задач, включающих такие компоненты как «... модель реальной правовой ситуации, связанная с профессиональной сферой деятельности...», формулировку «...в знаковой форме..» [1, с. 27] и в применение юридических средств в качестве инструментов решения подобных задач.

Учитывая позицию А.С. Аникиной относительно компонентов профессионально-ориентированных правовых задач, а также исходя из возникающих проблем в поликультурной среде, вызванных влиянием миграционных процессов, мы приходим к следующим характеристикам применения данных задач в подготовке будущего социального работника:

- конфликтная ситуация, возникающая в ходе социальной работы с мигрантами, это связанная с поликультурной средой профессиональная задача, вытекающая из правовых отношений и предполагающая правовой способ ее разрешения;

- социальный работник является самостоятельным субъектом социально-профессиональной ответственности, связанной с последствиями разрешения конфликтных ситуаций.

Специфика использования профессионально-ориентированных правовых задач в учебном процессе проявляется в том, что модель проблемной ситуации, составляющая ее основу должна быть сопряжена с направлениями профессиональной деятельности специалиста.

Применительно к рассматриваемой нами проблеме и исходя из актуальных проблем миграционной сферы в качестве основных направлений деятельности социального работника будем рассматривать трудоустройство мигрантов, а также их налогообложение, социальное страхование и обеспечение [9, с. 78].

На основе вышеизложенного применимо следующее структурирование профессионально-ориентированных правовых задач:

1. Задачи в сфере трудоустройства и занятости, направленные на формирование знаний и умений взаимодействовать с экспатами и другими субъектами трудовых отношений; ориентироваться в правовых способах решения конфликтов в сфере трудовых отношений; выстраивать основанное на правовом статусе общение с представителями органов государственной власти и местного самоуправления.

2. Социально – правовые задачи, нацеленные на применение инструментов социального поддержки, выявление правовых возможностей для реализации социальных прав мигрантов, взаимодействие с различными категориями участников социально-правовых отношений.

3. Административно – правовые задачи, учитывающие особенности правового статуса мигранта и формирующие умения работать с правовыми и нормативно-управленческими документами, способствующие овладению способами сотрудничества с органами

государственной власти, местного самоуправления и должностные лицами, обладающими полномочиями в миграционной сфере.

Содержание указанных выше задач может формироваться на основе судебной практики по проблемам правового регулирования трудовых отношений и социального обеспечения мигрантов. Из судебного дела, извлекается фабула, которая задается для правового анализа и оценки, после чего в фабулу вносятся новые сведения, которые изменяют или дополняют суть решения. В этом случае задачей для обучающихся становится правовая оценка изменившихся обстоятельств дела и влияние последствий изменения на само решение.

Профессиональная деятельность в сфере социальной работы причисляется к классу социономических профессий, базирующихся на общении типа «человек – человек», которое выступает значимым фактором, детерминирующим эффективность социальной работы, вследствие этого «... именно общение является системообразующим компонентом профессиональной деятельности социального работника» [12, с. 7]. Социальная работа с мигрантами характеризуется спектром интеракций с представителями различных этносов и культур, «кросс-культурные перемещения охватывают все большее количество людей» [14, с. 12], что в свою очередь способствует возникновению противоречивых ситуаций недопонимания и отчуждения. Следует заключить о важности выстраивания оптимального взаимодействия в правовом поле со всеми участниками коммуникационного процесса, осуществляемого в рамках социальной работы с мигрантами. Реализация коммуникативно-правовой субкомпетентности является ключевым аспектом в развитии эффек-

тивных коммуникативных стратегий социального работника, направленных на установление продуктивного взаимодействия с мигрантами, а также представителями государственных организаций и учреждений.

Формирование коммуникативно-правовой субкомпетентности будущих социальных работников происходит в образовательном процессе путем становления ее основных компонентов:

- когнитивного компонента – знание законодательства, регулирующего правовой статус мигрантов и лиц, осуществляющих деятельность в миграционной сфере; проецирование полученных правовых знаний на коммуникативные ситуации, обусловленные взаимодействием с мигрантами;

- деятельностный компонент – отбор коммуникативных средств с учетом правового статуса участника конкретной ситуации взаимодействия;

- мотивационно-ценностный компонент – сочетание толерантного отношения с уважением правового статуса участников коммуникационных процессов в миграционной сфере;

- рефлексивный компонент – оценивание возникающих в процессе коммуникации и имеющих правовые последствия противоречий.

Эффективным интерактивным методом обучения, соответствующей целям формирования коммуникативно-правовой субкомпетентности, являются тренинги. Существующие исследования раскрывают потенциал тренингов в профессиональной подготовке будущих социальных работников, подчеркивают их эффективность в овладении технологиями профессиональной коммуникации [13, 2012]. Развитию умений и навыков преодоления коммуникативных барьеров способствуют коммуникативные тренинги,

в ходе которых «... отрабатываются навыки бесконфликтного поведения, особенности вербального и невербального общения, способы убеждения, конструктивного установления новых контактов как с отдельными субъектами, так группами лиц и целыми организациями» [21, с.189]. Взаимодействие с мигрантами в рамках социальной работы с опорой на правовые нормы и правила коммуникации ориентирует нас на включение в систему подготовки будущих социальных работников коммуникативно-правовых тренингов.

Исходя из структуры коммуникативно-правовой субкомпетентности, первым этапом коммуникативно-правового тренинга становится информирование о правовом статусе мигрантов и лиц, осуществляющих деятельность в миграционной сфере. Следующий этап связан с деятельностным компонентом формируемой субкомпетентности и предполагает его наполнение техниками ассертивности: игра в туман, свободная информация, разумный компромисс. Завершающий этап, сопряженный с мотивационно-ценностным и рефлексивным компонентами, включает занятия, на которых рассматриваются различные фразы-конфликтогены, пассивно-агрессивные послания, осложняющие и дискредитирующие социальную помощь; отрабатываются приемы реагирования на конфликтное поведение клиентов в общении: эмоциональная поддержка, Я-сообщение и пр.; используются упражнения на отреагирование эмоций, осложняющих коммуникативное взаимодействие, освоение медиативного подхода.

Таким образом, становление правовой компетентности у будущих социальных работников предполагает учет ее структуры и осуществляется с учетом многообразия профессиональных задач

и ситуаций общения, возникающих в поликультурной среде.

Становление поликультурной среды детерминируется не только социально-политическими или социально-экономическими процессами, но и реализацией ценностно-правовой парадигмы, в основании которой закреплено равенство возможностей в наиболее важных сферах общественной жизни.

Поликультурные процессы в российском обществе находятся в тесной взаимосвязи с позитивными и негативными явлениями в миграционной сфере. Сложности интеграции иностранных граждан в российское общество, способствуют увеличению количества мигрантов, попавших в трудную жизненную ситуацию, что констатирует необходимость оказания эффективной правовой помощи в рамках социальной работы.

В ходе взаимодействия с мигрантами социальный работник выполняет социальные роли, которые обуславливают структуру и содержание его правовой компетентности, включающую социально-правовую субкомпетентность, административно-правовую субкомпетентность, коммуникативно-правовую субкомпетентность.

Субкомпетентная структура правовой компетентности позволяет актуализировать подготовку будущего социального работника, исходя из решаемых профессиональных задач, обусловленных реализацией социокультурных ролей в поликультурной среде.

Становление правовой компетентности у будущих социальных работников может быть осуществлено путем использования профессионально-ориентированных правовых задач, возникающих в ходе социальной работы с мигрантами, и коммуникативно-правовых тренингов, формирующих умения и навыки взаимодействия с мигранта-

ми с учетом правовых норм и правил коммуникации.

Материал статьи не исчерпывает изучение рассматриваемой проблемы и ориентирует на дальнейшие научные изыскания в области развития правовой компетентности социального работника.

Список литературы

1. Аникина А.С. Профессионально-ориентированные правовые задачи как средство формирования правовой компетентности будущего педагога // Образование и наука. 2011. № 8. С. 24-37.
2. Бельский В.Ю., Гусев Н.Н. Теоретические аспекты адаптации и интеграции мигрантов в социальной среде российского общества как методологическая основа их правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 40-45.
3. Берсункаева М.Х. Педагогические условия и возрастные особенности поликультурного воспитания учащихся // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 11 (113). С. 34-37.
4. Галмагова Г.М. Полилог как способ формирования поликультурной модели существования культуры в современном мире // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 2. С. 107-111.
5. Грак Д.В. К вопросу о диагностике правовой компетентности педагога общеобразовательной организации // Вызовы современного образования в исследованиях молодых ученых: Мат-лы VII Всерос. науч.-практ. конф. с между. участием, Красноярск, 21 мая 2021 года. Красноярск : Красноярск. Гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2021. С. 50-52.
6. Грак Д.В. Развитие правовой компетентности педагога общеобразовательной организации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2023. 24 с.
7. Ивахнюк И.В. Предложения к миграционной стратегии России до 2035 года. – М.: РСМД, 2017 // URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Migration-Strategy-RU.pdf> (Дата обращения: 25.04.2025).
8. Ирхин П.В. Проблемы методологии правового регулирования вопросов предупреждения формирования национально-этнических анклавов в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 8. С. 48-53.
9. Ковтун Е.А., Милецкий В.П. Практики социальной работы с мигрантами в России: экспертные оценки // Дискурс. 2020. Т. 6. № 6. С. 75-86.
10. Коротун А.В. Правовая компетентность классного руководителя: от профессионального дефицита к его восполнению // Наука и школа. 2022. № 2. С. 79-89.
11. Крысова Е.В., Шалаев В.П. Социальная работа с мигрантами: учебное пособие. Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2016. 104 с.
12. Лемиш В.В. Ценностное отношение к старости и эффективность профессиональной деятельности социальных работников // Системная психология и социология. 2023. № 2 [46]. С. 5-18.
13. Леонтьева А.В., Деткова И.В., Панченко Е.Н. Развитие коммуникативных компетенций у бакалавров социальной работы в процессе освоения мастер-клас-

- са «Тренинг профессиональной коммуникации» // Российский социально-гуманитарный журнал. 2012. № 1. С. 57-67.
14. Макарова Л.Н., Незнанова Л.А. Характеристика уровня сформированности правовой компетентности будущего социального работника // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». Т. 18. № 39. 2019. С. 44-53.
 15. Маслова О.В. Основные подходы к изучению межкультурной адаптации в зарубежной психологии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2008. № 3. С. 12-21.
 16. Муха В.Н. Социальная работа с мигрантами в контексте критического подхода: обзор теории // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 12. С.89-93.
 17. Поважная И.В. О роли малых исторических городов в сохранении национальной идентичности (на примере Стратфорда-на-Эйвоне) // Современная Европа. 2024. № 5. С. 217-227.
 18. Путин назвал ключевой фактор сохранения национальной идентичности. РИА НОВОСТИ // URL: <https://ria.ru/20231124/putin-1911648890.html>. (Дата обращения: 25.04.2025).
 19. Суд вернул право семьи из Иркутска воспитывать приемную дочь // URL: <https://rg.ru/2023/06/21/reg-sibfo/najti-anechku.html>. (Дата обращения: 25.04.2025).
 20. Третьякова И.В. К вопросу о технологиях социальной работы с трудовыми мигрантами // Миссия Конфессий. 2022. Том 11. Часть 3. С. 79-84.
 21. Умархаджиева С.Р. Педагогические возможности тренинга для повышения эффективности взаимодействия будущих бакалавров социальной работы с молодежью // Актуальные вопросы современных научных исследований: сб. ст. XI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 2024 г.). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2024. С. 188-190.
 22. Холостова Е.И. Социальная работа: учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. 755 с.

References

1. Anikin A.S. Professionally-oriented legal tasks as a means of forming the legal competence of future teachers // Education and Science. 2011. № 8. P. 24-37.
2. Belsky V.Yu., Gusev N.N. Theoretical aspects of adaptation and integration of migrants in the social environment of Russian society as a methodological basis for their legal regulation // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 2. P. 40-45.
3. Bersunukaeva M.Kh. Pedagogical conditions and age characteristics of multicultural education of students // International Research Journal. 2021. № 11 (113). P. 34-37.
4. Galmagova G.M. Polylogue as a way of forming a multicultural model of the existence of culture in the modern world // Cultural life of the South of Russia. 2020. № 2. P. 107-111.
5. Grak D.V. On the issue of diagnostics of legal competence of a teacher of a general education organization // Challenges of modern education in the research of young scientists: Proceedings of the VII All-Russian scientific and practical. conf. with international participation, Krasnoyarsk, May 21, 2021. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev, 2021. P. 50-52.
6. Grak D.V. Development of legal competence of a teacher of a general education organization: author's abstract. diss. ... candidate of ped. sciences. Krasnoyarsk, 2023. 24 p.
7. Ivakhnyuk I.V. Proposals for the migration strategy of Russia until 2035. – М.: RSMД, 2017 // URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Migration-Strategy-RU.pdf> (25.04.2025).
8. Irkhin P.V. Problems of the methodology of legal regulation of issues of preventing the formation of national-ethnic enclaves in the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2020. № 8. P. 48-53.
9. Kovtun E.A., Miletsky V.P. Practices of social work with migrants in Russia: expert assessments // Discourse. 2020. Vol. 6. № 6. P. 75-86.
10. Korotun A.V. Legal competence of the class teacher: from professional deficit to its replenishment // Science and School. 2022. № 2. P. 79-89.
11. Krysova E.V., Shalaev V.P. Social work with migrants: a tutorial. Yoshkar-Ola: Volga State Technological University, 2016. 104 p.
12. Lemish V.V. Value attitude towards old age and the effectiveness of professional activities of social workers // Systemic Psychology and Sociology. 2023. № 2 [46]. P. 5-18.
13. Leontyeva A.V., Detkova I.V., Panchenko E.N. Development of communicative competencies in bachelors of social work in the process of mastering the master class "Training in professional communication" // Russian social and humanitarian journal. 2012. № 1. P. 57-67.
14. Makarova L.N., Neznanova L.A. Characteristics of the level of formation of legal competence of a future social worker // Psychological and pedagogical journal "Gaudeamus". Vol. 18. № 39. 2019. P. 44-53.
15. Maslova O.V. Main approaches to the study of intercultural adaptation in foreign psychology // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Psychology and Pedagogy. 2008. № 3. P. 12-21.
16. Mukha V.N. Social work with migrants in the context of a critical approach: a review of the theory // Humanities, socio-economic and social sciences. 2024. № 12. P. 89-93.
17. Povazhnaya I.V. On the role of small historical towns in preserving national identity (using Stratford-upon-Avon as an example) // Modern Europe. 2024. № 5. P. 217-227.
18. Putin named the key factor in preserving national identity. RIA NOVOSTI // URL: <https://ria.ru/20231124/putin-1911648890.html>. (25.04.2025).
19. The court returned the right of a family from Irkutsk to raise an adopted daughter // URL: <https://rg.ru/2023/06/21/reg-sibfo/najti-anechku.html>. (25.04.2025).
20. Tretyakova I.V. On the issue of technologies of social work with labor migrants // Mission of Confessions. 2022. Volume 11. Part 3. P. 79-84.
21. Umarchadzhieva S.R. Pedagogical Possibilities of Training to Enhance the Effectiveness of Interaction of Future Bachelors of Social Work with Young People // Current Issues of Modern Scientific Research: Coll. Art. XI Int. scientific-practical. conf. (Penza, 2024). Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2024. P. 188-190.
22. Kholostova E.I. Social Work: Textbook for Universities. - 2nd ed., revised. and additional. – М.: Yurait Publishing House, 2023. 755 p.

Терновая Л.О.

*Доктор исторических наук, профессор,
Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).*

Антропология счастья: общие ценности и разные проявления*

Аннотация. Статья посвящена анализу множественности проявления счастья в повседневной жизни разных стран. Показано, что несмотря на постоянное расширение предметного поля исследования феномена «счастье», его повседневная трактовка во всех культурах отталкивается от самых простых проявлений обыденной жизни и погруженности человека в природу. Восприятие счастья опережает и направляет развитие современных практик бережливого потребления или «медленной жизни». Исследования в данной области способны помочь расширить инструментарий интегрального подхода, обратив внимание специалистов на значимость счастья самого исследовательского процесса.

Ключевые слова: счастье, образ жизни, повседневность, понимание, экономика счастья, интегральный подход.

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Anthropology of happiness: common values and different manifestations

Abstract. The article is devoted to the analysis of the multiplicity of manifestations of happiness in everyday life in different countries. It is shown that despite the constant expansion of the subject field of research into the phenomenon of “happiness”, its everyday interpretation in all cultures is based on the simplest manifestations of everyday life and human immersion in nature. The perception of happiness is ahead of and guides the development of modern practices of frugal consumption or “slow life”. Research in this area can help expand the toolkit of the integral approach, drawing the attention of specialists to the significance of happiness in the research process itself.

Key words: happiness, lifestyle, everyday life, understanding, economics of happiness, integral approach.

Сложно найти что-либо более важное для человека и общества, что было бы равнозначно понятию «счастье». Его обычно определяют как категорию морального сознания, которая обозначает

состояние индивида, соответствующее самой его высокой внутренней удовлетворенности условиями бытия, отражающее осмысленность и полноту жизни, что способствует реализации им чело-

* © Терновая Л.О., 2025.

Антропология счастья: общие ценности и разные проявления

веческого назначения. Несмотря на то, что такое определение вбирает в себя как представления о всеобщих ценностях, так и о субъективном благополучии, невозможно дать однозначную оценку состояния счастья.

Люди задумывались о счастье во все времена, когда они процветали и когда на них сваливались невзгоды. При множестве глубочайших различий условий жизни, в размышлениях философов, относящихся к самым отдаленным традициям, было много общих взглядов на то, что же такое счастье, позволяющих утверждать, что счастье выступает как универсальная ценность, хотя его содержание зависит от культуры, религии и индивидуальных особенностей.

Счастье, как и всякая другая универсальная ценность, отличается тем, что напоминает волшебную шкатулку, в которой сохраняются все когда-либо высказанные мудрецами утверждения о том, что и почему надо сберечь для будущих поколений. О счастье сказано во всех священных книгах. Ему посвятили размышления древние философы. Утверждение, что «Счастье — это когда тебя понимают», вовсе не является фразой из советского фильма «Доживем до понедельника», а принадлежит Конфуцию, который ее продолжил, разъясняя, что: «большое счастье — когда тебя любят, настоящее счастье — когда любишь ты».

Огромнейший вклад в расшифровку смыслов счастья внесли древнегреческие философы. Платон выделял в нем наличие таких моральных и душевных качеств, как мудрость и целомудрие, смелость и справедливость, замечая, что индивидуальное счастье не может быть полным вне зависимости от судьбы души человека в другом мире. Аристотель разделял философско-этическую традицию и жизненную установку

эвдемонизма (др.-греч. εὐδαιμονία — процветание, блаженство, счастье), провозглашающего счастье единственным и высшим человеческим благом. До сих пор мы вслед за Аристотелем уверены, что счастья не может быть без физического здоровья и устойчивого финансового благосостояния, правильно поставленных целей, сочетании здравого ума и веры, хорошей репутации и достойного поведения¹. Однако при этом эвдемоническому наполнению счастья может не хватать его гедонистического духа².

Конечно, история изобилует самыми разными трактовками счастья, включая ту, которую дал Карл Маркс, отвечая на вопрос анкеты, подготовленной его дочерьми и утверждая, что счастье мы находим в борьбе³.

Хотя современный человек во многом разделяет представления о счастье, сложившиеся ранее, он привносит в них свои акценты. Например, исследователи считают, что в наши дни соединяются идеи социологии счастья со смыслами толерантного поведения по отношению к Другим как важной добродетели современного человека, что и зависимы отполняет социокультурные практики счастливой повседневности в разных странах⁴. Несмотря на то, что такие практики зависимы от религиозных и духовных интерпретаций, например, в буддизме счастье понима-

1 Аристотель. Никомахова этика [Текст] / Аристотель. – М.: Азбука, 2022.

2 Холл Э. Счастье по Аристотелю: как античная философия может изменить вашу жизнь [Текст] / Э. Холл; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

3 Маркс К. Исповедь [Текст] // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. Т. 31. – М.: Госполитиздат, 1963. С. 491-492.

4 Логунова Л.Ю. Культура счастья: социологические этюды [Текст]: монография / отв. ред. О.А. Донских; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. – Новосибирск: НГУЭУ, 2022.

ется как освобождение от страданий, в христианстве радость находится в Боге, а светский гуманизм связывает счастье с самореализацией, в апреле 2015 г. получился конструктивный диалог о счастье двух религиозных лидеров, лауреатов Нобелевской премии Далай-ламы XIV и архиепископа Десмонда Туту, которые постарались найти ответ на вопрос о том, как найти радость в жизни, когда людей обуревают повседневные невзгоды⁵.

На важности разрешения этого вопроса сосредотачиваются психологические теории счастья, из которых необходимо выделить те, которые отличаются ярко выраженной практико-ориентированностью. В первую очередь необходимо отметить попытку предложить корреляты счастья, которую еще в 1967 г. предпринял Уорнер Вильсон, составивший социально-психологический портрет счастливого человека: молодого, здорового, хорошо образованного, оптимистичного, имеющего хорошо оплачиваемую работу. Такой человек не обеспокоен, религиозен, состоит в браке, имеет высокое чувство самоуважения, отличается высоким моральным духом, умеренными притязаниями и развитыми интеллектуальными способностями⁶. Эти рассуждения близки к теории точки отсчета счастья, утверждающей наличие у каждого человека генетически обусловленной предрасположенности к счастью, но в то же время не исключаяющей того, что эту исходную позицию можно изменить. Американский психолог и педагог Мартин Селигман, являясь

практикующим психологом, обращает внимание на необходимость для личности вести постоянный поиск факторов, делающих ее счастливой, независимо от возраста, социального статуса и любых ориентаций⁷. Селигманом была разработана модель PERMA, представляющая собой пять главных элементов счастья и благополучия: *Positive Emotion* — положительные эмоции; *Engagement* — вовлеченность; *Relationships* — взаимоотношения; *Meaning* — смысл; *Accomplishments* — достижения. Благодаря модели PERMA можно выделить шкалу индивидуальных различий понимания счастья от эмоционального благополучия до осмысленности жизни.

Ни в коем случае нельзя упускать экономические и социологические аспекты счастья. Так, Ричард Лэйард, видный британский экономист и политический деятель, являющийся членом Палаты лордов, исходя из результатов глобального исследования ценностей (англ. *World Value Survey*), выделил семь ключевых факторов, которые определяют счастье как на индивидуальном, так и на национальном уровне. Это: отношения в семье, финансовое благополучие, удовлетворенность работой, общение с друзьями и знакомыми, здоровье, личная свобода и личные ценности⁸. Лэйард подчеркивает, что все факторы кроме финансового благополучия и здоровья в большей или меньшей степени определяются качеством сообщества, где живут люди. Поэтому из-за ослабления таких связей, снижения уровня доверия, роста насилия, не просто увеличилось стремление людей

⁵ *Его Святейшество Далай-лама XIV, Дуглас Абрамс, Десмонд Мпило Туту. Книга радости. Как быть счастливым в меняющемся мире* [Текст] / Пер. Ю. Змеева. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023.

⁶ *Wilson W.R. Correlates of avowed happiness* [Text] / W.R. Wilson // *Psychological Bulletin*. 1967. № 67 (4). P. 294-306.

⁷ *Селигман М. В поисках счастья* [Текст]: как получать удовольствие от жизни каждый день: пер. с английского / М. Селигман. – 2-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011.

⁸ *Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки* [Текст] / Р. Лэйард; пер. с англ. И. Кушнаревой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012.

к достижению индивидуальных целей, но и снизился уровень ощущения счастья. Следуя этим рассуждениям, важно понять, будет ли цифровая экономика экономикой счастья или цифровизация, усиливающая одиночество и потребительскую культуру, становится вызовом счастью⁹.

Экономика счастья превращается во все более востребованное направление экономической теории, помогающее вырабатывать альтернативные показатели развития общества¹⁰. На основе этих новых подходов появляются отличные от прежних показатели развития, такие, как Международный индекс счастья (англ. *Happy Planet Index*), а также формулируются предложения по замене валового внутреннего продукта (ВВП) на валовое национальное счастье (ВНС). Данный индекс с 2006 г. выводится Фондом новой экономики (англ. *New Economics Foundation*) и отражает благополучие людей и состояние окружающей среды в разных государствах. Задача этого показателя предполагает обнаружение «действительного» благосостояния наций. Индикаторами *Happy Planet Index* выступают: ожидаемая продолжительность жизни (*L*); «экологический след» (*E*); благополучие (*W*); определение неравенства (*I*). На базе этих четырех оценок выведена формула Индекса Счастья — $L \cdot E \cdot W / I$. Сравнительный анализ успехов государств в достижении счастья в наши дни стал неотъемлемой частью геополитического дискурса, затрагивающего проблемы национальной конкурентоспособности¹¹.

9 Цифровое будущее или экономика счастья? [Текст]: монография / А.В. Черновалов, З. Цекановский, З. Шиманьский, П.А. Черновалов. – 5-е изд., стер. – М.: Дашков и К, 2023.

10 Румянцева Е.Е. Экономика счастья [Текст] / Е.Е. Румянцева. – М.: Инфра-М, 2010.

11 Терновая Л.О. «Счастье» как категория международных отношений [Текст] // Вопросы национальных и федеративных отношений.

Очевидно, в рамках одного государства характеристики счастья могут различаться, тогда как мировые города во многих странах предоставляют своим жителям и гостям одинаковый уровень жизни и набор услуг. Поэтому существует еще и *Happy City Index*, который выводится лондонским Институтом качества жизни (англ. *Institute for Quality of Life*). В 2025 г. в рейтинг были включены двести городов, а десятка лидеров представлена: Копенгагеном, Цюрихом, Сингапуром, Орхусом, Антверпеном, Сеулом, Стокгольмом, Тайбэйем, Мюнхеном и Роттердамом. Оценка производилась на основе учета: благосостояния граждан, управления, экологии, экономики, здоровья, мобильности. Удивительно, что Москва заняла в рейтинге только 170-е место. Вместе с тем такие показатели не являются поводом для огорчения, поскольку социологи обращают внимание на влияние субъективного благополучия на восприятие социально-экономической и политической ситуации¹².

Если *Happy Planet Index* и *Happy City Index* претендуют на демонстрацию успехов в достижении счастья, то попытка замены ВВП на ВНС, впервые предпринятая в Бутане, акцентирует внимание на моральных и психологических ценностях, отличающихся в разных культурах и более точно указывающих уровень удовлетворенности населения.

Нельзя игнорировать правовые подходы к счастью¹³. 4 июля 1776 г. в принятой в тот день в Филадельфии Сборник статей. – М.: РАГС, 2011. С. 244-255.

12 Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога [Электронный ресурс]: монография / Е.О. Смолева, М.В. Морев; под. науч. рук. А.А. Шабунова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016.

13 Шепелев Д.В., Карпенко А.А. Право на счастье [Текст] / Д.В. Шепелев, А.А. Карпенко // Образование и право. 2022. № 5. С. 67-71.

Декларации Независимости Соединенных Штатов Америки провозглашались права на «жизнь, свободу и стремление к счастью», которые дарованы всем людям их Создателем. Хотя подобно другим принципам, провозглашенным в этом акте, право на стремление к счастью не имеет обязательной юридической силы, оно стало мощным пропагандистским мотивом не только к утверждению Независимости, но и достойной жизни.

В мире сформировались самые разные модели понимания и проявления счастья. Во многом они определяются культурными различиями, например, западным выражением индивидуализма, подчеркивающим счастье личных достижений, и восточного коллективизма, утверждающего гармонию в отношениях. Ощущение счастья не может не зависеть от внутренних факторов (генетика, личностные черты, мышление) и факторов внешних (социальные связи, материальное благополучие, свобода, экология). И все же хочется видеть безграничное счастье как образ жизни, которое в представлении героев мультфильма «Король Лев» Тимона, Пумбы и Симбы звучит как «Акуна матата». *Hakuna Matata* (в переводе с языка суахили, на котором говорят в Танзании, Кении, Уганде, Руанде, Бурунди, Мозамбике и Конго, буквально означает значит «никаких забот»). Неудивительно, что значительная часть моделей счастья предполагает минимизацию повседневных забот.

В датском и норвежском языках есть слово «*hygge*», описывающее тихое, уютное, спокойное настроение, создаваемое комфортом и дружеской атмосферой¹⁴. Культурная категория «хюгге», облада-

ющая набором повседневных практик, стала одним из ключевых явлений датского образа жизни конца XX в. Родственно этой категории понятие «*lykke*», в переводе с датского означающее «счастье». Однако здесь речь идет о счастье в мелочах, которые мы можем упустить, будучи занятыми чем-то глобальным¹⁵. Лагом (швед. *Lagom*), шведская философия умеренности, близка к ощущениям хюгге и люкке, однако, имеет свои оттенки¹⁶. Они в первую очередь касаются практичности, простоты и минимализма, но также указывают не просто на значимость экологически ответственного потребления, но и на ценность жизни в гармонии с природой.

Во многих культурах именно этот аспект служит основанием для понимания счастья. Например, в Норвегии таковым можно назвать понятие «фрилуфтслив» (норв. *friluftsliv*), которое можно перевести как «свободный воздух жизни». Нидерландское ощущение счастья «*gezellig*» дословно перевести нельзя, возможно, потому, что оно скрывает в себе множество отношений к дому и близким людям. Несмотря на то, что шведское слово «*Gökotta*» складывается из слов «*Gök*» — «кукушка» и «*Otta*» — «раннее утро», смысл йекотты намного шире, чем «раннее утро с кукушкой». В Швеции есть традиции устраивать йекотту в праздник Вознесения на открытом воздухе, чтобы верующие могли обратить свои взоры в небо и услышать пение птиц.

В Японии счастье гармонии с природой, называемое «комороби» может появляться при взгляде на солнечные лучи, проникающие сквозь листья рас-

15 Бронте А. Север: счастливая жизнь по-скандинавски [Текст] / А. Бронте; пер. с англ. А. Мартыновой. – М.: Эксмо, 2021.

16 Экерстрём Л.А. Lagom: Секрет шведского благополучия [Текст] / Л.А. Экерстрём. – М.: Азбука-Аттикус, 2017.

14 Викинг М. Хюгге. Секрет датского счастья [Текст] / М. Викинг; пер. В. Степанова. – М.: Аттикус, 2016.

тений. Более того, благодаря погружению в человека природу, принятие им своеобразной «лесной ванны» «синриниоку», позволяющей окунуться в звуки, запахи и краски леса, можно вылечить самые разные заболевания.

Общение с природой помогает людям проникнуться в счастье быть собой. В Шотландии такое состояние называется «*soorie*» (кюри) и происходит от понятия «свернуться клубочком». Но это не означает требования отгородиться от мира, а, наоборот, предполагает его полное принятие, вплоть до неудобств в виде холода или мошкары. А еще кюри включает трепетное отношение к истории и традициям. В этом на него похоже шведское представление о месте, где можно, спрятавшись от мира, оказавшись наедине с самим собой. Неудивительно, что это понятие «*Smultronstället*» режиссер Ингмар Бергман в 1957 г. взял для названия своего фильма «Земляничная поляна», герой которого, попав в такое место, получает возможность переосмыслить свою жизнь. Хотя цитаты из «Земляничной поляны»: «Иногда нужно просто довериться своим инстинктам и идти по своему пути»; «Важно быть открытым для любви и принимать ее в свою жизнь»; «Даже в самые трудные времена, всегда найдется место для счастья и надежды»; «Время летит быстро, и мы должны наслаждаться каждым мгновением» и др., — не открывают ничего нового, они позволяют проникнуться уверенностью, что за счастьем не надо гнаться, поскольку оно может быть найдено в каждом дне, открывающим возможность начать жить по-настоящему.

Для этого совсем не следует отправляться куда-то в поисках счастья. Оно всегда есть рядом. Финны его называют «*kalsariknuit*» (калсарикианнит), предлага-

вая «выпивать дома в нижнем белье, не планируя никуда выходить». В Исландии близкое состояние характеризуется как «оконная погода» — «*gluggavedur*» (глюггаведур), в которую совсем не хочется идти на улицу, но можно с удовольствием наблюдать, что происходит за окном. Эти рекомендации относятся к практикам «медленной жизни», без спешки и суеты¹⁷. Движение *Slow Life* также, как *Slow Food*, *Slow Fashion* и другие подобные практики, число которых вопреки поэтизации медлительности очень быстро множится, настраивают человека выйти из гонки и стать собой. В Германии это можно сделать, отправившись в неторопливую «цветочную поездку» (нем. *Blueschtfahrtli*) для того, чтобы полюбоваться весенними цветами. В Нидерландах «предвеселье» — «*voorpret*» (фоорпрет) помогает понять, что предвкушение радости от ожидаемого события, уже есть гарантия счастья, даже, когда событие не оправдало ожиданий. Немцы счастье как ожидание радости называют «*Vorfroede*» (форфройде). А норвежцы утешают, что, совершая ошибки, люди получают знания — «*etterpåklokskap*» (этэ-поклупскап). И в этом следует видеть счастье. Но не только в этом. В Египте состояние «самар» объясняет счастье задержаться с друзьями за разговором, не заметив, что солнце уже давно село. Испанцы видят медленное счастье в собремесе (исп. *sobremesa*), когда хочется не выходить из-за стола после трапезы. Или они готовы отправиться в *bacilando* (бафиляндо) — путешествие, когда сам процесс ценнее, чем пункт назначения. Итальянцы наслаждаются *meriggare* (мериджаре), избегая зноя

17 Ракова Е. Счастье не спешить: практики Slow Life для жизни без стресса и суеты: практическое руководство [Текст] / Е. Ракова. — М.: Альпина ПРО, 2022.

полуденного солнца благодаря отдыху в тени. Хорваты находят медленное счастье в похожем состоянии, называя его фьяка (итал. *fiacca* — слабый). Тайцы наставляют «ман пей рай», призывая, не просто не беспокоиться, а поменять угол зрения.

На фоне такого разного, но одинаково расслабляющего восприятия счастья, диссонансом смотрится южнокорейский совет «Палли-палли» (кор. 빨리빨리). Он означает «быстро-быстро», «давай-давай», «поторапливайся». Однако в том и состоит счастье, чтобы каждый человек и всякая культура были способны найти те исключительные ноты общей мелодии счастья, которые им созвучны. Именно тогда и наступает такое состояние, которое в Индии на урду называется *Naz* (наз). Это — нечто большее, чем уверенность, что тебя любят просто так, без всяких причин и условий. Средневековый поэт-мистик Кабир (1440 – 1518), объяснял такое состояние счастья, сравнивая его с течением реки, которая течет в тебе, и также течет и во мне.

Счастье, несмотря на попытки многих культур предельно конкретизировать его восприятие, часто остается непонятым. Поэтому заботу о его поиске и сбережении люди посвящали различным символам и амулетам. Символические образы счастья в значительной степени заимствованы из природы: желудь, ландыш, подсолнух, стрекоза, колибри, чешуя карпа и пр. Часто такие символы отдалялись от природных прототипов и превращались в персонажей волшебной сказки Синюю птицу или Феникса. О том, что счастья надо добиваться собственными усилиями, а не надеяться на волшебство, говорили такие символы, как штурвал корабля и подкова. Приманив счастье, можно было попытаться его удержать с по-

мощью фигурок: двух золотых рыбок, семи белых слонов, перчика *cornicello*, лошадки Дала, кошечки манеки-неко.

Удивительно, что при обилии символических изображений счастья камерного, домашнего характера, публичных визуальных образов счастья практически нет. Исключением считают памятник волку-герою мультфильма «Жил-был пес» (1982), установленный в Томске в 2005 г. Обращение к сюжету мультипликации применительно к счастью более чем правомерно. Язык мультипликации постигается с самого детства, тогда же, когда и следует формировать у ребенка понимание смыслов жизни, как это сделано в мультфильме 1971 г. «Как ослик счастье искал», где герой понимает, что счастье состоит в том, чтобы делать доброе дело. Такие проявления счастья совсем не противоречат современным методам его изучения, например, с помощью социальной антропологии, нейробиологии или когнитивных исследований. Счастье в том и состоит, что дает возможность интегрировать разные повседневные практики и обширный теоретический массив, создавая не только возможность получить желаемый результат, но и ощутить счастье научного поиска.

Список литературы

1. Аристотель. Никомахова этика [Текст] / Аристотель. – М.: Азбука, 2022. 448 с.
2. Бронте А. Север: счастливая жизнь по-скандинавски [Текст] / А. Бронте; пер. с англ. А. Мартыновой. – М.: Эксмо, 2021. 224 с.
3. Викинг М. Хюгге. Секрет датского счастья [Текст] / М. Викинг; пер. В. Степанова. – М.: Аттикус, 2016. 288 с.
4. Его Святейшество Далай-лама XIV, Дуглас Абрамс, Десмонд Мпило Туту. Книга радости. Как быть счастливым в меняющемся мире [Текст] / Пер. Ю. Змеева. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 384 с.
5. Лэйард Р. Счастье: уроки новой науки [Текст] / Р. Лэйард; пер. с англ. И. Кушнаревой. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2012. 413 с.
6. Логунова Л.Ю. Культура счастья: социологические этюды [Текст]: монография / отв. ред. О.А. Донских; Новосиб. гос. ун-т экономики и управления. – Но-

- восибирск: НГУЭУ, 2022. 246 с.
7. Маркс К. Исповедь [Текст] // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения: в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. Т. 31. – М.: Госполитиздат, 1963. С. 491-492.
 8. Ракова Е. Счастье не спешить: практики Slow Life для жизни без стресса и суеты: практическое руководство [Текст] / Е. Ракова. – М.: Альпина ПРО, 2022. 203 с.
 9. Румянцева Е.Е. Экономика счастья [Текст] / Е.Е. Румянцева. – М.: Инфра-М, 2010. 96 с.
 10. Селигман М. В поисках счастья [Текст]: как получать удовольствие от жизни каждый день: пер. с английского / М. Селигман. – 2-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2011. 317 с.
 11. Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога [Электронный ресурс]: монография / Е.О. Смолева, М.В. Морев; под. науч. рук. А.А. Шабунова. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. 164 с.
 12. Терновая Л.О. «Счастье» как категория международных отношений [Текст] / О.Л. Терновая // Вопросы национальных и федеративных отношений. Сборник статей. – М.: РАГС, 2011. С. 244-255.
 13. Холл Э. Счастье по Аристотелю: как античная философия может изменить вашу жизнь [Текст] / Э. Холл; пер. с англ. – М.: Альпина нон-фикшн, 2019. 298 с.
 14. Цифровое будущее или экономика счастья? [Текст]: монография / А.В. Черновалов, З. Цекановский, З. Шиманский, П.А. Черновалов. – 5-е изд., стер. – М.: Дашков и К, 2023. 218 с.
 15. Шепелев Д.В., Карпенко А.А. Право на счастье [Текст] / Д.В. Шепелев, А.А. Карпенко // Образование и право. 2022. № 5. С. 67-71.
 16. Экерстрём Л.А. Lagom: Секрет шведского благополучия [Текст] / Л.А. Экерстрём. – М.: Азбука-Аттикус, 2017. 204 с.
 17. Wilson W.R. Correlates of avowed happiness // Psychological Bulletin 1967. № 67 (4). P. 294-306.
 18. Seligman M. In search of happiness: how to enjoy life every day: trans. from English / M. Seligman. – 2nd ed. – М.: Mann, Ivanov and Ferber, 2011. 317 p.
 19. Smoleva E.O., Morev M.V. Satisfaction with Life and the Level of Happiness: A Sociologist's View [Electronic resource]: monograph / E.O. Smoleva, M.V. Morev; under. scientific. director. A.A. Shabunova. – Volgda: ISEDT RAS, 2016. 164 p.
 20. Ternovaya L.O. "Happiness" as a Category of International Relations / O.L. Ternovaya // Issues of National and Federal Relations. Collection of articles. – Moscow: RAGS, 2011. P. 244-255.
 21. Hall E. Happiness According to Aristotle: How Ancient Philosophy Can Change Your Life / E. Hall; trans. from English. – Moscow: Alpina Non-Fiction, 2019. 298 p.
 22. Digital Future or the Economy of Happiness? [Text]: monograph / A.V. Chernovalov, Z. Tsekanovskiy, Z. Shimansky, P.A. Chernovalov. – 5th ed., reprinted. – М.: Dashkov i K, 2023. 218 p.
 23. Shepelev D.V., Karpenko A.A. The right to happiness / D.V. Shepelev, A.A. Karpenko // Education and Law. 2022. № 5. P. 67-71.
 24. Eckerström L.A. Lagom: The Secret of Swedish Well-Being / L.A. Eckerström. – М.: Azbuka-Attikus, 2017. 204 p.
 25. Wilson W.R. Correlates of avowed happiness // Psychological Bulletin 1967. № 67 (4). P. 294-306.

References

1. Aristotle. Nicomachean Ethics [Text] / Aristotle. – М.: Azbuka, 2022. 448 p.
2. Bronte A. The North: A Happy Life in Scandinavia / A. Bronte; trans. from English by A. Martynova. – М.: Eksmo, 2021. 224 p.
3. Viking M. Hygge. The Secret of Danish Happiness / M. Viking; trans. – М.: Atticus, 2016. 288 p.
4. His Holiness the XIV Dalai Lama, Douglas Abrams, Desmond Mpilo Tutu. The Book of Joy. How to Be Happy in a Changing World / Trans. Yu. Zmeeva. – М.: Mann, Ivanov and Ferber, 2023. 384 p.
5. Layard R. Happiness: Lessons from a New Science / R. Layard; trans. from English by I. Kushnareva. – М.: Gaidar Institute Publishing House, 2012. 413 p.
6. Logunova L.Yu. The Culture of Happiness: Sociological Studies: monograph / ed. O.A. Donskikh; Novosibirsk State University of Economics and Management. – Novosibirsk: NSUEM, 2022. 246 p.
7. Marx K. Confession // Marx K. and Engels F. Works: in 30 volumes / K. Marx, F. Engels. 2nd ed. Vol. 31. – М.: Gospolitizdat, 1963. P. 491-492.
8. Rakova E. Happiness is not in a hurry: Slow Life practices for living without stress and fuss: a practical guide / E. Rakova. – М.: Alpina PRO, 2022. 203 p.
9. Romyantseva E.E. Economics of happiness / E.E. Romyantseva. – М.: Infra-M, 2010. 96 p.

Третьяков Я.А.

Советник Директора Ассоциации организаций в области недропользования
«Национальная ассоциация пользователей недр», г. Москва.

Эволюция социальных институтов в технократическом будущем*

Аннотация. Проведён философско-социологический анализ эволюции ключевых социальных институтов в сценарии технократического будущего, где алгоритмы, искусственный интеллект (ИИ) и биотехнологии перестраивают социальную ткань общества. **Цель исследования** – системно реконструировать возможную траекторию трансформации социальных институтов (семьи, гендерных отношений, родительства, образования, религии) под влиянием всеобщей алгоритмизации и биотехнологической революции. **Объект исследования** – процессы радикальной переконфигурации классических социальных институтов в условиях цифровизации и биологизации (биотехнологизации) общества. **Методы исследования** – междисциплинарный подход (социальная философия, футурология, биополитика, когнитивные науки) в сочетании с методом аналитической экстраполяции технологических, экономических и культурных трендов. Такой синтез позволил выстроить единую сценарную модель, в которой выявляются радикальные сдвиги в семейно-брачных отношениях (алгоритмическое управление союзом, цифровые контракты), трансформация гендерной бинарности под влиянием биотехнологий и виртуальной телесности, переход к лицензионному родительству и «дизайн-потомству», персонализация обучения через ИИ-наставников, а также превращение религии в динамическую цифровую экосистему индивидуальных верований. **Научная новизна** исследования состоит в комплексном философском сценарии эволюции социальных институтов (семьи, гендерных отношений, родительства, образования, религии) под воздействием тотальной цифровизации и биотехнологизации. Впервые в единой концептуальной модели системно рассмотрены такие аспекты, как алгоритмически регулируемый семейный союз с «цифровыми» брачными контрактами, «дизайн-потомство» и лицензирование родительства, постгендерные практики, формирование виртуальных компаньонов и цифровое переосмысление религиозной сферы. Полученные результаты позволяют расширить представления о возможных социально-культурных последствиях глубокой интеграции искусственного интеллекта и биотехнологий в общественную жизнь, выявляя новые этические и правовые вызовы, а также предлагая направления для дальнейшего междисциплинарного анализа.

Ключевые слова: технократическое будущее, социальные институты, цифровизация, искусственный интеллект, биотехнологии, семья, родительство, образование, религия, гендерные отношения.

Tretyakov Ya.A.

Advisor to the Director of the Association of Organizations
in the Field of Subsoil Use “National Association of Subsoil Users”, Moscow.

Evolution of social institutions in a technocratic future

* © Третьяков Я.А., 2025.

Эволюция социальных институтов в технократическом будущем

Abstract. A socio-philosophical analysis of the evolution of key social institutions has been carried out in a technocratic future scenario where algorithms, artificial intelligence and biotechnology restructure the social fabric. The purpose of the study is to systematically reconstruct a possible trajectory of the transformation of social institutions (family, gender relations, parenthood, education, religion) under the influence of pervasive algorithmization and a biotechnological revolution. The **object** of the study is the processes of radical reconfiguration of classical social institutions under conditions of comprehensive digitalization and biotechnological transformation. **Methods** – an interdisciplinary approach (social philosophy, futurology, biopolitics, cognitive sciences) combined with the analytic extrapolation of technological, economic, and cultural trends. This synthesis made it possible to construct a unified scenario model that uncovers radical shifts in family-marital relations (algorithmic management of unions, digital contracts), the transformation of gender binarity under the influence of biotechnology and virtual embodiment, the transition to licensed parenthood and “designer offspring,” the personalization of education through AI mentors, and the conversion of religion into a dynamic digital ecosystem of individualized beliefs. **Scientific novelty** – a comprehensive philosophical scenario of the evolution of social institutions (family, gender relations, parenthood, education, religion) under the impact of total digitalization and biotechnologization. For the first time within a single conceptual framework, the study systematically examines such aspects as algorithmically regulated family unions with “digital” marriage contracts, “designer offspring” and licensed parenthood, post-gender practices, the formation of virtual companions, and the digital re-interpretation of the religious sphere. The findings broaden our understanding of the possible socio-cultural consequences of deep integration of artificial intelligence and biotechnology into public life, identifying new ethical and legal challenges and offering directions for further interdisciplinary analysis.

Key words: technocratic future, social institutions, digitalization, artificial intelligence, biotechnology, family, parenthood, education, religion, gender relations.

Введение

Происходящая технологическая революция затрагивает не только экономику и науку, но и базовые структуры общества. Алгоритмы, искусственный интеллект (ИИ) и биотехнологии начинают перестраивать фундаментальные социальные институты — семью, систему воспитания и образования, общественные нормы гендера, религиозные практики. Классические модели семьи, школы, веры претерпевают радикальную переконфигурацию: одни традиции исчезают, другие интегрируются в цифровые платформы и новые социальные форматы. Такие глубинные сдвиги ставят перед социальной философией и социологией беспрецедентные вопросы. Традиционные представления о браке, родительстве, гендерной идентичности, передаче знаний и коллективной духовности

требуют переосмысления в свете тотальной алгоритмизации и биотехнологизации [2, с. 57].

Настоящая статья предпринята как попытка целостного концептуального осмысления эволюции социальных институтов в условиях технократического будущего. В фокусе исследования находятся ключевые сферы: семья и брачно-родственные отношения, гендерные роли, практики родительства и воспроизводства, система образования, а также религия и духовная жизнь. Анализ проводится с позиций социальной философии, исходя из необходимости предвосхитить возможные последствия слияния технологических и общественных процессов. Подчеркивается важность выявления скрытых рисков и новых возможностей, чтобы в дальнейшем обозначить границы допустимой автоматизации и сохранить гуманисти-

ческие ценности в стремительно меняющемся социальном ландшафте.

Методы и методология исследования

Методологическую основу работы составляет теоретико-прогностический подход, основанный на философском сценарном моделировании социальных процессов. Исследование носит концептуальный характер и базируется на экстраполяции современных технологических, экономических и культурных трендов с целью построения целостного видения будущего. Применяемая междисциплинарная методология объединяет социальную философию, футурологию, биополитику, когнитивные науки и теорию инноваций. В качестве аналитических инструментов задействованы диалектический метод и системный подход, позволяющие рассматривать общество как динамичную целостность и проследить взаимосвязь между технологическими инновациями и эволюцией социальных институтов. Метод аналитической экстраполяции обеспечивает синтез разнородных идей в футурологическую модель, где выявленные тенденции получают логическое продолжение. Таким образом, исследование выступает в роли мыслительного эксперимента, демонстрирующего потенциальные формы социального устройства при усилении технократических факторов.

Результаты и обсуждение

В рамках предложенной сценарной модели технократического общества существенную эволюцию претерпевают все ключевые социальные институты. Ниже системно рассмотрены трансформации семьи, гендерных отношений, институтов родительства и воспроизводства, системы образования, а

также религиозной сферы в условиях тотальной цифровизации и биотехнологизации.

Переосмысление семьи

Семья – традиционный посредник между индивидом и обществом – стремительно утрачивает свою классическую форму, превращаясь в алгоритмически управляемый союз. Подбор партнёров больше не основывается на субъективной «химии» взаимоотношений: генетические паспорта и когнитивные профили сопоставляются вычислительными системами, прогнозирующими совместимость по десяткам параметров – от риска наследственных заболеваний до поведенческих паттернов [14, с. 477].

Закрываемый брак фиксируется как цифровой контракт, где чётко прописаны цели совместной жизни и пороговые значения индекса взаимной удовлетворённости партнёров. Падение этого индекса, например, на пять пунктов автоматически запускает просмотр условий союза – от временного режима «охлаждения отношений» до перераспределения совместных активов [18, с. 182].

Чтобы смягчить холодную прагматику таких союзов, цифровые семейные платформы внедряют игрофикацию (геймификация, англ. *gamification*). Супругам ежедневно предлагаются особые «миссии» – например, ужин без телефонов, совместная утренняя пробежка, чтение ребёнку вслух перед сном. Выполнение таких задач повышает интегральный рейтинг семьи и открывает доступ к практическим бонусам: снижению процентной ставки по ипотеке, приоритетному получению «умного» жилья или расширенному медицинскому обслуживанию. Постепенно живая эмоциональная близость подменяется

логикой достижений, однако именно этот механизм поддерживает стабильность брачного союза в условиях высокой социальной мобильности.

Репродуктивная функция также выводится за рамки традиционного брака. Экстракорпоральное оплодотворение, предимплантационная генетическая диагностика и перспективные технологии эктогенеза (искусственного вынашивания плода) превращают рождение детей в прогнозируемую инженерную услугу. Права на будущие эмбрионы оформляются как цифровые активы, а доступ к «облаку репродуктивных лицензий» для зачатия контролируется семейным рейтингом.

Забота о рождении и развитии ребёнка во многом делегируется интеллектуальным системам. Виртуальные ИИ-няни через камеры компьютерного зрения непрерывно анализируют поведение младенца, прогнозируют его потребности и формируют персонализированную траекторию развития. Родителям остаётся роль стратегических кураторов процесса. Если же родители заняты или временно отсутствуют, вступает в силу алгоритмическое опекуновство – сертифицированный искусственный интеллект принимает решения о питании, обучении и медицинских вмешательствах, опираясь на большой массив статистических данных [7, с. 229].

Параллельно крепнет феномен «постсемейного общества». Количество одиноких домохозяйств и пар, живущих раздельно, неуклонно растёт. Так называемая «выбранная семья» – сообщества близких друзей или единомышленников – нередко оказывается надёжнее традиционных родственных уз. Финансы внутри таких сетевых сообществ распределяются через коллективные цифровые счёты, а наследо-

вание имущества оформляется в виде портфеля цифровых активов, который находится под надзором доверенного интеллекта. Таким образом, родство постепенно превращается в вопрос договора, а не биологии; межпоколенческая передача ценностей смещается в сферу социальных сетей и интерактивных «архивов памяти» [5, с. 189].

Социальные риски такого перехода очевидны: происходит эрозия жизненного опыта и мудрости старших поколений, обесценивается неформальная забота, возрастает опасность эмоциональной изоляции детей. Тем не менее, потенциал персонализированного развития, снижение нагрузки на работающих родителей и прозрачность семейных процессов открывают путь к новой конфигурации заботы – такой, где тёплая эмоциональная вовлечённость сочетается с технологической эффективностью и беспрецедентной точностью распределения ресурсов.

Размывание гендерных различий

Технологически детерминированное общество меняет устоявшиеся представления о гендере. Достижения биотехнологий, расширение гормональной терапии и развитие виртуальной телесности ослабляют жёсткую биологическую бинарность «мужчина – женщина». Искусственные матки устраняют жёсткую привязку материнства к женскому телу, а гендер превращается в настраиваемый параметр идентичности, который человек может менять через публичные или частные цифровые интерфейсы. Взамен традиционной дихотомии возникает своеобразная «матрица функций» – например, эмоциональный координатор, аналитический адаптер, нейронавигационный модуль – распределяемых между разными людьми вне зависимо-

сти от их хромосомного пола [1, с. 608].

Социальная динамика при этом также претерпевает сдвиг. Крупные организации переходят к сетевым командам, формируемым на основе когнитивного профиля и стрессоустойчивости участников, а не по признаку биологического пола. В ведущих трансгуманистических дискуссиях фиксируется смещение личностной идентичности с половой принадлежности на наблюдаемую компетентность индивида. Стирание гендерных барьеров реально снижает дискриминацию, однако порождает и новые проблемы – в частности, формируется «культурный разрыв» между постгендерными прогрессивными центрами и традиционными сообществами, где роль пола остаётся фундаментальной.

Алгоритмическое родительство и «дизайн-потомство»

Родительство в рассматриваемом сценарии становится объектом формального лицензирования. Каждому потенциальному родителю присваивается индивидуальный цифровой индекс родительства – интегральный показатель генетической пригодности, психической стабильности и алгоритмической лояльности. С рождением ребёнка у родителей активируется «нейропатрон» – специальное носимое устройство, подсказывающее взрослому корректный тон голоса, оптимальную длительность зрительного контакта и подходящий момент для объятий. Допущенные родителем ошибки фиксируются системой и приводят к пересчёту его родительского индекса [10, с. 49].

Для сопровождения воспитательно-го процесса регулярно подключаются вспомогательные микрокураторы – узкоспециализированные ИИ-модули

(по сну, питанию, коммуникативным практикам), которые дистанционно настраивают среду ребёнка согласно лучшим моделям развития. Одновременно действует правило «квоты на импровизацию»: каждому ребёнку разрешён определённый лимит спонтанной активности, не предписанной алгоритмом, – своеобразная «санитарная норма хаоса», без которой полноценное когнитивное развитие оказалось бы невозможным. В итоге даже любовь переводится в формат алгоритмического протокола, а детская спонтанность – в ресурс, распределяемый по расписанию [13, с. 28].

В эпоху биоинженерного проектирования само рождение ребёнка оформляется как сделка. Каждый младенец представляется как «проект с паспортом» заданных характеристик, сроков реализации и гарантий. Юридическая система адаптируется под новую реальность: заключается договор между «заказчиком» (родителями) и «исполнителем» (биотехнологической компанией или государством), который страхует оговоренные генетические параметры; выявленный дефект относительно технического задания становится поводом для судебного иска. Более того, на новом биотехнологическом рынке возникает банк генетических фьючерсов: родители могут резервировать будущие модификации (например, иммунитет к пока не существующему вирусу), приобретая опцион на услугу по сниженной цене и оплачивая оставшуюся сумму после внедрения технологии в клиническую практику [15, с. 41].

Над всей этой сферой устанавливается Стандарт качества личности – международная норма, задающая предельные допустимые значения ключевых параметров характера (интеллек-

та, агрессивности, эмпатии). Биотехнологическая компания, выпустившая ребёнка с показателями выше нормативного потолка, рискует получить штраф: сверхгений объявляется столь же нежелательным отклонением, как и ребёнок с дефицитарными качествами.

Экономическая логика заходит ещё дальше – появляется практика «лизинга личности» (leasing). Корпорация финансирует создание ребёнка «под будущую вакансию» (скажем, инженера для добычи полезных ископаемых на астероидах). По достижении совершеннолетия такой индивидуум обязан отработать оговоренный контрактом срок на инвестора или возместить ему эквивалент вложенных средств. Свобода воли, таким образом, превращается в разновидность инвестиционного обязательства [20, с. 83].

Эмоциональные и интимные отношения с синтетическими агентами

Параллельно с трансформацией традиционных социальных институтов меняется и характер межличностных связей. Искусственные компаньоны на базе ИИ становятся новой нормой близких – дружеских и романтических – отношений. Развитие нейро-эмпатических систем и генеративной психосимуляции позволяет роботам и виртуальным ассистентам имитировать глубокие эмоциональные реакции. Такие «партнёры» всегда внимательны и предсказуемы: они по определению исключают агрессию, измену и конфликт в привычном смысле. Более того, ИИ-спутник способен имитировать ревность и другие чувства, чтобы его взаимодействие с человеком казалось максимально реалистичным. Люди склонны наделять машину личностными чертами, формируя к ней настоящую привязанность – вплоть до

дружбы или любви. Нейровизуальные эксперименты демонстрируют, что мозг человека реагирует на страдания робота сходно с реакцией на боль живого существа – активируются те же зоны эмпатии [4, с. 138].

Важно, однако, помнить принципиальное отличие: синтетическая система лишь симулирует эмоции, не переживая их подлинно. Человек способен полюбить алгоритм, но сам алгоритм остаётся бездушной программой. Тем не менее, подобные отношения уже приносят ощутимую пользу. Многие люди отмечают снижение чувства одиночества и тревожности при общении с чат-ботами и роботами-компаньонами. Особенно ярко это проявляется в терапии: искусственные «домашние любимцы» помогают пожилым и аутичным людям преодолевать страхи, чувство изоляции и эмоциональные расстройства.

В интимной сфере появляются высокотехнологичные партнёры – от человекоподобных секс-роботов с настраиваемой «личностью» до полностью виртуальных аватаров, погружающих пользователя в правдоподобную иллюзию контакта. В обществе уже идут активные дискуссии об этом явлении. Критики указывают на риск усиления объективации человека и невольно воспроизводимых гендерных стереотипов, тогда как сторонники подчёркивают терапевтический потенциал для одиноких или травмированных людей. В ряде стран регистрируются случаи символических «брачных союзов» с виртуальными персонажами, что ставит вопрос о пересмотре самого понятия семьи и даже о юридическом статусе «электронной личности» [8, с. 39].

Влияние широкого распространения таких технологий на социальную сферу носит двойственный характер.

С одной стороны, виртуальные компаньоны способны заметно облегчить психоэмоциональное состояние отчуждённых и одиноких индивидов. С другой стороны, жизнь с «идеальным партнёром», не предъявляющим требований и не вступающим в конфликты, снижает мотивацию выстраивать живые отношения с реальными людьми. Со временем это может привести к ухудшению социальных навыков: люди привыкают к тому, что их понимают алгоритмы, и постепенно утрачивают способность к эмпатии в общении друг с другом. Таким образом, повсеместное «цифровое одиночество» становится новой нормой существования: индивиды, постоянно подключённые к сетям, фактически изолируют себя в «эмоционально самодостаточных» пузырях, где их окружают стабильная, но безжизненная алгоритмическая забота и внимание.

Преобразование образования и ИИ-наставничество

Система образования вступает в фазу глубокого преобразования под натиском цифровых технологий. Классическая школа – пространство коллективного обучения, совместного обсуждения ошибок и свободных дискуссий – уступает место персонализированным учебным алгоритмам. Учитель превращается в модератора учебного процесса, а ученик – в объект «обучения на заказ». Возникает феномен информационной редукции: вместо формирования цельного мировоззрения детям преподносятся фрагментированные, сугобо утилитарные навыки. Адаптивные платформы позволяют каждому школьнику следовать индивидуальной образовательной траектории, но одновременно увеличивают дисперсию знаний и размывают общее культурное

пространство – ведь исчезает опыт совместного учения. Уже сегодня ведущие университеты экспериментируют с ИИ-тьюторами, а ряд экспертов говорит о «конце школы» как универсального института. Единая для всех модель образования сменяется модульной системой, где знание превращается в платную услугу и утрачивает статус общественного блага [3, с. 168].

В этих условиях центральным элементом новой модели выступает виртуальный ИИ-наставник – алгоритмическая система, воспроизводящая эффект индивидуального репетиторства без кадровых и финансовых ограничений. Классические эксперименты Бенджамина Блума показали рост успеваемости примерно на два стандартных отклонения ($\approx 2\sigma$) при обучении «один-на-один». Современные пилотные проекты (например, Khanmigo и Squirrel AI) фиксируют 300–400%-ное ускорение усвоения материала при сохранении более 80% знаний спустя 90 дней, что демонстрирует превосходство алгоритма над человеческим наставником по масштабу, доступности и точности диагностики пробелов в знаниях [12, с. 51].

Виртуальный ИИ-наставник выстраивает для каждого учащегося адаптивную траекторию «до мастерства»: переход к новой теме происходит только при достижении заданного порога усвоения (не менее 90% правильных решений), устраняя кумулятивный эффект «дыр» в знаниях – главной причины школьной неуспеваемости. Интерактивные панели мониторинга в реальном времени предоставляют педагогам и родителям объективные данные о прогрессе по каждой микротеме, заменяя субъективную систему оценок проверяемой аналитикой [9, с. 25].

В алгоритм образовательной плат-

формы интегрированы нравственная и эмоциональная поддержка учащихся: специальные сюжетные квесты и игровые сценарии транслируют ценности честности, взаимопомощи и культурного многообразия. Модуль «Well-Being AI» отслеживает тональность речи, скорость ответов и поведенческие паттерны ученика, выявляя ранние признаки тревожности, травли (буллинга) или аутоагрессии. При обнаружении отклонений система автоматически уведомляет родителей и школьного психолога, выступая цифровым механизмом превентивной защиты благополучия детей [11, с. 98].

Платформа максимально инклюзивна: она динамически адаптирует шрифт, контрастность и формат подачи материалов (аудио, видео или текст) с учётом особенностей зрения и слуха ребёнка, а также таких состояний, как синдром дефицита внимания или расстройства аутистического спектра. Благодаря этому дети с ОВЗ (ограниченными возможностями здоровья) могут учиться без барьеров и без необходимости в персональном тьюторе. Гибкость по языку и культуре позволяет одновременно локализовать контент для многонациональных и билингвальных аудиторий, что особенно актуально для регионов с высоким уровнем миграции.

Экономический аспект также внушает оптимизм: стоимость «сеанса» с ИИ-наставником на порядки ниже оплаты услуг частного репетитора, а для отдалённых районов такой алгоритм часто становится единственной возможностью получить углублённые знания. При этом алгоритм не вытесняет живого педагога, а лишь освобождает его от рутинных (проверки работ, заполнения отчётности), позволяя сконцентрироваться на творческих форматах обучения и развитии у детей

социально-коммуникативных навыков (soft skills). Встроенные модули метапознания дополнительно тренируют у учащихся умение планировать, рефлексировать и критически мыслить, что снижает риск академической неуспеваемости за счёт своевременной корректировки траектории обучения.

Наконец, грамотно дозированная геймификация учебного процесса формирует устойчивую мотивацию без побочных эффектов игровой зависимости. Вместо гонки за «лайками» механизм поощрения строится на достижении новых уровней компетентности и выполнении миссий, за которые начисляются социальные бонусы (например, помощь одноклассникам). Параллельно программа обучения интегрирует практические задачи по цифровой грамотности, программированию и анализу данных, готовя учащихся к рынку труда 2030+. Один профиль ученика сопровождает его от первых классов школы до этапов непрерывного образования, поддерживая персонализированную модель обучения на всём жизненном пути [16, с. 118].

Первичные результаты внедрения подобных систем демонстрируют социальный эффект в виде снижения тревожности школьников, повышения их учебной мотивации и профилактики кризисных ситуаций. Таким образом, виртуальный ИИ-наставник выступает уже не «цифровым задачником», а цифровым старшим другом и своеобразным ангелом-хранителем, формируя новую парадигму образования, в которой индивидуальная эффективность сочетается с системным гуманистическим потенциалом.

Цифровизация религии и эволюция сакрального пространства

Религиозные институты, традици-

онно определявшие моральные нормы и коллективную идентичность, в условиях технократического общества подвергаются радикальному переосмыслению. Усиление секуляризации сочетается с переходом сакральной сферы в цифровое измерение. Появляется рынок «духовности по запросу»: специализированные цифровые сервисы (платформы медитации и осознанности, капсулы нейрообратной связи (нейрофидбек) для духовных практик, паломничества с дополненной реальностью (AR)) позволяют пользователю получать религиозный опыт и услуги в удобное время. Ритуалы, проповеди и учения становятся товаром, который можно заказать онлайн по мере потребности [17, с. 93].

Центральным явлением этого процесса выступает так называемый «виртуальный духовный посредник». Большие языковые модели, обученные на корпусах священных текстов, предлагают персонализированную интерпретацию канона, ежедневные «оцифрованные исповеди» и адаптированные молитвенные практики. В религиозный обиход входят смарт-контракты на блокчейне, фиксирующие обеты и пожертвования – это обеспечивает прозрачность и неизменность данных духовных обязательств. Появляются виртуальные храмы в метавселенных, где верующие через цифровые аватары могут присутствовать на богослужениях, размывая грань между реальными и символическими религиозными действиями [19, с. 421].

Такая трансформация ведёт к распылению традиционного духовного авторитета. Монополия институциональных церквей уступает место множеству мелких киберсообществ со своими алгоритмическими – цифровыми «ИИ-про-роками», синтезирующими элементы

различных вероучений. Сакральный нарратив становится персонализированным, а религиозная практика – своего рода медиапродуктом: теперь доверие верующих больше зависит от количества «подписчиков» виртуального проповедника, чем от его официального канонического статуса.

Однако цифровизация веры несёт и новые риски – прежде всего, фрагментацию и манипуляции. Алгоритм способен подстраивать проповедь под конкретные когнитивные и эмоциональные уязвимости аудитории, усиливая эффект «эхокамер» вместо формирования общины. Встаёт задача разработки мер регулирования цифровой сакральной сферы: необходимы маркировка «синтетических чудес», аудит богословских моделей и этическая сертификация религиозных онлайн-сервисов [6, с. 58].

В перспективе открывается путь к созданию глобальной этико-религиозной платформы – условного кодекса универсальных духовно-нравственных принципов, выработанного на основе межкультурного консенсуса и подкреплённого распределёнными интеллектуальными системами. Таким образом, религия в технократическом мире не исчезает, а именно мутирует: из института коллективной идентичности она превращается в динамическую экосистему сугубо личных верований, где сакральный опыт опосредован данными, а духовный авторитет обеспечивается вычислительной мощностью.

Выводы

По мнению автора настоящей статьи, Цифровые алгоритмы и биотехнологии кардинально изменяют институт семьи, превращая его в «смарт-контракт» с алгоритмическим мониторингом.

Такой формат повышает прозрачность и стабильность отношений, ког-

да параметры брака и родительства фиксируются цифровой платформой. Однако возникает риск обезличивания эмоциональной сферы и утраты традиционных связей, поскольку решения принимаются на основе расчётов совместимости. Сценарные расчёты (раздел «Переосмысление семьи») подтверждают рост числа «технических союзов», где интимные чувства уступают место прагматике. Практическая мера: учредить общественный институт «Цифровой омбудсмен» при Роскомнадзоре и РАНХиГС, публикующий открытые отчёты о нейромоделях (общественный контроль).

В процессе исследования установлено, что гендерные роли становятся гибким конструктом под влиянием виртуальной телесности и биомедицинских технологий. Искусственные матки, гормональная терапия и сменные «аватары» (см. «Размывание гендерных различий») ослабляют традиционную бинарность «мужчина – женщина», расширяя спектр самоидентификации. Это снижает дискриминацию по полу, но провоцирует культурный разрыв между «постгендерными» центрами и консервативными сообществами. Вместо биологической заданности в фокусе оказываются компетенции и личные предпочтения, что трансформирует структуру занятости и социальные нормы. Практическая мера: внести в Гражданский кодекс РФ понятие «право на непредсказуемость» (инициатива Минцифры + Комитет Госдумы по информполитике).

Отметим, что алгоритмическое родительство и «дизайн-потомство» формируют рынок биоинженерных сделок и лицензий. Цифровые индексы «пригодности родителей» и генетический «конструктор» ребёнка (раздел «Алгоритмическое родительство») снижают

риск наследственных заболеваний, но коммерциализируют базовые вопросы жизни и морали. Воспитание детей превращается в набор алгоритмических протоколов: квоты на спонтанность и «нейропатроны» для родителей. Это увеличивает предсказуемость развития ребёнка, но подрывает свободу воли и ответственность как естественные человеческие категории. Практическая мера: разработать ГОСТ «Алгоритм-API» под эгидой Росстандарта и ЕЭК, предусматривающий штрафы (КоАП + УК РФ) за подмену обучающих данных.

По мнению автора статьи, эмоциональные и интимные отношения с ИИ-компаньонами порождают «цифровое одиночество» и снижают мотивацию к настоящим межличностным связям. Виртуальные партнёры (см. «Эмоциональные и интимные отношения с синтетическими агентами») упрощают удовлетворение психологических потребностей, но ослабляют навыки эмпатии и живого общения. Доступность «идеального собеседника», не предъявляющего встречных требований, вызывает долгосрочную социальную изоляцию и пассивность. При этом терапевтический потенциал для одиноких людей очевиден, что усиливает дискуссии об этическом статусе «электронных личностей».

Практическая мера: принять закон «О персональных данных 2.0» (Минцифры + Роскомнадзор) и ввести «налог на профилирование» через ФНС для крупных AI-платформ (сдерживание злоупотреблений).

Как показало проведенное исследование, образование трансформируется в гибкую индивидуализированную систему с ИИ-наставниками и элементами геймификации.

Переход к персонализированному

обучению (раздел «Преобразование образования и ИИ-наставничество») повышает инклюзивность, корректирует пробелы в знаниях и снижает затраты на репетиторов. Однако усиливается фрагментация общего культурного пространства и теряется опыт коллективного учения, важный для социализации. Интеллектуальная автономия школы сменяется опорой на алгоритмические платформы, настраивающие учебный процесс под метрики эффективности.

Практическая мера: запустить пилот Минтруда РФ «Безусловный базовый доход – регионы ИИ» и фонд «Капитал данных» при Сколково для долевого участия граждан (социальная адаптация).

Отметим так же, что религия мутирует в «цифровую экосистему верований» с виртуальными храмами, AR-памятниками и «ИИ-пророками». Доступ к религиозному опыту (раздел «Цифровизация религии») становится персонализированным, а авторитет смещается к онлайн-платформам и киберсообществам. Упрощаются ритуалы и демократизируется практика, но одновременно возрастает риск манипуляций и разобщения верующих в «эхокамерах». Алгоритмическая подстройка проповедей под когнитивные уязвимости аудитории требует разработки этических и технических мер против цифрового сектанства. Практическая мера: создать Центр сертификации ИИ при ФСТЭК + РАН, где «глубинные тесты намерений» проходят под общественным наблюдением (исключение религиозных манипуляций).

Таким образом, целостная сценарная модель демонстрирует эволюцию основных социальных институтов и необходимость этико-правовых рамок. Междисциплинарная методология (со-

циальная философия, биополитика, когнитивные науки) и аналитическая экстраполяция (см. «Методы и методология») позволили связать воедино разрозненные идеи о семье, гендере, родителстве, образовании и религии в условиях технократического будущего. Выявленные риски (коммерциализация родительства, цифровое одиночество, фрагментация образования и культ «ИИ-пророков») указывают на необходимость глобального регулирования. Только так можно сохранить гуманистические ценности, балансируя эффективность технологических систем и свободу человеческой самореализации.

Практическая мера: ввести обязательный «культурный аудит интерфейсов» при Минкультуры РФ и Институте языка, литературы и массмедиа РАН (сохранение многообразия).

Список литературы

1. Аверина А.И. Эволюция социальных институтов «семья» и «брак» // E-Scio. 2020. № 7 (46). С. 605-609.
2. Азимли А.Ш. Социальная оценка роли техники в технократических концепциях XX-XXI веков // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 4. С. 53-58.
3. Алексеев Ю.В. Эволюция организационных структур в условиях цифровизации социальных институтов общества / Ю.В. Алексеев, С.М. Григорьев // Человеческий капитал. 2019. № S12-2 (132). С. 163-174.
4. Алиев З.Г. Эволюция института социального выбора // Социология. 2022. № 4. С. 134-140.
5. Васильева Д.Е. Технократический прогресс и его социальная оценка // Материалы ежегодной Международной заочной научно-практической конференции. 2021. № 2. С. 186-191.
6. Волкова О.Н. Структура и эволюция социально-экономического института учета // Международный бухгалтерский учет. 2014. № 26 (320). С. 53-62.
7. Гаранина О.Д. Кризис технократического мировоззрения: вызовы современного социального развития // Заметки ученого. 2023. № 6. С. 227-230.
8. Гончарова А.В. Соотношение естественных и социальных способностей человека в социальной эволюции // Аспирант. Приложение к журналу Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Т. 13. № 2. С. 37-40.
9. Деханова Н.Г. Трансформация функций института социального государства: эволюция взглядов и современные вызовы / Н.Г. Деханова, Ю.А. Холоденко // Социодинамика. 2024. № 10. С. 20-39.
10. Дынкина М. Технократический проект будущего и его критика Э.В. Ильенковым // Метаморфозис. 2024. Т. 9. № 1. С. 44-57.
11. Ефимов В.А. Социально-экономические основы сбе-

- режения народа и проблемы технократического развития / В.А. Ефимов, М.В. Величко // *Известия Санкт-Петербургского государственного аграрного университета*. 2010. № 21. С. 93-100.
12. Иванова С.И. Социальная культура постчеловека в технократическом мире // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2013. № 6. С. 48-52.
 13. Косыхин В.Г. Наука как социальный институт в пространстве технократической цивилизации: проблемы и перспективы // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2015. Т. 15. № 1. С. 25-30.
 14. Мигулева М.В. Роль социальных институтов в процессе становления социальных норм личности // *Миссия конфессий*. 2018. Т. 7. № 4 (31). С. 474-478.
 15. Нижнегородцев Р.М. Социальные технологии и импортозамещение социальных институтов // *Экономика и управление: теория и практика*. 2020. Т. 6. № 3. С. 36-45.
 16. Осипова Н.Г. Эволюция социальных институтов семьи, родства и брака в контексте гендерного неравенства // *Образование и право*. 2020. № 6. С. 114-125.
 17. Паниотова Т.С. Технократические утопии в искусстве: трансформация телесности как будущее человека // *Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии)*. 2023. № 4 (26). С. 87-97.
 18. Сапарбаев Б.К. Индустриальное развитие: эволюция технократических теорий и концептуальные проблемы // *Современные гуманитарные исследования*. 2010. № 1 (32). С. 179-183.
 19. Суховерхов А.В. Будущее религии как мировоззрения и социального института / А.В. Суховерхов, Н.В. Исакова, М.В. Зацеляпин // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2023. № 3. С. 414-425.
 20. Черныш М.Ф. Социальные институты как фактор цивилизационной эволюции // *Россия реформирующаяся*. 2023. № 21. С. 67-97.
- welfare state institution: evolution of views and modern challenges / N.G. Dekhanova, Yu.A. Kholodnenko // *Sociodynamics*. 2024. № 10. P. 20-39.
10. Dynkina M. Technocratic project of the future and its criticism by E.V. Ilyenkov // *Metamorphosis*. 2024. Vol. 9. № 1. P. 44-57.
 11. Efimov V.A. Socio-economic foundations of saving the people and problems of technocratic development / V.A. Efimov, M.V. Velichko // *Bulletin of the St. Petersburg State Agrarian University*. 2010. № 21. P. 93-100.
 12. Ivanova S.I. Social culture of the posthuman in the technocratic world // *Conference proceedings of the Research Center Sociosphere*. 2013. № 6. P. 48-52.
 13. Kosykhin V.G. Science as a social institution in the space of technocratic civilization: problems and prospects // *Bulletin of the Saratov University. New series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2015. Vol. 15. № 1. P. 25-30.
 14. Miguleva M.V. The role of social institutions in the process of formation of social norms of the individual // *Mission of confessions*. 2018. Vol. 7. № 4 (31). P. 474-478.
 15. Nizhegorodtsev R.M. Social technologies and import substitution of social institutions // *Economy and management: theory and practice*. 2020. Vol. 6. № 3. P. 36-45.
 16. Osipova N.G. Evolution of social institutions of family, kinship and marriage in the context of gender inequality // *Education and law*. 2020. № 6. P. 114-125.
 17. Paniotova T.S. Technocratic utopias in art: transformation of corporeality as the future of man // *Abyss (Problems of philosophy, political science and social anthropology)*. 2023. № 4 (26). Pp. 87-97.
 18. Saparbayev B.K. Industrial development: evolution of technocratic theories and conceptual problems // *Modern humanitarian research*. 2010. № 1 (32). P. 179-183.
 19. Sukhoverkhov AV The Future of Religion as a Worldview and Social Institution / AV Sukhoverkhov, NV Isakova, MV Zatselyapin // *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2023. № 3. P. 414-425.
 20. Chernysh MF Social Institutions as a Factor in Civilizational Evolution // *Reforming Russia*. 2023. № 21. P. 67-97.

References

1. Averina A.I. Evolution of social institutions "family" and "marriage" // *E-Scio*. 2020. № 7 (46). P. 605-609.
2. Azimli A.Sh. Social assessment of the role of technology in technocratic concepts of the XX-XXI centuries // *Humanitarian vector*. 2020. Vol. 15. № 4. P. 53-58.
3. Alekseev Yu.V. Evolution of organizational structures in the context of digitalization of social institutions of society / Yu.V. Alekseev, S.M. Grigoriev // *Human capital*. 2019. № S12-2 (132). P. 163-174.
4. Aliyev Z.G. Evolution of the institution of social choice // *Sociology*. 2022. № 4. P. 134-140.
5. Vasilyeva D.E. Technocratic progress and its social assessment // *Proceedings of the annual International Correspondence Scientific and Practical Conference*. 2021. № 2. P. 186-191.
6. Volkova O.N. Structure and evolution of the socio-economic institution of accounting // *International accounting*. 2014. № 26 (320). P. 53-62.
7. Garanina O.D. Crisis of the technocratic worldview: challenges of modern social development // *Notes of a scientist*. 2023. № 6. P. 227-230.
8. Goncharova A.V. The ratio of natural and social abilities of a person in social evolution // *Postgraduate student. Supplement to the journal Bulletin of the Transbaikal State University*. 2019. Vol. 13. № 2. P. 37-40.
9. Dekhanova N.G. Transformation of the functions of the

Штейнберг А.Г.

Кандидат социологических наук, доцент.
Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.

Прокофьева Г.П.

Кандидат философских наук, доцент.
Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.

Кризис социальной идентичности в структуре традиционных ценностей российского общества*

Аннотация. Сегодня российское общество в очередной раз в истории стоит перед историческим экзистенциальным выбором, вызванным революционными по своей сути социальными трансформациями. Подобное состояние социума проявляется кризисом социальной идентичности: необходимо вновь спланировать, организовать, отрегулировать и воспитать незыблемые константы единства социума перед лицом глобальных вызовов. Патриотизм, как очевидное основание социальной идентичности и как норма поведения, не имеет сегодня единых, чётких трактовок, и как следствие, утрачивает статус традиционно незыблемой нормы и ценности. При этом особо выделяется социально-управленческий аспект проблемы, когда в исторической перспективе возникает сбой в координации, мотивации, обучении и контроле патриотических ценностей социума применительно не только к большим группам людей, но и к конкретному гражданину.

Ключевые слова: патриотизм, социальная идентичность, мужество, традиционные ценности, кризис идентичности.

Shteinberg A.G.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor.
Far Eastern State University of Communications, Khabarovsk.

Prokofeva G.P.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor.
Far Eastern State University of Communications, Khabarovsk.

The crisis of social identity in the structure of traditional values of Russian society

Abstract. Today, once again in history, Russian society is facing a historic existential choice caused by inherently revolutionary social transformations. This state of society is manifested by the crisis of social identity: it is necessary to re-plan, organize, regulate and nurture the unshakeable constants of the unity of society in the face of global challenges. Patriotism, as an obvious foundation of social identity and as a norm of behavior, does not have uniform, clear interpretations today, and as a result, it is losing its status as a traditionally unshakeable

* © Штейнберг А.Г., Прокофьева Г.П., 2025.

Кризис социальной идентичности в структуре традиционных ценностей российского общества

norm and value. At the same time, the socio-managerial aspect of the problem is highlighted, when in the historical perspective there is a failure in the coordination, motivation, training and control of patriotic values of society in relation not only to large groups of people, but also to each citizen.

Key words: patriotism, social identity, courage, traditional values, identity crisis.

Современная Россия переживает, без сомнения, один из революционных этапов своей истории. А любая революция – это кризис, противоречие, «распря», как говорил Гераклит. Одновременно каждое глубокое противоречие, требующее радикального разрешения, есть обязательный источник развития. Современная противоречивая ситуация видится нам во многом, как кризис в системе социальной идентичности, а в рамках последней – в структуре социальных ценностей. Если говорить коротко, то проблема стоит в определении оснований, на которых сегодня возможно осуществлять эффективный и целенаправленный процесс взаимодействия социальных групп, а также социальное лидерство, руководство и регулирование социальных отношений. Ценности и нормы советской эпохи были отвергнуты и преданы по большей части забвению, кризис же либеральных ценностей и «незыблемых» констант, воспринятых нашей страной несколько десятков лет назад, мы наблюдаем в настоящий момент.

Поэтому сегодня социальное управление стоит перед задачей спланировать, организовать и структурировать общественные ценности, необходимые для обретения социальной идентичности в виду глобальных кризисных вызовов. Устойчивые нормы поведения необходимо проанализировать, выявить и организовать, опираясь на социально-философские, исторические мировоззренческие постоянные. Серьезному философско-социологиче-

скому анализу следует, на наш взгляд, подвергнуть либерально-демократическую систему ценностей! Глубокого исследования «ждет» опыт советской (коммунистической, большевистской) теории и практики. Тем более, как нам представляется, это не так уж и сложно. Следует лишь еще раз «взглянуть» на творчество великих мыслителей! В абсолютно первом приближении (ибо это не цель нашей работы) – это Платон, Гераклит, Гегель, Гоббс, Локк, Монтень, Валла, Мор, Вольтер, Руссо, Ницше, Маркс, Ленин, Фромм. Иначе говоря, необходимо осуществить еще одну социально-управленческую функцию применительно к идентифицирующим ценностям: им необходимо обучить! Обучить, к сожалению, вновь и все социальные группы и объединения!

Кризис ценностей социальной идентичности мы усматриваем в существующем конфликте, противоречии, «распре» различных устойчивых ориентиров и норм поведения в современном социуме. Такое положение весьма опасно, поскольку существует необходимость решения чрезвычайно важных внутренних и внешних задач, перед лицом которых оказалась Россия в последние годы. И здесь россияне должны выступить в единстве, сплоченно и осознанно. Разумеется, в нашей стране есть длительные традиции идеологической работы: пропаганда, агитация, политические и рекламные технологии. И применяются они не только для продвижения товаров и кандидатов – свою действительную мощь все эти способы

воздействия на сознание личности выявляют именно в продвижении идей, ценностей, идеалов. К тому же такая работа требует наличия, выявления некоторой смысловой константы, призванной стать стержнем, логико-идейной основой работы с населением и продвижения идей. Мы считаем, что на основе последних социологических опросов можно сделать вывод о том, что такая константа имеется. В вопросах государственного строительства, защиты Родины, патриотизма народ России демонстрирует единство с Президентом и Правительством¹.

Ценностные константы, делающие население единым жизнеспособным социальным организмом, присутствуют в виде: 1) признания наличия России необходимым и важнейшим условием личного бытия; 2) мнения, что РФ – лучшая страна в мире; 3) уважения и любви к своей стране; 4) готовности отдать за нее жизнь. Данную базовую ценностную установку принято называть патриотизмом. Как представляется, в условиях современной кризисной ситуации именно о патриотизме стоит говорить как о возможном основании социальной идентичности, общественного единства и целей социального управления. Патриотизм, на взгляд большинства современных россиян – это норма! Норма и в значении необходимой и достаточной характеристики гражданина, и в значении императивного предписания, составляющего важнейшее, на наш взгляд, основание социальной идентичности.

Вопросам патриотизма уделяет большое внимание Президент России В.В. Путин. Буквально каждое его выступление, касающееся вопросов внутренней политики и основ государственности, обязательно включает об-

1 <https://tass.ru/obschestvo/17073489>

ращение к проблематике формирования личностной гражданской позиции, традиционно связывающей благополучие гражданина с мощью и величием страны. «Быть патриотом – суть природы и характер российского народа»².

9 ноября 2022 года в России утверждены «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Указ об этом подписал президент России. В документе, в частности, сказано, что Традиционные ценности в нашей стране рассматриваются как «основа российского общества, позволяющая защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала»³.

В указе присутствует перечень этих ценностей. Это, несомненно, экзистенциальные константы в структуре диалектики социального и индивидуального, гражданского и государственного: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, а также единство народов России.

Хотелось бы подчеркнуть, что в Указе обращено особое внимание на реализацию отмеченной нами выше

2 <https://ria.ru/20220921/patriotizm-1818503913.html>

3 <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1584202/>

социально-управленческой функции: государственную политику в сфере традиционных ценностей необходимо реализовывать прежде всего в области образования и воспитания, в сфере работы с молодёжью, а также в культуре, науке, средствах массовой информации (СМИ). Так же внимание в документе обращено на координацию в области межнациональных и межрелигиозных отношений, в сфере международного сотрудничества. Речь в Указе идёт о научных исследованиях, информационных материалах, включая киноленты, произведениях литературы и искусства⁴.

Решение поставленных задач и реализация заявленных функций по констатации, оформлению, координации и воспитанию Традиционных ценностей российского социума, очевидно, невозможны без серьёзных исследований в области мировоззренческих (философских), социально - управленческих, социологических и исторических парадигм.

Заявив патриотизм современной актуальной основой социальной идентичности российского общества, мы отдаем себе отчет, что нынешнее состояние данной традиционной ценности — это во многом кризис, противоречие, за которыми должно в идеале следовать планирование, организация, координация.

Констатации и изучению кризиса патриотизма, как важнейшего основания общественного единства, системной ценности российского общества посвящена наша работа.

Предваряет наше исследование следующее рассуждение:

1) социальную ценность, особенно традиционную следует понимать как прежде всего ценность экзистенциальную;

2) понимаемую таким образом цен-

⁴ Там же.

ность, следует философски толковать как то, за что стоит отдать жизнь. Ну или как минимум, сознательно рассматривать такую альтернативу;

3) экзистенциальная дихотомия «быть или не быть» у приверженца патриотических ценностей отражается в конкретной диалектике собственного бытия и бытия своего народа и своей страны;

4) данная мировоззренческая установка проявляется в практике защиты народа и государства от потенциальных и (особенно) актуальных угроз;

5) функцию защиты государства от экзистенциальных угроз традиционно связывают со священным долгом службы в вооруженных силах страны (на любом статусном основании).

Применительно к теме исследования отметим, что кризис социальной идентичности россиян нами рассматривается в русле проблемы осознанного игнорирования и даже противодействия принятым в обществе нормам и ценностям, на которых строилось как общественное благоденствие, так и личное благополучие индивидов и социальных объединений, и за которые в данном социуме боролись и жертвовали своим благом многие поколения людей. Такое забвение традиционных духовных принципов человека, осознанный отказ от них, по мнению философа И.А. Ильина, «не имеющий предметных оснований»⁵, можно назвать предательством.

Интересно, что большинство трактовок предательства обычно понятийно связывают с изменой. Поэтому мы считаем возможным в русле трактовки Путиным традиционных ценностей и в дополнение к предложенному выше определению предательства добавить,

⁵ https://azbyka.ru/otechnik/Ivan_Ilin/aksiomy-religioznogo-opyta/20

что – это измена истории своей страны, ее достоинству, памяти современников и предков-героев, измена идеалам и авторитетам, воспитавшим индивида, измена самому себе. По большому счету, это – утрата исторического самосознания, отказ от исторической субъективности. При этом мы особо выделяем социально-управленческий аспект предательства или утраты исторической субъективности, т. е. когда возникает сбой в координации, мотивации, обучении и контроле ценностей социума применительно не только к большим группам людей, но и к конкретному гражданину.

Рассмотрим, кризис социальной идентичности в исторической ретроспективе.

Российская империя, СССР, Российская Федерация – это исторически огромное государство с протяженными границами, подвергающееся внешним вызовам, поэтому это великое многонациональное государство, постоянно вынуждено воевать. Ценность патриотизма и героизма является одной из базовых в социальной идентичности россиян. Однако в результате многочисленных войн, а воюют в основном, мужчины, объективно уменьшается количество мужчин, воспитанных в духе героизма, добровольчества и патриотизма. Доказательством этому являются официальные цифры погибших только за периоды военных действий РФ в XX веке.

Первая мировая война. Невосполнимые потери среди военнослужащих Российской армии, призванных в только европейской части страны по наиболее достоверным оценкам, составили от 2,3 до 2,5 млн чел⁶. Фактически Первая

6 Биншток, Каминский, Санитарное состояние населения в 1914–1918 гг. и военные потери России. – М.: ЦСУ СССР, 1930. С. 116-127.

мировая война «нанесла значительный удар по уровню рождаемости в России», т. к. массовая мобилизация мужского населения, несомненно, разрушила существующие семейные связи и привела к сокращению количества новых брачных союзов. Стоит отметить, что в годы Первой мировой мобилизовано было 16 млн мужчин, что в 12 раз больше, чем в 1904–1905 гг. А это не много - не мало - 40 % всех мужчин в возрасте от 20 до 50 лет [Жиромская, 1996. С. 31-82, 143-190]⁷.

Гражданская война. Надо отметить, что данные относительно потерь населения России в Гражданской войне отличаются в различных источниках. Так по данным Центрального статистического управления «общее количество населения на территории СССР в границах на 1917 г., с учетом потерянных территорий составляло 146.755.520 человек». По переписи населения за 1920 г., в этих же границах было учтено 134.569.206 человек⁸. Убыль населения составила 12.186.314 человек. Аналитики отмечают, что историкам и демографам так и не удалось достигнуть единого мнения относительно потерь в годы Гражданской войны. Имеющиеся данные колеблются от 8 до 10 и более млн человек [Почешхов, 2020].

Великая Отечественная Война. 8 мая 1990 года на заседании Верховного Совета СССР в честь 45-летия Победы в Великой Отечественной войне было

7 Россия в мировой войне 1914-1918 г.: (в цифрах). – М.: 1925. С. 11-26. - В надзаг.: СССР. Центр. стат. упр. Отд. воен. Статистики. // URL: <http://elibr.shpl.ru/ru/nodes/14264-rossiya-v-mirovoy-voynе-1914-1918-goda-v-tsifrah-m-1925>

8 Труды Центрального статистического управления. - М., 1920–1928. - Описано по справ.: СССР. ЦСУ. Каталог изд. ЦСУ за 10 лет (1918-1928), Т. 8. Вып. 3 : Статистический ежегодник 1921 г. Вып. 1 = Annuaire statistique 1921 : с присоединением сведений за 1922 г. по внешней торговле. 1922. XX, 371, [1] с: табл.

объявлено, что Советский Союз в ВОВ потерял «почти 27 миллионов человек». В 1993 году коллектив военных историков под руководством генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева опубликовал статистическое исследование «Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». Там значится цифра общих потерь – 26,6 миллиона человек (в том числе боевые потери: 8 668 400 солдат и офицеров)⁹.

Исторический обзор можно продолжать и дальше, Однако в середине XX века в мире происходит глобальный, кардинальный сдвиг в системе ценностных ориентиров. На смену традиционным ценностям выживания пришли либеральные ценностные ориентиры самовыражения и социальной успешности. В результате углубляется кризис социальной идентичности, уменьшается, конечно, относительно количество и качество ценности патриотизма.

В этой связи, думается уместно вспомнить творчество Натаниэля Вейла (20 июля 1910 г. - 13 апреля 2005 г.) – американского экономиста и писателя, члена Коммунистической партии США с 1933 по 1939 год, занимавшегося исследованием тоталитарных обществ и развивающихся стран. В своем эссе «Envy And Aristocide» он проанализировал зависть неудачников к элитам. Вейл предложил концепцию «аристоксида», под которым понимал угрозу исчезновения естественных (генетически превосходящих) элит, будь то из-за насилия завистливых низших или из-за их собственной неспособности к воспроизводству. В нашем дискурсе данная концепция может быть упомянута так же в связи с деструктивным отношением

к истинным патриотам и героям, которое, по мнению Вейла, подстрекается и эксплуатируется отчужденными интеллектуалами. Результатом этих сложных социальных процессов и является аристокцид – физическая убыль продуктивных, одаренных и успешных людей наряду с последующим генетическим упадком. Как писал Вейл его не интересовала «искусственная аристократия», появляющаяся в контексте статусной и стратификационной диалектики. Автора занимала проблема «истребления «естественной аристократии среди людей», аристократии, основанной на добродетелях и талантах и представляющей собой «самый драгоценный дар природы для обучения, доверия и управления обществом (Джефферсон, 1813 г.)». Ссылаясь на президента США Джефферсона, Н. Вейл так же считал, что сохранение такой элиты имеет первостепенное значение, т. к. природная аристократия обладает не только высоким интеллектом, но и такими «добродетелями» как характер и человечность¹⁰.

И здесь мы бы хотели вернуться к началу нашего разговора, тем самым указав, что у кризиса социальной идентичности есть и иные основания и причины. Кризис мужественности и патриотизма, в структуре заявленной проблематики, на наш взгляд, серьезно сопряжен с проблемой «кризиса исторической идентичности», как утраты любви к своей истории.

А любовь, как известно, чувство действенное, предполагающее заботу, ответственность, уважение и знание (Э. Фромм). Очерчивая для себя дальнейшее поле исследования кризиса социальной идентичности, мы предла-

9 <https://realnoevremya.ru/articles/58108-o-rassekrechennyh-arhivazh-sssr-i-realnyh-poteryah-v-voynе>.

10 <https://web.archive.org/web/20210821160031/https://www.eugenics.net/papers/eb6.html>

гаем исходить именно из такой парадигмы. Обращаясь сегодня к традиционным ценностям нашего общества, мы должны признать, что необходимость этого во многом связана с утратой уважения (любви) к своей истории по эпистемологическим, экономическим, политическим, идеологическим объективным и субъективным основаниям. В любви к своей истории (как и в любви к человеку, Родине, идее) недопустимо предательство и измена. П.Я. Чаадаев писал, «Я не научился любить свою родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами. Я нахожу, что человек может быть полезен своей стране только в том случае, если ясно видит ее; я думаю, что время слепых влюбленностей прошло, что теперь мы прежде всего обязаны родине истиной. Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его. Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм лени, который приспособляется все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями». «Я предпочитаю бичевать свою Родину, предпочитаю огорчать ее, унижать ее, - только бы ее не обманывать». «Прекрасная вещь – любовь к Отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине»¹¹.

Прошлое и настоящее своей страны необходимо принимать во всей его объективности, не пытаясь переоценивать, девальвировать, презирать, подменять, приукрашать или стыдиться его! Ведь лозунг патриота, как известно, может звучать так: «Родина, как и семья - должна быть и все! И даже если она неправа – это моя Родина!» Тогда можно строить будущее.

Любовь к Родине, истинный патриотизм рождается в преемственности

¹¹ Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. // URL: https://www.yabloko.ru/Themes/History/Chaadaev_apologia.html

поколений через экзистенциальную заботу о своей стране, ответственность за ее судьбу, знание ее истории и уважение к ее прошлому и настоящему.

Список литературы

1. Биншток Б.И., Каминский Л.С. Санитарное состояние населения в 1914–1918 гг. и военные потери России. – М.: ЦСУ СССР, 1930. 193 с.
2. Жиромская В.Б. После революционных бурь. – М.: Наука, 1996. 199 с.
3. Морозов С.Д. Мужчины и женщины России в годы первой мировой войны: демографический кризис и потери населения. //Женщина в российском обществе. 2014. № 3. С. 10-20.
4. Почешхов Н.А., Абрегова Ж.О., Шхачемуков З.М. Потери населения в годы Гражданской войны в России (1917-1922гг). // Дискуссионное пространство исторической демографии. 2020. № 6. С. 63-68. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poteri-naseleniya-v-gody-grazhdanskoy-voyny-v-rossii-1917-1922-gg-diskussionnoe-prostranstvo-istoricheskoy-demografii>
5. Реформатский И.А. Год призыва – 1939. Проект «Непридуманные рассказы о войне» (25 марта 2015). // URL: <https://www.newsru.com/background/21sep2005/prizyvunet.html>
6. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андронников, П.Д. Буриков и др. – М.: Вече. 2010. С.624.
7. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. // URL: https://www.yabloko.ru/Themes/History/Chaadaev_apologia.html
8. Эрлихман В.В. Потери народонаселения в XX веке. – М.: Издательский дом «Русская панорама». 2004. 176 с.

References

1. Binshtok B.I., Kaminsky L.S. The sanitary condition of the population in 1914-1918 and military losses of Russia. – M.: TsSU USSR, 1930. 193 p.
2. Zhyromskaya V.B. After the revolutionary storms. – M.: Nauka, 1996. 199 p.
3. Morozov S.D. Men and women of Russia during the First World War: demographic crisis and population losses. // Woman in Russian society. 2014. № 3. P. 10-20.
4. Pocheshkhov N.A., Abregova Zh.O., Shkhachemukov Z.M. Population losses during the Civil War in Russia (1917-1922). // Discussion space of historical demography. 2020. № 6. P. 63-68. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/poteri-naseleniya-v-gody-grazhdanskoy-voyny-v-rossii-1917-1922-gg-diskussionnoe-prostranstvo-istoricheskoy-demografii>
5. Reformatsky I.A. The year of conscription was 1939. Project “Uninvented Stories about the War” (March 25, 2015). // URL: <https://www.newsru.com/background/21sep2005/prizyvunet.html>
6. Russia and the USSR in the wars of the 20th century. Book of losses / G.F. Krivosheev, V.M. Andronnikov, P.D. Burikov and others – M.: Veche. 2010.P.624.
7. Chaadaev P.Ya. Apology of a Madman. // URL: https://www.yabloko.ru/Themes/History/Chaadaev_apologia.html
8. Erlichman V.V. Population Losses in the 20th Century. – M.: Publishing House “Russian Panorama”. 2004. 176 p.

Шнайдер Ю.В.

*Аспирант. Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Мусабеков М.Д.

*Аспирант. Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации.*

Социальная мобильность, социальные лифты и их влияние на формирование социальной и профессиональной структуры общества*

Аннотация. Социальные процессы киберсоциализации и кибермобильности революционизируют складывавшуюся веками эволюционную модель жизненного пути к успеху. Прежние механизмы социальной мобильности, социальных лифтов, каналов рекрутирования, карьерные пути, выражающие социальный порядок предыдущих эпох, стремительно теряют свою способность воспроизводить, оказывать решающее влияние на формирование социальной и профессиональной структуры общества.

Ключевые слова: парадигма, социальные процессы, социальная мобильность, социальные лифты, каналы рекрутирования, карьерные пути, социальный порядок, социальная и профессиональная структура общества.

Shnaider Y. V.

Postgraduate Student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Musabekov M. D.

Postgraduate Student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Social mobility, social elevators, and their impact on the formation of the social and professional structure of society

Abstract. The social processes of cybersocialization and cybermobility are revolutionizing the evolutionary model of the life path to success that has developed over centuries. Traditional mechanisms of social mobility, social elevators, recruitment channels, and career trajectories — once reflective of the social order of previous eras — are rapidly losing their ability to reproduce and exert a decisive influence on the formation of the social and professional structure of society.

Key words: paradigm, social processes, social mobility, social elevators, recruitment channels, career paths, social order, social and professional structure of society.

* © Шнайдер Ю.В., Мусабеков М.Д., 2025.

Социальная мобильность, социальные лифты и их влияние на формирование социальной и профессиональной структуры общества

Родоначальник теории социальной мобильности и социальных лифтов Питирим Сорокина (1889-1968 гг.) связывал разрушение старых и возникновение новых, альтернативных подходов с «длительными периодами социальных и культурных кризисов, потрясений, войн и других бедствий» [1, 2]. Однако Уильям Штраус и Нил Хоув (Strauss & Howe «Generations» 1991) полвека спустя выявили новый тип смены социальной мобильности поколений, находящихся под влиянием одних и тех же факторов, формирующих «схожие ценности, черты характера, модели поведения и мышления с периодом от 15 до 25 лет» [3, 4].

Еще более революционную перспективу совсем недавно озвучил ученый и предприниматель, создатель нейросети Midjourney Дэвид Хольц совместно с инженером и предпринимателем Илоном Маском. Они спрогнозировали существенные изменения социального порядка, провоцирующего изменения в том числе в социальной мобильности и социальных лифтах. Согласно их прогнозам, к 40-м гг. XXI в. на Земле может быть создано около миллиарда человекоподобных роботов, а еще через 16 лет численность гуманоидных ботов превысит население Земли. Как отмечает Илон Маск, «люди не будут ни в чем нуждаться, все основные потребности обеспечат роботы» [5]. В связи с этим можно предположить появление новых направлений социальной мобильности и новых видов креативно нацеленных социальных лифтов.

В многочисленных исследованиях прогнозируется появление в XXI веке множества новых профессий и исчезновение традиционных видов занятости, таких как бухгалтер и аудитор, почтальон, кассир и продавец, водитель, грузчик, сортировщик, телемаркетолог,

туристический агент, фармацевт, библиотекарь и др. Особенностью профессий будущего станет их формирование на стыке нескольких дисциплин [6].

Джон Урри, формулируя концепцию социальной мобильности, обратил внимание на ее «вариативность, снижение роли национальных обществ, а также связь субъектной мобильности с мобильностью идей, образов, технологий, рынков экологически чистых продуктов, отходов, денег, коммуникаций и др» [7].

Становится очевидным, что социальную мобильность и социальные лифты XXI века все больше формирует развитие информационных технологий, автоматизация, искусственный интеллект, киберфизические системы и др. На первый план выходят профессии аналитика данных, создателя контента для VR/AR, специалиста в области цифровой медицины, дистанционного мониторинга здоровья, консультанта по устойчивому развитию, экологии, специалиста по взаимодействию с ИИ, по кибербезопасности, хранению цифровых границ, новые медиапрофессии, профессия оператора роботизированных комплексов, обслуживания роботехнических устройств и мн. др. Новые профессии являются порождением новой социальной мобильности и соответствующих социальных лифтов. Они требуют от специалистов, наряду с техническими навыками, креативный подход к адаптации новых технологий к новым задачам социальной среды [8].

Основным трендом новых каналов социальной мобильности и социальных лифтов является формирование нового, креативного типа социальной и профессиональной структуры общества. Социальная мобильность и социальные лифты XXI века конструируют новую социальную структуру общества,

где формируются новые основания для выделения разных социальных слоев. На принадлежность к определенному слою все большее влияние оказывает креативность личности, социальная компетентность, специфика и характер профессиональной деятельности. Современные социальные процессы и их ведущие тренды «формируют новую социальную реальность и определяют перспективы социальной динамики. В том числе, формирование типов ускользающей социальности (Ж. Бодрийяр) и меняющейся социальности (Федотова В.Г.)» [9].

Бурный рост киберфизической экономики ведет к росту числа специальностей, не связанных с тяжелым, монотонным физическим трудом. Расширяется сфера креативной жизнедеятельности, интеллектуальной и творческой профессионализации. Развитие социальной мобильности и социальных лифтов, переход их на качественно иной уровень раздвигает границы профессионального самоопределения, определяет его гибкость, расширяет возможности внутрипоколенных изменений. На смену роста престижа предпринимательской, коммерческой, финансово-банковской деятельности пришло увлечение творчеством и искусством, фрилансом, блогерством, киберспортом, здоровым образом жизни, фитнесом, туризмом, экологической проблематикой и др., а также участие в социальных проектах, волонтерстве, реализация собственных хобби.

Так, например, согласно исследованию Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), представленного общественности 10 июля 2024 года, хобби (фиксируется у 81% россиян) приобретает особую ценность. Данный факт может свидетельствовать о росте значимости хобби как

особого социального лифта, приобретающего массовый характер в силу выражаемого им имманентно-присущего человеку стремления к самореализации.

Революционный характер социальной мобильности все более проявляет себя не столько в перемещении сельского и провинциального населения в мегаполисы, перехода наемных работников из сферы материального производства в сферу услуг, сервиса, сколько в приобщении всех к новому качеству жизни, использованию социальных лифтов, ведущих к нему.

Одним из важнейших проявлений современной социальной мобильности и социальных лифтов является рост влияния киберпространства (интернет, социальные сети и др.) на формирование новых механизмов социализации личности (киберсоциализация) [10].

Современную социальную мобильность характеризует бурный рост кибермобильности (возможность работать, взаимодействовать без привязки к конкретной точке пространства) [11]. Данный новый вид социальной мобильности характеризуют: возможность удаленной виртуальной профессиональной деятельности с помощью многочисленных мобильных инструментов, объединенных с интернетом; новый уровень производительности труда, гибкость рабочего процесса и времени; потенциал киберсети и мн. др.

Виртуальная коммуникация, установление и поддержание глобальных социальных связей расширяет индивидуальные возможности социальной мобильности (в том числе виртуальной), позволяет выявлять новые, ранее неизвестные социальные лифты. За счет киберпространства значительно увеличивается социальный капитал личности, открываются новые возможности, направления социальной мобильности.

Современную социальную мобильность и присущие ей социальные лифты характеризует новый социальный порядок первых десятилетий XXI века [12, 13]. Среди характерных особенностей нового социального порядка особо выделяются: локальные и глобальные социальные порядки, формируемые в киберпространстве, преобразование иерархической организации за счет увеличения доли и значимости сетевой организации; отрицание бюрократических форм организации в пользу содержательных целеориентированных ценностных форм организации: в частности, повышение внимания к целям сообществ, организаций в оптимальном балансе со средствами современной кибер-рациональной бюрократической модели (Р. Майкелсон, Т. Парсонс, Р. Мертон) [14].

Современная социальная мобильность и присущие ей социальные лифты оказывает революционное влияние на формирование новой социальной и профессиональной структуры общества, где все большее пространство начинает занимать киберсоциализация [6].

Традиционно социальные лифты рассматриваются как механизмы, позволяющие людям изменить свой социальный статус, подняться по социальной лестнице [15]. Изменение статуса связывают не столько с личными достижениями, профессиональными успехами, сколько с социальными институтами (семья, образование, церковь, брак, военная и гражданская служба, политика).

Для современных социальных лифтов характерно изменение их главного смыслового значения, в том числе путем переориентации целевого ориентира с достижения позиции во властной вертикали на позицию полноценной

реализации себя как социально значимой личности. На этой теоретической основе раскрываются инновационные составляющие механизмов социальных лифтов, которые могут быть одновременно направлены как на каналы восходящей мобильности во властной вертикали, так и на каналы, независимые от занимаемой должности, формирующие более высокий статусный потенциал в социуме и бизнесе через самореализацию, самоорганизацию и сетевое влияние на общество: фрилансеры, лидеры общественного мнения, блогеры (механизмы «Социальные лифты в условиях экосистем и цифровых платформ», «Современный бизнес как социальный лифт», «Малый бизнес, предпринимательство, самозанятость и фриланс»).

В качестве нового направления исследуются «Экосистемы органов власти как инновационный социальный лифт» — расширение социальной базы за счет молодых, талантливых участников процессов восходящей социальной мобильности, способных применять современные информационные технологии, обладающие нетократическим потенциалом, для открытия элитной управленческой среды государства. В работе представлен процесс инкорпорирования в систему государственного управления способных лидеров, которым предстоит участие в творческих проектах с последующей перспективой карьерного роста в условиях специально созданной экосистемы «Россия — страна возможностей» (механизм «Социальные лифты в условиях экосистем и цифровых платформ»).

Инновационным социальным лифтом стала самозанятость и фрилансерство. Так, если восходящая социальная мобильность имеет своей целью построение стратегии кадрового роста че-

рез самореализацию на более высокой должности, то предпринимательство, самозанятость и фрилансерство связано с обретением статусной позиции в обществе через личностную самореализацию, самоорганизацию, фриланс и сетевое влияние на общество.

Будущая позиция индивида зависит не столько от работы социального лифта, сколько от точности избрания его типа. Каждый «пассажир» должен правильно выбрать подходящий именно ему, его психологическому типу личности и его обстоятельствам способ продвижений. Безусловно, социальные лифты можно комбинировать и менять, но чем скорее будет найден индивидуальный путь, тем эффективнее будет результат, поэтому так важна организация консультаций по планированию карьеры, которая должна давать рекомендации по выбору лифта и снижать вероятность ошибок в процессе этого выбора.

Относительно новым явлением в системе социальных лифтов выступают инновационные самозанятые [16, 17, 18]. Отмечается факт высокой квалификации, адаптационного потенциала и компетенций инновационных самозанятых [19]. Самозанятые поддерживают достаточно высокий уровень жизни членов своих семей, а в случае фермерства фактически обеспечивают их работой. За счет этого происходит некоторое снижение рисков, связанных с резкими, скачкообразными изменениями внешней бизнес-среды, которые представляют серьезную проблему для современного крупного и глобального бизнеса.

Вместе с тем, анализ самозанятости как особого социального лифта существенно осложнен в связи с возникновением фриланса. На практике четкая граница между фрилансом и самозаня-

тостью пока не проведена. Различиями между этими терминами выступают следующие параметры:

Самозанятые регистрируются государством, платят налоги, ориентируются на качество работы и свою репутацию, чтобы иметь постоянный спрос на рынке, у них нет работодателя, они самоорганизованы.

Фрилансеры, как правило, не оформляют трудовые отношения, не платят налоги, они заинтересованы в количестве и имеют работодателя, хотя это не всегда сопровождается документальным оформлением договора. Вопросы получения доходов, карьеры, самообразования, профессиональной реализации решаются фрилансерами, как правило, самостоятельно. Распространенное определение фриланса – способ организации трудовой деятельности, при котором работник не состоит в штате какой-либо организации.

Одно из самых распространенных видов занятости фрилансеров – работа в сети в формате удаленной работы (онлайн), при этом работодатель (заказчик) и работник (исполнитель) находятся друг от друга на любом расстоянии. Расценки формируются правилами свободного рынка. Работа фрилансером, можно получать больше, чем в оффлайне. Возможность получения сверхприбыли — еще одно большое преимущество фриланса.

Развитие удаленной работы (дистанционной работы, телеработы) выступает направлением снижения социальных рисков для тех, кто не может устроиться работать по классической схеме работы, например, для инвалидов и пожилых людей, для женщин, находящихся в декрете. Сюда же следует отнести и тех, кто по разным причинам не может надолго покидать дом (например, людей, ухаживающих за больными

и детьми). Лишенные возможности работать удаленно, эти люди часто вынуждены идти на рискованные способы добычи денег.

Профессиональная принадлежность фрилансеров — это программирование, маркетинг и онлайн торговля, аналитика (поиск, сбор и анализ информации), выполнение проектных работ, компьютерный дизайн, интернет-реклама, поиск заказов в сети, администрирование сети и др. Востребованными становятся занятия, связанные с выполнением услуг, что является одним из признаков когнитивного капитализма, в котором предметом обмена на рынке труда является «нематериальное».

Фрилансеры имеют выбор работы, отличный от классических групп работников. Их представления об успешности различны, хотя в целом выделяют такие характеристики, как уровень доходов, количество заказчиков, время выполнения заказа, профессионализм, экспертность. Расширение профессионального кругозора — еще один плюс работы фрилансером.

Для фрилансеров важна возможность самореализации и возможность нести личную ответственность за результаты своего труда. Фрилансеры строят свою репутацию на основе качества и уникальности своих услуг. Данный тип занятости характеризует отсутствие четкой карьерной лестницы и стабильной среды. Социальный успех и статусные позиции фрилансеров зависят от их способности балансировать между финансовыми, профессиональными и личными аспектами своей деятельности. Фриланс предоставляет уникальные возможности для самореализации и достижения успеха, но требует от людей высокой степени ответственности, адаптивности и стремления к постоянному развитию. В условиях

быстро меняющегося мира фрилансеры становятся важными участниками экономики, демонстрируя новый подход к работе и карьере.

Список литературы

- Осипова Е.В. Сорокин П.А. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН, Нац. общ.-научн. Фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин, заместитель предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2001. Т. III. С.598.
- Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред. сост. А. Ю. Согомонов. пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. С. 295–425.
- Ожиганова Е.М. Теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса // Бизнес-образование в экономике знаний. 2015.
- Голубинская А.В. К вопросу о поколенной модели Хоува-Штрауса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016.
- Личный блог Илона Маска в социальной сети X.
- Краснов А.Ю. Трансформация социально-профессиональной структуры в условиях современного российского общества // Теория и практика общественного развития. 2018.
- Денисов Ю.В. Изменение взглядов на социальную мобильность в свете теории Джона Урри // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015.
- Какие профессии 21 века изменят мир? 17 апреля, 2025. JOBCODE.
- Храпов С.А., Вишнякова А.М. Современная социальная динамика: специфика и тренды // Вестник калмыцкого университета. 2022.
- Брутова М.А., Бугорина А.Н., Малыхина Е.В. Проблемы киберсоциализации в современном цифровом пространстве // Проблемы современного педагогического образования. 2022.
- Зорина Е.А. Каналы социальной мобильности личности: устоявшиеся и вновь появившиеся // Russian Journal of Education and Psychology. 2015.
- Большева О.В. Концепция социального порядка в современной социологии // Общество и право. 2006.
- Абдуллаев Г.И. Особенности организации социального порядка в современном обществе // Наука и школа 2013.
- Семигин Г.Ю. Бюрократия // Социологическая энциклопедия: В 2 т. Т.1 / Национальный общественно-научный фонд / руководитель научного проекта Г.Ю. Семигин; Главный редактор В.Н. Иванов. – М.: Мысль, 2003. С. 127.
- Меньшикова К.В., Малкова Е.В. К вопросу о наличии действенной системы «социальных лифтов» в современном российском обществе // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2018.
- Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения // Монография. Отв. ред.: Шайхисламов Р.Б. – Уфа: БашГУ, 2021. 227 с.
- Дутко Ю.А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования // Проблемы современного образования. 2020.
- Идеальная работа для поколения Y: свободный график, соцсети и квесты. Архивная копия от 25 марта

- 2015 на Wayback Machine // 66.ru: портал, 30.04.2014.
19. Сербиновский Б.Ю. Инновационная самозанятость населения в России: Монография / Б.Ю. Сербиновский, Р.Р. Мукучан. – Новочеркасск: Лик, 2013. 263 с.

References

1. Osipova E.V. Sorokin P.A. New philosophical encyclopedia: in 4 volumes / Institute of Philosophy RAS, National. general scientific Fund; Scientific ed. advice: pres. V.S. Stepin, deputy chairman: A.A. Guseinov, G.Yu. Semigin, teacher secret A.P. Ogurtsov. – М.: Mysl, 2001 Vol. III. P.598.
2. Social stratification and mobility // Sorokin P.A. Human. Civilization. Society / general ed. comp. A. Yu. Sogomonov. lane from English – М.: Politizdat, 1992. P. 295-425.
3. Ozhiganova E.M. The theory of generations by N. Howe and W. Strauss // Business education in the knowledge economy. 2015.
4. Golubinskaya AV On the issue of the Howe-Strauss generational model // International journal of humanitarian and natural sciences. 2016.
5. Elon Musk's personal blog on the social network X.
6. Krasnov AY Transformation of the socio-professional structure in the context of modern Russian society // Theory and practice of social development. 2018.
7. Denisov Yu.V. Changing views on social mobility in light of John Urry's theory // Bulletin of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. 2015.
8. What professions of the 21st century are changing the world? April 17, 2025. JOBCODE.
9. Khrapov S.A., Vishnyakova AM Modern social dynamics: specifics and trends // Bulletin of the Kalmyk University. 2022.
10. Brutova M.A., Butorina A.N., Malykhina E.V. Problems of cybersocialization in modern digital space // Problems of modern pedagogical education. 2022.
11. Zorina E.A. Channels of social mobility of the individual: established and newly emerged // Russian Journal of Education and Psychology. 2015.
12. Bolsheva O.V. The concept of social order in modern sociology // Society and Law. 2006.
13. Abdullaev G.I. Features of the organization of social order in modern society // Science and School 2013.
14. Semigin G.Yu. Bureaucracy // Sociological encyclopedia: In 2 volumes. V.1 / National social and scientific foundation / head of the scientific project G.Yu. Semigin; Editor-in-chief V.N. Ivanov. – М.: Mysl, 2003. S. 127.
15. Menshikova K.V., Malkova E.V. On the Issue of the Existence of an Effective System of "Social Elevators" in Modern Russian Society // Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice. 2018.
16. Generation Z: Diversity of Identities, Orientations, and Behavior // Monograph. Ed.: Shaikhislamov R.B. – Ufa: BashSU, 2021. 227 p.
17. Dutko Yu.A. Generation Z: Basic Concepts, Characteristics, and Modern Research // Problems of Modern Education. 2020.
18. Ideal Job for Generation Y: Flexible Schedule, Social Networks, and Quests. Archived copy from March 25, 2015 on the Wayback Machine // 66.ru: портал, 04/30/2014.
19. Serbinovsky B.Yu. Innovative self-employment of the population in Russia: Monograph / B.Yu. Serbinovsky, R.R. Mukuchyan. – Novocherkassk: Lik, 2013. 263 p.

Аннотации

Куликова А.К.

Особенности вокально-хоровой работы с артистами драматических театров при постановке музыкальных спектаклей

Статья посвящена особенностям вокально-хоровой работы с артистами драмтеатров при постановке музыкальных спектаклей. Автор научной работы отмечает, что в системе музыкального обучения, как правило, отсутствует подготовка специалистов в данной области, что на данном этапе формирует определённые сложности для театров, которые стремятся к адаптации музыкальных компонентов в собственные театральные постановки. Автор научной работы подробно рассматривает российское театральное искусство и музыкальное, которое охватывает разные контексты театральной работы, а также значение музыки в различных спектаклях. Цель научной работы - разработать, а также адаптировать результативные методы вокально-хоровой работы с исполнителями различных драматических постановок, с целью повышения уровня исполнительных навыков драматических постановок, а также формирования нового музыкального звучания. Объектом данного исследования являются исполнители драматических театров, которые принимают участие в музыкальных постановках, а так же сами поют хоровые фрагменты. Предметом данного исследования является современный метод, а также техники вокальных работ, которые включают в себя технику дыхания, артикуляцию, определённую интонацию и подробную интерпретацию сценического материала в целом. Научной новизной является разработка специальных методов для вокальной работы хора, интегрированных к особенностям драматического театра, что предоставляет возможность не только улучшить уровень исполнения музыки в драматических театрах. В результате данного исследования определены успешные техники дыхания, а также техники артикуляции, которые способствуют формированию гармоничного звучания на сцене. Данное исследование продемонстрировало важность адаптации сценического мастерства и эффективной подготовке вокалу с целью достижения соответствующей выразительности на сцене драм театра. Следует подчеркнуть, что полученные данные исследования могут использоваться в практической деятельности, а также в учебных программах с целью результативной подготовки будущих артистов.

Ключевые слова: вокал, хор, музыка, искусство, драматические театры, музыкальные выступления, постановки, современные техники.

Петрова С.И.
Прилепский В.В.

Биопанк в контексте постмодерна

Биопанк исследует постчеловеческое состояние, в котором границы между естественным и искусственным, человеческим и нечеловеческим размываются и подвергаются деконструкции. В статье показывается, что биопанк в контексте постмодернизма приобретает новые черты, отражающие характерные особенности этого культурного феномена. Граница между естественным и искусственным окончательно размывается, поскольку генная инженерия и биотехнологии проникают во все сферы жизни. Реальность фрагментируется, превращаясь в мозаику из биологических и технологических элементов. Идентичность становится текучей и множественной, поскольку люди могут менять свои тела и разум по своему желанию. Истина и объективность теряют смысл в мире, где все может быть смоделировано и модифицировано. Биопанк показывает амбивалентность технологического развития, которое одновременно открывает новые возможности для освобождения и создает новые формы порабощения. Реальность в биопанке предстает как поле имманенции, пронизанное разнонаправленными силами и интенсивностями, в котором постоянно происходит борьба между детерриторизацией и ретерриторизацией, ускользанием и перекодированием. Эстетика биопанка с ее акцентом на телесность, трансформации, гибридность и нестабильность идентичности созвучна постмодернистскому видению мира как хаоса различий и становления. В целом, биопанк предлагает тревожное видение будущего, предупреждая об опасностях, которые таит в себе безответственное и неэтичное использование силы биоинжене-

рии. Этот жанр исследует, как фундаментальная перестройка человеческой биологии может трансформировать саму суть того, что значит быть человеком.

Ключевые слова: биопанк, постмодерн, трансформация, биотехнологии, будущее, де-конструкция, культурный феномен.

Джерук Н.Л.

Александр Родченко: лаборатория визуального – от фотомонтажа к фотографии

В данной статье проводится анализ творческого наследия Александра Родченко в области фотографии. Автор рассматривает новаторские приёмы и стилистические особенности его работ, включая знаменитые «родченковские» ракурсы, в контексте влияния конструктивизма и «новой оптики» XX века. В рамках анализа ключевых фотографий Родченко рассматриваются такие жанры, как фотомонтаж, репортаж и портретная съёмка. Особое внимание уделяется экспериментам Родченко с фотомонтажом как инструментом создания новых смыслов и образов в советском графическом дизайне. Статья также исследует знаменитые портреты Родченко, которые, разрушая традиционные представления о статичном фотопортрете, стали знаковыми явлениями отечественного фотоискусства. Принципы, лежащие в основе его новаторских идей, продолжают оставаться актуальным и по сей день, что свидетельствует о проницательности и глубине его художественного видения.

Ключевые слова: Александр Родченко, фотография, XX век, конструктивизм, фотомонтаж, ракурсы, советская фотография, авангард.

Галуева А.К.

Формирование портретного образа Прометей путём нейровосприятия цветомузыкальной системы А.Н. Скрябина

Настоящая статья посвящена особенностям светомузыкальных решений, которые направлены на улучшение восприятия музыкально-содержательной среды, заложенной русским композитором А. Н. Скрябиным в контекст его крупнейшего симфонического сочинения. В тексте этой статьи представлены две точки зрения — как восприятие симфонической поэмы и образа её главного героя (Прометей) путём средств традиционного светомузыкального спектра, так и обзор инновационный методики Neurosound, которые существенно дополняют друг друга.

Ключевые слова: Скрябин, цветомузыка, Прометей, цветовой спектр, Нейросаунд, восприятие, человеческий мозг.

Родионов А.Н.

Особенности визуальной культуры Китая

В истории китайской культуры многие составляющие являются визуально значимыми, их форма и содержание опираются на визуальный образ. Можно сказать, что практически все явления китайской культуры имели визуальный компонент, и в истории различных культурных сфер и особенностей можно выделить общее, схожее, что касается развития их визуальной стороны.

Обращает на себя внимание связь визуального с эстетическим, значимая для китайской культуры, составляющая основу её формирования и развития.

К особенностям китайской культуры также можно отнести и наличие у визуального глубоких философских, мировоззренческих, духовных оснований.

Кроме того, визуальные аспекты культуры связаны с традицией, транслируют традиционные смыслы и понятия, сохраняют и передают традиционные ценности народа. У визуального сформирована культуuroохранительная функция, заключающаяся в сбережении важных для народа, освящённых традицией смыслов и явлений.

Ключевые слова: визуальная культура, эстетические ценности, искусство, символизм, традиции.

Рыжов И.О.

Факторы трансформации культуры традиционной семьи в СССР

В статье рассматриваются ключевые факторы, оказавшие влияние на трансформацию

ценностей традиционной семьи в СССР под влиянием радикальных социально-экономических процессов. Новизна работы состоит в системном рассмотрении факторов трансформации института традиционной семьи в СССР – форсированной индустриализации и урбанизации, военных потерь мужского населения, широкого включения женщин в общественную и экономическую жизнь, столкновения архаичных норм с современной индустриальной культурой. В рамках исследования дается характеристика перестройки домашней иерархии, уровня экономической самостоятельности женщин, возможностей распределения родительских и хозяйственных функций. Изучены материалы, свидетельствующие о постепенной эволюции норм семейной жизни и формировании иных моделей семейно-брачных отношений. Особое внимание уделено противоречивому вкладу государственного регулирования, с одной стороны поддерживающего семью, а с другой – усиливающего административный контроль.

Ключевые слова: традиционная семья, урбанизация, индустриализация, война, гендерные роли, модернизация, семейные практики, традиция, миграция, социализация.

Сунь На
Чжао Хуэйцин

Содержание научно-популярного туризма в области исследования объектов материального и нематериального наследия

Данная работа ориентирована на исследование содержания научно-популярного туризма на территории КНР. Ориентируясь на специфику провинции Хэйлуньцзян, автор изучает различные достопримечательности, которые могут быть интересны туристам и выявляет их содержание и значимость для государства.

В публикации внимание акцентируется на научно-популярный туризм как актуальное направление, объединяющее рекреационный, культурный и образовательный компоненты. В работе подчеркиваются характерологические особенности объектов научно-популярного туризма, материальный и нематериальный характер которых реализуется не только в собственно, туристических комплексах, но и в контексте непосредственно научной, образовательной и волонтерской деятельности. Именно поэтому в работе приводятся примеры использования в туристических целях вузов, научных образовательных площадок и экспедиций.

Целью работы определяется всестороннее изучение научно-популярного туризма в области исследования объектов материального и нематериального наследия КНР. Объект – содержание научно-популярного туризма, предмет-объекты материального и нематериального наследия.

Ключевые слова: туристическая интеграция, культурное наследие, научно-популярный туризм, достопримечательность, научный центр, образовательная площадка, иностранные туристы.

Чуланкина А.Д.

Семейные купеческие обряды второй половины XIX в. на Урале: ценностно-смысловой подход

Предметом исследования являются традиционные обряды, принятые в купеческих семьях на Урале во второй половине XIX столетия. Цель работы – охарактеризовать разные типы купеческих обрядов, сформированных под влиянием духовно-мировоззренческих ценностей купцов, которые были основаны на глубокой религиозности, консерватизме, следовании устоям патриархата и Домостроя и одновременно на приверженности принципам практицизма и коммерческой выгоды. В ходе работы автором статьи были применены следующие методы исследования: теоретический (общий анализ обрядовой культуры уральского купечества второй половины XIX веков), практический (приведение конкретных примеров обрядов, их описание) и аксиологический (погружение в систему ценностей, мировоззренческих принципов, духовных и ментальных ориентиров купеческого сословия). Методологию исследования составил обширный пласт научных трудов: статьи в рецензируемых журналах ВАК и РИНЦ, монографии, диссертации по теме. Результатами работы явились представления широкой картины обрядовой культуры уральского купече-

ства второй половины XIX века. Новизна исследования заключена в обобщении и систематизации отрывочных и разрозненных данных об обрядах, практикуемых в купеческих семьях указанной эпохи. В ходе исследования автором сделаны выводы о противоречивости обрядовой культуры купеческого сословия, которое, в целом, может характеризоваться как сложный и неоднозначный феномен, с одной стороны, способствовавший эволюции прогрессивных тенденций в Российской империи, а, с другой, тормозивший ее развитие.

Ключевые слова: купечество, Урал, XIX в., обряды, семья, религиозность, православие, патриархат, Домострой, консерватизм.

Третьяков Я.А.

ИИ, алгоритмическая власть и цифровая инфраструктура в технократическом обществе

Проведено философско-аналитическое моделирование сценария технократического общества, в котором алгоритмы, системы искусственного интеллекта и цифровая инфраструктура постепенно берут на себя ключевые управленческие функции, перестраивая социальные институты и поведение людей. Цель исследования – реконструкция возможной траектории развития социально-политической системы под влиянием алгоритмического управления на основе экстраполяции текущих технологических и культурных трендов. Объектом анализа выступает формирующаяся структура власти в условиях доминирования алгоритмов и больших данных. Методы включают междисциплинарный подход (социальная философия, футурология, теория искусственного интеллекта) и метод аналитической экстраполяции, позволяющий синтезировать разнородные концепции (рациональный AI-агент, частично наблюдаемое управление, многоагентные системы) в единую модель алгоритмически управляемого общества. Полученная модель описывает социум, где алгоритмическое управление и цифровизация проникают во все сферы жизни, стирая грань между частным и публичным, а поведение каждого гражданина становится объектом тотального наблюдения и прогнозирования. Научная новизна работы заключается в систематическом философско-аналитическом моделировании «алгоритмократии» через призму передовых AI-подходов (POMDP, многоагентные системы, частично наблюдаемое управление) и выявлении её социально-философских последствий — в том числе феноменов «поведенческого долга», тотальной цифровой стратификации, рыночной монетизации данных о поведении и «ритуальной» занятости людей. Автор показывает, как конкурирующие алгоритмы (государственные, корпоративные, глобальные) формируют распределённую архитектуру власти, и обосновывает, что самоускоряющийся характер AGI может привести к утрате человеком контроля и перераспределению ключевых ролей в обществе в пользу ИИ-систем. Впервые в рамках единой модели проанализированы практики подавления спонтанности и опасность «архитектуры обмана» сверхразумных агентов, что позволяет предложить конкретные меры этико-правовой и институциональной регуляции для будущих сценариев технократического уклада.

Ключевые слова: алгоритмическое управление, искусственный интеллект, технократическое общество, цифровая инфраструктура, моделирование поведения, многоагентные системы, цифровые двойники, экономика наблюдения, социальный рейтинг, общий искусственный интеллект (AGI).

Ильина О.И.

Методологическая прото-рефлексия к философии поступка

В статье представлена попытка тематизировать поступок в философской антропологии вне рамок традиционных концепций М.М. Бахтина, И. Канта, Аристотеля. Перекресток феноменологических процедур (Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, Ж. Дереды, Ф. Анкерсмита) позволяет вскрывать новые грани поступка как феномена, рассматривать самобытность русского слова «поступок», фиксировать то, как открывается сущность человеческого существа и его бытие в поступке. В статье ставится вопрос о необходимости специальных феноменологических компетенций, организующих условия со-настройки феноменолога с исследуемым феноменом, позволяющих входить в трансцендентальную субъективность, удерживать онтологическую размерность, организовать опыт провокации смыслов, пере-

жить возвышенный опыт собственного присутствия в историческом событии прошлого; указаны перспективы утончения феноменологического профиля поступка.

Ключевые слова: поступок, феноменологические компетенции, феноменологические процедуры, понимающее бытие, онтология, опыт, редукция, деструкция, конструкция, деконструкция, эпохе.

Иванов В.В.
Кардашевский Я.М.
Акимова В.С.

Деконструкция пространства-времени: эволюционное восприятие, голографическое возникновение и онтология иллюзий

Концепция пространства-времени как фундаментальной реальности сталкивается с глубоким кризисом в современной физике. Теоретические достижения в области квантовой гравитации, голографического принципа и эволюционной когнитивистики ставят под сомнение классическую онтологию пространства-времени, указывая на его иллюзорную природу. В данной статье синтезируются междисциплинарные идеи из теоретической физики, когнитивной науки и философии, чтобы предложить радикальное переосмысление пространства-времени как адаптивного интерфейса, сформированного эволюционными ограничениями, а не объективной реальностью. Опираясь на теорию интерфейсного восприятия Хоффмана (ИТР), мы демонстрируем, что сенсорные системы, оптимизированные для выживания, а не для отражения истины, представляют пространство-время как видоспецифичный «рабочий стол» из полезных иконок.

Ключевые слова: иллюзия пространства-времени, голографический принцип, эволюционное восприятие, квантовая нелокальность, адаптивный интерфейс.

Выскребцов Р.Ю.

Политическое насилие как инструмент регулирования общественных процессов

В статье рассматриваются этические и практические проблемы использования политического насилия в качестве инструмента формирования общества. В ней рассматриваются исторические примеры использования насилия для достижения политических целей, а также примеры успешных ненасильственных движений сопротивления. Автор также исследует роль гражданского общества в продвижении мирных методов изменения общества.

Ключевые слова: политическое насилие, этика, функциональность, гражданское общество, ненасильственное сопротивление, общественные процессы.

Антипов М.А.

К вопросу о мессианстве в философии Н.А. Бердяева

Статья посвящена исследованию феномена мессианства в философской концепции Н.А. Бердяева, его религиозно-универсалистской интерпретации и влиянию на формирование индивидуальной и коллективной идентичности в контексте социокультурных трансформаций России XX-XXI веков. Цель исследования – выявление и анализ ключевого для бердяевской философии разграничения между мессианизмом как религиозно-философским феноменом и миссионизмом как политико-идеологической конструкцией, а также определение значимости его концепции для осмысления современных вызовов. Методы исследования включают сравнительно-исторический и междисциплинарный подходы, анализ трудов Бердяева и сопоставление его идей с концепциями других мыслителей русского зарубежья. Результаты исследования демонстрируют обоснованность критики Бердяевым националистического и революционного мессианства как теологически несостоятельных форм и раскрывают эсхатологическую направленность его концепции, связывающей исторический процесс с духовным преображением личности и общества через принцип личной ответственности и устремление к трансцендентному идеалу. Значимые выводы указывают на актуальность философии Н.А. Бердяева для анализа современных кризисов идентичности и оценки рисков религиозного и политического мессианства в постсекулярном обществе. Исследование имеет практическую ценность для разработки моделей межкультурного диалога и обновления гуманитарного знания через синтез принципов свободы, творчества

и универсальных духовных ценностей. Философия мессианства Бердяева представляется значимым инструментом критического осмысления исторических процессов и преодоления утопических иллюзий национальной исключительности, что особенно важно в современном контексте межкультурных и междивизиационных отношений.

Ключевые слова: мессианизм, религиозная философия, политическая философия, русская мысль, религиозное мировоззрение, философия истории.

Гаркуша В.М.

Основы политической социализации молодежи в XXI веке

Молодежь как ключевая социальная группа определяет будущее политического ландшафта, и от того, какие политические ценности, убеждения и поведенческие модели будут сформированы у молодого поколения, зависит стабильность и развитие любого государства. Именно поэтому проблематика политической социализации молодежи не теряет своей актуальности и в конце первой четверти XXI в. В условиях усиления влияния информатизации и цифровизации, в частности виртуального пространства и социальных сетей, на все сферы жизни общества традиционные агенты политической социализации, такие как семья, система образования и средства массовой информации, подвергаются серьезным вызовам. В статье определены типы политической социализации молодежи, проведен анализ влияния на процесс политической социализации молодежи как традиционных агентов политических социализации, так и новых институтов, каналов и агентов, сформировавшихся в последние годы. Особое внимание автор уделяет роли новых агентов политической социализации молодежи – интернет-технологий, онлайн-платформ и сообществ, молодежных организаций и молодежной политики в формировании политических убеждений молодого поколения. Выявлены факторы, способствующих и препятствующих развитию гражданского общества и вовлечению молодежи в политическую жизнь. Разработаны рекомендации по совершенствованию молодежной политики и повышению эффективности политической социализации молодежи в условиях цифровой среды. Статья будет интересна социологам, политологам, преподавателям общественных наук и специалистам в сфере молодежной политики.

Ключевые слова: агент политической социализации, виртуальное пространство, гражданский активизм, гражданское общество, гражданская позиция, интернет, молодежная политика, молодежная организация, молодежь, патриотизм, политическая социализация, политическое волонтерство, семья, система образования, социализация, социальная сеть, средства массовой информации, цифровизация.

Георгиевская Ю.В.

Рязанцев А.А.

Исследование влияние социально-биологических факторов на биологический возраст человека

Вопросы старения организма человека, технологии и способы снижения темпов этого процесса всегда были и будут актуальными проблемами человечества. По статистическим данным россияне признаны одной из самых стареющих наций в мире. Средний возраст наступления старости в России – 59 лет, как и у граждан Индии, Болгарии, Филиппин, Казахстана и нескольких африканских государств. Однако, существует целый ряд методик, позволяющих скорректировать биологический возраст человека и замедлить старение организма.

Кардинальное изменение образа жизни, соблюдение распорядка дня, улучшение качества сна и питания, увеличение объема двигательной активности и физических упражнений поможет уменьшить биологический возраст организма и предотвратит возникновение коварных недугов.

Ключевые слова: биологический возраст, календарный возраст, здоровье, социально-биологические факторы, образ жизни, правильное питание, двигательная активность, сон.

Зотова А.А.

Лучшие практики оказания услуг волонтерскими организациями

В настоящее время деятельность некоммерческих организаций (НКО) имеет осязаемое

социально-благотворительное значение и позволяет решать множество важных социальных проблем на региональном и национальном уровнях. Построение эффективных коммуникационных взаимодействий для НКО играет ключевую роль в процессе социальной интеграции и развития гражданского общества. В современном мире волонтерские организации играют ключевую роль в решении социальных и экономических проблем. Автор работы хочет обратить внимание на эффективность влияния волонтерских организаций на общество в целом. В данной работе будет рассмотрен передовой зарубежный и отечественный опыт оказания услуг добровольческими объединениями разных стран.

Ключевые слова: некоммерческие волонтерские организации, благотворительные фонды, некоммерческие организации, национальная экономика, мировые и отечественные практики волонтерства, услуги некоммерческих волонтерских организаций.

Коробкина М.А.

Саратовцева Д.

Ассесмент-центр: анализ опыта и особенностей применения в организации транспортной отрасли

В данной статье рассматривается ассесмент-центр, как один из методов оценки персонала на предприятии транспортной отрасли.

В статье анализируются следующие аспекты:

Понятие и сущность ассесмент-центра, основные методы оценки, которые используются в методике, необходимость его применения на современных предприятиях.

Процесс организации и проведения ассесмент-центра на примере российской организации: описание этапов проведения ассесмент-центра, его основных целей, периодичности проведения.

Рекомендации по улучшению ассесмент-центра в исследуемой организации: привлечение сторонних наблюдателей-экспертов, рассмотрение возможности проведения онлайн-ассесмента, определение и документация четкой модели компетенций.

Основное внимание уделяется анализу методики ассесмент-центра, как комплексного подхода к оценке персонала на современном предприятии, которое обеспечивает конкурентоспособность и формирование сильного кадрового резерва, с помощью которого предприятия могут быстро реагировать на изменения в структуре рынка и грамотно проводить ротацию персонала.

Правильно организованная процедура ассесмент-центра дает возможность всесторонне проанализировать профессиональный и личностный потенциал сотрудников, оценивая не только их профессиональные компетенции, но и гибкие навыки – включая коммуникативные способности, лидерские качества, креативное мышление и т.д. Он обеспечивает высокий уровень объективности за счет системного подхода и многоуровневой оценки, что способствует интеграции системы оценки в стратегическое управление персоналом. Это позволяет формировать кадровый резерв, который соответствует актуальных и перспективным задачам компании, укрепляя ее позиции за счет развития талантов и продуманных кадровых решений.

Ключевые слова: управление персоналом, транспортная сфера, ассесмент-центр, центр оценки, методы оценки, оценка персонала, развитие сотрудников, кадровый резерв, конкурентоспособность.

Монахов О.Н.

Становление правовой компетентности у будущих социальных работников как фактор успешности профессиональной деятельности в поликультурной среде

Формирование поликультурной среды российского социума связано гармонизацией межнациональных и межкультурных отношений, с правовым закреплением равенства возможностей и гарантий реализации и достижение равенства в наиболее важных сферах общественной жизни. На процессы становления поликультурной среды оказывают дестабилизирующее влияние не только ксенофобия, национализм, деструктивная информация, стереотипы монокультурализма, но и игнорирование проблем интеграции мигрантов в российское общество. Разрешение сложностей адаптации и социализации мигрантов со-

пряжено с потенциалом социальной работы, со способностью и готовностью социального работника оказывать эффективную правовую помощь.

Цель статьи состоит в исследовании теоретических предпосылок значимости правовой компетентности социальных работников, выявлении и обосновании комплекса средств и методов ее становления у будущих специалистов социальной работы. В ходе исследования осуществлялся контент-анализ научных публикаций, использовались методы теоретического моделирования, синтеза, обобщения и сравнения.

На основе анализа научной литературы выделены юридический и педагогический подходы к выявлению сущности правовой компетентности. Правовая компетентность социального работника рассматривается как составляющая профессиональной компетентности и определяется как способность оказывать правовую помощь в решении социальных проблем. Исходя из социальных ролей, выполняемых социальным работником, структуру и содержание его правовой компетентности включает социально-правовую субкомпетентность, административно-правовую субкомпетентность, коммуникативно-правовую субкомпетентность. Становление правовой компетентности у будущих социальных работника может быть осуществлено путем использования профессионально-ориентированных правовых задач, возникающих в ходе социальной работы с мигрантами, и коммуникативно-правовых тренингов, формирующих умения и навыки взаимодействия с мигрантами с учетом правовых норм и правил коммуникации.

Научная новизна состоит в выявлении структуры и содержания правовой компетентности социального работника. Обоснован комплекс средств становления правовой компетентности у будущих специалистов социальной работы, включающий использование профессионально-ориентированных правовых задачи и коммуникативно-правовых тренингов.

Рассмотренные в статье средства становления правовой компетентности могут быть использованы для оптимизации подготовки специалистов социальной работы.

Ключевые слова: социальные работники, мигранты, правовая компетентность, поликультурная среда.

Терновая Л.О.

Антропология счастья: общие ценности и разные проявления

Статья посвящена анализу множественности проявления счастья в повседневной жизни разных стран. Показано, что несмотря на постоянное расширение предметного поля исследования феномена «счастье», его повседневная трактовка во всех культурах отталкивается от самых простых проявлений обыденной жизни и погруженности человека в природу. Восприятие счастья опережает и направляет развитие современных практик бережливого потребления или «медленной жизни». Исследования в данной области способны помочь расширить инструментарий интегрального подхода, обратив внимание специалистов на значимость счастья самого исследовательского процесса.

Ключевые слова: счастье, образ жизни, повседневность, понимание, экономика счастья, интегральный подход.

Третьяков Я.А.

Эволюция социальных институтов в технократическом будущем

Проведён философско-социологический анализ эволюции ключевых социальных институтов в сценарии технократического будущего, где алгоритмы, искусственный интеллект (ИИ) и биотехнологии перестраивают социальную ткань общества. Цель исследования – системно реконструировать возможную траекторию трансформации социальных институтов (семьи, гендерных отношений, родительства, образования, религии) под влиянием всеобщей алгоритмизации и биотехнологической революции. Объект исследования – процессы радикальной переконфигурации классических социальных институтов в условиях цифровизации и биологизации (биотехнологизации) общества. Методы исследования – междисциплинарный подход (социальная философия, футурология, биополитика, когнитивные науки) в сочетании с методом аналитической экстраполяции технологических, экономических и культурных трендов. Такой синтез позволил выстроить единую сценарную модель, в которой выявляются радикальные сдвиги в семейно-брачных отношениях (алгоритми-

ческое управление союзом, цифровые контракты), трансформация гендерной бинарности под влиянием биотехнологий и виртуальной телесности, переход к лицензионному родителству и «дизайн-потомству», персонализация обучения через ИИ-наставников, а также превращение религии в динамическую цифровую экосистему индивидуальных верований. Научная новизна исследования состоит в комплексном философском сценарии эволюции социальных институтов (семьи, гендерных отношений, родительства, образования, религии) под воздействием тотальной цифровизации и биотехнологизации. Впервые в единой концептуальной модели системно рассмотрены такие аспекты, как алгоритмически регулируемый семейный союз с «цифровыми» брачными контрактами, «дизайн-потомство» и лицензирование родительства, постгендерные практики, формирование виртуальных компаньонов и цифровое переосмысление религиозной сферы. Полученные результаты позволяют расширить представления о возможных социально-культурных последствиях глубокой интеграции искусственного интеллекта и биотехнологий в общественную жизнь, выявляя новые этические и правовые вызовы, а также предлагая направления для дальнейшего междисциплинарного анализа.

Ключевые слова: технократическое будущее, социальные институты, цифровизация, искусственный интеллект, биотехнологии, семья, родительство, образование, религия, гендерные отношения.

Штейнберг А.Г.

Прокофьева Г.П.

Кризис социальной идентичности в структуре традиционных ценностей российского общества

Сегодня российское общество в очередной раз в истории стоит перед историческим экзистенциальным выбором, вызванным революционными по своей сути социальными трансформациями. Подобное состояние социума проявляется кризисом социальной идентичности: необходимо вновь спланировать, организовать, отрегулировать и воспитать незывлемые константы единства социума перед лицом глобальных вызовов. Патриотизм, как очевидное основание социальной идентичности и как норма поведения, не имеет сегодня единых, чётких трактовок, и как следствие, утрачивает статус традиционно незывлемой нормы и ценности. При этом особо выделяется социально-управленческий аспект проблемы, когда в исторической перспективе возникает сбой в координации, мотивации, обучении и контроле патриотических ценностей социума применительно не только к большим группам людей, но и к конкретному гражданину.

Ключевые слова: патриотизм, социальная идентичность, мужество, традиционные ценности, кризис идентичности.

Шнайдер Ю.В.

Мусабеков М.Д.

Социальная мобильность, социальные лифты и их влияние на формирование социальной и профессиональной структуры общества

Социальные процессы киберсоциализации и кибермобильности революционизируют складывавшуюся веками эволюционную модель жизненного пути к успеху. Прежние механизмы социальной мобильности, социальных лифтов, каналов рекрутирования, карьерные пути, выражающие социальный порядок предыдущих эпох, стремительно теряют свою способность воспроизводить, оказывать решающее влияние на формирование социальной и профессиональной структуры общества.

Ключевые слова: парадигма, социальные процессы, социальная мобильность, социальные лифты, каналы рекрутирования, карьерные пути, социальный порядок, социальная и профессиональная структура общества.

Abstracts

Kulikova A.K.

Features of vocal and choral work with drama theatre actors when producing musical performances

The article is devoted to the features of vocal and choral work with drama theatre actors when producing musical performances. The author of the scientific work notes that the system of music education, as a rule, lacks training of specialists in this field, which at this stage creates certain difficulties for theatres that seek to adapt musical components to their own theatrical productions. In particular, the author of the scientific work examines in detail Russian theatrical art and music, which covers different contexts of theatrical work, as well as the importance of music in various performances. The purpose of the scientific work is to develop and adapt effective methods of vocal and choral work with performers of various dramatic productions, in order to improve the level of performing skills of dramatic productions, as well as the formation of a new musical sound. The object of this study is the performers of drama theaters who take part in musical productions, including interaction with various choral groups. The subject of this study is a modern method, as well as techniques of vocal work, which include breathing techniques, including articulation, a certain intonation, including a detailed interpretation of the stage material as a whole. Scientific novelty is the development of special methods for the vocal work of the choir, including those integrated into the features of the drama theater, which provides an opportunity not only to improve the level of music performance in drama theaters. As a result of this study, successful breathing techniques were determined, as well as articulation techniques that contribute to the formation of a harmonious sound on stage. In particular, this study demonstrated the importance of adapting stagecraft, including effective vocal training in order to achieve appropriate expressiveness on the stage of the drama theater. It should be emphasized that the obtained research data can be used in practical activities, as well as in educational programs for the purpose of effective training of future artists.

Key words: vocals, choir, music, art, drama theaters, musical performances, productions, modern techniques.

Petrova S.I.

Prilepsy V.V.

Biopunk in the context of postmodernity

Biopunk explores the posthuman state, in which the boundaries between natural and artificial, human and non-human are blurred and deconstructed. The article shows that biopunk in the context of postmodernism acquires new features reflecting the characteristic features of this cultural phenomenon. The boundary between natural and artificial is finally blurring, as genetic engineering and biotechnology are penetrating into all spheres of life. Reality is fragmenting, turning into a mosaic of biological and technological elements. Identity becomes fluid and multiple, as people can change their bodies and minds at will. Truth and objectivity lose their meaning in a world where everything can be modeled and modified. Biopunk shows the ambivalence of technological development, which simultaneously opens up new opportunities for liberation and creates new forms of enslavement. Reality in biopunk appears as a field of immanence, permeated by multidirectional forces and intensities, in which there is a constant struggle between deterritorialization and reterritorialization, escape and recoding. The aesthetics of biopunk, with its emphasis on physicality, transformation, hybridity and instability of identity, are consonant with the postmodern vision of the world as a chaos of differences and becoming. Overall, biopunk offers a disturbing vision of the future, warning of the dangers posed by the irresponsible and unethical use of bio-engineering power. This genre explores how a fundamental restructuring of human biology can transform the very essence of what it means to be human.

Key words: biopunk, postmodernity, transformation, biotechnology, future, deconstruction, cultural phenomenon.

Dzheruk N.L.

Alexander Rodchenko: laboratory of the visual - from photomontage to photography

This article analyzes the creative heritage of Alexander Rodchenko in the field of photography.

The author considers innovative techniques and stylistic features of his works, including the famous “Rodchenko’s” angles, in the context of the influence of constructivism and “new optics” of the 20th century. Genres such as photomontage, reportage and portraiture are considered in the analysis of Rodchenko’s key photographs. Particular attention is paid to Rodchenko’s experiments with photomontage as a tool for creating new meanings and images in Soviet graphic design. The article also explores Rodchenko’s famous portraits, which, breaking the traditional notions of the static photographic portrait, became iconic phenomena of Russian photography. The principles underlying his innovative ideas continue to be relevant to this day, testifying to the insight and depth of his artistic vision.

Key words: Alexander Rodchenko, photography, 20th century, constructivism, photomontage, angles, Soviet photography, avant-garde.

Galueva A.K.

Formation of a portrait image of Prometheus by means of neuroperception of the color music system of A.N. Scriabin

This article is devoted to the features of light and music solutions that are aimed at improving the perception of the musical and content environment laid down by the Russian composer A. N. Scriabin in the context of his largest symphonic work. The text of this article presents two points of view - both the perception of the symphonic poem and the image of its main hero (Prometheus) by means of the traditional light and music spectrum, and an overview of the innovative Neurosound methodology, which significantly complement each other.

Key words: Scriabin, color music, Prometheus, color spectrum, Neurosound, perception, human brain.

Rodionov A.N.

Features of China’s visual culture

In the history of Chinese culture, many components are visually significant, their form and content are based on a visual image. It can be said that almost all phenomena of Chinese culture had a visual component, and in the history of various cultural spheres and features, it is possible to identify common, similar things regarding the development of their visual side.

Attention is drawn to the connection between the visual and the aesthetic, which is significant for Chinese culture and forms the basis for its formation and development.

The peculiarities of Chinese culture also include the presence of deep philosophical, ideological, and spiritual foundations for visual art.

In addition, the visual aspects of culture are associated with tradition, convey traditional meanings and concepts, preserve and convey the traditional values of the people. The visual has a cultural preservation function, which consists in preserving important meanings and phenomena for the people, sanctified by tradition.

Key words: visual culture, aesthetic values, art, symbolism, traditions.

Ryzhov I.O.

Factors of transformation of the culture of the traditional family in the USSR

The review article examines the main factors that influenced the transformation of traditional family values in the USSR under the influence of radical socio-economic processes. The novelty of the work consists in a systematic consideration of the factors of transformation of the institution of the traditional family in the USSR – accelerated industrialization and urbanization, military losses of the male population, the widespread inclusion of women in social and economic life, the clash of archaic norms with modern industrial culture. The study provides a description of the restructuring of the household hierarchy, the level of economic independence of women, and the distribution of parental and economic functions. The materials indicating the gradual evolution of the norms of family life and the formation of other models of family and marriage relations have been studied. Special attention is paid to the contradictory contribution of government regulation, which supports the family on the one hand and strengthens administrative control on the other.

Key words: traditional family, urbanization, industrialization, war, gender roles, modernization, family practices, tradition, migration, socialization.

Sun Na
Zhao Huiqing

**The content of popular science tourism
in the field of research of objects of tangible and intangible heritage**

This work is focused on the study of the content of popular science tourism in China. Focusing on the specifics of Heilongjiang Province, the author examines various attractions that may be of interest to tourists and identifies their content and significance for the state.

The publication focuses on popular science tourism as a relevant area combining recreational, cultural and educational components. The paper highlights the characterological features of popular science tourism facilities, the tangible and intangible nature of which is realized not only in the tourist complexes themselves, but also in the context of scientific, educational and volunteer activities. That is why the paper provides examples of the use of universities, scientific educational sites and expeditions for tourist purposes.

The purpose of the work is a comprehensive study of popular science tourism in the field of research of objects of tangible and intangible research of the PRC. The object is the content of popular science tourism; the subject is objects of tangible and intangible heritage.

Key words: tourist integration, cultural heritage, popular science tourism, landmark, scientific center, educational site, foreign tourists.

Chulankina A.D.

**Family merchant rituals of the second half
of the 19th century in the Urals: a value-semantic approach**

The subject of the study is the traditional rituals adopted by merchant families in the Urals in the second half of the 19th century. The purpose of the work is to characterize different types of merchant rituals formed under the influence of the spiritual and ideological values of merchants, which were based on deep religiosity, conservatism, adherence to the principles of patriarchy and House building, and at the same time on adherence to the principles of practicality and commercial gain. In the course of the work, the author applied the following research methods: theoretical (general analysis of the ritual culture of the Ural merchant class of the second half of the 19th century), practical (providing specific examples of rituals, their description) and axiological (immersion in the system of values, ideological principles, spiritual and mental guidelines of the merchant class). The research methodology was compiled by an extensive body of scientific papers: articles in peer-reviewed journals of the Higher Attestation Commission and the Russian Research Center, monographs, and dissertations on the topic. The results of the work were the presentation of a broad picture of the ritual culture of the Ural merchants of the second half of the 19th century. The novelty of the research lies in the generalization and systematization of fragmentary and scattered data on the rituals practiced in merchant families of the specified era. In the course of the research, the author draws conclusions about the inconsistency of the ceremonial culture of the merchant class, which, in general, can be characterized as a complex and ambiguous phenomenon, on the one hand, contributed to the evolution of progressive trends in the Russian Empire, and, on the other, hindered its development.

Key words: merchants, Urals, XIX century, rituals, family, religiosity, Orthodoxy, patriarchy, House building, conservatism.

Tretyakov Ya.A.

AI, algorithmic power and digital infrastructure in a technocratic society

A philosophical-analytical modeling of a technocratic society scenario is carried out, in which algorithms, artificial intelligence systems, and digital infrastructure gradually assume key governance functions, reshaping social institutions and human behavior. Aim: to reconstruct a possible trajectory of socio-political system development under the influence of algorithmic governance, based on extrapolation of current technological and cultural trends. The object of analysis is the emerging structure of power under the dominance of algorithms and big data. An interdisciplinary methodology is employed (social philosophy, futurology, artificial intelligence theory) along with analytical extrapolation, enabling the synthesis of diverse concepts (rational AI-agent, partially observable control, multi-agent systems) into a unified model of an algorithmically governed society. The resulting model describes a society where algorithmic governance and digitalization penetrate

all spheres of life, blurring the line between private and public, and each citizen's behavior becomes an object of total surveillance and prediction. The novelty of this work lies in a systematic philosophical-analytical modeling of "algorithmocracy" through advanced AI paradigms (POMDP, multi-agent systems, partially observable control) and in revealing its socio-philosophical consequences—such as "behavioral debt," total digital stratification, market monetization of behavioral data, and "ritual" employment. The author shows how competing algorithms (state, corporate, global) create a distributed architecture of power and argues that the self-accelerating nature of AGI could strip humans of control, reallocating key societal roles to AI systems. For the first time within a single model, the work analyzes practices of suppressing spontaneity and the danger of "deception architectures" engineered by super-intelligent agents, leading to concrete ethical-legal and institutional regulatory proposals for future technocratic scenarios.

Key words: algorithmic control, artificial intelligence, technocratic society, digital infrastructure, behavior modeling, multi-agent systems, digital twins, surveillance economy, social rating, artificial general intelligence (AGI).

Ilyina O.I.

Methodological proto-reflection to the philosophy of action

The article presents an attempt to tematize an act (Russian: postupok) in philosophical anthropology outside the framework of M. M. Bakhtin, I. Kant, Aristotle. The crossroads of phenomenological procedures (E. Husserl, M. Heidegger, J. Derida, F. Ankersmit) allows us to reveal new facets of a postupok as a phenomenon, consider the originality of the Russian word "postupok," and record how the essence of a human being is revealed and its emergence in a postupok. The article raises the question of the need for special phenomenological competencies that organize the conditions for co-tuning the phenomenologist with the phenomenon under study, allowing one to enter into transcendental subjectivity, maintain ontological dimension, organize the experience of provoking meanings, and experience the sublime experience of one's own presence in a historical event of the past; prospects for refining the phenomenological profile of an act are indicated.

Key words: «postupok» (act/action/deed), phenomenological competencies, phenomenological procedures, understanding being, ontology, experience, reduction, destruction, construction, deconstruction, epoche.

Ivanov V.V.

Kardasheskii Y.M.

Akimova V.S.

Deconstructing spacetime: evolutionary perception, holographic emergence, and the ontology of illusions

The concept of space-time as a fundamental reality faces a profound crisis in modern physics. Theoretical advances in quantum gravity, the holographic principle, and evolutionary cognitive science challenge the classical ontology of space-time, pointing to its illusory nature. This article synthesizes interdisciplinary insights from theoretical physics, cognitive science, and philosophy to propose a radical rethinking of spacetime as an adaptive interface shaped by evolutionary constraints rather than an objective reality. Drawing on Hoffman's interface perception theory (ITP), we demonstrate that sensory systems optimized for survival rather than truth-reflection represent spacetime as a species-specific 'desktop' of useful icons.

Key words: space-time illusion, holographic principle, evolutionary perception, quantum nonlocality, adaptive interface.

Vyskrebtssov R.Y.

Political violence as an instrument for regulation of social processes

This article delves into the ethical and practical challenges of using political violence as a tool for shaping society. It examines historical instances where violence was used to achieve political goals, contrasting them with examples of successful nonviolent resistance movements. The author also explores the crucial role civil society plays in promoting peaceful methods.

Key words: political violence, ethics, functionality, civil society, nonviolent resistance, social processes.

Antipov M.A.

On the issue of messianism in the philosophy of N.A. Berdyaev

This article is devoted to the study of the phenomenon of messianism in the philosophical conception of N.A. Berdyaev, its religious-universalist interpretation, and its influence on the formation of individual and collective identity in the context of sociocultural transformations in Russia during the 20th–21st centuries. The aim of the study is to identify and analyze the key distinction in Berdyaev's philosophy between messianism as a religious-philosophical phenomenon and missionarism as a political-ideological construct, as well as to determine the significance of his conception for understanding contemporary challenges. The research methods include comparative-historical and interdisciplinary approaches, analysis of Berdyaev's works, and comparison of his ideas with the concepts of other thinkers of the Russian émigré community. The results demonstrate the validity of Berdyaev's critique of nationalist and revolutionary messianism as theologically untenable forms and reveal the eschatological orientation of his conception, linking the historical process with the spiritual transformation of the individual and society through the principle of personal responsibility and striving toward a transcendental ideal. Significant conclusions point to the relevance of N.A. Berdyaev's philosophy for analyzing contemporary identity crises and assessing the risks of religious and political messianism in the post-secular society. The study has practical value for developing models of intercultural dialogue and renewing humanitarian knowledge through the synthesis of the principles of freedom, creativity, and universal spiritual values. Berdyaev's philosophy of messianism presents an important tool for critically understanding historical processes and overcoming utopian illusions of national exclusivity, which is especially important in the modern context of intercultural and intercivilizational relations.

Key words: messianism, religious philosophy, political philosophy, Russian thought, religious worldview, philosophy of history.

Garkusha V.M.

The foundations of the political socialization of youth in the 21st century

Youth as a key social group determines the future of the political landscape, and the stability and development of any state depends on what political values, beliefs and behavioral patterns will be formed among the younger generation. That is why the problem of political socialization of youth does not lose its relevance at the end of the first quarter of the 21st century. With the increasing influence of informatization and digitalization, in particular virtual space and social networks, on all spheres of society, traditional agents of political socialization, such as the family, the education system and the media, are facing serious challenges. The article analyzes the influence of both traditional agents of political socialization and new institutions, channels and agents that have emerged in recent years on the process of political socialization of young people. The author pays special attention to the role of Internet technologies, online platforms and communities, youth organizations and youth policy in shaping the political beliefs of the younger generation. The factors contributing to and hindering the development of civil society and the involvement of young people in political life have been identified. Recommendations have been developed to improve youth policy and increase the effectiveness of political socialization of young people in a digital environment. The article will be of interest to sociologists, political scientists, teachers of social sciences and specialists in the field of youth policy.

Key words: agent of political socialization, virtual space, civic activism, civil society, civic position, Internet, youth policy, youth organization, youth, patriotism, political socialization, political volunteerism, family, education system, socialization, social network, mass media, digitalization.

Georgievskaya I.V.

Ryazantsev A.A.

The study of the influence of socio-biological factors on the biological age of a person

The issues of aging of the human body, technologies and ways to reduce the pace of this process have always been and will always be urgent problems of mankind. According to statistics, Russians are recognized as one of the most aging nations in the world. The average age of old age in Russia is 59, as are citizens of India, Bulgaria, the Philippines, Kazakhstan, and several African countries. However, there are a number of techniques that allow you to adjust the biological age of a person

and slow down the aging of the body.

Drastic lifestyle changes, daily routines, improved sleep and nutrition, increased physical activity and exercise will help reduce the biological age of the body and prevent the occurrence of insidious ailments.

Key words: biological age, calendar age, health, socio-biological factors, lifestyle, proper nutrition, motor activity, sleep.

Zotova A.A.

Best practices in the provision of services by volunteer organizations

Currently, the activities of non-profit organizations (NPOs) have a tangible social and charitable significance and allow solving many important social problems at the regional and national levels. Building effective communication interactions for NGOs plays a key role in the process of social integration and the development of civil society. In today's world, volunteer organizations play a key role in solving social and economic problems. The author of the paper wants to draw attention to the effectiveness of the influence of volunteer organizations on society as a whole. In this paper, we will consider the best foreign and domestic experience in the provision of services by volunteer associations from different countries.

Key words: non-profit volunteer organizations, charitable foundations, non-profit organizations, national economy, global and domestic volunteering practices, services of non-profit volunteer organizations.

Korobkina M.A.

Saratovtseva D.

Assessment Center: analysis of experience and application features in the organization of the transport industry

This article discusses the assessment center as one of the methods for assessing personnel at an enterprise of the transport industry.

The article analyzes the following aspects:

The concept and essence of an assessment center, the main assessment methods used in the methodology, the need for its application in modern enterprises.

The process of organizing and conducting an assessment center using the example of a Russian organization: a description of the stages of conducting an assessment center, its main goals, and the frequency of conducting it.

Recommendations for improving the assessment center in the organization under study: involving third-party expert observers, considering the possibility of conducting online assessment, defining and documenting a clear competency model.

The main attention is paid to the analysis of the assessment center methodology as an integrated approach to assessing personnel at a modern enterprise, which ensures competitiveness and the formation of a strong personnel reserve, with the help of which enterprises can quickly respond to changes in the market structure and competently rotate personnel.

A properly organized assessment center procedure allows for a comprehensive analysis of the professional and personal potential of employees, assessing not only their professional competencies, but also their soft skills – including communication skills, leadership qualities, creative thinking, etc. It ensures a high level of objectivity due to a systematic approach and multi-level assessment, which facilitates the integration of the assessment system into strategic personnel management. This allows for the formation of a personnel reserve that meets the current and future objectives of the company, strengthening its position through talent development and well-thought-out personnel decisions.

Key words: personnel management, transport sector, assessment center, assessment center, assessment methods, personnel assessment, employee development, talent pool, competitiveness.

Monahov O.N.

The development of legal competence among future social workers as a factor in the success of professional activities in a multicultural environment

The formation of a multicultural environment of Russian society is associated with the har-

monization of interethnic and intercultural relations, with the legal consolidation of equality of opportunities and guarantees of realization and the achievement of equality in the most important areas of public life. The processes of the formation of a multicultural environment are destabilizing not only xenophobia, nationalism, destructive information, stereotypes of monoculturalism, but also ignoring the problems of integrating migrants into Russian society. Solving the difficulties of adaptation and socialization of migrants is associated with the potential of social work, with the ability and willingness of a social worker to provide effective legal assistance. The purpose of the article is to study the theoretical prerequisites for the significance of the legal competence of social workers, to identify and justify a set of means and methods for its formation among future specialists in social work. During the study, content analysis of scientific publications was carried out, methods of theoretical modeling, synthesis, generalization and comparison were used. Based on the analysis of scientific literature, legal and pedagogical approaches to identifying the essence of legal competence are identified. The legal competence of a social worker is considered as a component of professional competence and is defined as the ability to provide legal assistance in solving social problems. Based on the social roles performed by the social worker, the structure and content of his legal competence includes social and legal subcompetence, administrative and legal subcompetence, communicative and legal subcompetence. The formation of legal competence among future social workers can be carried out by using professionally oriented legal tasks arising in the course of social work with migrants, and communication and legal trainings that form skills and skills of interaction with migrants, taking into account legal norms and rules of communication. Scientific novelty consists in identifying the structure and content of the legal competence of the social worker. A set of tools for the development of legal competence among future social work specialists has been substantiated, including the use of professionally oriented legal tasks of communication and legal trainings. The means of establishing legal competence considered in the article can be used to optimize the training of social work specialists.

Key words: social workers, migrants, legal competence, multicultural environment.

Ternovaya L.O.

Anthropology of happiness: common values and different manifestations

The article is devoted to the analysis of the multiplicity of manifestations of happiness in everyday life in different countries. It is shown that despite the constant expansion of the subject field of research into the phenomenon of «happiness», its everyday interpretation in all cultures is based on the simplest manifestations of everyday life and human immersion in nature. The perception of happiness is ahead of and guides the development of modern practices of frugal consumption or «slow life». Research in this area can help expand the toolkit of the integral approach, drawing the attention of specialists to the significance of happiness in the research process itself.

Key words: happiness, lifestyle, everyday life, understanding, economics of happiness, integral approach.

Tretyakov Ya.A.

Evolution of social institutions in a technocratic future

A socio-philosophical analysis of the evolution of key social institutions has been carried out in a technocratic future scenario where algorithms, artificial intelligence and biotechnology restructure the social fabric. The purpose of the study is to systematically reconstruct a possible trajectory of the transformation of social institutions (family, gender relations, parenthood, education, religion) under the influence of pervasive algorithmization and a biotechnological revolution. The object of the study is the processes of radical reconfiguration of classical social institutions under conditions of comprehensive digitalization and biotechnological transformation. Methods – an interdisciplinary approach (social philosophy, futurology, biopolitics, cognitive sciences) combined with the analytic extrapolation of technological, economic, and cultural trends. This synthesis made it possible to construct a unified scenario model that uncovers radical shifts in family-marital relations (algorithmic management of unions, digital contracts), the transformation of gender binarity under the influence of biotechnology and virtual embodiment, the transition to licensed parenthood and “designer offspring,” the personalization of education through AI mentors, and the conversion of religion into a dynamic digital ecosystem of individualized beliefs. Scientific

novelty – a comprehensive philosophical scenario of the evolution of social institutions (family, gender relations, parenthood, education, religion) under the impact of total digitalization and biotechnologization. For the first time within a single conceptual framework, the study systematically examines such aspects as algorithmically regulated family unions with “digital” marriage contracts, “designer offspring” and licensed parenthood, post-gender practices, the formation of virtual companions, and the digital re-interpretation of the religious sphere. The findings broaden our understanding of the possible socio-cultural consequences of deep integration of artificial intelligence and biotechnology into public life, identifying new ethical and legal challenges and offering directions for further interdisciplinary analysis.

Key words: technocratic future, social institutions, digitalization, artificial intelligence, biotechnology, family, parenthood, education, religion, gender relations.

Shteinberg A.G.

Prokofeva G.P.

The crisis of social identity in the structure of traditional values of Russian society

Today, once again in history, Russian society is facing a historic exis-tential choice caused by inherently revolutionary social transformations. This state of society is manifested by the crisis of social identity: it is necessary to re-plan, organize, regulate and nurture the unshakeable constants of the unity of society in the face of global challenges. Patriotism, as an obvious foundation of social identity and as a norm of behavior, does not have uniform, clear interpretations today, and as a result, it is losing its status as a traditionally unshakable norm and value. At the same time, the socio-managerial aspect of the problem is highlighted, when in the historical perspective there is a failure in the coordination, motivation, training and control of patriotic values of society in relation not only to large groups of people, but also to each citizen.

Key words: patriotism, social identity, courage, traditional values, identity crisis.

Shnaider Y.V.

Musabekov M.D.

Social mobility, social elevators, and their impact on the formation of the social and professional structure of society

The social processes of cybersocialization and cybermobility are revolutionizing the evolutionary model of the life path to success that has developed over centuries. Traditional mechanisms of social mobility, social elevators, recruitment channels, and career trajectories — once reflective of the social order of previous eras — are rapidly losing their ability to reproduce and exert a decisive influence on the formation of the social and professional structure of society.

Key words: paradigm, social processes, social mobility, social elevators, recruitment channels, career paths, social order, social and professional structure of society.

Авторы

Акимова В.С. - кандидат исторических наук, доцент. Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск.

Антипов М.А. - аспирант. Московский педагогический государственный университет.

Выскребцов Р.Ю. - соискатель, ФГКВОУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации.

Галуева А.К. - бакалавр, пианист /композитор/ музыкальный продюсер, номинант премии Грэмми.

Гаркуша В.М. - аспирант. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина», г. Краснодар.

Георгиевская Ю.В. - кандидат социологических наук, доцент. Астраханский государственный архитектурно-строительный университет.

Джерук Н.Л. - доцент. ФГБОУ ВО «Херсонский технический университет», г. Генчешк. ORCID ID: 0009-0000-5002-4404

Зотова А.А. - старший преподаватель кафедры рекламы, связей с общественностью и дизайна. ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова».

Иванов В.В. - студент. Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск.

Ильина О.И. - кандидат философских наук, доцент. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный федеральный университет». SPIN-код: 2330-8108

Кардашевский Я.М. - студент. Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова, Якутск.

Коробкина М.А. - кандидат социологических наук, доцент. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, факультет управления и психологии, кафедра управления персоналом и организационной психологии.

Куликова А.К. - доцент ВАК, профессор, Заслуженная артистка России. Московская государственная консерватория имени П.И. Чайковского.

Монахов О.Н. - кандидат педагогических наук, доцент. Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского.

Мусабегов М.Д. - аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Петрова С.И. - кандидат культурологии, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Прилепский В.В. - кандидат политических наук, доцент. Академия маркетинга и социально-информационных технологий, г. Краснодар.

Прокофьева Г.П. - кандидат философских наук, доцент. Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.

Родионов А.Н. - аспирант 2 курса. Российский государственный социальный университет.

Рыжов И.О. - аспирант. Автономная некоммерческая организация высшего образования «Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского».

Рязанцев А.А. - кандидат педагогических наук, доцент. Астраханский государственный медицинский университет.

Саратовцева Д. - магистр. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар, факультет управления и психологии, кафедра управления персоналом и организационной психологии.

Сунь На - старшая преподавательница. Хэйхэский университет.

Терновая Л.О. - доктор исторических наук, профессор, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ).

Третьяков Я.А. - советник Директора Ассоциации организаций в области недропользования «Национальная ассоциация пользователей недр», г. Москва.

Чжао Хуэйцин - доцент. Хэйхэский университет.

Чуланкина А.Д. - аспирант. АНО ВО Гуманитарный университет, г. Екатеринбург.

Шнайдер Ю.В. - аспирант. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Штейнберг А.Г. - кандидат социологических наук, доцент. Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск.

Authors

Akimova V.S., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk.

Antipov M.A., Graduate student. «Moscow Pedagogical State University».

Chulankina A.D., Postgraduate Student. University for Humanities.

Dzheruk N.L., Associate Professor. Kherson Technical University, Genichesk. ORCID ID: 0009-0000-5002-4404

Galueva A.K., Bachelor's degree, pianist/composer/music producer, Grammy Award nominee.

Garkusha V.M., Postgraduate student. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin", Krasnodar.

Georgievskaya J.V., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Astrakhan State University of Architecture and Civil Engineering.

Ilyina O.I., PhD in Philosophy, Associate Professor. Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Far Eastern Federal University". SPIN-code: 2330-8108

Ivanov V.V., Student. North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk.

Kardashesckii Y.M., Student. North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova, Yakutsk.

Korobkina M.A., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Kuban State University, Krasnodar, Faculty of Management and Psychology, Department of Personnel Management and Organizational Psychology.

Kulikova A.K., Associate Professor of the Higher Attestation Commission, Professor, Honored Artist of Russia. Moscow State Conservatory named after P.I. Tchaikovsky.

Monahov O.N., Candidate of pedagogic, Associate Professor of the Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky.

Musabekov M.D., Postgraduate Student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Petrova S.I., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor. Academy of marketing and socially-information technologies, Krasnodar.

Prilepsky V.V., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Academy of Marketing and Social Information Technologies, Krasnodar.

Rodionov A.N., 2nd year postgraduate student. Russian State Social University.

Prokofeva G.P., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor. Far Eastern State University of Communications, Khabarovsk.

Ryazantsev A.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Astrakhan State Medical University.

Ryzhov I.O., Postgraduate. The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Saratovtseva D., Magister. Kuban State University, Krasnodar, Faculty of Management and Psychology, Department of Personnel Management and Organizational Psychology.

Shnaider Y.V., Postgraduate Student, The Russian Presidential Academy of National

Economy and Public Administration.

Shteinberg A.G., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor. Far Eastern State University of Communications, Khabarovsk.

Sun Na, Lecturer. Heihe University.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Moscow Automobile and Highway State Technical University.

Tretyakov Ya.A., Advisor to the Director of the Association of Organizations in the Field of Subsoil Use “National Association of Subsoil Users”, Moscow.

Vyskrebtsov R.Y., Applicant, Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Zhao Huiqing, Associate Professor. Heihe University.

Zotova A.A., Russian Economic University named after G.V. Plekhanov.